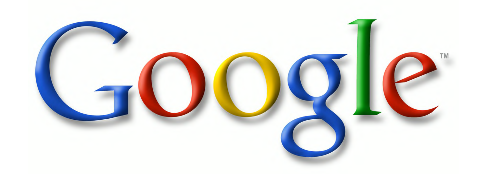

ЖИЗНЬ

И

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

КНЯЗЯ

АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Горскаго.

КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 14 Іюля 1857 года.

Ценсоръ *И. Лажечниковъ.*

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ЖИЗНЬ

и

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

князя

АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

КУРБСКАГО.

Стремленіе къ высшему духовному развитію, къ постоянному совершенствованію лежитъ въ самой природѣ человѣка, а потому и общество человѣческое не можетъ оставаться постоянно на одной и той же степени; слѣдовательно застой и мертвенность въ жизни народовъ не возможны. Дѣйствительно, мы видимъ, что каждый народъ проходитъ извѣстные фазы въ своемъ развитіи, мѣняетъ свои отношенія, свои понятія и, вмѣсто старыхъ, вноситъ въ свою жизнь новыя начала, болѣе сообразныя съ духомъ и требованіями эпохи и этимъ нововведеніямъ даетъ право гражданства. Но при такихъ перемѣнахъ, совершающихся въ народной жизни, осуществляется неизмѣнный историческій законъ, по которому всякая новая идея, являющаяся въ гражданскомъ обществѣ, должна выдержать борьбу съ началами, до нея господствовавшими. Слѣдовательно, водвореніе въ обществѣ новыхъ идей, въ замѣну преждедѣйствовавшихъ, не можетъ совершаться

мирно и быстро, потому что старое и новое начала, непріязненно сталкиваясь между собою, стремятся уничтожить другъ друга: идеи, прежде существовавшія стремятся удержать поле битвы за собою и на оборотъ идея новая усиливается войти въ жизнь народа и вытѣснить идею старую. Вслѣдствіе такого столкновенія между двумя противоположными началами происходитъ борьба, борьба жестокая на жизнь и смерть. И длится эта борьба до тѣхъ поръ, пока не падетъ идея старая, пока не восторжествуетъ новое начало. Этотъ переворотъ можетъ совершиться только тогда, когда общее мнѣніе будетъ противъ старой идеи, когда большинство признаетъ ее отживщею свой вѣкъ, безполезною для гражданскаго общества. Тогда-то, по законамъ неизбѣжной необходимости, она должна прекратить свое существованіе, уступить свое мѣсто началамъ новымъ, согласнымъ съ требованіями эпохи. Такъ бываетъ въ наукѣ, такъ бываетъ и въ политической жизни народа.

Эти переходныя времена, эти перевороты, совершающіеся въ жизни гражданскаго общества заслуживаютъ полнаго вниманія Историка, имѣютъ для него высокій интересъ: старый и новый порядокъ вещей находятъ себѣ представителей и защитниковъ, щедро одаренныхъ отъ природы дарованіями, нерѣдко геніальныхъ, и, въ лицѣ ихъ, вступаютъ въ борьбу между собою. Характеръ этой борьбы, открывающейся предъ глазами Историка, обусловливается обыкновенно характеромъ главныхъ дѣятелей: отъ нихъ зависитъ придать ей болѣе суровости или кротости, хотя и должно сознаться, что борьба за идеи бываетъ всегда жестока и упорна, какъ борьба за убѣжденія, которыми всего болѣе на свѣтѣ дорожитъ человѣкъ. Чтобы убѣдиться въ истинѣ этого стоитъ только припомнить исторію обращенія римской республики въ имперію, стоитъ припомнить исторію реформаціи: сколько

крови пролито, сколько замѣчательныхъ личностей выступаетъ на сцену въ томъ и другомъ случаѣ въ качествѣ защитниковъ стараго и новаго порядка! Возмемъ напримѣръ реформацію. Идея папской власти и папскаго всемогущества, встрѣтившая себѣ, въ слѣдствіе крестовыхъ походовъ и распространившагося просвѣщенія, сильную оппозицію въ ученіи Арнольда Бресчійскаго, Гусса и др. держалась твердо и побѣдоносно, потому что убѣжденіе въ незаконности ея притязаній, не было общимъ или убѣжденіемъ большинства, но удѣломъ не многихъ, сравнительно съ массою папскихъ сторонниковъ, лицъ. Отъ того-то и всѣ усилія ея противниковъ, какъ несвоевременныя, остались тщетными, послужили къ ихъ собственной гибели. Но, когда духъ неудовольствія проникъ въ большинство, Лютеръ, выступившій на арену борьбы, встрѣтилъ къ себѣ общее сочувствіе и увлекъ за собою большую часть западно-европейскаго населенія. Тогда-то оппозиція сдѣлалась и сильной и страшной. Не могло же и пасть такое колоссальное зданіе, какъ авторитетъ церкви римской, подъ ударами враговъ безъ сопротивленія; и выступили противъ Лютера многочисленные его защитники. Одной матеріальной силы въ этой борьбѣ недостаточно,-для успѣшнаго исхода ея нужна сила нравственная, всегда торжествующая надъ физическою силою: папской власти, для сохраненія своего достоинства и значенія, необходимо было возстановить свое прежнее вліяніе на умы народовъ. И вотъ, въ то самое время, когда на сѣверѣ Германіи возсталъ Лютеръ, въ Швейцаріи и Франціи явились Цвингли и Кальвинъ, въ это самое время на юго-западѣ Европы, въ католической Испаніи, является поборникъ папской власти, одаренный не менѣе своихъ противниковъ блистательными дарованіями, пламенно, фанатически преданный своему дѣлу. Поставивъ борьбу съ врагами римской церкви единственною цѣлью своей

жизни и дѣятельности онъ создаетъ силу, долженствующую поддержать падающее могущество папъ. Это былъ Игнатій Лойола, основатель ордена Іисуса. Такимъ образомъ сформировались двѣ враждебныя партіи и, едва только пришли въ соприкосновеніе ихъ противоположныя стремленія, вспыхнула жестокая тридцатилѣтняя война, въ конецъ опустошившая Германію и окончившаяся торжествомъ въ ней и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ земляхъ идеи реформаціи, по крайней мѣрѣ признаніемъ ея законности. Слѣдовательно, только послѣ упорной, долговременной борьбы идея реформаціи восторжествовала надъ папскою властью и въ западно-европейскомъ обществѣ получила право гражданства.

Подобныя же явленія, только не въ религіозномъ отношеніи, замѣчаемъ мы и въ Исторіи нашего Отечества. Были и у насъ свои переходныя эпохи, сопровождавшіяся сильными потрясеніями. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только посмотрѣть, какъ пришла Русь къ сознанію государственнаго начала. Въ первое время, по идеѣ родоваго быта, каждый членъ владѣтельнаго рода имѣлъ право на обладаніе извѣстнымъ участкомъ земли, на которую смотрѣли, какъ на собственность цѣлаго княжескаго рода. Вслѣдствіе этой идеи, долго на Руси господствовавшей, Русь, по смерти Ярослава В., раздробилась на столько независимыхъ, самостоятельныхъ княжествъ, сколько было членовъ владѣтельнаго дома. Съ увеличеніемъ числа этихъ членовъ увеличивалось и число участковъ и такимъ образомъ возникло множество отдѣльныхъ владѣній, въ которыхъ князья были полновластными государями, управляли, какъ имъ было угодно. Но все-таки была сила, нѣкоторымъ образомъ объединявшая эти разрозненныя части-это власть великокняжеская. Великій князь, какъ старшій въ родѣ, *былъ въ отца мѣсто* младшимъ, они должны были *ходить по немъ*. Это право старшинства

передавалось не по нисходящей линіи, а переходило въ линіи боковыя: обыкновенно, по смерти великаго князя, считался старѣйшимъ слѣдующій за нимъ братъ его, а сынъ великаго князя *молодшимъ*. Слѣдовательно, дяди имѣли старѣйшинство предъ племянниками. Мало по малу племянники начали домогаться старѣйшинства передъ дядями, возникла идея, что старшій племянникъ есть старшій братъ своему дядѣ, что слѣдовательно достоинство великокняжеское должно принадлежать ему. Эта новая идея нашла себѣ представителя въ Изяславѣ II Мстиславичѣ, а старое понятіе выставило защитникомъ своимъ Юрія Долгорукаго. Послѣ нихъ бореніе между двумя понятіями продолжалось и новая идея наконецъ восторжествовала и была шагомъ къ самодержавію и единодержавію. Осуществить эту послѣднюю идею суждено было владѣтелямъ ничтожнаго городка, младшей линіи дома Мономахова,—князьямъ московскимъ. Правда, много стеклось обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ возвышенію Москвы: иго монгольское, бѣдственное, повидимому, для Россіи, было силою, облегчившею московскимъ князьямъ собраніе Руси, помогалъ имъ силою своего духовнаго оружія и митрополитъ, престолъ котораго былъ перенесенъ въ Москву; но нельзя же не отдать должной справедливости уму московскихъ государей, ихъ рѣдкому умѣнью пользоваться обстоятельствами. Московскіе же князья утвердили порядокъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи. Этотъ новый порядокъ вещей, начавшійся со временъ героя Донскаго, до самаго Іоанна IV постоянно встрѣчалъ себѣ противодѣйствіе со стороны прежняго порядка, но удержался, потому что нашелъ себѣ сочувствіе и опору въ народѣ. Поэтому всѣ попытки, Юрія во время Василія Темнаго, дядей (1) Грознаго во время его малолѣтства, возстановить старину остались безуспѣшными, окончились уничиженіемъ самихъ злоумышленни-

ковъ и современники могли смотрѣть на ихъ стремленіе уже какъ на преступленіе ([2]). Такъ, послѣ долговременной только борьбы, могъ утвердиться порядокъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи.

Хотя, со временъ Димитрія Донскаго, и произошелъ важный переворотъ въ понятіяхъ о старѣйшинствѣ; всетаки Русь не была еще соединена въ одно цѣлое. Попрежнему дробилась она на нѣсколько княжествъ, владѣтели которыхъ продолжали враждовать другъ съ другомъ. Сосѣди пользовались этою враждою для своихъ выгодъ: Меченосцы захватили прибалтійскія земли, Литва отторгла отъ Россіи лучшія ея области, и, если бы не умъ, искусство и мужество московскихъ государей, безъ сомнѣнія поглотила бы и тотъ бѣдный остатокъ Руси Ярослава В., который сохранялъ еще свою независимость, Татары безнаказанно опустошали наше Отечество: вслѣдствіе разновластія оно не могло дать имъ сильнаго отпора. Наконецъ тяжкія бѣдствія убѣдили русскій народъ въ необходимости единодержавія. Опять и эту мысль сознали и привели въ исполненіе великіе князья московскіе. Вспомоществуемые покровительствомъ Татаръ, а всего болѣе своимъ умомъ, они собрали въ одно стройное цѣлое раздробленныя части Руси. Для этого имъ необходимы были физическія силы и вотъ въ московскихъ государяхъ мы видимъ ревностныхъ хозяевъ; одно за другимъ *примышляютъ* они новыя владѣнія къ своей отчинѣ; сборъ дани, предоставленный имъ ханами, обогащаетъ ихъ казну и такимъ образомъ даетъ имъ средства къ примысламъ. Дѣйствуя осторожно, избѣгая крутыхъ мѣръ, могшихъ ожесточить удѣльныхъ князей и соединить ихъ для отпора Москвѣ, государи московскіе усиливаются медленно, но за то вѣренъ успѣхъ ихъ: Димитрій Донской даетъ уже отпоръ Татарамъ на берегахъ Вожи, сокрушаетъ силы Мамая въ знаменитой Куликовской битвѣ.

Князья тверской и рязанскій должны признать его старшимъ братомъ. Такое могущество Москвы не отняло однако у князей удѣльныхъ возможности вредить ей: Москва только глава Россіи; остаются еще самостоятельные князья, которые, признавая московскаго главою и старшимъ братомъ, отнюдь не потерпятъ вмѣшательства Москвы во внутреннія дѣла ихъ княжествъ. И много битвъ выдержать, много препонъ нужно было преодолѣть Москвѣ, чтобы государи ея стали de facto единовластителями русской земли: князья готовы были скорѣе предаться Литвѣ или Татарамъ (³), нежели, покорившись московскому государю, поступиться стародавнимъ правомъ: быть полными, независимыми собственниками своихъ владѣній. Димитрій Донской долженъ былъ выдержать упорную борьбу съ Тверью, которой помогала Литва, и съ Рязанью; внукъ его, Василій Темный долженъ былъ бороться съ дядею за самый московскій престолъ, но, не смотря на всѣ несчастія своего правленія, оставилъ сыну своему, Іоанну III, Москву могущественною и грозною для сосѣдей. Причина такого исхода дѣлъ очень понятна: притязанія удѣльныхъ не находили уже себѣ болѣе въ народѣ сочувствія. Вотъ, почему Іоаннъ III такъ легко покорилъ своей власти сильную Тверь, вотъ, почему при сынѣ его такъ незамѣтно и безъ кровопролитія рушились послѣдніе удѣлы. Потомки нѣкогда самостоятельныхъ князей должны были стать въ ряды слугъ московскаго, приравняться къ его боярамъ.

За утвержденіемъ идеи единовластія должно было послѣдовать и окончательное утвержденіе идеи самодержавія. Нельзя не сознаться, что многія условія, если и не ограничивали, то по крайней мѣрѣ стѣсняли въ древней Руси власть княжескую. При частыхъ переходахъ князей изъ одного удѣла въ другой, изъ одного стольнаго города въ другой стольный городъ, при ихъ безпрерыв-

ной, часто родовой, враждѣ между собою, дружинники должны были пріобрѣсти важныя права. Они составляли ядро княжескаго войска и такъ какъ значеніе князя въ ряду прочихъ князей опиралось главнымъ образомъ на матеріальной силѣ; то, само собою понятно, князья должны были хлопотать о многочисленной дружинѣ. Заманивать же въ свою службу дружинниковъ могли они не иначе, какъ давъ имъ важныя права и преимущества. Когда бродячая жизнь князей кончилась, когда каждый изъ нихъ началъ заботиться о томъ, чтобы свои владѣнія закрѣпить за своимъ домомъ и усилить новыми пріобрѣтеніями, когда слѣдовательно родилось понятіе о частной, семейственной собственности, родилось стремленіе къ примышленію, то дружина опять была необходима, а потому и сохранила неприкосновенными свои права.

Эти права, стѣснительныя для княжеской власти были слѣдующія: 1) на Руси существовалъ обычай князю во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтоваться съ своею дружиною. Съ теченіемъ времени этотъ обычай совѣтовать князю перешелъ къ боярамъ; 2) князь долженъ былъ строго наблюдать старѣйшинство бояръ, не поручать должности старшему подъ младшимъ. Нарушивъ это онъ *наносилъ поруху* всему роду униженнаго. Тотчасъ возникали въ такомъ случаѣ споры между худороднымъ повышеннымъ и великороднымъ униженнымъ этимъ повышеніемъ. Оставлять этихъ споровъ безъ вниманія князь не могъ, потому что невнимательность его повлекла бы за собою смуты; наконецъ 3) въ случаѣ размолвки съ княземъ дружинникъ тотчасъ оставлялъ его службу и переходилъ на службу къ другому князю, часто заклятому врагу перваго. Этотъ переходъ не считался измѣною, не вмѣнялся въ преступленіе перемѣнившему службу, но былъ законнымъ правомъ боярина, какъ свободнаго человѣка. Это право было *право отъѣзда* и, пользуясь имъ, бояринъ

не слишкомъ боялся князя, не слишкомъ заискивалъ его расположенія, потому что, въ случаѣ неудовольствія, немилости князя, отъѣзжая къ другому не только не терялъ своихъ родовыхъ владѣній, но еще пріобрѣталъ новыя въ области того князя, къ которому переходилъ на службу. Напротивъ князь, отъ котораго отъѣзжалъ дружинникъ, терялъ очень много. Не имѣя права отнимать у отъѣзжика владѣній, находившихся въ его области, онъ долженъ былъ, такъ сказать, подавать оружіе на самаго себя: владѣя помѣстьями въ его области отъѣзжикъ легко могъ составить тамъ партію въ пользу своего новаго государя и такимъ образомъ, во время непріязненныхъ дѣйствій, ставилъ прежняго въ самое затрудиительное положеніе. Изъ этого открывается. что власть княжеская значительно стѣснялась привиллегіями дружинниковъ. Съ усиленіемъ Москвы особенныя права дружинниковъ начинаютъ исчезать одно за другимъ. Право отъѣзда первое перестало существовать. Такъ какъ подъ вліяніемъ, упомянутыхъ мною выше, обстоятельствъ княжество московское сдѣлалось могущественнѣе каждаго отдѣльно взятаго, то прочіе князья перестали принимать къ себѣ московскихъ отъѣзжиковъ, опасаясь навлечь на себя негодованіе сильнаго, всегда гибельное для слабаго. Съ паденіемъ Новгорода и удѣловъ при Іоаннѣ III право отъѣзда совершенно уничтожилось: внутри Россіи отъѣзжать было некуда, а отъѣздъ въ другія земли стали считать измѣною, слѣдовательно государственнымъ преступленіемъ. (4) Но, уничтоживъ право отъѣзда, Іоаннъ III уважалъ древній обычай бояръ совѣтовать князю, (5) уважалъ и мѣстничество и даже учредилъ приказъ для разбора мѣстническихъ дѣлъ. (6)

При сынѣ его, Василіи III, идея самодержавія обнаруживается рѣшительнѣе: онъ уже не слушаетъ непрошеннаго совѣта боярскаго и самъ рѣшаетъ всѣ дѣла. Еще

крѣпче стоялъ за самодержавіе Іоаннъ Грозный. Онъ составилъ себѣ высокое понятіе о царской власти, понятіе не на одной теоріи, но на историческихъ данныхъ, зрѣло обдуманныхъ, основанное. Онъ постигъ, что монархъ полный властелинъ своихъ подданныхъ, обязанный отдавать отчетъ въ управленіи государствомъ одному Богу, отъ котораго получилъ свою власть. Проникнутый такимъ убѣжденіемъ, онъ рѣшительно возстаетъ противъ права отъѣзда, обычая совѣта, старается ограничить вредное право мѣстничества. Но учрежденія, въ продолженіи многихъ вѣковъ дѣйствовавшія въ обществѣ, не могутъ исчезнуть вдругъ, не могутъ и новыя быстро привиться къ обществу, еще непонявшему ихъ пользы. Само собою ясно, что бояре, съ утвержденіемъ новаго порядка вещей, *изъ людей держащихъ землю* становившіеся въ простое отношеніе слугъ и подданныхъ не могли быть сторонниками Іоанна IV. Потомки еще такъ недавно самостоятельныхъ князей не забывали о своей единоплеменности съ московскими государями и, основываясь на понятіяхъ родоваго быта, полагали, что они должны быть не слугами, а только совѣтниками великаго князя, вмѣстѣ съ нимъ *держать Русскую землю*; теперь при водвореніи новыхъ понятій они должны были отказаться отъ своего убѣжденія. Но, я уже имѣлъ случай высказать, что старое не уступаетъ новому безъ борьбы. И вотъ, идея государственная, ясно обнаружившаяся при Іоаннѣ IV, должна была, прежде своего утвержденія, выдержать упорную борьбу съ юридическими родовыми началами. Эта борьба, явно начавшаяся въ царствованіе Грознаго, наполнившая собою все время правленія его, есть одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ Русской Исторіи: какъ старое, такъ и новое начала воплощаются въ двухъ знаменитыхъ личностяхъ-князѣ Андреѣ Михайловичѣ Курбскомъ и Іоаннѣ Грозномъ. Оба дѣятеля одарены блестящими даро-

ваніями, пламеннымъ характеромъ, оба увлекаются страстями, оба твердо вѣруютъ въ истину своихъ убѣжденій. Пылкость Грознаго, непреклонное упорство Курбскаго и людей, раздѣлявшихъ его убѣжденія, сообщили и самой борьбѣ мрачный, кровавый характеръ.

Цѣль настоящаго сочиненія изобразить значеніе Курбскаго въ нашей исторіи, а потому и личность его должна стоять здѣсь на первомъ планѣ. Вникая глубже въ образъ мыслей и дѣйствій этого человѣка мы ясно понимаемъ характеръ эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, предъ нами раскрывается причина казней Грознаго, мы понимаемъ, почему какъ Царь, такъ и Курбскій дѣйствовали въ томъ, а не въ другомъ духѣ, уясняемъ себѣ характеръ другихъ бояръ, въ это время дѣйствовавшихъ. Короче сказать, понимая характеръ и значеніе Курбскаго, мы усняемъ себѣ характеръ всей эпохи правленія Іоанна IV; мало того, уясняемъ причины смутнаго времени, послѣдовавшаго по пресѣченіи династіи Рюрика. Изъ этого видно, какъ изученіе личности Курбскаго важно для Историка.

Не принимая на себя смѣлости приписывать моему сочиненію полную самостоятельность скажу откровенно, что сочиненія Гг. Соловьева, Кавелина и другихъ знаменитыхъ дѣятелей на поприщѣ Отечественной Исторіи руководили меня. Планъ, который я предположилъ себѣ выполнить въ моемъ сочиненіи, слѣдующій: представивъ біографическія свѣденія о Курбскомъ, какія я могъ только собрать, изобразивъ при этомъ характеръ его какъ человѣка и человѣка государственнаго, показавъ что онъ принадлежалъ къ сторонѣ Сильвестра и вмѣстѣ съ нею отстаивалъ противъ Іоанна обычай совѣта, старинный порядокъ престолонаслѣдія, явился поборникомъ старинной политики Россіи, права отъѣзда, изложивъ краткую исторію каждаго изъ этихъ правъ и, по моему мнѣнію,

истинную причину бѣгства Курбскаго изъ Россіи, я перехожу къ критической оцѣнкѣ его сочиненій опять для доказательства того мнѣнія, что, какъ человѣкъ государственный, онъ былъ приверженцемъ стараго, отживавшаго свой вѣкъ порядка. Главное вниманіе я обращаю на тѣ изъ его сочиненій, которыя относятся къ Іоанну IV; прочія не такъ важны для моей цѣли. Посвятивъ отдѣльную главу разбору важнѣйшаго, по моему мнѣнію, сочиненія Курбскаго: «Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима», я повѣряю свидѣтельства Курбскаго нашими государственными актами, сказаніями лѣтописцевъ, современныхъ и позднѣйшнхъ иностранныхъ писателей. При разборѣ этого сочиненія я старался главнымъ образомъ рѣшить, въ какой степени достовѣрны: 1) обвиненія, взводимыя Курбскимъ на Іоанна III, Василія III и Іоанна IV; 2) свидѣтельство его о быстрой перемѣнѣ, совершившейся въ Іоаннѣ IV и состояніи Россіи, когда сторона Сильвестра захватила въ свои руки правленіе; 3) дѣйствительно ли былъ Іоаннъ слѣпымъ орудіемъ Сильвестра и Адашева; 4) какая была истинная причина перемѣны къ худшему, совершившейся въ Іоаннѣ и удаленія Сильвестра и Адашева; 5) судъ надъ Сильвестромъ и Адашевымъ, гдѣ рѣшаю вопросъ, дѣйствительно ли они, какъ утверждаетъ Курбскій, осуждены беззаконно; 6) казнь Владиміра Андреевича Старицкаго; 7) обвиненіе Іоанна въ смерти Св. Филиппа и Германа; 8) причину страшной казни, постигшей Великій Новгородъ. На эти пункты сочиненія Курбскаго обращено мною, при возможно точномъ и отчетливомъ разборѣ прочихъ частей, особенное вниманіе.

За тѣмъ я разсматриваю письма Курбскаго къ Іоанну и отвѣты послѣдняго и, очертивъ характеръ этой переписки, обращаю особенное вниманіе на тѣ мѣста ея,

которыя выказываютъ въ Курбскомъ защитника старины, а въ Іоаннѣ представителя новаго порядка вещей. Предисловіе Курбскаго къ книгѣ, называемой Новый Маргаритъ, важное потому, что онъ высказываетъ здѣсь свой взглядъ на эпоху Іоанна IV, на причины переворота въ государственныхъ отношеніяхъ Руси, совершавшагося предъ его глазами, не оставлено мною безъ надлежащаго разсмотрѣнія. Въ заключеніе я высказываю окончательный приговоръ о Курбскомъ и стараюсь показать ту точку зрѣнія, съ которой, по моему убѣжденію, нужно смотрѣть на него.

Вотъ краткое содержаніе моего сочиненія, вотъ тѣ положенія, которыя я стараюсь доказать въ немъ. Всѣ средства, доступныя мнѣ, были употреблены мною, все стараніе приложено, чтобы это сочиненіе имѣло хотя маленькое значеніе. Достигъ ли я своей цѣли, успѣлъ ли я выполнить, что задумалъ, пусть судятъ другіе. Я же могу сказать не обинуясь:

Quid potui feci, faciant meliora potentes!

I

Фамилія Курбскихъ занимала непослѣднее мѣсто въ ряду боярскихъ и княжескихъ родовъ, окружавшихъ престолъ московскихъ государей. Родоначальникомъ своимъ они считали потомка Владиміра Мономаха, Князя Ѳеодора Ростиславича, господствовавшаго сначала въ Можайскѣ, а потомъ, послѣ брака на дочери князя Василія Всеволодовича, внукѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго, получившаго удѣлъ ярославскій. (7) Внукъ Ѳеодора Ростиславича, Василій Давидовичъ, по прозванью Грозный, нѣсколько времени служилъ въ ордѣ, а потомъ княжилъ въ Ярославлѣ съ титуломъ великаго князя. Этотъ титулъ удержали и сынъ его Василій Васильевичъ и внукъ Ѳеодоръ Васильевичъ (8). Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ родоваго быта, княжество ярославское раздробилось на множество самостоятельныхъ владѣній. На сорокъ княжескихъ родовъ развѣтвился домъ Василія Грознаго. Отъ него произошли: Алабышевы, Безчестьевы, Моложскіе, Пенковы, Сицкіе, Темносиніе, Хворостинины, Ушатые и другіе. Въ числѣ его потомковъ были и Курбскіе (9), прозванные такъ по своей отчинѣ Курбѣ. (10). Князь Семенъ Ивановичъ, правнукъ Василія Грознаго, первый началъ носить эту фамилію (11). Когда Москва собрала русскую землю, когда удѣлы одинъ за другимъ

вошли въ составъ московскаго государства, Курбскіе, владѣтели небольшой отчины, разумѣется не могли остаться самостоятельными. И вотъ, мы видимъ правнука Василія Грознаго, князя Семена Ивановича Курбскаго, въ числѣ бояръ Іоанна III ([12]). На службѣ московской Курбскіе постоянно занимали видныя мѣста: или начальствовали въ ратяхъ, или сидѣли воеводами въ значительныхъ городахъ. Такъ, въ 1501 году, во время войны съ Литвой, князь Михайло Θедоровичъ Карамышъ былъ первымъ воеводою лѣвой руки нашего войска, а въ 1506 году, во время похода на Казань, командовалъ передовымъ полкомъ. Братъ его Семенъ Θедоровичъ во время похода противъ Смоленска, въ ноябрѣ 1513 года, былъ воеводою въ передовомъ полку ([13]). Михайло Θедоровичъ Карамышъ имѣлъ троихъ сыновей; старшій изъ нихъ Михайло Михайловичъ Курбскій служилъ Царю и Великому Князю въ санѣ боярина ([14]). Нѣкоторые изъ князей Курбкихъ запечатлѣли службу Москвѣ своею кровію. Такъ князь Владиміръ Михайловичъ палъ въ битвѣ съ Крымцами ([15]). Многіе изъ князей Курбскихъ отличались христіанскими добродѣтелями и славились военными дарованіями. Баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при Василіи III въ качествѣ посла императора римскаго, говоритъ въ своихъ запискахъ, что Семенъ Θедоровичъ Курбскій былъ героемъ на полѣ битвы и въ тоже время человѣкомъ въ высшей степени строгой и благочестивой жизни ([16]). Такими же свойствами отличался и Михайло Михайловичъ Курбскій, бывшій въ малолѣтство Грознаго однимъ изъ главнѣйшихъ воеводъ и дѣйствовавшій въ разное время противъ Казани, Крымцевъ и Литвы ([17]). Умирая онъ оставилъ сыновей Андрея и Ивана ([18]). Карамзинъ упоминаетъ еще объ одномъ сынѣ Михайла Михайловича, Романѣ ([19]); но ни въ Родословной Книгѣ, ни въ

Сказаніяхъ Князя Андрея Михайловича Курбскаго его нѣтъ.

Старшій сынъ Михайла Михайловича, Андрей Михайловичъ Курбскій родился въ 1528 году ([20]), слѣдовательно въ послѣдніе годы княженія Василія III Іоанновича. Послѣ самыхъ тщательныхъ изысканій все-таки остается неизвѣстнымъ, какъ и гдѣ провелъ онъ первые годы своей жизни. Въ первый разъ имя его упоминается въ Разрядныхъ книгахъ подъ 1549 годомъ. Мы не могли бы опредѣлить самаго времени его рожденія, еслибы, описывая въ одномъ изъ своихъ сочиненій казанскій походъ ([21]), онъ не упомянулъ, что ему было тогда 24 года отъ рожденія. Курбскій увидѣлъ свѣтъ въ то время, когда Москва оканчивала собираніе сѣверо-восточной Руси. Князья удѣльные и потомки ихъ одинъ за другимъ, волею или неволею, должны были становиться въ ряды слугъ московскаго князя. Ясно, какъ день, для насъ, что въ собираніи Руси князья московскіе преслѣдовали болѣе пользы государства, нежели выгоды личныя; иначе объясняли себѣ это дѣло удѣльные и потомки ихъ. Нѣтъ нужды доказывать, что потеря самостоятельности возбуждаетъ непріятное чувство въ подвергшихся этой невзгодѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ненависть къ виновнику потери. Вотъ, почему потомки удѣльныхъ князей были проникнуты ненавистью къ Москвѣ и ея государямъ ([22]), видѣли въ нихъ беззаконныхъ нарушителей стародавнихъ правъ, грабителей, кровопійцъ, которымъ не дорога была жизнь ближняго, если только смерть его влекла за собою значительныя выгоды ([23]). Сознаніе происхожденія отъ одного корня съ московскими князьями ([24]) еще болѣе усиливало эту вражду удѣльныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не унизительно ли было имъ, тоже потомкамъ Св. Владиміра, быть слугами и подданными тѣхъ, которыхъ они считали равными себѣ? Между тѣмъ при такихъ госуда-

ряхъ, какъ Іоаннъ III и сынъ его Василій III, нельзя было и думать о перемѣнѣ положенія. И должны были потомки нѣкогда самостоятельныхъ князей затаить въ сердцѣ эту ненависть къ Москвѣ, шедшую отъ отца къ сыну изъ рода въ родъ, должны были скрывать ее, потому что обнаруживаніе ея влекло за собою гибель. Конечно и отецъ Курбскаго и предки его раздѣляли это чувство истерявшей свои права, прожившейся удѣльной партіи. Итакъ, родившись въ семьѣ потомка бывшихъ удѣльныхъ владѣтелей, считавшаго родоначальникомъ своимъ Св. Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго, единоплеменнаго государямъ Московскимъ ([25]), имѣвшаго по старымъ понятіямъ, неоспоримое право обладать русскою землею, какъ собственностью цѣлаго рода княжескаго, Андрей Михайловичъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни, былъ поставленъ въ средѣ, непріязненной Москвѣ, съ самой ранней молодости внушена была ему ненависть къ ея князьямъ, съ самой ранней молодости внушены ему и тѣ притязанія, которыя составляли, такъ сказать, плоть и кровь лицъ, его окружавшихъ. И вотъ, возмужавъ, Курбскій выступилъ на арену государственной дѣятельности одушевленный, проникнутый этими несвоевременными требованіями. Государи московскіе, парализировавшіе, дѣлавшіе неисполнимыми эти притязанія, стали въ его глазахъ людьми, ни во что считавшими честь и узы родства, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на кровопійцъ искони ([26]); дѣянія Іоанна III и Василія III не были въ его глазахъ дѣяніями государей мудрыхъ, но подвигами грабителей своихъ подданныхъ ([27]), убійцъ, обагрившихъ свои руки въ крови единокровныхъ ([28]). Рожденный въ концѣ царствованія Василія III, Курбскій не могъ судить о духѣ ихъ правленія, какъ современникъ; такое мнѣніе было внушено ему его родителями, какъ разсказано было ему и то, что Іоаннъ III былъ

«зѣло любосовѣтенъ [29]». Благодаря такой настроенности, Курбскій видѣлъ въ Іоаннѣ IV одну только худую сторону, видѣлъ человѣка, въ которомъ сосредоточились всѣ дурныя склонности его предшественниковъ [30]. Да и не могъ Іоаннъ IV быть въ его глазахъ иною личностію, потому что происходилъ отъ злаго корня отъ жены злой и чародѣйки [31]. Это чувство къ Іоанну преобладало въ Курбскомъ, мѣшало ему видѣть въ Царѣ другія, болѣе отрадныя свойства. Среда, въ которой провелъ Курбскій свое дѣтство, не могла пропустить чрезъ себя инаго мнѣнія, а кто не знаетъ, какъ трудно отвыкать человѣку отъ предразсудковъ, внушенныхъ въ дѣтствѣ; на всю жизнь остаются они въ человѣкѣ и никакое послѣдующее образованіе, никакіе опыты не могутъ изгладить ихъ; всегда останется въ человѣкѣ вѣра въ нихъ, хотя и слабая и безотчетная.

Воспитаніе не могло развить въ Курбскомъ правильнаго взгляда на вещи, но природа не отказала ему въ гибкомъ и замѣчательномъ умѣ, въ блестящихъ дарованіяхъ. Образованіе его, хотя и не многостороннее, все-таки, по тогдашнему времени, было велико. Причина односторонности тогдашняго образованія лежала въ самой неразнородности его источниковъ. Свѣтская литература того времени была бѣдна, а потому главнымъ источникомъ образованія была, по преимуществу, литература духовная, слѣдовательно и направленіе образованія было духовное. Такова была образованность большинства, такова же была образованность и Курбскаго. Онъ обладалъ основательнымъ знаніемъ Церковной и Библейской Исторіи, Св. Писанія, зналъ отчасти и Византійскую Исторію. Эти познанія его выказались въ письмахъ его къ Іоанну и другимъ лицамъ, выказались и въ другихъ его сочиненіяхъ. Обязанности воеводы и государственнаго человѣка, лежавшія на немъ во время пребыванія въ Россіи, препят-

ствовали ему, какъ онъ самъ говоритъ, заниматься науками; но въ Литвѣ множество свободнаго времени дало ему возможность удовлетворить своей любознательности. Но и здѣсь особенное вниманіе обратилъ онъ на изученіе Св. Писанія, «воспитавшаго по душѣ его праотцевъ». (31) Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что любознательность его не ограничилась этимъ. Такъ, мы узнаемъ, что, во время пребыванія своего въ Литвѣ, онъ изучалъ этику и естественную философію Аристотеля; что, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, началъ онъ изучать латинскій языкъ, прилежно вникалъ въ грамматику и духъ этого языка и наконецъ «навыкъ ему»; (32) читалъ и переводилъ латинскихъ классиковъ, напримѣръ Цицерона, (33) переводилъ съ латинскаго на славянскій языкъ бесѣды Златоуста и нещадилъ никакихъ издержекъ для пріобрѣтенія книгъ. (34) Замѣчательно, что Курбскій старался даже постановить опредѣленныя правила для разстановки въ письмѣ знаковъ препинанія. (35) Правда, что эти правила заимствованы изъ языка латинскаго, но всетаки замѣчательна попытка примѣнить ихъ и къ русской рѣчи и та сознательность, съ которою Курбскій пользовался ими. Хотя напряженіе силъ, съ которымъ Курбскій занимался, во время своего пребыванія въ Литвѣ, науками, не было естественно въ немъ, хотя занятіе науками служило ему только для того, чтобы «между людьми тяжкими и зѣло негостелюбными не потребиться въ конецъ грустію»; (36) но и то дѣлаетъ уже честь ему, что онъ искалъ утѣшенія не въ шумныхъ забавахъ, а въ наукѣ и отрадно въ XVI вѣкѣ, не отличавшемся цивилизаціею, встрѣтить такого человѣка, отрадно особенно, потому что это служитъ живымъ доказательствомъ того, что и Русскіе не чуждались просвѣщенія.

Очень рано узналъ Курбскаго Іоаннъ Грозный и, можетъ быть, одинаковая страсть къ ученію книжному

сблизила этихъ замѣчательныхъ людей, послѣ сдѣлавшихся ожесточенными врагами; очень рано имя Курбскаго сдѣлалось и достояніемъ Исторіи. Его государственная дѣятельность началась въ Россіи съ 1549 года и, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, не прерывалась. При выступленіи Курбскаго на поприще службы отечеству отношенія къ Казани обращали на себя особенное вниманіе Іоанна IV. Казанскіе Татары постоянно враждовали съ Россіею: то признавали они себя ея данниками, то брались за оружіе и тревожили наши восточныя границы, являясь иногда и близь самой Москвы. Особенно опустошительны были набѣги ихъ въ малолѣтство Іоанна IV: весь сѣверо-восточный край Россіи до самаго Нижняго-Новгорода былъ опустошенъ этими хищниками. По словамъ одного лѣтописца бѣдствія, претерпѣнныя отъ нихъ Россіею были ужаснѣе бѣдствій нашествія Батыева. «Батый», говоритъ онъ, «какъ молнія протекъ землю Русскую, Казанцы же вовсе не выходили изъ предѣловъ ея и лили кровь христіанскую, какъ воду». ([37]) Занятые крамолами бояре «не двигали ни волоса въ защиту отечества, и по всей землѣ Русской были слезы, и рыданія, и вопль многъ» ([38]) Принявъ твердое намѣреніе утвердить спокойствіе и безопасность государства, Іоаннъ не могъ оставить безъ вниманія вредной Казани и съ нея-то начались его блестящія завоеванія.

Въ поводахъ къ войнѣ не было недостатка. Въ 1549 году умеръ царь Казанскій Сафа-Гирей и двухлѣтній сынъ его Утемышъ-Гирей вступилъ на престолъ. Въ томъ же году, отъ имени своего младенца-царя, Казанцы отправили пословъ въ Москву для мирныхъ переговоровъ, а вслѣдъ за ними послали гонцовъ и къ хану крымскому съ просьбою дать имъ, вмѣсто младенца Утемышъ-Гирея, какого-нибудь крымскаго царевича. Это новое коварство Казанцевъ показало, что прочный миръ съ ними дѣло невозможное. Въ думѣ боярской рѣшено было воевать

Казань и, въ генварѣ 1549 года, многочисленное войско русское, подъ предводительствомъ князя Дмитрія Бѣльскаго, выступило въ походъ. При войскѣ находился и самъ государь. Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, имѣвшій въ то время еще 21 годъ отъ роду, сопровождалъ государя въ званіи стольника и эсаула вмѣстѣ съ Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицы Анастасіи Романовны. ([39]) Неизвѣстно, отличился ли Курбскій въ этомъ походѣ; впрочемъ должно полагать, что онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе Іоанна, поручившаго ему послѣ похода постъ важный и трудный, требовавшій большой дѣятельности, большихъ соображеній, именно охраненіе юговосточныхъ предѣловъ Россіи: въ августѣ 1550 года, Курбскій былъ посланъ воеводою въ Пронскъ для отраженія предполагаемаго набѣга крымскихъ Татаръ. ([40]) Изъ Рязани Іоаннъ Грозный писалъ къ пронскимъ воеводамъ Якову Никитичу Измайлову и Михайлѣ Ѳедоровичу Сунбулову: «послалъ есмя въ Пронскъ воеводу своего, Князя Ондрея Михайловича Курбскаго, а какъ Князь Ондрей въ Пронескъ пріѣдетъ и вы бъ списки дѣтей боярскихъ Резанскихъ, которые были у васъ, отдали воеводѣ нашему князю Ондрею Михайловичу Курбскому, а тыбъ Михайло Сунбуловъ былъ за городомъ, а дѣла бъ еси нашего берегъ съ воеводою нашимъ, со Княземъ Ондреемъ Михайловичемъ Курбскимъ за одинъ, а которымъ дѣтемъ боярскимъ быти съ тобою и мы тѣхъ дѣтей боярскихъ имена и списки пришлемъ къ тебѣ часа того.» Этотъ указъ посланъ былъ 13 Августа 1550 года. ([41]) Такъ началось быстрое возвышеніе Курбскаго.

Безъ сомнѣнія личныя дарованія помогали Курбскому выдвинуться изъ толпы, но обстоятельства времени были таковы, что однихъ блестящихъ дарованій не было достаточно для возвышенія. Страшный московскій бунтъ 1547 года приблизилъ къ престолу Іоаннову двѣ замѣча-

тельныя личности: Сильвестра и Адашева. Оба они были взысканы Іоанномъ изъ ничтожества, оба награждены были полною его довѣренностію. Около нихъ собралась многочисленная партія, считавшая въ рядахъ своихъ множество знаменитѣйшихъ дѣятелей царствованія Грознаго. Нѣтъ сомнѣнія, что и нашъ Курбскій примкнулъ къ нимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно однихъ простыхъ соображеній и свидѣтельствъ Іоанна, въ истинѣ которыхъ сомнѣваться нѣтъ никакого основанія. Написанная Курбскимъ Исторія Іоанна можетъ быть названа адвокатскою рѣчью въ защиту этихъ двухъ лицъ. Все доброе, совершившееся въ правленіе Грознаго, онъ приписываетъ имъ и доказываетъ, что съ удаленіемъ ихъ начались бѣдствія Россіи. Сильвестра называетъ Курбскій «блаженнымъ мужемъ, поставившимъ Іоанна на стезю правую, Алексѣя Адашева, соединившагося съ Сильвестромъ во общеніе зѣло полезнымъ общей вещи и въ нѣкоторыхъ нравѣхъ подобнымъ ангеламъ». Общими силами они исправляютъ Іоанна, «творятъ праведный судъ какъ богатому, такъ и убогому, устрояютъ стратилатскіе чины какъ надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими,» награждаютъ заслуги каждаго по достоинству ([42]). По ихъ мановенію Россія какъ бы перераждается: одно за другимъ падаютъ предъ ея монархомъ царства Казанское и Астраханское; она ужасаетъ Крымъ и Ливонія, Польша и Литва смиряются предъ могуществомъ ея юнаго царя, окруженнаго сонмомъ мудрыхъ совѣтниковъ, искусныхъ полководцевъ ([43]). Съ другой стороны все перемѣнилось, когда Сильвестръ и Адашевъ, «мужи неповинные и святые, ни въ чемъ не согрѣшившіе предъ Іоанномъ», удалены были отъ дѣлъ царемъ, повѣрившимъ низкой клеветѣ ([44]). Вся вина Сильвестра, по словамъ Курбскаго, состояла въ томъ, что онъ обличалъ развратную жизнь Іоанна ([45]); и осуждены были Сильвестръ и Адашевъ безъ суда и правды и обезславлено

этимъ осужденіемъ имя русское ([46]). Называя, въ своихъ письмахъ къ Іоанну, преступленія, приписываемыя сторонѣ Сильвестра чистою клеветою, Курбскій грозитъ ему судомъ Божіимъ за преслѣдованіе этой партіи, и укоряетъ за ложное обвиненіе исповѣдника, «очистившаго душу его отъ нечистоты грѣховной, поставившаго его, яко чиста, предъ лицемъ Бога» ([47]). Курбскій называетъ Сильвестра «льстецомъ и коварцемъ»; но говоритъ, что вся хитрость его состояла въ исхищеніи Іоанна изъ челюстей мысленнаго льва, въ очищеніи души его отъ пороковъ, глубоко укоренившихся въ ней, и наконецъ пишетъ, что обвиненіе этихъ двухъ мужей въ смерти Анастасіи, въ намѣреніи возвести на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго, есть одна гнусная клевета, даже не заслуживающая оправданія, потому что дѣла громче трубы говорятъ за нихъ ([48]). Такимъ образомъ, въ своей «Исторіи Великаго Князя Московскаго о дѣлѣхъ» и въ своихъ письмахъ къ Іоанну, Курбскій является предъ нами адвокатомъ стороны Сильвестра. Всѣ поступки, которые могутъ бросить невыгодный свѣтъ на дѣйствія Сильвестра и его стороны Курбскій или вовсе преходитъ молчаніемъ или всячески старается оправдать. Разсказавъ на-примѣръ о чудесахъ Сильвестра во время московскаго пожара, повѣданныхъ отъ имени Божія и, признавая ихъ только мечтательными страхами, слѣдовательно ложными, Курбскій оправдываетъ Сильвестра тѣмъ, что эта выходка была сдѣлана съ доброю цѣлію: обратить Іоанна къ добродѣтели. «Какъ отцы», говоритъ онъ, «приказываютъ рабамъ обуздывать сварливыхъ дѣтей, ужасая ихъ мечтательными страхами, и такимъ образомъ, удерживать ихъ отъ сообщенія съ презлыми сверстниками; или какъ врачи, для излѣченія больнаго, вырѣзываютъ дикое мясо даже до здороваго тѣла, такъ и этотъ блаженный льстецъ (Сильвестръ) умыслилъ устрашить Іоанна мечтательными страхами, тѣмъ и

другимъ направляя его на стезю правды» ([49]). Но Курбскій забываетъ, что подобною выходкою Сильвестръ оскорблялъ Іоанна. Неподозрѣвая обильнаго запаса нравственной силы, хранившагося въ душѣ юнаго царя, Сильвестръ вздумалъ поступать съ нимъ, какъ съ неразвитымъ, сварливымъ ребенкомъ. Что Іоаннъ могъ понять и понималъ это, видно изъ его посланій къ Курбскому, и больно было ему, что подданные такъ смотрятъ на него. Съ другой стороны, подобный образъ дѣйствій Сильвестра былъ оскорбленіемъ самой святости религіи. Неужели, безъ страшной холодности къ религіи можно мечтательные страхи, которыми рабы пугаютъ упрямыхъ дѣтей, выдавать за чудеса отъ имени Божія? Это показываетъ только, что религія въ глазахъ Сильвестра была средствомъ для пріобрѣтенія вліянія на Іоанна и вліянія вовсе не для доброй цѣли, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Далѣе, объ извѣстной крамолѣ боярской во время болѣзни Іоанна, Курбскій вовсе не упоминаетъ. Онъ говоритъ, что, по возвращеніи изъ казанскаго похода, Іоаннъ занемогъ огненнымъ недугомъ–и только. Молчитъ Курбскій объ этой крамолѣ, потому что сторона Сильвестра и самъ Сильвестръ, выказали себя въ это время въ неблагопріятномъ свѣтѣ, какъ видно изъ другихъ источниковъ ([50]), а цѣль сочиненій Курбскаго–выставить Сильвестра и его партію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, хотя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что они хлопотали не о государственныхъ, а о боярскихъ выгодахъ.

Раскройте отвѣтныя письма Іоанна Курбскому и вы увидите, что Іоаннъ обвиняетъ его въ преданности сторонѣ Сильвестра. «Вы», говоритъ онъ, «съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ и попомъ Сильвестромъ хотѣли имѣть подъ ногами всю Русскую землю ([51]), хотѣли снять всю власть съ царя и, какъ пьяные, возшатались во время моей болѣзни, не желали служить сыну моему; а хотѣли

возвести на престолъ Владиміра Андреевича» ([52]). Короче сказать, изъ словъ Іоанна открывается, что въ большей части преступленій, въ которыхъ виновна сторона Сильвестра, и Курбскій не былъ чистъ. Слова Іоанна имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что и Курбскій, настаивая на невинность стороны Сильвестра, отвергая нѣкоторыя изъ обвиненій Іоанна, большую часть оставляетъ безъ опроверженія.

Доказавъ, что Курбскій былъ сторонникомъ Сильвестра, разсмотримъ другой вопросъ: рано ли онъ примкнулъ къ этой партіи? Надобно полагать, что это послѣдовало въ самомъ началѣ его политическаго поприща. Въ 1547 г., когда эта партія начала дѣйствовать, Курбскому было уже 19 лѣтъ; слѣдовательно онъ уже былъ въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ можетъ отличать выгоду отъ невыгоды. Самовластіе Василія III ясно показало боярамъ, чего они, съ теченіемъ времени, должны ожидать отъ его преемниковъ. И вотъ, они рѣшились предупредить ударъ и самихъ царей московскихъ поставить въ то положеніе, въ какое должны были стать роды боярскіе. Къ этой цѣли были направлены всѣ дѣйствія партій во время правленія Грознаго и послѣ его смерти; а въ смутное время, съ паденіемъ дома Годуновыхъ, въ правленіе Василія Шуйскаго и семи-боярщины, восторжествовали усилія бояръ, хотя и не надолго. По самому происхожденію своему, по самому своему воспитанію, Курбскій не могъ явиться противникомъ этого антигосударственнаго стремленія, а долженъ былъ стать въ ряды защитниковъ его. Курбскій велъ родъ свой, какъ и московскіе князья, отъ Св. Владиміра и еще свѣжо было преданіе, когда его предки были государями самостоятельными. Никогда не забывая этого, могъ ли Курбскій раздѣлять убѣжденіе Василія III и Іоанна IV, что потомки независимыхъ владѣтелей должны стать къ московскимъ государямъ въ простое отношеніе слугъ и под-

данныхъ. Между тѣмъ, при торжествѣ идеи государства, начинавшей проникать русское общество, подобная перемѣна отношеній должна была неизбѣжно послѣдовать. И недолженъ ли былъ Курбскій, вмѣстѣ съ другими боярами, изо всѣхъ силъ стараться въ самомъ зародышѣ подавить это, невыгодное для него и другихъ, государственное начало? Раздумывать, взвѣшивать возможность успѣха и неудачи было некогда, нужно было спѣшить дѣйствовать, потому что Іоаннъ мужалъ физически и нравственно.

Не могу при этомъ умолчать, что Курбскіе отличались наслѣдственнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ. Дѣдъ нашего Курбскаго, Князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, старался противодѣйствовать разводу Василія III съ Соломоніею, подвергся царской опалѣ и, до самой смерти, былъ удаленъ отъ двора ([53]). Въ отвѣтѣ своемъ на первое письмо Курбскаго, Іоаннъ обвиняетъ дѣда его Михайла Карамыша въ томъ, что онъ замышлялъ, съ Андреемъ Углецкимъ, измѣну Іоанну III, обвиняетъ даже отца нашего Курбскаго въ намѣреніи отравить Василія III, говоритъ, что Михайло Тучковъ, дѣдъ Андрея Курбскаго со стороны матери, при смерти Елены „многія надменныя слова изрече.“ ([54]). Факты, приводимые Грознымъ въ доказательство врожденной склонности Курбскаго къ измѣнѣ, тѣмъ болѣе вѣроятны, что Курбскій оставляетъ ихъ безъ опроверженія, тѣмъ болѣе не выгоднаго для него, что онъ старается опровергать всѣ прочія обвиненія, взводимыя на него Грознымъ. Въ пользу словъ Іоанна Грознаго говоритъ еще одно обстоятельство. Въ сочиненіяхъ Курбскаго дѣйствительно проглядываетъ особенная ненависть къ Іоанну III, Василію III и Іоанну IV. Двое первыхъ, по его словамъ, злой корень, который не могъ произвести никакого другаго плода, кромѣ развратнаго Іоанна IV. Мы уже видѣли, какими эпитетами надѣляетъ Курбскій Іоанна III и Василія III; а понятно, что, ненавидя дѣда и отца Іоанна VI,

онъ не могъ быть расположенъ къ сыну, наслѣдовавшему и развившему отцовскія понятія. Ясно, что, видя въ Іоаннѣ семя злое, не одобряя его плановъ, Курбскій долженъ былъ примкнуть къ сторонѣ Сильвестра, «хотѣвшей имѣть подъ ногами всю Русскую землю и снять съ царя всю власть» ([55]).

Не могъ Курбскій колебаться въ выборѣ между царемъ и партіей Сильвестра и сталъ въ ряды ея съ самаго начала своей государственной жизни. Сильвестръ и Адашевъ, захвативъ въ свои руки правленіе, разсказываетъ намъ Курбскій въ своей Исторіи Іоанна, замѣстили должности при войскѣ искусными полководцами, окружили Іоанна добрыми совѣтниками, поручили областное управленіе хорошимъ правителямъ. ([56]) Эти посты въ государствѣ они, безъ всякаго сомнѣнія, ввѣрили своимъ приверженцамъ—необходимое условіе удержать власть за собою. Для доказательства этого посмотримъ, какъ дѣйствовали партіи въ малолѣтство Грознаго. Каждая изъ нихъ, удаляя отъ дѣлъ противниковъ, старалась должности при дворѣ, по областямъ и при войскѣ замѣстить своими приверженцами, людьми ея интересамъ вполнѣ преданными. Не соблюдай только партія этихъ условій и гибель ея будетъ неизбѣжна, и господство ея будетъ кратковременно. Отъ чего пала партія Бѣльскихъ? Отвѣчаю: она не замѣстила всѣхъ постовъ государственной службы своими приверженцами, не отняла у враговъ своихъ, Шуйскихъ, вліянія на дѣла. Этотъ примѣръ былъ въ свѣжей памяти у Сильвестра и Адашева. Вотъ какъ, по свидѣтельству самаго Курбскаго, поступили они: «собираютъ къ нему» (Іоанну), пишетъ Курбскій, «мужей разумныхъ и совершенныхъ въ старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по все-

му искусныхъ». Курбскій говоритъ далѣе, что Сильвестръ и Адашевъ такъ усвоили этихъ избранныхъ въ дружбу Іоанну, что онъ ни на что не рѣшался безъ ихъ совѣта и что должности при дворѣ и войскѣ были заняты лицами, избранными также Сильвестромъ и Адашевымъ, которые осыпали храбрыхъ и достойныхъ наградами, удаляя отъ двора паразитовъ и другихъ людей, недостойныхъ и неспособныхъ (57). Дѣйствительно, Сильвестръ имѣлъ большое значеніе (58). Знаемъ, что Іоаннъ поручалъ ему испытывать способности и свойства каждаго, предназначаемаго для службы государственной и что признанный отъ него недостойнымъ не получалъ и мѣста (59). Нѣтъ сомнѣнія, что Сильвестръ вполнѣ воспользовался такою огромною довѣренностію царя для выгодъ своей стороны. Само собою понятно, что Курбскій не могъ бы, не принадлежа также къ этой сторонѣ, такъ быстро возвыситься, потому что, по своему родству и связямъ, по своимъ отличнымъ дарованіямъ, онъ могъ быть для нея опаснымъ. Мы уже видѣли, что Курбскій, еще 21 года отъ роду, служитъ при дворѣ стольникомъ, а при войскѣ эсауломъ, что это было два года спустя послѣ московскаго пожара, когда партія Сильвестра была въ цвѣтѣ своей силы, когда царь, по собственному его признанію, былъ невольникомъ на тронѣ (60). Ясно, что Курбскій не могъ быть близокъ къ царю, еслибы не принадлежалъ къ сторонѣ Сильвестра и Адашева, которые, по словамъ Іоанна, «ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ хотѣніе свое улучиша». Принимая это во вниманіе, мы должны допустить, что Курбскій при самомъ началѣ своей служебной дѣятельности сталъ на сторонѣ Сильвестра и Адашева.

Послѣ этого отступленія, необходимаго для объясненія быстраго возвышенія Курбскаго на поприщѣ службы государственной, перейдемъ опять къ прерванной

нами біографіи его. Первый походъ противъ Казани не имѣлъ успѣха, но и не былъ, подобно прежнимъ, безплоденъ. По указанію Іоанна была основана, въ 32 верстахъ отъ Казани, крѣпость Свіяжскъ ([62]), и такимъ образомъ, Казанцы были стѣснены, и пресѣченъ путь ихъ вторженіямъ въ московскіе предѣлы. Намѣреніе Іоанна покорить Казань не охладилось отъ первой неудачи. Возвратясь изъ казанскаго похода, онъ началъ хлопотать о лучшемъ устройствѣ войска, и съ этою цѣлію, въ томъ же 1550 г., роздалъ въ окрестностяхъ Москвы помѣстья боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, чтобы, улучшивъ такимъ образомъ ихъ состояніе, имѣть право требовать отъ нихъ большей ревности къ службѣ и лучшаго вооруженія ратниковъ. Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, записанный въ число дѣтей боярскихъ первой статьи, получилъ 200 четвертей земли, обязавшись, какъ и всѣ прочіе, выводить въ поле опредѣленное число исправно вооруженныхъ ратниковъ ([63]).

Вскорѣ новыя опасности, угрожавшія Россіи, заставили Курбскаго опять надѣть ратный доспѣхъ: въ 1551 г. ожидали въ Москвѣ нападенія Казанцевъ и Крымцевъ. Армія русская заняла береговую линію. Правая рука, подъ начальствомъ Курбскаго, стала у Николы Зарайскаго. Но татары не показывались. Узнавъ, что берега Оки заняты русскимъ войскомъ, они быстро вернулись восвояси ([64]).

Эта тревога не прервала однако ревностныхъ приготовленій ко второму казанскому походу. Когда все было готово, весною 1552 г., на коломенскихъ лугахъ собралось 150,000 воиновъ, назначенныхъ противъ Казани. Правое крыло арміи ввѣрено было Курбскому и Щенятеву ([65]). Войско готово уже было выступить въ походъ, какъ вдругъ, 21 іюля, пришла вѣсть, что ханъ крымскій со всею ордою идетъ къ Москвѣ и стоитъ уже близъ Путивля. Повѣривъ слухамъ, что царя нѣтъ въ Москвѣ,

что все русское войско занято осадою Казани, Девлетъ-Гирей думалъ захватить Москву врасплохъ и устремился къ Рязани. Разувѣрившись въ истинѣ полученныхъ имъ вѣстей, узнавъ, что сильное войско, готовое къ бою, стоитъ въ Коломнѣ, онъ устремился къ Тулѣ и осадилъ ее. Іоаннъ тотчасъ отрядилъ большой полкъ, подъ начальствомъ мужественнаго князя Воротынскаго, и правую руку, подъ начальствомъ нашего Курбскаго и князя Петра Щенятева, на помощь стѣсненному городу (66). Вѣсть о приближеніи русскихъ войскъ устрашила хана. Онъ бѣжалъ въ степи. Приблизясь къ городу, Щенятевъ и Курбскій стали на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три часа до ихъ прихода былъ ханскій станъ (67). Тула была спасена; но дѣло этимъ не кончилось. Случай доставилъ Курбскому возможность отличиться. Отрядъ крымцевъ, болѣе нежели изъ 30,000 человѣкъ, грабилъ въ окрестностяхъ Тулы и, незная о бѣгствѣ хана, шелъ для соединенія съ нимъ; но, вмѣсто крымцевъ, встрѣтилъ русское войско. Имѣя не болѣе 15,000 воиновъ, князья Курбскій и Щенятевъ не уклонились отъ битвы, мужественно встрѣтили татаръ и разбили ихъ на голову. Въ этой жестокой битвѣ Курбскому изсѣкли голову и плечи (68). Побѣдители гнали крымцевъ до рѣчки Шевороны, гдѣ одержали новую побѣду надъ ними и освободили множество плѣнныхъ христіанъ (69).

Тяжкія раны не прекратили дѣятельности Курбскаго: спустя 8 дней послѣ битвы видимъ его уже снова въ полѣ. Согласно прежде принятому плану, Курбскому приказано было идти со ввѣреннымъ ему войскомъ къ Казани на Рязань и Мещеру (70). Онъ долженъ былъ прикрывать флангъ главной арміи отъ внезапнаго нападенія ногайскихъ татаръ. Путь, по которому Курбскій повелъ свой отрядъ, представлялъ множество трудностей. Вотъ что разсказываетъ намъ самъ Курбскій объ этомъ походѣ: «насъ послалъ тогда (царь) съ 13000 человѣкъ чрезъ Рязанскую

область, а потомъ чрезъ Мещерскую, гдѣ живетъ мордва. Потомъ, перейдя, втеченіи болѣе нежели 3-хъ дней, чрезъ мордовскіе лѣса, мы вышли на большое дикое поле и шли отъ него (царя) въ правой сторонѣ, въ 5 дняхъ ѣзды, потому что тѣмъ войскомъ, которое шло съ нами, мы заслоняли его отъ заволжскихъ татаръ (онъ боялся, чтобы княжата ногайскіе, не напали на него внезапно), и почти чрезъ 5 недѣль, потерпѣвъ много голода и нужды, дошли до большой рѣки Суры.» ([71]) Мѣстомъ соединенія всѣхъ войскъ назначено было поле за Алатыремъ. ([72]) Этотъ планъ былъ выполненъ, и 4 августа всѣ наши силы соединились на устьѣ рѣчки Борыша. ([73]) Отсюда Курбскій съ правою рукою войска двинулся далѣе, получивъ приказаніе идти по правую сторону государева полка. ([74]) Агуста 16 совершилась переправа русскихъ войскъ чрезъ Волгу противъ Свіяжска и они стали на лугахъ, на казанской сторонѣ. ([75]) Когда, 20 августа, полки двинулись къ Казани, Курбскому и Щенятеву приказано было стать ниже города за рѣкой Казанкой. ([76]) Вслѣдствіе этого приказанія правая рука заняла позицію подъ самыми стѣнами города, вверхъ по теченію Казанки, на тѣхъ самыхъ лугахъ, которые разстилаются на сѣверо-востокъ отъ кремля, между слободами Гривкою и Подлужною, до нынѣшней Нижней Ѳедоровской улицы. Станъ правой руки, занимавшій и нынѣшнюю деревню Игумново ([77]), находился на низкихъ и ровныхъ мѣстахъ, гдѣ были огромныя болота, существующія, хотя уже и не въ такомъ объемѣ, и донынѣ. Кремль, лежащій на чрезвычайно крутой, съ этого мѣста, горѣ, казался почти неприступнымъ. Кромѣ каменныхъ, Казань была окружена еще деревянною стѣною, построенною изъ огромныхъ дубовыхъ деревьевъ въ два ряда, набитою внутри хрящемъ и мусоромъ. Эта деревянная стѣна почти вездѣ имѣла въ толщину до $4^1/_2$ саженъ, и, въ свое время, при младенче-

ствѣ осаднаго искусства, считалась непреодолимою твердынею. Вотъ какъ отзывается лѣтописецъ о казанскихъ укрѣпленіяхъ: «городъ же Казань твердъ бяше паче мѣры, подобенъ каменной горѣ; стѣна дубовая рубленая въ цѣлыхъ древесѣхъ, а въ городнѣ сыпанъ илъ да хрящь». (78) Кромѣ сильныхъ укрѣпленій войску предстояло преодолѣть много и другихъ трудностей. Особенно затруднительно было положеніе праваго крыла осаждающихъ. Постъ, занимаемый Курбскимъ, былъ самый трудный и опасный: стоявшій на низкой, открытой мѣстности, отрядъ его долженъ былъ болѣе всѣхъ терпѣть отъ пальбы съ крѣпости, обстрѣливавшей все это пространство, а въ тылу у него находилась луговая черемиса. Оставаясь вѣрными Казани до самаго ея паденія, эти свирѣпые дикари часто тревожили своими набѣгами лагерь правой руки.

По распоряженію Іоанна, городъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ нашими укрѣпленіями, и всѣ средства къ сообщенію съ окрестными народами были отняты у казанцевъ. Сильно громили городъ русскія пушки. Жители должны были въ землянкахъ искать спасенія отъ ядеръ, летавшихъ въ городъ. Но стѣсненное положеніе не внушило имъ мысли о сдачѣ, и нужно было употребить серьезныя усилія, чтобы заставить ихъ покориться. Августа 29, Щенятевъ и Курбскій, не смотря на сильную пальбу съ крѣпости, поставили туры по берегу Казанки и стали за ними съ своимъ полкомъ (79). Но труды и опасности не уменьшились. Луговые черемисы отгоняли наши стада и безпрерывными набѣгами тревожили станъ отъ галицкой дороги. Курбскій ходилъ противъ нихъ и побилъ ихъ на голову; но, опасаясь безпрестанно новыхъ набѣговъ, всегда стоялъ насторожѣ и утомлялъ свой полкъ безпрерывною дѣятельностію: «цѣлыя ночи, пишетъ Курбскій, я не смыкалъ глазъ своихъ, охраняя ввѣренныхъ мнѣ людей и снарядъ» (80). Къ этимъ трудамъ и опасно-

стямъ присоединились еще бѣдствія естественныя: полкъ Курбскаго чрезвычайно много терпѣлъ отъ дождей, очень обыкновенныхъ здѣсь осенью. Безпрерывный ливень превратилъ низкую равнину въ одно огромное болото. Суевѣріе было общею болѣзнію XVI вѣка. Этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ гаданій и чаръ, вѣкомъ, въ который вѣра въ таинственныя силы природы, въ помощь злыхъ духовъ достигла высшей степени. Въ Стоглавѣ мы находимъ разныя постановленія противъ волшебства, церковныя наказанія, опредѣленныя волшебникамъ; встрѣчаемъ запрещеніе смотрѣть въ Аристотелевы Врата, Рафли и т. п. ([81]). Этой болѣзни не были чужды даже такіе люди, которые цѣлой головой были выше своихъ современниковъ, напримѣръ Іоаннъ IV и Борисъ Годуновъ. Но суевѣріе не было удѣломъ однихъ русскихъ. Не менѣе сильно было оно и въ западной Европѣ, гдѣ имъ заражены были даже замѣчательнѣйшіе люди того времени ([82]). Слѣдовательно это былъ общій недостатокъ тогдашняго общества. Вотъ почему Курбскій, при всемъ своемъ образованіи, явленія, совершившіяся по дѣйствію естественныхъ причинъ, объясняетъ чародѣйствомъ. Я сказалъ, что осенью дожди въ Казани дѣло очень обыкновенное. Но Курбскій видитъ въ этомъ дѣйствіе темной силы, помогавшей врагамъ христіанства. «Вкратцѣ», говоритъ онъ, «воспомянути достоитъ, яко они (т. е. татары) на войско христіанское чары творили и великую плювію наводили: яко скоро по облежанію града, егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такій дождь и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по

сторонамъ нѣсть, неточію по естеству аера (воздуха) случашеся». Потомъ описываетъ Курбскій, какъ исчезли чары поганскія. (83) Но мы не должны упрекать Курбскаго въ суевѣріи. Онъ только платилъ дань своему вѣку. Такъ лѣтописецъ не знаетъ, чѣмъ объяснить непонятную для него и, повидимому, внезапную перемѣну, совершившуюся въ Іоаннѣ, царѣ добромъ и мужественномъ, кромѣ чародѣйства какого-то лютаго волхва нѣмчина Олисѣя, увѣряя, что онъ «напустилъ на царя страхованіе и ненависть къ русскимъ людямъ» (84); также въ другомъ мѣстѣ лѣтописцы называютъ эту перемѣну «чуждою бурею, возшумѣвшею въ тишинѣ благосердія царскаго» (85).

Уже шесть недѣль длилась осада, а конецъ ея былъ еще далекъ. Нѣсколько разъ предлагалъ Іоаннъ пощаду жителямъ, давая имъ позволеніе выйти изъ города, куда угодно, съ женами и дѣтьми. Но они не хотѣли и слышать о сдачѣ: смерть на развалинахъ роднаго города предпочитали они жизни подъ властью иновѣрнаго, иноплеменнаго народа. Во многихъ мѣстахъ стѣны были до основанія сбиты нашею пальбою. Упорство казанцевъ заставило Іоанна рѣшиться на взятіе города штурмомъ. Наканунѣ Покрова собрались къ нему на военный совѣтъ воеводы и единодушно рѣшили: идти на другой день на приступъ. Каждому изъ нихъ указанъ былъ пунктъ, на который должно направить ударъ. Курбскому приказано было ударить въ Елбугины ворота (86), за которыми стоитъ нынѣ Пятницкая церковь, въ Засыпкиной улицѣ (87). Князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ долженъ былъ подкрѣплять его (88).

Сигналомъ къ начатію штурма долженъ былъ служить взрывъ подкопа. За два часа до зари приготовился Курбскій къ штурму и, когда, при восходѣ солнца, раздался взрывъ, онъ, устроивъ 12 тысячный отрядъ, ввѣренный ему, устремился къ высокой башнѣ, стоявшей предъ са-

мыми Елбугиными воротами. Безмолвно ожидали русскихъ казанцы; ни одна пуля, ни одна стрѣла не бороздила воздуха. Но, едва наши приблизились къ стѣнамъ на разстояніе лучнаго выстрѣла, какъ дождь, посыпались на нихъ стрѣлы и пули. Но шли русскіе воины впередъ, съ геройскимъ забвеніемъ смерти, приставили лѣстницы, сломили татаръ и овладѣли стѣною. Казанцы отступили, стали за Тезицкимъ рвомъ, но все еще бились крѣпко, оспаривая каждый шагъ земли. Выбитые отсюда превосходными силами русскихъ, они бросились въ царскій дворецъ и еще нѣсколько времени оспаривали побѣду. Видя наконецъ, что все потеряно, они вышли изъ дворца чрезъ заднія ворота въ числѣ еще 10,000 человѣкъ,-остатокъ страшный для русскихъ не числительною силою, а закоренѣлою ненавистію къ Россіи. Въ пылу сѣчи никто, кромѣ Курбскаго, не замѣтилъ отступленія татаръ. Курбскій могъ соединить около себя только 150 человѣкъ воиновъ, число ничтожное въ сравненіи съ непріятелемъ. Но не привыкъ онъ считать враговъ, и численное превосходство непріятеля не испугало его, какъ не испугало его на поляхъ тульскихъ двойное превосходство числа непріятелей. Съ своимъ маленькимъ отрядомъ онъ пресѣкъ бѣглецамъ дорогу, затруднялъ каждый шагъ ихъ, давая тѣмъ возможность главному войску разить съ тыла, и, подаваясь назадъ, сталъ наконецъ въ Сбойливыхъ воротахъ (гдѣ послѣ находилась церковь Св. Николая Тульскаго) (89). Здѣсь присоединились къ нему еще два полка и, при помощи ихъ, онъ успѣлъ остановить стремленіе враговъ. Передавъ своего царя князю Дмитрію Палецкому, казанцы начали прыгать со стѣнъ за городъ и направились къ стану нашей правой руки; но, встрѣченные сильною пальбою съ укрѣпленій, они поворотили влѣво, двинулись внизъ по берегу Казанки, разулись и перешли ее вбродъ. Курбскій сѣлъ на коня и, съ 200 всадни-

ковъ, обскакавъ татаръ, пресѣкъ имъ дорогу. Смѣло ударилъ онъ на непріятеля. Но татаръ было еще 5,000 и при томъ самыхъ отчаянныхъ. Дорого заплатилъ Курбскій за свою отважность. Послушаемъ, какъ разсказываетъ онъ о своемъ подвигѣ: «давши татарамъ, говоритъ онъ, немного отойти отъ берега, мы ударили на нихъ въ то время, когда заднiй конецъ ихъ отряда еще не успѣлъ выйти изъ рѣки. Цѣль наша была разрѣзать ихъ отрядъ на двое. Прошу, да не сочтетъ меня кто нибудь безумнымъ и самохваломъ! Я говорю чистую правду и не таю духа храбрости, даннаго мнѣ отъ Бога; притомъ же я и коня имѣлъ весьма быстраго и бодраго. Всѣхъ прежде я ворвался во весь этотъ бусурманскій полкъ, и помню то, что во время сѣчи, трижды оперся въ нихъ конь мой; а въ четвертый разъ, сильно раненный, повалился, вмѣстѣ со мною, въ срединѣ отряда ихъ, и больше, по причинѣ тяжкихъ ранъ, ничего не помню. Очнувшись чрезъ нѣсколько времени, я увидѣлъ, что надо мною, какъ надъ мертвымъ, плачутъ и рыдаютъ двое моихъ слугъ и двое другихъ царскихъ воиновъ. И увидѣлъ я себя обнаженнымъ, покрытымъ многими ранами; а жизнь моя уцѣлѣла, потому что на мнѣ была праотцовская броня, весьма крѣпкая; но всего болѣе хотѣла, чтобы было такъ, благодать Христа моего, который заповѣдалъ ангеламъ своимъ сохранить меня, недостойнаго, во всѣхъ путяхъ моихъ. Потомъ, уже послѣ я узналъ, что всѣ храбрые, которыхъ собралось уже было около трехъ сотъ и которые обѣщались вмѣстѣ со мною ударить на непріятеля, не бившись съ нимъ, отступили, или потому что нѣкоторыхъ изъ нихъ, бывшихъ впереди, татары сильно поранили, подпустя къ себѣ близко, или, можетъ быть, побоялись толщины полка; воротившись назадъ, они напали на враговъ съ тылу, и топтали ихъ. Чело же отряда непріятельскаго шло безпрепятст-

ѣенно чрезъ широкій лугъ къ великому болоту, гдѣ нѣтъ дороги для коней, а за этимъ болотомъ огромный лѣсъ. Потомъ, разсказываютъ, подоспѣлъ мой братъ, о которомъ я уже говорилъ, и который первый вошелъ на городскую стѣну, засталъ ихъ будтобы еще посрединѣ этого луга, и пустя коня во всю прыть, ворвался въ самое чело ихъ полка такъ мужественно, такъ храбро, что трудно было бы повѣрить, если бы всѣ не засвидѣтельствовали. Дважды проѣхалъ онъ сквозь непріятельскій отрядъ, рубя враговъ и обращаясь съ конемъ посреди ихъ. Когда же онъ врѣзался въ нихъ въ третій разъ, подоспѣлъ къ нему на помощь одинъ благородный воинъ, и вмѣстѣ поражали они татаръ. Всѣ, смотря на него съ города, дивились, а незнавшіе о выдачѣ царя думали, что это царь ѣздитъ среди татаръ. И такъ его изранили, что въ ногахъ у него было 5-ть стрѣлъ, кромѣ другихъ ранъ; но Божіею благодатію жизнь его была спасена, потому что броня была на немъ весьма крѣпкая. И столько онъ былъ мужественъ сердцемъ, что когда коня, находившагося подъ нимъ такъ изранили, что не могъ сдвинуться съ мѣста, то выпросилъ другаго у одного дворянина, служившаго у царскаго брата и, забывъ, нерадя о своихъ лютыхъ ранахъ, гналъ враговъ до самаго болота. И воистину имѣлъ я такого брата храбраго и мужественнаго, и добронравнаго, и притомъ весьма разумнаго, и во всемъ христіанскомъ войскѣ не было храбрѣе и лучше его; еслибы нашелся кто, Господи Боже, да былъ таковъ же! Особенно же я сильно любилъ его и, скажу по правдѣ, готовъ бы былъ положить за него душу свою и своею жизнію купить ему здоровье: потому что на другое лѣто онъ умеръ отъ этихъ лютыхъ ранъ (90)». Итакъ, въ день взятія Казани, Курбскіе цѣною крови купили себѣ имя героевъ.

По возвращеніи изъ казанскаго похода Іоаннъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, и никто не надѣялся на выздоровленіе его (91). Тогда-то произошла извѣстная крамола боярская, цѣлію которой было возведеніе на престолъ князя Владиміра Андреевича Старицкаго. Такъ какъ эта крамола была дѣломъ стороны Сильвестра, то и Курбскій, какъ членъ этой партіи, необходимо долженъ былъ принять въ ней участіе. Сторона Сильвестра хлопотала о поддержаніи началъ, господствовавшихъ на Руси до временъ Іоанна IV, слѣдовательно стояла за старину, поборникомъ которой является предъ нами и Курбскій. Раскройте его сочиненіе: «Исторія великаго князя Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима» и вы увидите, что всѣ силы употребляетъ Курбскій, чтобы доказать одну главную мысль: государство могущественно и благоденствуетъ только тогда, когда царь слушается добрыхъ совѣтниковъ, пока онъ управляется совѣтомъ и разсужденіемъ. Доказательства справедливости этого положенія онъ видитъ въ событіяхъ Іоаннова царствованія: до тѣхъ поръ, по его мнѣнію, былъ Іоаннъ въ чести и славѣ, пока слушался Сильвестра и Адашева, а удаливъ ихъ отъ себя, тотчасъ уклонился отъ милости и добродѣтели. Чтобы возвести свое положеніе на степень неопровержимой истины, Курбскій противополагаетъ блестящую эпоху Іоаннова правленія съ 1547—1560 г., эпоху дѣйствованія и силы стороны Сильвестра, мрачнымъ событіямъ второй половины его правленія, ознаменнованной ужасами казней, нашествіемъ иноплеменниковъ, уничиженіемъ Россіи, потому что царь удалилъ отъ себя сторону Сильвестра. Отсюда Курбскій выводитъ заключеніе, что, для собственной пользы и славы, для пользы и славы Государства, царь необходимо долженъ совѣтоваться съ боярами. Откуда же взялось у Курбскаго такое убѣжденіе?

Семена этого убѣжденія скрывались въ прошедшемъ времени. У насъ въ древней Руси существовалъ *обычай совѣта,* вслѣдствіе котораго князья во всѣхъ дѣлахъ должны были спрашиваться мнѣнія своихъ дружинниковъ. Составляя совѣтъ княжескій, дружина, вмѣстѣ съ княземъ, рѣшала всѣ дѣла, касающіяся мира и войны и управленія областью, ему принадлежащею. По сформированіи государства московскаго мѣсто дружины заняла Дума Боярская. Значеніе этой послѣдней было очень велико: здѣсь, подъ предсѣдательствомъ великаго князя, рѣшались дѣла войны и мира, опредѣлялись мѣры по управленію государствомъ. Если великій князь, умирая, оставлялъ малолѣтняго наслѣдника, то правленіе переходило совершенно въ руки Думы. Такъ было въ малолѣтство Димитрія Донскаго. Случалось, что Дума Боярская управляла государствомъ и при совершеннолѣтнемъ князѣ. Такъ было при слабомъ Іоаннѣ II. Этимъ обычаемъ совѣта бояре сильно дорожили, потому что онъ придавалъ имъ особенный вѣсъ въ государствѣ: чрезъ него дѣлались они людьми, вмѣстѣ съ княземъ, *держащими землю.* Такое же понятіе имѣли объ нихъ и сами князья. Умирающій Донской обратился къ окружавшимъ его смертное ложе боярамъ съ слѣдующею рѣчью: «вами въ бранѣхъ страшенъ быхъ и Божіею помощію низложихъ враги своя, и покорихъ ихъ подъ себе; съ вами великое княженіе вельми укрѣпихъ и державу отчины своея соблюдохъ, великую честь и любовь свою къ вамъ имѣхъ и подъ вами городы держахъ и великія власти, чада жъ ваша въ любви имѣхъ и никомужъ васъ зла сотворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни обезчестихъ, но всѣхъ чествовахъ и любихъ и въ чести велицѣй держахъ, радовахся и скорбѣхъ съ вами; выжъ не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей» [92]. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ князья постоянно увѣщевали своихъ преемни-

ковъ слушаться совѣта бояръ и воздавать имъ достойную честь. Такъ Симеонъ Іоанновичъ, въ духовной грамотѣ, писанной въ 1356 г., обращаясь къ братьямъ, говоритъ: «а лихихъ бы есте людей не слушали и хто имѣть васъ свàживати, слушали бы отца нашего владыки Олексѣя, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ» (93). Дмитрій Іоанновичъ Донской въ духовномъ завѣщаніи своемъ (1389 г.) говоритъ дѣтямъ: «бояръ же своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ дѣла коегождо, безъ ихъ думы ничтоже творите» (94). Далѣе, въ лѣтописяхъ, приводимыхъ у Татищева, подъ 1366 годомъ, читаемъ: «Князь же великій Дмитрій Ивановичъ совѣтоваше со княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми своими старѣйшими бояры, еже бы ставити градъ Москву каменный» (95). Или подъ 1368 годомъ: «Князь же Велики разумѣ, яко не добро его бояре о князѣ Михайлѣ совѣтоваша» (96). Изъ сказаннаго видно, что всѣ роды дѣлъ рѣшались князьями съ совѣта боярскаго; что князья не только сами совѣтовались съ ними, но завѣщали совѣтоваться и дѣтямъ своимъ; слѣдовательно, въ древней Руси обычай совѣта былъ въ полной силѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ московскіе князья успѣли сдѣлаться сильнѣйшими владѣтелями въ сѣверо-восточной Руси, мало по малу собрали къ Москвѣ удѣльныя княжества, съ тѣхъ поръ обычай совѣта, какъ непремѣнная обязанность князя, вслѣдствіе яснѣе понимаемой идеи самодержавія, начинаетъ уничтожаться, принимать значеніе одной только пустой формы. Но само собою понятно, что исчезнуть вдругъ, какъ и всякій другой обычай, онъ не могъ, что это исчезновеніе происходило постепенно. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что Іоаннъ III, заставлявшій трепетать предъ собою бояръ, внушавшій имъ такой страхъ, что даже во время обѣдовъ, когда онъ, разгоряченный виномъ, засыпалъ, бояре, во все время его дремоты, не смѣли отворить рта и, молча, съ трепетомъ

ожидали его пробужденія ([97]), этотъ Іоаннъ III во всѣхъ почти дѣлахъ совѣтовался съ боярами и безъ совѣта съ ними ничего не предпринималъ. Такъ, намѣреваясь вступить въ бракъ съ греческою царевною Софіею, онъ думаетъ объ этомъ съ своими боярами ([98]); такъ, оскорбленный Новгородцами (1471 г.), онъ объявляетъ боярамъ свое намѣреніе идти противъ Новгорода, «они же слышавше сіе, совѣтовали ему, упованіе положивъ на Бога, исполнить мысль свою надъ Новгородцы за ихъ неправленіе и отступленіе» ([99]). Часто въ правленіе Іоанна III бывали даже пренія въ Думѣ Боярской при рѣшеніи какого нибудь вопроса. Такъ во время нашествія Ахмата бояре въ Думѣ раздѣлились на двѣ партіи: одна совѣтовала отвратить нашествіе татаръ дарами, другая—отразить силу силою ([100]). Соблюдая обычай совѣта, Іоаннъ III допускалъ даже противорѣчіе своимъ мнѣніямъ и жаловалъ еще того, кто противорѣчилъ ему. Такъ Иванъ Берсень говоритъ Максиму Греку: «отецъ его (Василія III), князь велики, противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали» ([101]). Равнымъ образомъ и Курбскій хвалитъ Іоанна III за то, что онъ любилъ совѣтоваться съ боярами и ничего не предпринималъ безъ глубочайшаго и многаго совѣта ([102]). Но иначе и быть не могло. Какъ Іоаннъ III, такъ и предшественники его имѣли слишкомъ много враговъ, съ которыми должны были бороться. Внутри Россіи не произошло еще объединенія, а внѣшніе враги со всѣхъ сторонъ напирали на нее: Димитрій Донской борется съ ордою и Литвою за независимость, съ Тверью и Рязанью за гегемонію Москвы; Василій Темный принужденъ отстаивать свои права на великокняжескій престолъ отъ притязаній удѣльныхъ князей; Іоаннъ III во все время своего правленія долженъ былъ бороться съ ордою, старавшеюся напомнить Руси прежнее рабство, съ Новгородомъ, хотѣвшимъ

примкнуть къ Литвѣ, съ Тверью и Литвою и Польшею, покровительствовавшими ей; слѣдовательно, ему, а тѣмъ болѣе его предшественникамъ, еще рано было думать объ уничтоженіи стариннаго обычая спрашиваться совѣта боярскаго: уничтоживъ этотъ обычай, они возбудили бы къ себѣ нерасположеніе бояръ, охладили бы ихъ къ интересамъ Москвы; слѣдовательно, необходимымъ слѣдствіемъ несвоевременнаго уничтоженія обычая совѣта были бы крамолы, а при такихъ обстоятельствахъ московскимъ князьямъ трудно, даже, пожалуй, не возможно было бы выполнить свой планъ объединенія Руси. Итакъ, мы должны допустить, что настоятельная, существенная необходимость побуждала Іоанна III и его предшественниковъ не пренебрегать обычаемъ совѣта, а выполненіе этого условія заставляло бояръ преслѣдовать интересы князя, какъ свои собственные.

Въ Василіи III Іоанновичѣ замѣтно уже рѣшительное стремленіе дѣйствовать самостоятельно, не стѣсняясь боярскимъ совѣтомъ; слѣдовательно, образъ дѣйствій Василія III противоположенъ образу дѣйствій Іоанна III. Должно замѣтить, что и положеніе Василія было уже совсѣмъ иное, нежели Іоанна III. Василій Іоанновичъ наслѣдовалъ престолъ при самыхъ благопріятныхъ для усиленія княжеской власти обстоятельствахъ: Новгородъ, сильный торговлею и богатствомъ, прибѣжище враговъ Москвы, оружіемъ Іоанна III былъ обращенъ въ московскую провинцію; Тверь, находившаяся подъ покровительствомъ Литвы, опасная по предпріимчивости ея государей и приверженности къ нимъ народа, вошла тоже въ составъ московскихъ владѣній; значительная часть области князя рязанскаго была присоединена къ Москвѣ и хотя онъ и носилъ титулъ великаго, но былъ государемъ только по имени; и какъ онъ, такъ и другой князь Василій Шемякинъ Сѣверскій были въ полной за-

висимости отъ Москвы; иго татарское было свергнуто Іоанномъ III. Правда, на сѣверѣ, въ предѣлахъ московскихъ, оставалась независимою вольная община Псковъ т. е. удерживала, подъ верховнымъ покровительствомъ московскаго князя, свое древнее устройство; но эта самостоятельность была только особенною милостію московскихъ князей къ псковичамъ за ихъ постоянно неизмѣнную вѣрность и преданность. Но и самая тѣнь независимости Пскова, рязанскаго и сѣверскаго княжествъ была не по сердцу Василію III, уничтожена имъ, и такимъ образомъ положенъ конецъ раздробленію Руси. Итакъ, при Василіи III, мы видимъ въ Руси одно московское государство, которое поглотило всѣ прочія независимыя владѣнія. Тихо и незамѣтно совершилось это окончательное уничтоженіе удѣловъ; современники жалѣли объ участи Іоанна рязанскаго и Василія сѣверскаго, окончившихъ жизнь свою въ изгнаніи или темницѣ; но далѣе простаго сожалѣнія не простиралось ихъ участіе: современники скорбѣли объ нихъ только какъ о людяхъ, а не возставали противъ отнятія у нихъ владѣній, потому что поняли, что государство можетъ быть крѣпкимъ и сильнымъ только при единствѣ власти и внутренняго управленія. Вотъ самое лучшее доказательство, что учрежденіе, исполнивъ свое назначеніе, совершивъ свой кругъ, падаетъ легко и незамѣтно, не находитъ себѣ ни въ комъ сочувствія, потому что общественное мнѣніе противъ него. Итакъ, положеніе Василія III было далеко уже выгоднѣе положенія его отца. Единовластительствуя въ Руси, онъ могъ уже думать и объ уничтоженіи древняго обычая князей совѣтоваться съ боярами. Желая быть самодержцемъ въ полномъ значеніи этого слова, онъ хотѣлъ поставить бояръ въ отношеніе слугъ, обязанныхъ неотложно, безъ разсужденія исполнять придуманныя имъ мѣры. Онъ не терпитъ противорѣчія бо-

яръ—за это подвергаетъ ихъ наказанію. Берсень говорилъ Максиму Греку: «здѣсь у насъ старые обычаи князь велики (т. е. Василій III) перемѣнилъ. Государь деи упрямъ и встрѣчи противъ себя не любить: кто ему встрѣчу говоритъ, и онъ на того опаляется» ([103]). Эта же нерасположенность Василія выслушивать боярское противорѣчіе видна и изъ дѣла о разводѣ его съ Соломоніею: бояре, осмѣлившіеся въ этомъ случаѣ охуждать рѣшеніе Василія, были подвергнуты жестокому наказанію. Такъ князя Семена Курбскаго онъ «отогналъ отъ очей своихъ» ([104]),-наказаніе по тогдашнему времени самое жестокое; иныхъ заточилъ по темницамъ, другихъ предалъ казни ([105]). Мы имѣли бы полное право сомнѣваться въ этихъ свидѣтельствахъ, потому что они принадлежатъ людямъ, нерасположеннымъ къ Василію, еслибы иностанцы, бывшіе въ Россіи, не сообщали намъ того же. Баронъ Герберштейнъ такъ отзывается о Василіи III: «между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, нѣтъ ни одного, пользующагося значеніемъ на столько, чтобы осмѣлился въ чемъ нибудь противорѣчить или противиться его волѣ» ([106]). Василій не только не терпѣлъ противорѣчія со стороны бояръ; но и вовсе не хотѣлъ совѣтоваться съ ними, а, запершись самъ-третей у постели, рѣшалъ всякія дѣла ([107]). Слѣдовательно при немъ Дума Боярская потеряла прежнее значеніе. Разумѣется, такое положеніе дѣлъ не могло быть одобрено боярами. Они не могли представить себѣ князя безъ совѣтниковъ, а потому, превратившись изъ людей, вмѣстѣ съ княземъ, держащихъ землю, въ безгласныхъ, безотвѣтныхъ исполнителей его воли, конечно не могли они быть расположены къ Василію III. Они предрекали паденіе Россіи, потому что «великій князь старые обычаи перемѣнилъ, упрямъ, и не хочетъ, подобно отцу, старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловать, и старыхъ почи-

тать» [108]. Но, возстать открыто противъ Василія они не дерзали: возможность успѣха была сомнительна, а неудача влекла за собою тяжкое наказаніе; потому всѣ дѣйствія ихъ противъ него ограничивались однимъ только безсильнымъ ропотомъ, ни къ чему не ведущими пересудами въ четырехъ стѣнахъ и разными мелкими интригами. Терпѣливо выжидали они случая, когда удобно, безопасно и съ полною надеждою на успѣхъ можно будетъ обнаружить свои притязанія. Какъ сильна еще была въ это время старина видно изъ того, что она тяготѣла и надъ самимъ государемъ: стремясь дѣйствовать самостоятельно, онъ въ тоже время сбивался на прежнія понятія, потому что и самъ еще смутно, неопредѣленно сознавалъ идею государства, она еще не привилась и къ нему самому. Лучше всего доказываютъ это послѣднія слова его, обращенныя къ боярамъ; «вы же, бояре мои», говоритъ онъ, «с вами русскую землю держахъ» [109]. Такимъ образомъ онъ говоритъ боярамъ, что вмѣстѣ съ ними, т. е. по ихъ совѣту, правилъ Россіею. Слѣдовательно идея государства не была еще ясно сознана Василіемъ III, не сдѣлалась для него, какъ для его сына, плотію и кровію, и, дѣйствуя въ духѣ идеи новой, онъ вполагалъ, что продолжается еще старый порядокъ вещей. Это видно еще изъ того, что Василій III, подобно отцу, называетъ себя *отчичемъ и дѣдичемъ*, наслѣдственнымъ господиномъ своихъ владѣній, полагая, что правитъ Россіею, какъ отчиною, на тѣхъ же правахъ, какъ и удѣльный князь.

Но и неясное еще стремленіе къ самодержавію, обнаруженное Василіемъ III, должно было поселить въ боярахъ серьезное опасеніе за цѣлость ихъ правъ. Они рѣшились предупредить ударъ. По смерти Василія обстоятельства имъ благопріятствовали: Іоаннъ IV былъ младенецъ и умирающій Василій поручилъ боярамъ блюсти государство [110].

Но, вмѣсто того, чтобы общими силами, дружно отстаивать свои выгоды, бояре раздѣлились на партіи. Да между ними и не могло быть единодушія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть, изъ какихъ разнохарактерныхъ элементовъ сложилось боярство московское: оно составилось изъ старинныхъ московскихъ бояръ, изъ потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей, изъ бояръ удѣльныхъ княжествъ, слившихся съ Москвою и, наконецъ, изъ иноземныхъ выходцевъ. Непродолжительность существованія московскаго государства въ его тогдашнемъ видѣ не дала этимъ разнороднымъ элементамъ слиться въ одно тѣло. Отъ того-то и не удивительно, что бояре московскіе дѣлились на партіи, одна другой непріязненныя, хотя и стремились къ одной цѣли. Въ малолѣтство Грознаго попеременно дѣйствуютъ партіи: коренныхъ московскихъ бояръ, прожившихся удѣльныхъ князей и выѣзжанъ. Эти партіи свергаютъ одна другую, одна у другой вырываютъ кормило правленія. Тотчасъ по смерти великаго князя Василія III партія старинныхъ московскихъ бояръ, предводительствуемая любимцемъ вдовствующей великой княгини Елены, Телепневымъ-Оболенскимъ, овладѣла правленіемъ ([111]). Елена была только по имени правительницею государства, а на самомъ дѣлѣ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ Оболенскаго и его стороны. Противъ этой партіи выступили дяди юнаго царя, Юрій и Андрей Іоанновичи; они стремятся овладѣть московскимъ престоломъ, но умныя, энергическія мѣры Телепнева уничтожаютъ ихъ планы и злоумышленники заключены въ темницы ([112]). Такіе поступки господствующей партіи возбуждаютъ негодованіе прочихъ партій и, послѣ тщетной попытки, въ лицѣ Глинскаго, иноземныхъ выѣзжанъ свергнуть Телепнева и его сторону, Шуйскіе, представители удѣльной партіи, отравивъ Елену и умертвивъ Оболенскаго ([113]),

захватили правленіе въ свои руки. Но господство ихъ не было продолжительно. Самоуправство, корыстолюбіе и безразсудная жестокость Шуйскихъ возбудили общее негодованіе; а потому Иванъ Бѣльскій, на сторону котораго склонился и митрополитъ Даніилъ, успѣлъ уничтожить ихъ владычество. Въ лицѣ Бѣльскаго теперь захватила правленіе партія выѣзжанъ. Но въ рукахъ Шуйскихъ были сильныя средства, да и самъ Бѣльскій поступилъ чрезвычайно неосторожно, оставивъ свободу этимъ заклятымъ врагамъ своимъ. Вслѣдствіе такой излишней кротости господство Бѣльскаго, а съ нимъ вмѣстѣ и партіи выѣзжанъ, скоро кончилось: при помощи открытой силы Шуйскіе опять захватили въ свои руки власть и начали свое дѣло преслѣдованіемъ Бѣльскаго и его стороны. Такимъ образомъ партія истерявшихъ свои права удѣльныхъ еще разъ восторжествовала; но опять ненадолго. Всѣ опасались самовластія Шуйскихъ, поэтому противъ нихъ составился заговоръ, въ которомъ приняли участіе дяди государя, Юрій и Михайло Глинскіе. По ихъ внушенію Іоаннъ положилъ конецъ владычеству Шуйскихъ, казнивъ главнаго изъ нихъ князя Андрея, и правленіе перешло въ руки Глинскихъ. Такимъ образомъ съ паденіемъ Шуйскихъ опять, въ лицѣ Глинскихъ, начала господствовать партія выѣзжанъ; но владычество ея опять было кратковременно,—оно было уничтожено московскою боярскою партіею, къ которой примкнула и партія прожившихся удѣльныхъ князей. Само собою понятно, что, при такой безпрерывной смѣнѣ одной партіи другою, бояре не могли успѣшно отстаивать своихъ притязаній. Правда, всѣ эти партіи имѣли въ виду одну цѣль—держать землю вмѣстѣ съ царемъ, дать ему такое значеніе, чтобы онъ былъ только primus inter pares; но дѣло въ томъ, что каждая изъ нихъ, одержавъ верхъ, уничтожала всѣ результаты усилій партіи побѣжденной

и такимъ образомъ, выступая на политическое поприще, должна была вести дѣло сначала. Правда и то, что удѣльная и московская боярская партія наконецъ соединились, но было уже поздно: Іоаннъ мужалъ, а съ лѣтами развивалось въ немъ понятіе объ объемѣ его власти и объ отношеніяхъ къ нему подданныхъ.

Что касается до характера этой послѣдней партіи, извѣстной въ нашей исторіи подъ именемъ партіи Сильвестра и Адашева, то должно замѣтить, что она состояла изъ людей, вовсе не понимавшихъ современныхъ требованій государства, изъ людей устарѣлыхъ, составившихъ себѣ, въ интересахъ старины, самое нелѣпое понятіе о верховной власти, изъ людей, для которыхъ не были доступны великія идеи Іоанна Грознаго, которые себялюбивые расчеты ставили выше всего на свѣтѣ. Съ такой точки зрѣнія должны мы смотрѣть на эту партію.

Она открыла свои дѣйствія тѣмъ, что составила заговоръ съ цѣлію захватить власть въ свои руки и воспользовалась для этого народнымъ бѣдствіемъ ([114]). Вотъ какъ это было. Въ іюнѣ 1547 года вспыхнулъ въ Москвѣ пожаръ и большую часть города обратилъ въ пепелъ. Народъ былъ въ отчаяніи. Въ это-то печальное время заговорщики распространили слухъ, что Москва сгорѣла отъ чародѣйства Глинскихъ. Не смотря на очевидную нелѣпость этой молвы, народъ готовъ былъ всему вѣрить: во первыхъ, потому что ненавидѣлъ Глинскихъ, а во вторыхъ, потому что въ тогдашній суевѣрный вѣкъ отнюдь не казалось нелѣпымъ подобное обвиненіе. И вотъ вспыхнулъ страшный бунтъ. Умертвивъ дядю государева, Юрія Глинскаго, разъяренная чернь устремилась на Воробьевы горы, куда удалился юный царь. Заговорщики постарались внушить толпѣ, что Іоаннъ, самъ виновный въ народномъ бѣдствіи, скрываетъ у себя главныхъ злодѣевъ—бабку

свою Анну Глинскую и сына ея Михаила. Въ то время, когда Іоаннъ, слыша вопли неистовой толпы, трепеталъ за жизнь свою (115), въ эту критическую минуту предсталъ предъ нимъ Сильвестръ, «пришлецъ отъ Нова-Града Великаго» (116). Послушаемъ, какъ разсказываетъ о явленіи Сильвестра Курбскій: «и въ то время дивно бѣ, яко Богъ руку помощи подалъ отдохнути землѣ христіанской образомъ симъ: тогда убо (т. е. во время упомянутаго бунта черни), тогда, глаголю, пріиде къ нему (Іоанну) мужъ презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Нова-Града Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ, еще къ тому и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: невѣмъ аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе буйства его ради, и для дѣтскихъ, неистовыхъ его нравовъ умыслилъ былъ себѣ сіе» (117). Вѣрно въ этомъ разсказѣ только то, что Сильвестръ, уже прежде извѣстный Іоанну (118), явившись предъ нимъ въ эти страшныя минуты, сталъ внушать ему, что возмущеніе народное явный знакъ гнѣва Божія за грѣхи Іоанновой юности, и, чтобы впечатлѣніе было полнѣе, прибавилъ къ этому ужасновенія отъ имени Божія и прещенія Св. Писанія. Такимъ образомъ заговорщики всю вину общественнаго бѣдствія возложили на самогоже Іоанна и справедливость этого доказывали Св. Писаніемъ; слѣдовательно употребили во зло самую религію. И для чего? чтобы при ея содѣйствіи захватить власть въ свои руки. Оскорбляя религію, они оскорбляли и самаго Іоанна, оскорбляли вопервыхъ тѣмъ, что выказывали не слишкомъ высокое мнѣніе объ его умѣ, а во-вторыхъ тѣмъ, что, пользуясь набожностію его, самыя святыя чувства его обращали въ посмѣяніе. Вотъ какъ сторона Сильвестра начала дѣло возстановленія старины.

Бунтомъ и крамолою захвативъ въ свои руки кормило государственнаго управленія, замѣстивъ всѣ государственныя должности своими клевретами, сторона Сильвестра принялась за осуществленіе своихъ плановъ. Должно замѣтить, что она поступала въ этомъ случаѣ гораздо хитрѣе, гораздо искуснѣе всѣхъ прочихъ партій, дѣйствовавшихъ при Іоаннѣ Грозномъ; но все таки должно сказать, что она смотрѣла на Русь сквозь призму старинныхъ, родовыхъ началъ, не понимала переворота, совершавшагося предъ ея глазами въ жизни народа русскаго, не понимала Іоанна, считая его неспособнымъ, по недостатку ума, управлять государствомъ (119). Правда, что, по прекрасному выраженію Карамзина, Іоаннъ былъ несчастнѣйшимъ сиротою державы русской (120). Четырехъ лѣтъ остался онъ послѣ отца, осьми по смерти матери; бояре, окружавшіе его небрегли о немъ: слишкомъ занятые собственными интересами, они не имѣли досуга подумать о воспитаніи царственнаго сироты, и, предоставленный самому себѣ, Іоаннъ выросъ среди лишеній разнаго рода, среди крамолъ боярскихъ, потрясавшихъ государство. Не разъ долженъ былъ малютка-царь трепетать за собственную жизнь свою. Всѣ люди, къ которымъ съ любовью склонялось юное сердце Іоанна, были удалены отъ него (121). Бояре старались развить въ немъ только дурное, только тѣ качества, которыя составляютъ уничиженіе человѣческой природы: они развивали въ немъ жестокость, бездѣятельность и совершенное нерадѣніе о дѣлахъ государственныхъ. Какъ то, такъ и другое было съ ихъ стороны хитрымъ расчетомъ: партія, захватившая въ свои руки власть, могла жестокостію царя устрашать своихъ противниковъ, а пользуясь невнимательностію его къ дѣламъ государственнымъ, властвовать и дѣлать, что ей будетъ угодно. Дѣло шло успѣшно; до самаго московскаго по-

жара Іоаннъ только «гонялъ на мскахъ и христіаномъ проторы учинялъ» ([122]), а бояре, пользуясь этимъ, грабили Россію, «свирѣпствовали», по выраженію лѣтописца, «аки лвове» ([123]). Самовластіе ихъ возрасло до того, что не только они сами, но и рабы ихъ сдѣлались владыками Россіи и не менѣе господъ своихъ угнетали народъ: «людіе ихъ были, аки звѣріе дивіи до крестьянъ», говоритъ лѣтописецъ ([124]). Не было ни суда, ни расправы, никто не былъ увѣренъ въ собственности и личной безопасности ([125]). Результатомъ такого правленія были «слезы, и рыданіе, и вопль многъ по всей русской землѣ» ([126]). Но страданія народа не доходили до ушей Іоанна: онъ продолжалъ вести жизнь безпечную, веселиться съ своими сверстниками. Эта безпечность породила въ умахъ бояръ мысль, что Іоаннъ неспособенъ управлять государствомъ, и на этой мнимой неспособности его они основали свой планъ возстановленія обычая совѣта, возведенія его на степень права и обязательности для царя. Но дѣятельность ихъ была дѣятельностью запоздалою— для торжества ихъ убѣжденій нужно было воротить Русь назадъ, уничтожить нѣсколько пережитыхъ ею вѣковъ государственнаго развитія. Къ такой-то партіи примкнулъ Курбскій, примкнулъ, потому что старый порядокъ не могъ не быть въ его глазахъ выгоднѣе новаго.

Курбскій принадлежалъ къ числу людей, не понимавшихъ, а можетъ быть и не хотѣвшихъ понять, что застой въ жизни народа невозможенъ, что народъ постоянно развивается, идетъ впередъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно возникаютъ въ немъ новыя идеи, новыя потребности, между тѣмъ какъ старыя становятся ненужными, безполезными, а потому и выходятъ изъ круга общественной жизни, уступая мѣсто свое новымъ началамъ, которыя получаютъ право гражданства въ обществѣ, становятся его насущною потребностію. Важный переломъ,

приготовленный исторіею, совершался, современно Курбскому, въ жизни русскаго народа — переходъ родовой Руси въ государственную. По неизмѣнному историческому закону должны были теперь явиться двѣ стороны: приверженцы новизны и защитники старины. Курбскій, какъ мы уже видѣли, долженъ былъ стать и сталъ въ ряды послѣднихъ. Главною, задушевною его мыслью было возстановленіе обычая совѣта, сообщеніе этому обычаю обязательнаго для царя характера. Послушаемъ, что говоритъ онъ намъ объ этомъ: «Царь», пишетъ онъ, «добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ, и любяй совѣтъ, любитъ душу свою, а не любяй совсѣмъ исчезнетъ, понеже яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ совѣтомъ и разсужденіемъ» ([127]). Вслѣдствіе такого убѣжденія Курбскій полагаетъ для желающаго хорошо царствовать необходимымъ правило: «царю достоитъ быти, аки главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ, яко свои уды» ([128]) и, въ доказательство своего положенія, говоритъ, что если на небесахъ, по свидѣтельству Діонисія Ареопагита, безплотные ангелы управляются совѣтомъ и разсужденіемъ; то тѣмъ болѣе «царь, хотя и почтенный отъ Бога царствомъ, дарованій, которыхъ не дано ему свыше, долженъ искать не только у синклитовъ своихъ, но и у всенародныхъ человѣкъ, потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему, не по силѣ царства, но по правости сердечной. Убо не зритъ Богъ», заключаетъ онъ, «на могутство и гордость, но на правость сердечную и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ, добрымъ произволеніемъ» ([129]). Курбскій хвалитъ Іоанна III за то, что онъ былъ «зѣло любосовѣтенъ и ничего не предпринималъ безъ глубочайшаго и многаго совѣта» ([130]) и порицаетъ Василія III за то, что онъ не слушался совѣтовъ боярскихъ, называетъ его «великимъ,

паче же въ прегордости и лютости, княземъ», сравниваетъ въ его сатаною (фосфоросъ), мечтавшимъ погубить землю и море, поставить престолъ свой выше облаковъ небесныхъ и сравниться съ превышнимъ ([131]). Затѣмъ порицаетъ Курбскій монаховъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, называя ихъ «презлыми Осифлянами, всему злому потаковниками и угодниками мірскими» ([132]) за то вѣроятно, что они всегда держали сторону великихъ князей противъ бояръ, были поборниками идеи самодержавія, слѣдовательно сторонниками Василія III. Курбскій возстаетъ противъ извѣстнаго Вассіана, епископа коломенскаго, свергнутаго боярами, называетъ его «прелютымъ сыномъ дьявола» за то, что онъ далъ Іоанну IV совѣтъ— не имѣть при себѣ совѣтника мудрѣе себя ([133]). Этотъ полезный и благоразумный совѣтъ, который могъ дать только человѣкъ, преданный интересамъ царскаго дома, Курбскій

называетъ «силлогизмомъ сатанинскимъ», внушеннымъ самимъ дьяволомъ, ненавистникомъ рода человѣческаго, «гласомъ діяволимъ, всякія злобы, забвенія и презорства преполнымъ. Этимъ совѣтомъ», продолжаетъ Курбскій, «Вассіанъ пресѣкъ всѣ жилы человѣческаго естества и, желая отнять у него всю силу и крѣпость, всѣялъ безбожную искру въ сердце царя, покаяніемъ исправленнаго, и распространились по всей святорусской землѣ пожаръ и гоненіе, отъ которыхъ погибло безчисленное множество славныхъ людей и всенародныхъ человѣковъ» ([134]). За тѣмъ довольно удачно свидѣтельствами библейской исторіи онъ доказываетъ, что царь непремѣнно долженъ совѣтоваться съ своими синклитами и дѣлать то, что они укажутъ ему. «Забылъ ли еси, о епискупе!» говоритъ онъ, обращаясь къ упомянутому епископу Вассіану, «егда совѣтовалъ Давидъ со сигклиты своими, хотяще сосчитати людей израильскихъ, яко речено: совѣтоваша ему всѣ сигклитове да не сосчитаетъ, понеже

умножилъ Господь людъ израилевъ, по обѣщанію своему ко Аврааму, аки песокъ морскій, и превозможе, рече, глаголъ царевъ: сирѣчь не послушалъ совѣтниковъ и повелѣлъ считати людъ дани ради большія. Забылъ ли еси, что принесло непослушаніе сигклитскаго совѣта и яковую бѣду навелъ Богъ сего ради? Мало весь израиль не погибе, аще бы царь покаяніемъ и слезами многими не предварилъ. Запомнилъ ли еси, что гордость и совѣтъ юныхъ, а презрѣніе старѣйшихъ совѣту Ровоаму безумному принесло? И иная вся безчисленная во священныхъ писаніяхъ о семъ учащая оставя, вмѣсто тѣхъ шептаній, пребеззаконный глаголъ царю христіанскому, покаяніемъ очищену сущу, во уши всѣялъ еси». Наконецъ, обращаясь къ исторіи Россіи, говоритъ, что Іоаннъ III «былъ великъ и славенъ въ дальноконечныхъ странахъ», потому что любилъ совѣтъ, а что Іоаннъ IV убилъ сына, долгое время принужденъ былъ усмирять мятежи въ землѣ казанской, увидѣлъ пепелъ Москвы, помраченіе славы Россіи и своей собственной, потому что не сталъ слушаться совѣта своихъ мудрыхъ синклитовъ ([135]). Однимъ словомъ, Курбскій всячески старается доказать, что царь непремѣнно долженъ совѣтоваться съ боярами, что только при такихъ условіяхъ онъ можетъ быть твердъ на царствѣ, быть и грозою враговъ и отцемъ своихъ подданныхъ. Это убѣжденіе было достояніемъ всѣхъ вельможъ-родичей, стоявшихъ у престола Іоаннова, этимъ убѣжденіемъ дорожили они болѣе всего на свѣтѣ. Но, хлопотали они о возстановленіи стариннаго обычая совѣта не изъ заботы о благѣ отечества, а потому что ихъ выгоды того требовали: обычай совѣта, еслибы имъ удалось возвести его на степень права, придавалъ имъ огромное значеніе въ государствѣ; слѣдовательно въ основаніи ихъ стремленій лежали расчеты чисто корыстные.

Несвоевременно Курбскій и другіе, подобные ему люди, вздумали ратовать за старину—страшнаго противника встрѣтили они себѣ въ лицѣ Іоанна, который съ свѣтлымъ, глубокимъ умомъ соединялъ въ себѣ непреклонную волю. Ясно, что при такомъ противовѣсіи, при неуступчивости съ обѣихъ сторонъ должна была произойти кровавая, страшная борьба между Іоанномъ и приверженцами старины. Нашлись, безъ сомнѣнія, люди, которые взяли на себя трудъ передать Іоанну, въ какомъ духѣ дѣйствовалъ, по отношенію къ боярамъ, его отецъ. Да и самъ Грозный не могъ не понять, въ какія отношенія должны стать къ нему его подданные и, принятіемъ царскаго титула ознаменовавъ перемѣну прежнихъ отношеній, показалъ, что считаетъ себя государемъ въ томъ же смыслѣ, какой имѣло у римлянъ слово caesar, у византійцевъ – βασιλεύς. Въ отвѣтномъ посланіи къ Курбскому излагаетъ Іоаннъ свою теорію царской власти, теорію, основанную не на одномъ только отвлеченномъ мышленіи; но на историческихъ данныхъ, слѣдовательно на опытѣ минувшаго времени. Прислушаемся къ словамъ Іоанна. «Самодержавство русское» говоритъ онъ, «Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра Св., даже дойде и до насъ смиренныхъ скипетродержанія русскаго царствія: не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ якоже родихомся на царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ, свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ» ([136]). Вслѣдствіе этого Іоаннъ думаетъ, что всѣ подданные обязаны безпрекословно повиноваться волѣ его, какъ государя прирожденнаго и, согласно ученію св. писанія, исполнять всѣ его повелѣнія: «всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется: никая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена суть, тѣмъ же противляйся

власти Божію повелѣнію противится». Отсюда выводитъ онъ слѣдствіе, что противящійся ему, противится вмѣстѣ и Богу; стало быть есть отступникъ, а это самое тяжкое преступленіе. «Сіе», продолжаетъ Іоаннъ, «речено о всякой власти, еже убо кровьми и браньми пріемлютъ власть; но я не восхищеніемъ, не кровію сѣлъ на царство, а получилъ его по наслѣдству отъ прародителей и родителей моихъ; слѣдовательно, неповинующійся мнѣ, царю прирожденному, тѣмъ болѣе противится Богу» (137). При такомъ высокомъ понятіи о царской власти, какъ о власти, истекающей отъ Бога (138), Іоаннъ видѣлъ въ боярахъ не людей, держащихъ землю, имѣющихъ право говорить ему встрѣчу, но слугъ, обязанныхъ безпрекословно повиноваться ему, былъ убѣжденъ, что имѣетъ полное право жаловать и казнить ихъ, какъ своихъ холопей (139). Само собою разумѣется, требуя отъ бояръ безусловнаго повиновенія, Іоаннъ приходилъ къ тому заключенію, что они не должны имѣть притязанія на право совѣта, стѣснительное для верховной власти, несогласное съ ея достоинствомъ; всякій, притязавшій на это право, былъ въ его глазахъ измѣнникомъ, посягавшимъ на его права. «Се ли совѣсть прокаженная», говоритъ онъ, «яко свое царство въ своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли сопротивенъ разуму, еже не хотѣти работными своими быти владѣнну? и се ли православіе пресвѣтлое, еже рабы своими обладаему и повелѣнну быти? Русское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми своими царствы, а не бояре и вельможи» (140). Курбскій требуетъ, чтобы царь во всемъ совѣтовался съ боярами, а Іоаннъ утверждаетъ, что царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ руководствомъ: «если царь есть самодержецъ, то онъ непремѣнно долженъ управлять государствомъ по своему усмотрѣнію»—вотъ убѣжденіе Іоанна. «Како же и самодержецъ наречется», говоритъ онъ,

«аще не самъ строитъ?» Итакъ, по мнѣнію Іоанна, царь долженъ оставаться подъ опекою только на время малолѣтства, по достиженіи же имъ совершеннолѣтія опека должна кончиться: «въ нѣсколько лѣтъ», пишетъ онъ, «наслѣдникъ есть младенецъ, ни чимъ же есть лучше раба, но подъ повелительми и приставники есть до нарока отча. Мы же благодатію Христовою дойдохомъ лѣтъ нарока отча и подъ повелительми и приставники быти намъ непригоже» ([141]). Никто не имѣетъ права требовать отъ царя отчета въ дѣйствіяхъ,—одинъ Богъ судитъ его поступки: «кто убо постави», продолжаетъ Грозный, «судію и властеля надъ нами? Доселѣ русскіе владѣтели не истязуемы были ни отъ кого же, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни предъ кѣмъ» ([142]). Итакъ, по убѣжденію Іоанна, одна только царская власть должна имѣть значеніе въ государствѣ, все должно отъ нея проистекать и отъ нея зависѣть, потому что государство, въ которомъ нѣтъ единства власти, неминуемо должно пасть и погибнуть. Доказавъ это примѣромъ римской и византійской имперіи, Іоаннъ заключаетъ: «смотри же убо се и разумѣй, каково правленіе составляется на разныхъ началѣхъ и властѣхъ, понеже убо тамо быша царіе послушны эпархомъ и сигклитомъ и въ какову погибель пріидоша! Сія ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели пріити» ([143]). Сильвестръ противозаконно и ко вреду для государства стремился пріобрѣсти власть и значеніе, потому что, по мнѣнію Іоанна, «нигдѣ же не обрящеши, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому» ([144]). Доказавъ это византійской исторіею, Іоаннъ увѣряетъ, что духовенство не можетъ и не должно домогаться свѣтской власти: «когда», говоритъ онъ, «Богъ избавилъ израильтянъ отъ работы египетской, то одного Моисея поставилъ какъ бы царемъ и владѣте-

лемъ ихъ, Аарону же. брату его поручилъ только священство» (145). Однимъ словомъ, начитавшись библіи и римской исторіи, Іоаннъ хотѣлъ быть такимъ же царемъ на Руси, какими были въ Іерусалимѣ библейскіе цари Давидъ и Соломонъ, какимъ былъ въ Римѣ Августъ, а въ Царѣ-Градѣ Константинъ и Ѳеодосій В. Вполнѣ убѣжденъ былъ Іоаннъ въ пользѣ для Россіи этого новаго порядка вещей и въ неизмѣримомъ превосходствѣ его предъ старымъ. Приводя, въ подтвержденіе своего убѣжденія, слова апостола Павла онъ сравниваетъ древнюю и новую Русь съ ветхимъ и новымъ завѣтомъ: «и аще», говоритъ онъ, «якоже вмѣсто креста обрѣзаніе тогда (т. е. въ ветхомъ завѣтѣ) потребно бяше, тако и вамъ, вмѣсто царскаго владѣнія, потребно самовольство. Тщуҗеся со усердіемъ люди на истину и свѣтъ поставити, да познаютъ единаго Бога и въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, имиже царствія растлѣваются: аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злое творити междоусобными браньми и самовольствомъ» (146). Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ заключается самое высокое понятіе о царской власти: истина и свѣтъ для народа да познаетъ онъ Бога и отъ Бога даннаго ему государя. Кромѣ государственнаго смысла эти слова имѣютъ еще смыслъ историческій: неужели новый порядокъ вещей, при которомъ раздробленная Русь сплотилась въ одно цѣлое, приводилась къ сознанію единства при единомъ царѣ, при которомъ явился порядокъ и смолкли усобицы, столько вѣковъ раздиравшія русскую землю, неужели этотъ новый порядокъ вещей хуже прежняго времени, ознаменнованнаго одними кровавыми распрями и нестроеніями, едва не погубившими Россіи?

«или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными браньми и самовольствомъ». Это сознаніе своего царскаго достоинства, это высокое понятіе о своей власти, понятіе, полезное до очевидности, внушило Іоанну мысль управлять государствомъ, не спрашиваясь совѣта боярскаго. Но тѣмъ не менѣе эта мысль должна была вызвать сильное противодѣйствіе со стороны бояръ, ревнительныхъ къ своей прежней силѣ, своему прежнему значенію. Іоаннова идея царской власти была новизною, рѣшительно противоположною ихъ задушевнымъ убѣжденіямъ.

Теперь посмотримъ, какія мѣры употребила сторона Сильвестра, чтобы эти убѣжденія бояръ восторжествовали надъ убѣжденіями царя-нововводителя. Должно сознаться, что дѣйствовала она чрезвычайно хитро. Начала она съ того, что Іоаннъ раскаялся во грѣхахъ своихъ ([147]). Сильвестръ сначала ограничился только тѣмъ, что поучалъ царя св. писанію и христіанскимъ добродѣтелямъ и, по собственному своему признанію, Іоаннъ повиновался ему, какъ достойному служителю Божію, въ колебаніи и невѣдѣніи ([148]). Мало по малу Сильвестръ началъ предписывать царю законы въ самой домашней его жизни, назначая ему время покоя, дѣятельности и молитвы, дѣлая строгіе упреки за нарушеніе этихъ правилъ, и царь терпѣливо сносилъ все это, полагая что такое утѣсненіе дѣлается «дивныя ради пользы, а не лукавства ради» ([149]). Довѣренность Іоанна къ Сильвестру возрасла до такой степени, что ни одинъ изъ государственныхъ сановниковъ не получалъ должности прежде, нежели умъ и нравы его были испытаны Сильвестромъ. До насъ дошелъ одинъ актъ, который мы и приведемъ въ доказательство своихъ словъ. Вотъ онъ: «государю преосвященному Макарію митрополиту всея Руси и всему освященному собору, Благовѣщенскій попъ Селиверстишко

ко челомъ бьетъ.... А про Артемія, бывшаго троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ (Висковатый), что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: ино, государь, до троицкаго игуменства никакожъ я его зналъ, и какъ избирали къ Живоначальной Троицѣ игумена на Серапіоново мѣсто и того Артемія привезли изъ пустыни, и государь велѣлъ Артемью побыти въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходити и къ себѣ велѣлъ его призывати и смотрити въ немъ всякаго нрава и духовныя ползы» ([150]). Пользуясь такою неограниченною довѣренностью царя, Сильвестръ разумѣется скоро пріобрѣлъ огромное значеніе и вліяніе на дѣла. Вотъ, что разсказываетъ о немъ современный лѣтописецъ: «Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и думномъ, и бысть яко вся мога, и вся его послушаху, и никтоже смѣяше ни въ чемъже противитися ему, ради царскаго жалованья. Указываше и митрополиту, и владыкамъ, и архимандритамъ, и игуменомъ, и черницемъ, и попомъ, и бояромъ, и приказнымъ людемъ, и воеводамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ и, спроста рещи, всякія дѣла и власти святительскія и царскія правяше, и никтоже смѣяше ничтожъ рещи, ни сотворити не по его повелѣнію; и всѣми владѣяше, обѣма властьми и святительскими и царскими, якожъ царь и святитель, точію имени и сѣдалища не имѣяше; но поповское имѣяше: но токмо чтимъ добрѣ всѣми и владѣяше всемъ съ своими совѣтники» ([151]). Итакъ, вотъ каково было, по милости Іоанна Грознаго, значеніе Сильвестра; но не оправдалъ онъ довѣренности царя: «восхитился властію, яко Илія жрецъ, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ, сдружился со Алексѣемъ (Адашевымъ) и начаша совѣтовати отай царя, мняще его неразумна суща» ([152]). Пользуясь даннымъ ему отъ царя правомъ испытывать сановниковъ, Сильвестръ ввелъ въ боярскую думу своего единомышлен-

ника, князя Дмитрія Курлятева ([153]). Этого мало. Онъ и Адашевъ начали поселять духъ своеволія между боярами и дѣтьми боярскими, хотѣли законодательствовать въ Боярской Думѣ. Мнѣнія, предлагаемыя Іоанномъ, не смотря даже на очевидную ихъ пользу, всегда встрѣчали себѣ противорѣчіе. Само собою понятно, что, при такой страшной силѣ стороны Сильвестра, число преданныхъ Іоанну людей уменьшалось ежедневно, а число ея приверженцевъ болѣе и болѣе увеличивалось: первые не находили для себя въ Іоаннѣ надежнаго защитника отъ притѣсненій, а послѣдніе были щедро награждаемы ([154]). Всѣ лица искренно преданные, или только старавшіеся казаться преданными Іоанну, были удаляемы отъ него, потому что партія опасалась ихъ честолюбія. Бывали случаи, что, по личной непріязни, Адашевъ ссылалъ въ ссылку. Такъ въ дѣлахъ по мѣстничеству читаемъ: «а Ѳеодоръ Ласкиревъ на государевы розряды слался, что онъ со княземъ Васильемъ съ Хилковымъ не былъ, а билъ челомъ на князя Ондрея на Хованскаго и челобитье его записано, а въ городничіе въ Казань послалъ былъ отца его по недружбѣ Олексѣй Адашевъ» ([155]). Хотя этотъ фактъ, доказывающій силу Алексѣя Адашева, есть уже довольно поздній—именно относится къ 1555 году ([156]), но прежде значеніе Алексѣя Адашева долженствовало быть еще большимъ, потому что съ 1553 года, со времени болѣзни Іоанна, начинается уже паденіе его. Естественно, что такое страшное могущество стороны Сильвестра должно было сгруппировать около ея представителей огромнѣйшее число приверженцевъ. Чтобы имѣть понятіе о многочисленности этой партіи, достаточно только сказать, что всѣ должности въ государствѣ были замѣщены ея членами ([157]). Долго не могъ понять Іоаннъ, къ чему клонятся планы Сильвестра и Адашева, потому что какъ тотъ, такъ и другой удачно прикрывали свое че-

столюбіе смиреніемъ, какъ тотъ, такъ и другой казались вѣрными слугами отечества, презирающими личные интересы.

Одаренный пылкою душею, горячимъ сочувствіемъ ко всему великому, отчетливо сознавшій и объемъ своей власти и свои отношенія къ подданнымъ, Іоаннъ не могъ допустить мысли, что ему принадлежитъ только «честь предсѣданія», слѣдовательно не могъ сдѣлаться послушнымъ орудіемъ стороны Сильвестра. Давно уже тяготила его зависимость отъ этой партіи, но онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ къ уничтоженію ея полагая, что, сознавъ несвоевременность своихъ притязаній, Сильвестръ и Адашевъ сами откажутся отъ нихъ—ожиданіе напрасное. И вотъ, чтобы образумить ихъ, Іоаннъ началъ выказывать свое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно: нѣсколько разъ отвергаетъ онъ совѣтъ бояръ и слѣдуетъ своимъ собственнымъ соображеніямъ. Такъ, во время казанскаго похода 1552 г., когда страшная буря потопила на Волгѣ суда, нагруженныя припасами, воеводы совѣтовали Іоанну снять осаду и возвратиться въ Москву, чтобы открыть походъ въ слѣдующемъ году; но Іоаннъ отвергъ этотъ совѣтъ объявивъ, что останется даже зимовать подъ Казанью, если это будетъ нужно ([158]). Бывали случаи, что Іоаннъ высказывалъ свои мысли и чувства относительно бояръ. Такъ Курбскій разсказываетъ, что, по взятіи Казани, «аки бы на третій день царь отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, вмѣсто благодаренія, воеводамъ и всему воинству своему; на единаго разгнѣвався, таковое слово рекъ: «нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ васъ» ([159]). Эти слова Курбскій объясняетъ ненавистью Іоанна къ боярамъ. Но Іоаннъ имѣлъ полное право сказать такъ, потому что бояре, посылаемые прежде противъ Казани, часто допускали подкупать себя. Такъ, напримѣръ, при Василіи III, въ подобномъ преступленіи обвиняли Бѣль-

скихъ ([160]). Наконецъ, во время тогоже казанскаго похода, Іоаннъ опять далъ понять боярамъ, что хочетъ дѣйствовать не стѣсняясь ихъ совѣтами. Курбскій повѣствуетъ, что когда, по взятіи Казани, царь началъ совѣтоваться съ боярами о мѣрахъ къ устройству вновь покореннаго края, они, слѣдовательно и самъ Курбскій, бывшій воеводою правой руки, убѣждали Іоанна остаться въ Казани до весны, чтобы довершить завоеваніе казанскаго царства, гдѣ обитало до пяти различныхъ народовъ, по большей части еще не признававшихъ надъ собою власти Россіи; «онъ же», продолжаетъ Курбскій, «совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ же совѣта шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши да поспѣшится къ своей царицѣ, сестрѣ ихъ» ([161]). Іоаннъ имѣлъ, какъ мы увидимъ ([162]), основательныя причины не послушать этого совѣта; но тѣмъ не менѣе сторона Сильвестра была недовольна самостоятельностію царя. Поэтому-то мятежъ, вскорѣ въ землѣ казанской вспыхнувшій, она и провозгласила слѣдствіемъ гнѣва Божія на Іоанна за то, что онъ, превознесясь гордостію, совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ ([163]). Со взятіемъ Казани оканчивается первый актъ борьбы Іоанна IV съ притязаніями бояръ: характеръ и отличительная черта ея тѣ, что Іоаннъ выказываетъ только стремленіе дѣйствовать самостоятельно.

Но не думали бояре уступать Іоанну: стремленіе къ самостоятельности, обнаруженное имъ, только возбудило опасенія стороны Сильвестра. Она увидѣла въ Іоаннѣ IV вѣрнаго послѣдователя отца; поняла, что вліяніе ея непрочно, что рано или поздно настанетъ то время, когда она должна будетъ потерять свое значеніе, отказаться отъ своихъ притязаній. Для возстановленія старины, для подавленія раждающейся идеи государства, нуженъ былъ другой государь, который бы, воспитанный

подъ вліяніемъ старинныхъ началъ, склонился къ старинѣ; однимъ словомъ, нужно было свергнуть Іоанна съ престола и возвести на его мѣсто удѣльнаго князя, тяготѣющаго къ старинѣ. На такой-то отважный шагъ рѣшилась сторона Сильвестра, и удобный случай вскорѣ представился ей. Я имѣлъ уже случай говорить, что, по возвращеніи изъ казанскаго похода, Іоаннъ тяжко занемогъ и не оставалось никакой надежды на его выздоровленіе. Вѣрные бояре совѣтовали ему сдѣлать духовное завѣщаніе. Умирающій Іоаннъ принялъ этотъ совѣтъ; завѣщаніе было составлено и малолѣтній Димитрій, сынъ его, назначенъ единственнымъ наслѣдникомъ престола и государства московскаго. Теперь-то открылось наконецъ, къ чему стремилась сторона Сильвестра: она отвергла присягу Димитрію и обнаружила явное намѣреніе возвести на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго. Напрасно, напрягая послѣднія силы, умирающій царь увѣщевалъ исполнить послѣднюю его волю: бояре не соглашались подъ предлогомъ опасенія смутъ во время малолѣтства Димитрія. Окольничій Ѳеодоръ Адашевъ, отецъ любимца царева, выразился опредѣленнѣе: «тебѣ и сыну твоему», сказалъ онъ Іоанну, «крестъ цѣлуемъ; но Захарьинымъ, Данилѣ съ братьею, служить не хотимъ; сынъ твой еще въ пеленахъ, а владѣть нами Захарьинымъ. Мы же отъ бояръ до возраста твоего бѣды видѣли многія». Отказываясь исполнить волю умирающаго, крамольники позабыли даже всякое приличіе: они шумѣли и кричали надъ постелью его. Правда, нѣкоторые изъ сторонниковъ Сильвестра, именно Алексѣй Адашевъ, Дмитрій Курлятевъ и еще нѣкоторые, присягнули наконецъ сыну Іоаннову; но остальные не хотѣли и слышать объ этомъ. Въ то время, какъ Владиміръ Андреевичъ деньгами старался склонить на свою сторону дѣтей боярскихъ, князья Петръ Щенятевъ, Иванъ Пронскій, Семенъ Ростовскій и Дмитрій Нѣмой-

Оболенскій старались склонить на его сторону народъ. Крестоцѣловальною записью хотѣлъ Іоаннъ заставить Владиміра Андреевича не домогаться престола, но Старицкій князь отказался отъ присяги ([164]). Въ эти критическія минуты Іоанновой жизни выступилъ наконецъ на поприще и Сильвестръ. Но, не защитникомъ интересовъ Іоанна явился онъ, а хотѣлъ только своимъ вмѣшательствомъ дать рѣшительный перевѣсъ своей партіи. Карамзинъ полагаетъ, что, связанный дружбою съ Владиміромъ Андреевичемъ, Сильвестръ доброхотствовалъ ему изъ желанія добра отечеству ([165]). По своей осторожности покойный исторіографъ отказался признать участіе Сильвестра въ только что нами описанной крамолѣ рѣшительнымъ; онъ только предполагаетъ, что Сильвестръ участвовалъ въ ней. Посмотримъ же, какъ и въ чемъ выразилось это участіе? Когда бояре, вѣрные Іоанну, не стали пускать къ одру его Владиміра Андреевича, то Сильвестръ очень некстати возвысилъ голосъ въ защиту Старицкаго князя. Въ то время, когда для всей Москвы и для самаго Іоанна происки и намѣренія князя Старицкаго не были уже тайною, Сильвестръ вздумалъ утверждать, что Старицкій князь доброжелатель Іоанну: «за чѣмъ вы,» говорилъ онъ боярамъ, «не пускаете къ государю князя Владиміра: онъ ему доброхотствуетъ». Разумѣется бояре не повѣрили этому заявленію Сильвестра, продолжали настаивать на своемъ, «и оттолѣ,» говоритъ лѣтописецъ, «бысть вражда межи бояръ и Сильвестромъ и его совѣтники» ([166]). Пользуясь огромнымъ значеніемъ, указывая и воеводамъ, и боярамъ, и митрополиту, Сильвестръ не могъ не знать о слишкомъ уже гласныхъ замыслахъ Владиміра Андреевича Старицкаго, не могъ не слѣдить за ходомъ его дѣла тѣмъ болѣе, что, со вступленіемъ на престолъ другаго государя, могъ легко потерять то значеніе, которымъ пользовался при Іоаннѣ. Уже князь Щербатовъ, въ своей «Исторіи Россіи», понялъ харак-

теръ Сильвестра, очертилъ его настолько вѣрно, насколько позволилъ ему его историческій тактъ ([167]); но большая часть нашихъ историковъ продолжала приписывать Сильвестру и его сторонѣ какую-то безкорыстную любовь къ отечеству, не видя и не желая видѣть, что у Сильвестра и его стороны на первомъ планѣ всегда стояли корыстные расчеты, которыми они никогда не думали жертвовать пользамъ отечества. Основываясь на данныхъ, характеризующихъ намъ Сильвестра, мы не можемъ предположить, чтобы онъ держалъ сторону кн. Старицкаго изъ желанія добра Россіи. Скорѣе можно прійти къ такому заключенію: вѣроятно Сильвестръ и его сторона заключили съ княземъ Старицкимъ выгодныя для себя условія и, возводя его на престолъ, надѣялись возстановить старину. Хотя крамольники и должны были присягнуть наконецъ Димитрію; но, что же значила для нихъ присяга? Прикладывая, послѣ троекратнаго требованія царя, печать къ крестоприводной грамотѣ, взятой съ ея сына, мать Владиміра Андреевича сказала: «что значитъ присяга невольная! и много бранныхъ рѣчей говорила», прибавляетъ лѣтописецъ ([168]). Но еще разительнѣе видно своекорыстіе стороны Сильвестра изъ слѣдующаго поступка кн. Димитрія Палецкаго. Тотчасъ послѣ присяги онъ послалъ сказать князю Владиміру, что готовъ, если только зятю его Юрію, брату Іоанна, данъ будетъ удѣлъ, назначенный въ духовномъ завѣщаніи отца, готовъ, вмѣстѣ съ прочими, хлопотать о возведеніи его на престолъ. ([169]) Вотъ какъ преданы были интересамъ Россіи сторонники Сильвестра и Адашева! Вотъ польза, которую они, по словамъ Курбскаго, творили русской землѣ! Неужели не могли они понять, что междоусобіе будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ возведенія на престолъ Владиміра Андреевича мимо Іоаннова сына? неужели не могли они понять, что нашлись бы люди, которые стали бы поддерживать Юрія

Васильевича, что нашлись бы люди, которые бы стали на сторонѣ младенца-Дмитрія? Ясно, слѣдовательно, что пользы для Россіи отъ возведенія на престолъ Старицкаго князя не предвидѣлось никакой, а Сильвестръ и его сторона дѣйствовали такъ, потому что это казалось для нихъ выгоднымъ: ниспровергая порядокъ престолонаслѣдія, начавшійся со временъ Донскаго, они ворочали Русь на нѣсколько вѣковъ назадъ и, возводя на престолъ воспитаннаго въ старинныхъ началахъ князя, надѣялись на возстановленіе стараго порядка вещей.

Объ участіи Курбскаго въ разсказанной нами крамолѣ говорятъ только свидѣтельства самаго Іоанна, другихъ же положительныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ мы не имѣемъ. Итакъ послушаемъ, что говоритъ Іоаннъ въ письмѣ своемъ къ Курбскому: «Вы», пишетъ онъ, «собацкимъ своимъ измѣннымъ обычаемъ хотесте во царствіи своемъ царей достойныхъ истребити, и аще не отъ наложницы, и отъ царствія разстоящая колѣна хотесте воцарити» ([170]). Далѣе: «намъ», говоритъ онъ, «немощію одержиму и зѣлнѣ изнемогшу: тогда убо, еже отъ тебе доброхоты нарицаеміи возшаташася, яко піяніи, съ попомъ Сильвестромъ и начальникомъ вашимъ Алексѣемъ, мнѣвше насъ къ небытію быти, забывше благодѣяній нашихъ и еще и своихъ душъ, еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже, кромѣ нашихъ дѣтей, иного государства себѣ неискати: ониже хотѣша воцарити, еже отъ насъ разстоящаяся въ колѣнѣ, князя Владиміра; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша, подобно Ироду, погубити, воцаривъ князя Владиміра ([171]). А князя Владиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести» ([172]). Вотъ слова Іоанна. Вникая въ нихъ, мы видимъ, что характеръ ихъ общій: они относятся и къ Курбскому и къ сторонѣ Сильвестра вообще. Что бояре этой стороны дѣйствительно имѣли то намѣреніе, какое приписы-

ваетъ имъ Грозный, это не подлежитъ сомнѣнію. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что Сильвестръ и Адашевъ принимали участіе въ этой крамолѣ; слѣдовательно остается показать, на сколько слова Іоанна могутъ относиться къ Курбскому? Самъ Курбскій, въ отвѣтныхъ письмахъ своихъ къ Грозному, оправдываетъ въ этомъ дѣлѣ только себя, ни слова не говоря въ пользу Адашева и Сильвестра. Вотъ, что онъ пишетъ: «а о Владимірѣ братѣ вспоминаешъ, аки бы есть мы хотѣли его на царство: воистину о семъ не мыслихъ, понеже и недостоинъ былъ того» ([173]). Итакъ, относя и къ себѣ сказанное Іоанномъ о замыслахъ Сильвестра и Адашева, Курбскій защищается тѣмъ, что былъ недостоинъ думать о такомъ дѣлѣ, какъ возведеніе на престолъ князя Старицкаго. Но смиреніе, обнаруженное въ этихъ словахъ Курбскимъ, не искреннее; это только личина, которою въ крайнихъ случаяхъ прикрывалась сторона Сильвестра, имѣвшая, по словамъ Іоанна, обычай устами благословлять, а сердцемъ клясть; говоря о добрѣ, думать злое ([174]). Чтобы оправдать себя, Курбскій часто старается навязать Іоанну вѣру въ то, во что и самъ не вѣрилъ. Можно указать нѣсколько случаевъ, что одинъ и тотъ же фактъ Курбскій разсказываетъ въ письмахъ своихъ къ Іоанну иначе, нежели въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ своей «исторіи великаго князя московскаго о дѣлѣхъ»..., повѣствуя о чудесахъ Сильвестра во время московскаго пожара, онъ сомнѣвается въ истинности ихъ; «не вѣмъ, аще истинныя», говоритъ онъ, «або такъ ужасновенія пущающе» и сравниваетъ эти чудеса съ «мечтательными страхами», которыми родители приказываютъ рабамъ пугать сварливыхъ дѣтей ([175]); а въ письмѣ къ Іоанну защищаетъ истинность этихъ чудесъ: «ласкатели твои клеветали», говоритъ онъ, «на онаго презвитера, иже бы тебя устрашалъ не ис-

тинными, но льстивыми видѣніи» ([176]). Такимъ образомъ, не признавая самъ дѣйствительности этихъ чудесъ, Курбскій въ тоже время старается убѣдить Іоанна, что чудеса-то были истинныя, а ложными назвали ихъ враги Сильвестра, старавшіеся оклеветать его предъ Іоанномъ. Для чего же все это? Для того, чтобы опровергнуть мнѣніе Грознаго, назвавшаго чудеса Сильвестра «дѣтскими страшилами» ([177]). Въ этомъ же письмѣ Курбскій упрекаетъ царя въ клеветѣ на такого великаго и святаго мужа, какъ Сильвестръ, который снялъ на себя грѣхи его «и, взявши его отъ преявственнѣйшихъ скверпъ, яко чиста, предъ наичистѣйшимъ царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, изчистя покаяніемъ, поставилъ» ([178]). Итакъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ Курбскій не стыдился обманывать Іоанна, какъ не стыдился называть мучениками измѣнниковъ, преданныхъ казни ([179]). Равнымъ образомъ, въ письмахъ своихъ къ Іоанну и въ своей «исторіи великаго князя московскаго о дѣлѣхъ»... Курбскій жалуется, что Іоаннъ гналъ его въ Россіи, что это гоненіе принудило его искать спасенья на чужбинѣ ([180]); а въ своемъ духовномъ завѣщаніи пишетъ, что выѣхалъ въ Литву по вызову Сигизмунда Августа ([181]). Можемъ ли мы послѣ всего этого на слово вѣрить Курбскому, что онъ не принималъ участія разсказанной нами крамолѣ? Сознавшись въ этомъ предъ Іоанномъ, онъ выставилъ бы себя преступникомъ, достойнымъ казни, слѣдовательно налагалъ бы вѣчное пятно на свою честь. Но чувство самосохраненія преобладаетъ въ человѣкѣ: всякому свойственно желаніе оправдаться отъ преступленія, приписываемаго ему, хотябы даже улика была на лицо, и часто на отъявленныхъ злодѣяхъ можно видѣть, что не смотря на всѣ несомнѣнныя доказательства, что преступленіе совершено ими, они упорно отстаиваютъ свою невинность. Прибавимъ, что, не говоря ни слова ни pro ни contra участія

стороны Сильвестра въ этомъ дѣлѣ, Курбскій старается оправдать только себя: «я», говоритъ онъ, «объ этомъ и не думалъ; да и куда мнѣ думать о подобныхъ вещахъ; а за другихъ не ручаюсь». Такъ говоритъ Курбскій, потому что не было никакихъ средствъ оправдать поведеніе Сильвестра и его стороны, а собственное его поведеніе въ это время, вѣроятно, не слишкомъ бросалось въ глаза. Итакъ, хотя, какъ мы уже замѣтили, кромѣ словъ Іоанна, у насъ нѣтъ никакихъ другихъ указаній на участіе Курбскаго въ замыслѣ возвести Владиміра Андреевича на престолъ; но для насъ довольно и того, что есть, потому что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній, свидѣтельства Іоанна получаютъ надлежащій вѣсъ. Выскажемъ эти соображенія. Изъ разрядныхъ книгъ и лѣтописей не видно, чтобы Курбскій былъ въ это время куда нибудь командированъ; слѣдовательно можно предполагать, что онъ находился въ Москвѣ. Это предположеніе кажется намъ тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что, тотчасъ по выздоровленіи Іоанна, Курбскій отправился съ нимъ изъ Москвы въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Допустивъ же, что Курбскій во время болѣзни Іоанна жилъ въ Москвѣ, мы должны допустить и то, что онъ принималъ участіе въ движеніи, совершавшемся предъ его глазами: оставаться нейтральнымъ онъ не могъ; ему непремѣнно должно было принять чью нибудь сторону или князя Старицкаго или Іоанна. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ принялъ сторону перваго: вопервыхъ, нигдѣ нѣтъ указанія, чтобы Курбскій присягнулъ младенцу Димитрію, а Курбскій былъ въ это время непослѣднимъ лицемъ въ государствѣ: онъ былъ совѣтникомъ въ думѣ ([182]) и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ воеводъ; вовторыхъ, не могъ онъ оставаться нейтральнымъ, потому что былъ членомъ партіи, слѣдовательно необходимо долженъ

былъ участвовать во всѣхъ ея движеніяхъ. Возводя Владиміра Андреевича на престолъ, сторона Сильвестра, безъ сомнѣнія, видѣла въ томъ свои выгоды, и могъ ли Курбскій, связанный тѣсною дружбою со многими изъ ея членовъ, одушевленный тѣми же идеями, движимый тѣми же интересами, могъ ли Курбскій оставаться празднымъ зрителемъ совершающагося предъ нимъ переворота, могъ ли бездѣйствовать, будучи одною изъ самыхъ видныхъ личностей, стоявшихъ въ рядахъ этой партіи? Въ третьихъ, корыстные расчеты всегда стоятъ у Курбскаго на первомъ планѣ. Мы видѣли, что, желая склонить на свою сторону дѣтей боярскихъ, Владиміръ Андреевичъ раздавалъ имъ деньги. Но ему мало было поддержки однихъ боярскихъ дѣтей, ему нужно было имѣть опору въ самихъ боярахъ, потому что безъ этого онъ не могъ бы успѣть въ своемъ намѣреніи, и бояре, съ своей стороны, конечно не упустили удобнаго случая выторговать себѣ у него разныя выгоды. Такъ мы уже знаемъ, что князь Дмитрій Палецкій за удѣлъ для зятя своего Юрія обѣщалъ ему свое содѣйствіе. На подобное предложеніе Палецкій могъ рѣшиться только въ такомъ случаѣ, если другимъ боярамъ было обѣщано за ихъ хлопоты приличное вознагражденье. Не тогда ли же и Курбскій выпросилъ себѣ ярославское княжество, потому что Іоаннъ, въ первомъ своемъ посланіи, упрекаетъ его за желаніе «измѣннымъ обычаемъ быти ярославскимъ владыкою» ([183]). Гонецъ Іоанна, Колычовъ, посланный въ Литву уже послѣ бѣгства Курбскаго, долженъ былъ, сообразно данному ему наказу, сказать Сигизмунду Августу, что «Курбскій учалъ ся звати вотчичемъ ярославскимъ, да измѣннымъ обычаемъ, съ своими совѣтники, хотѣлъ на Ярославлѣ государити» ([184]). До послѣдняго времени во взглядѣ на царствованіе Грознаго господствовало убѣжденіе, что, мучимый страхомъ и подозрительностью характера, Іоаннъ

безпрестанно мечталъ объ измѣнахъ тогда, какъ на самомъ дѣлѣ этихъ измѣнъ не было. Но, что же мы сдѣлаемъ съ грамотами, въ которыхъ бояре, какъ временъ Іоанновыхъ, такъ и до него бывшихъ, сознаются въ своей измѣнѣ государству? При одномъ Грозномъ этихъ, такъ называемыхъ, проклятыхъ грамотъ насчитаемъ мы 23! Неужели все это мечта, неужели, имѣя предъ собой эти документы, мы станемъ утверждать, что Іоаннъ выдумывалъ, что бояре измѣняютъ ему? Не будетъ сильнымъ опроверженіемъ этихъ грамотъ и то предположеніе, что они вынуждены силою у давшихъ ихъ. Неужели можно насильно заставить кого нибудь сознаться въ преступленіи, котораго онъ не сдѣлалъ? Скажутъ: страхъ смерти заставлялъ бояръ клеветать на самихъ себя. Возразимъ на это: неужели жизнь дороже чести и добраго имени, неужели человѣкъ съ клеймомъ преступника можетъ наслаждаться жизнью? Давши утвердительный отвѣтъ на эти вопросы, мы прійдемъ къ тому заключенію, что тогдашнее высшее общество на Руси ~~не знало чувства чести, собственнаго достоинства,~~ если оно терпѣло среди себя людей, торжественно, изъ любви къ жалкой жизни, признавшихъ себя врагами родной земли. Что же касается до стремленія Курбскаго сдѣлаться ярославскимъ владыкою, то въ этомъ нѣтъ ничего не естественнаго. Нѣкогда родовое владѣніе предковъ Курбскаго, Ярославль еще очень недавно вошелъ въ составъ московскаго государства. Воспитанный, какъ мы уже видѣли, въ старинныхъ понятіяхъ, Курбскій, безъ сомнѣнія, считалъ ярославское княжество неотъемлемою собственностью своего рода и, разумѣется, не могъ не желать возвращенія того, что, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, было потеряно его предками. Прибавимъ къ этому еще одно обстоятельство. Нося въ Россіи только титулъ князя Курбскаго, т. е. владѣтеля своей отчины

Курбы, онъ принялъ въ Литвѣ титулъ князя ярославскаго и этимъ выказалъ свое притязаніе на ярославское княжество, потому что въ древней Руси фамиліи, по большей части давались по отчинамъ. Но, можетъ быть, возразятъ, что подобное несвоевременное притязаніе со стороны Курбскаго было бы нелѣпостью. Отвѣчаемъ: Курбскій могъ понимать несвоевременность возстановленія права отъѣзда, несвоевременность притязаній на обычай совѣта, несвоевременность быта родового, а все-таки хлопоталъ объ этомъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, Курбскій долженъ былъ стать на сторонѣ Владиміра Андреевича по тойже самой причинѣ какъ и партія Сильвестра. Со вступленіемъ на престолъ Старицкаго князя торжествовало старинное родовое правило: старѣйшинство дядей предъ племянниками. Для поддержанія своего падающаго значенія бояре должны были поддержать юридическія родовыя отношенія, противоположныя развивавшейся идеѣ государства; а этого они не могли сдѣлать иначе какъ только воротивъ Русь назадъ, чего дѣйствительно и достигали, возводя на престолъ Старицкаго князя. Такимъ образомъ, всѣ эти, предложенныя нами, соображенія должны вести къ тому заключенію, что, во время болѣзни Іоанна, Курбскій былъ на сторонѣ крамольниковъ.

Но, къ счастію для Россіи, всѣ усилія Сильвестровой стороны остались тщетными: Іоаннъ всталъ съ одра болѣзни. Эта болѣзнь имѣла для него тѣ благодѣтельныя послѣдствія, что открыла ему глаза, показала, чего домогается сторона Сильвестра, убѣдила его, что она хлопочетъ вовсе не о пользахъ и благѣ государства, а имѣетъ въ виду одни корыстные расчеты. Итакъ, за моментъ перемѣны въ Іоаннѣ мы должны принять болѣзнь его, а не смерть супруги его Анастасіи ([185]); слѣдовательно такъ называемая перемѣна къ худшему, совершившаяся

въ Іоаннѣ, не была внезапнымъ слѣдствіемъ смерти его супруги; она только яснѣе выказалась въ 1560 г., а началась съ 1553 г. и постепенно созрѣвала. Да, иначе и быть не могло. Въ природѣ человѣческой не бываетъ крутыхъ переворотовъ, а все совершается въ гармонической постепенности, послѣдовательности. Анастасія и не могла имѣть на Грознаго того сильнаго вліянія, какое обыкновенно приписываютъ ей ([186]), она не могла сдерживать Грознаго въ предѣлахъ добра противъ его воли: такія сильныя, энергическія личности, какъ Грозный, не терпятъ чуждаго вліянія. Хотя и перемѣнившійся въ душѣ, Іоаннъ ни чѣмъ не обнаружилъ этой перемѣны: попрежнему онъ былъ добръ и милостивъ; онъ не только не мстилъ тѣмъ изъ бояръ, которые въ минуты борьбы его со смертію выказали себя его противниками, но еще возвышалъ ихъ. Такъ отецъ Алексѣя Адашева, рѣшительнѣе всѣхъ дѣйствовавшій въ пользу Владиміра Андреевича, былъ награжденъ саномъ боярина ([187]). Іоаннъ думалъ, что сторона Сильвестра, тронутая этими милостями, этимъ забвеніемъ вины ея, устыдится своихъ притязаній. Но вышло иначе. Зашедши слишкомъ далеко, сбившись съ предписаннаго закономъ и благоразуміемъ пути, она уже не могла отступить. Съ самой дурной стороны выказавъ себя предъ Іоанномъ, она продолжала дѣйствовать попрежнему. Спрашивается, почему же Іоаннъ силою не удалилъ этой партіи отъ участія въ дѣлахъ? Причина та, что онъ не хотѣлъ еще прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Но средства, употребляемыя стороной Сильвестра для поддержанія своего колеблющагося значенія, скоро рѣшили борьбу.

Со времени Іоаннова выздоровленія отношенія къ нему Курбскаго обрисовываются ярче. Къ этому способствовалъ одинъ случай. Въ дикой пустыни Бѣлозерской св. Кириллъ основалъ монастырь. Трудна была жизнь праведника, проведенная въ борьбѣ съ возмутителями по-

коя русской церкви ([188]). Но ни трудность этой борьбы, требовавшей неутомимой дѣятельности, ни сила еретиковъ, нашедшихъ себѣ опору при дворѣ, въ вельможахъ и первосвятителѣ, ничто не устрашило св. мужа ([189]). За то и велика была слава его. Преданный Василію III онъ завѣщалъ эту преданность Москвѣ и ученикамъ своимъ. Въ его-то обитель, согласно обѣту, данному во время болѣзни, отправился Іоаннъ на богомолье. На пути къ обители св. Кирилла лежалъ монастырь Пѣсношскій, гдѣ, современно описываемымъ нами событіямъ, доживалъ дни свои Вассіанъ, епископъ коломенскій, вѣрный слуга и другъ Василія III, свергнутый боярами ([190]). Поѣздка въ Кирилловъ монастырь дѣлалась, въ слѣдствіе этого обстоятельства, чрезвычайно невыгодною для бояръ. Они могли предвидѣть, что, проѣзжая чрезъ Пѣсношу, Іоаннъ пожелаетъ увидѣть друга своего отца и побесѣдовать съ нимъ. Опасались же они этого свиданія, потому что знали, что Вассіанъ, какъ заклятой врагъ бояръ, можетъ внушить Іоанну, какъ управлялъ государствомъ Василій III, разъяснить ему окончательно планы партіи Сильвестра и цѣль, къ которой она стремится и, такимъ образомъ, ее, и безъ того уже упавшую въ глазахъ Іоанна, унизить еще болѣе. Сообразивъ все это Курбскій, Алексѣй Адашевъ и другія лица, сопровождавшіе Іоанна въ путешествіи, рѣшились отклонить его отъ поѣздки въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Но дѣйствовать прямо они не могли и, чтобы не подать никакого повода къ подозрѣнію, избрали своимъ орудіемъ лице, повидимому, совершенно постороннее. Въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, чрезъ который Іоанну лежалъ путь въ Кирилловъ монастырь, жилъ въ то время знаменитый своею ученостію Максимъ Грекъ, врагъ митрополита Даніила и Вассіана. Василій III Іоанновичъ сослалъ Максима Грека въ заточеніе за сочиненіе его: «противъ оставляющихъ безъ вины жены

конныя», гдѣ онъ возставалъ противъ развода Василія съ Соломоніею и не одобрялъ новаго брака его съ Еленою ([191]). При вступленіи Іоанна на престолъ сторона Сильвестра и Адашева, вѣроятно имѣя въ виду воспользоваться при случаѣ дарованіями Максима Грека, облегчила его участь; онъ былъ освобожденъ изъ заточенія и получилъ позволеніе свободно жить въ Сергіевомъ монастырѣ ([192]). Теперь настало время сторонѣ Сильвестра требовать услугъ отъ Максима и онъ, къ сожалѣнію, рѣшился принять на себя недостойную роль, ему предложенную. Прибывъ въ Троицкій монастырь, Іоаннъ пожелалъ побесѣдовать съ Максимомъ, а этотъ послѣдній вдругъ ни съ того, ни съ сего началъ совѣтовать царю оставить отдаленное путешествіе въ Кирилловъ монастырь, особенно же съ женою и сыномъ новорожденнымъ, говоря, что Іоаннъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ Кирилловѣ монастырѣ, можетъ молиться Богу въ Москвѣ, что Богъ, какъ вездѣсущій, всюду можетъ слышать молитву, приносимую ему съ усердіемъ, что такое отдаленное путешествіе безразсудно, что, вмѣсто разъѣздовъ по монастырямъ, Іоаннъ долженъ позаботиться лучше объ обезпеченіи вдовъ и дѣтей воиновъ, павшихъ подъ стѣнами Казани ([193]). Вотъ какъ, по свидѣтельству очевидца Курбскаго, убѣждалъ Максимъ Грекъ Іоанна отказаться отъ поѣздки въ Кирилловъ монастырь. Прекрасенъ былъ конечно совѣтъ его, но все-таки Іоаннъ не могъ понять, почему бы исполненіе обѣта помѣшало ему заботиться о семействахъ павшихъ подъ Казанью воиновъ. Имѣя слишкомъ много причинъ быть подозрительнымъ, Іоаннъ предположилъ въ совѣтѣ Максима Грека какія нибудь новыя затѣи стороны Сильвестра, а потому и рѣшился исполнить свой обѣтъ. Что же сдѣлалъ Максимъ Грекъ? Вмѣсто того, чтобы, видя настойчивость царя, замолчать, онъ, по словамъ Курбскаго, исполнился духа пророческаго ([194]) т. е.

прибѣгнулъ къ угрозѣ, обыкновенному средству стороны Сильвестра въ крайнихъ случаяхъ. Итакъ, дѣйствуя въ духѣ и по наставленію ея представителей, находившихся при Іоаннѣ, Максимъ предрекъ послѣднему за его ослушаніе смерть сына Димитрія. Курбскій, Алексѣй Адашевъ, священникъ Андрей Протопоповъ, Іоаннъ князь Мстиславскій взялись передать царю это предсказаніе. Но все было напрасно: «какъ бы діаволъ царемъ стрѣлилъ», говоритъ Курбскій, «до того монастыря, идѣже епископъ, уже состарѣвшійся во днѣхъ мновѣхъ, пребывалъ» ([195]). Такимъ образомъ, царь, вопреки разсчетамъ Курбскаго и другихъ, думавшихъ предсказаніемъ Максима запугать его, остался непреклоннымъ. Курбскій и другіе его сообщники не сообразили, что съ 1547 по 1553 годъ Іоаннъ много успѣлъ развиться, что слѣдовательно средство, съ блистательнымъ успѣхомъ употребленное въ 1547 г., спустя 6 лѣтъ негодилось: Іоаннъ 23 лѣтній не могъ быть напуганъ тѣмъ же, чего испугался Іоаннъ 17 лѣтній. Эта уловка произвела теперь дѣйствіе обратное: вмѣсто ожидаемаго испуга въ Іоаннѣ явилась сильнѣйшая настойчивость.

Не было болѣе никакихъ средствъ отклонить свиданіе, котораго такъ опасалась сторона Сильвестра. Любопытны подробности этого свиданія, переданныя намъ Курбскимъ, любопытны, потому что разоблачаютъ предъ нами ту цѣль, которая заставляла Курбскаго такъ настойчиво отклонять поѣздку Іоанна въ Кирилловъ монастырь, раскрываютъ и причину негодованія его на упорство царя. «Прибывъ въ монастырь, разсказываетъ Курбскій, Іоаннъ отправился въ келлію Вассіана и, зная, что послѣдній былъ единомышленникомъ и угодникомъ отца его, спросилъ, «како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти»? И подобало рещи ему», продолжаетъ Курбскій, «самому

царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко своя уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, якоже достоило епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, яко и отцу его древле ложное сикованціе (клевета) шепталъ, и таково слово реклъ: «аще хощеши самодержцемъ быти, не держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и вся имѣти будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ». И сице соплете силлогизмъ сатанинскій! Царь же абіе руку его поцѣловалъ и рече: «о аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми» (196). Итакъ вотъ почему Курбскій съ Адашевымъ старались отклонить Іоанна отъ поѣздки въ Кирилловъ монастырь, вотъ почему для этого они рѣшились даже на такую крайнюю мѣру, какъ предсказаніе смерти сыну Іоаннову! Вообще со времени болѣзни Іоанновой можно обозначить новый фазъ борьбы его съ боярами. Характеръ этой борьбы слѣдующій: аристократія, понявшая, что значеніе ея не прочно, рѣшается для поддержанія себя на крайнія мѣры; но ея усилія разбиваются о непреклонную волю царя, и сама судьба ей не благопріятствуетъ. Обѣ противныя стороны въ напряженіи, но нѣтъ еще ничего рѣшительнаго; только сторона Сильвестра потеряла то благоразуміе, которымъ запечатлѣны ея первыя дѣйствія и мѣры, ею принимаемыя, охлаждаютъ послѣднее расположеніе, уничтожаютъ остатокъ довѣрія къ ней въ Іоаннѣ: въ досаду царю попрежнему она продолжаетъ доброхотствовать Владиміру Андреевичу (197). Законы сердца человѣческаго заставля-

ютъ насъ допустить, что Анастасія, со времени Іоанногой болѣзни, не могла быть расположена къ сторонѣ Сильвестра, хотѣвшей лишить престолонаслѣдія сына ея. Вѣроятно этого нерасположенія она не могла скрыть и отъ Іоанна. Такою же монетою платила ей и виновная сторона Сильвестра. Она начала распространять объ Анастасіи самую неблагопріятную молву, сравнивать ее со всѣми нечестивыми царицами, а дѣтей Іоанна не хотѣла называть и по имени ([198]). Все опаснѣе и опаснѣе становились ея замыслы: она хотѣла склонить на свою сторону народъ, чтобы свое дѣло сдѣлать дѣломъ народа. Іоаннъ пишетъ, что сторонники Сильвестра и Адашева приказали народу побить камнями Ѳеодосія, епископа коломенскаго, ревностнаго слугу царскаго. Такая же участь постигла и другихъ людей, преданныхъ Іоанну. Такъ сторона Сильвестра изнуряла долговременнымъ заточеніемъ казначея Никиту Аѳанасьевича Фуникова, заставляла его терпѣть нужду и голодъ ([199]). Это свидѣтельство Іоанна; но мы не имѣемъ достаточной причины отвергнуть его: изъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ открывается, что горе было тому, кто осмѣлился бы противодѣйствовать Сильвестру ([200]), горе было тому, кто навлекалъ на себя нелюбье Алексѣя Адашева ([201]). Дѣло объ измѣнѣ князя Семена Ростовскаго всего лучше доказываетъ то неблагоразуміе, которое начало характеризовать дѣйствія Сильвестровой стороны послѣ неудачной крамолы во время болѣзни Іоанновой. Этотъ вельможа, возведенный Іоанномъ въ санъ думнаго совѣтника ([202]), во время болѣзни царя, вмѣстѣ съ прочими возсталъ противъ сына его ([203]). Іоаннъ простилъ князя; но великодушіе царя не тронуло виновнаго: онъ началъ сноситься съ польскими панами Станиславомъ и Воиномъ, присланными въ Россію для заключенія вѣчнаго мира, открывалъ имъ тайны государственныя, поносилъ предъ ними Іоанна,

супругу и дѣтей его, и наконецъ рѣшился бѣжать въ Литву ([204]). Вотъ что разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ: «въ 1554 году выюлѣ побежалъ въ Литву князь Никито, княжь Семеновъ, сынъ Лобановъ—Ростовской, и поимали его въ Торопце дѣти боярские и привели ко царю и великому князю; и царь і великиі князь велѣлъ его выпросить, отъ чего побѣжалъ, и князь Никита сказалъ, что его отпустилъ в Литву бояринъ князь Семенъ Ростовскоі х королю сказать про себя, что онъ х королю идетъ, а с нимъ братия его и племянники, а передъ того посылалъ х королю князь Семенъ человѣка своего Бакшѣя опасно просить. И царь і великиі князь велѣлъ князя Семена поимать и выпросить его, князь Семенъ сказалъ, что хотѣлъ бѣжать отъ убожества и отъ малоумства, понеже скудота была у него разума, и всякимъ добрымъ дѣломъ, туне і въ пустомъ изъедающа царское жалованье и домашняя своя» ([205]). Желая показать себя безпристрастными, бояре приговорили князя Семена къ смерти, но въ тоже время митрополитъ Макарій, бывшій на сторонѣ Сильвестра, началъ печаловаться предъ Іоанномъ за обвиненнаго и наказаніе было ограничено тѣмъ, что князя Семена Ростовскаго выставили на позоръ и сослали на Бѣлоозеро, а людей его распустили ([206]). Не видя никакой возможности оправдать своего сотрудника, сторона Сильвестра «начала держать его въ великомъ береженіи и помогать всѣми благими не только ему, но и всему его роду» ([207]). Должно думать, что во всѣхъ этихъ противузаконныхъ поступкахъ Сильвестровой партіи принималъ участіе и Курбскій: приписывая упомянутыя нами преступленія сторонѣ Сильвестра, Грозный въ тоже время винитъ въ нихъ и Курбскаго ([208]). Упреки Грознаго тѣмъ болѣе справедливы, что во первыхъ Курбскій не оправдывается въ преступленіяхъ, приписываемыхъ ему и его сторонѣ, а во вторыхъ по-

тому что, въ письмахъ своихъ къ Курбскому, Грозный толкуетъ объ этихъ преступленіяхъ, какъ о событіяхъ, извѣстныхъ всѣмъ и каждому, и самая краткость его разсказа, указаніе на имена дѣйствовавшихъ въ томъ или другомъ событіи лицъ, иногда даже простые намеки на происшествія, доказываютъ, что Іоаннъ говорилъ правду. Да и зачѣмъ было Іоанну лгать предъ рабомъ-измѣнникомъ? Для чего ему было клеветать на Курбскаго, и безъ того уже слишкомъ виновнаго? «Чего ради», пишетъ онъ Курбскому, «намъ сихъ (т. е. измѣнниковъ) облыгати? Власти ли своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худа, или коли бы ихъ насыщатися? како у кого? Не смѣху ли подлежитъ твой разумъ» (209). Вотъ что отвѣчаетъ Іоаннъ Курбскому на жалобу этого послѣдняго, что царь приписываетъ вельможамъ разныя небывалыя преступленія (210). Развѣ, какъ предъ Курбскимъ, такъ и предъ своими подданными Грозный не сознавался въ своемъ нравственномъ паденіи? развѣ не сознавался онъ въ томъ, что часто долженъ былъ прибѣгать и дѣйствительно прибѣгалъ къ мѣрамъ слишкомъ крутымъ? (211) Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ является самымъ неумолимымъ, самымъ строгимъ судьею своихъ проступковъ, и чистосердечно сознается предъ потомствомъ въ грѣхахъ своихъ. Не считаетъ онъ себя, подобно Курбскому, праведникомъ, но говоритъ: «хотя и живъ еще я, но Богу скаредными своими дѣлы паче мертвеца сквернѣйшій и гнуснѣйшій, его же іерей видѣвъ не внятъ, Левитъ и той, возгнушався, премину мнѣ. Понеже отъ Адама и досего дни всѣхъ преминухъ въ беззаконіяхъ согрѣшившихъ, сего ради всѣми ненавидимъ есмь: Каиново убійство прешедъ, Ламеху уподобихся первому убійцѣ, Исаву послѣдовахъ скверныыъ невоздержаніемъ, Рувиму уподобихся осквернившему отче ложе, несытства и иныхъ многихъ яростію и гнѣвомъ невоздержанія» (212). Будетъ ли тотъ, кто такъ

откровенно сознается въ собственныхъ недостаткахъ приписывать другимъ небывалые пороки? Замѣтимъ еще, что большая часть преступленій, въ которыхъ Іоаннъ обвиняетъ бояръ вообще и сторону Сильвестра въ частности, подтверждается государственными актами, лѣтописями и сказаніями современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Почему же не повѣримъ мы справедливости и другихъ, взводимыхъ Іоанномъ на сторону Сильвестра вообще и на Курбскаго въ частности обвиненій, не повѣримъ потому только, что поступки, за которые Грозный упрекаетъ и Курбскаго и сторону Сильвестра или будучи не извѣстны современникамъ, или оставленные ими безъ вниманія, нигдѣ, кромѣ сочиненій Іоанна, не упоминаются? Наконецъ Курбскій самъ вызвалъ Іоанна на переписку; Іоаннъ не начиналъ ея, а только отвѣчалъ на письмо Курбскаго. Въ письмахъ Курбскаго замѣтно желаніе оправдаться, желаніе, вовсе не вызванное Іоанномъ. Откуда же родилось у Курбскаго оно, какъ не изъ сознанія виновности. Іоаннъ обвиняетъ Курбскаго въ разныхъ преступленіяхъ, а этотъ отвѣчаетъ одними дерзостями, нисколько не оправдывая ни себя, ни другихъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Іоанну Курбскій сознается самъ, что Сильвестръ или нападалъ иногда на царя «кусательными словесы», или «крѣпкою уздою со браздами обуздывалъ невоздержаніе и преизлишнюю похоть и ярость его» ([213]), и извиняетъ это тѣмъ, что «лучше лоза или жезлъ пріятеля, нежели ласкательныя цѣлованія вражіи» ([214]). Все это показываетъ, что не въ выдуманныхъ на досугѣ, а въ дѣйствительно бывшихъ крамолахъ и преступленіяхъ обвинялъ Іоаннъ Курбскаго и сторону Сильвестра вообще. Оставивъ на время изложеніе развязки борьбы Іоанна съ стороною Сильвестра, перейдемъ опять къ прерванному нами разсказу о Кирилловскомъ ѣздѣ и другихъ событіяхъ, въ которыхъ Курбскій принималъ участіе.

Угрюмый и печальный возвратился Іоаннъ въ Москву изъ путешествія: во время плаванія по рѣкѣ Шекснѣ преставился малютка Дмитрій ([215]). Мы уже видѣли, въ какомъ невыгодномъ свѣтѣ выказалъ себя Курбскій предъ Іоанномъ во время этого, такъ называемаго, Кириловскаго ѣзда и съ увѣренностію можемъ сказать, что онъ принималъ участіе въ открытой почти враждѣ своей партіи противъ Іоанна, что это участіе было вовсе не въ пользу Іоанна; но этотъ послѣдній, попрежнему продолжалъ возвышать Курбскаго, довѣрялъ ему начальство надъ ратями, возлагалъ на него важныя порученія. Въ Октябрѣ 1554 г., пришла вѣсть, что на Россію двинулись ногайскіе татары. Немедленно отряжено было Іоанномъ войско для ихъ отраженія и начальство надъ лѣвымъ крыломъ дѣйствующей арміи ввѣрено Курбскому. Но битвы съ татарами не было: узнавъ, что русскіе готовы встрѣтить ихъ, они отказались отъ своего намѣренія напасть на Россію ([216]).

Едва миновала одна опасность, какъ разразилась другая; въ томъ же году вспыхнулъ страшный мятежъ въ землѣ казанской. Хотя русскіе успѣли утвердиться въ столицѣ казанскаго царства; но окрестные народы, бывшіе подданные казанцевъ, не хотѣли признавать надъ собою власти Іоанна: луговая черемиса, арскіе татары, башкирцы и другіе народы не только стѣснили воеводъ въ городѣ, но и начали нападать на области муромскую и нижегородскую, осаждали не только тѣ крѣпости, которыя были поставлены въ землѣ казанской, но и въ самой Россіи. «Вотъ, къ чему повело», замѣчаетъ Курбскій, «первое презрѣніе Іоанномъ совѣта воеводъ своихъ мудрыхъ»! Мятежники отважились даже на битву съ бояриномъ Борисомъ Морозовымъ—Салтыковымъ, выступившимъ противъ нихъ изъ Казани, разбили его на голову, перерѣзали его солдатъ, а самаго взяли въ плѣнъ и потомъ безчеловѣчно

убили, не принявъ даже выкупа ([217]). Бояре совѣтовали Іоанну навсегда оставить этотъ несчастный для Россіи край, но такой малодушный совѣтъ былъ отвергнутъ царемъ. Онъ твердо рѣшился удержать Казань за Россіею и возложилъ это дѣло на знаменитыхъ искусствомъ и храбростію воеводъ Андрея Михайловича Курбскаго, Микулинскаго, Морозова и Шереметева. Въ Николинъ день, 6 декабря, выступили они изъ Нижняго-Новгорода, назначеннаго сборнымъ пунктомъ войскъ противъ Казани ([218]). Въ этомъ послѣднемъ городѣ, данъ былъ небольшой роздыхъ войску; а потомъ Курбскій съ товарищами двинулся по арской дорогѣ къ засѣкамъ, устроеннымъ непріятелями на крутой и высокой горѣ. Отрядивъ головъ воевать по чувашской и ногайской дорогамъ, по рѣкамъ Камѣ и Мешѣ, сами воеводы пошли по направленію къ Арскому городку и Уржуму и на 10 дней пути углубились въ непріятельскую землю ([219]). «Было у казанскихъ князей», разсказываетъ Курбскій, «болѣе 15000 человѣкъ, и бились они съ передовыми нашими полками и, сколько помнится, мы сразились около 20 разъ. Пользуясь знаніемъ мѣстности, укрываясь въ лѣсахъ, они крѣпко противились намъ; но вездѣ терпѣли пораженія. Самое время имъ не благопріятствовало: въ эту зиму были большіе снѣга, не было ясныхъ дней, а потому враговъ погибло очень много.» Цѣлый мѣсяцъ преслѣдовали воеводы мятежниковъ, побили ихъ около 10,000 ([220]), взяли въ плѣнъ 6,000 мужчинъ и 15,000 женъ и дѣтей, сожгли городъ на Мешѣ, построенный мятежниками, и, опустошивъ огнемъ и мечемъ все пространство отъ Казани до Камы, отъ Волги до уржумскихъ предѣловъ и на 250 верстъ вверхъ по Камѣ ([221]), взявъ въ плѣнъ Янчуру измаильтянина и Алеку черемисина, злѣйшихъ враговъ христіанскихъ ([222]), съ торжествомъ возвратились въ Москву ([223]) ко дню Благовѣщенья. Признательный къ заслугамъ и доблести

воеводъ царь украсилъ ихъ золотыми медалями, а Курбскаго, сверхъ того, возвелъ въ 1556 г. въ санъ боярина ([224]). Итакъ Іоаннъ отличалъ Курбскаго и такъ быстро возвышалъ его, что Курбскій двадцати осьми лѣтъ былъ уже знатнымъ вельможею.

Казанскіе мятежники были только устрашены походомъ русскихъ, но не перестали враждовать противъ Россіи, и много нужно было употребить усилій Іоанну, чтобы царство казанское de facto сдѣлалось русскою областью. Въ 1556 году возстала луговая черемиса. Укротить возстаніе Іоаннъ поручилъ Курбскому и этотъ послѣдній въ сентябрѣ того же года, вмѣстѣ съ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Троекуровымъ, двинулся противъ мятежниковъ ([225]). Возвратясь изъ похода, Курбскій опять долженъ былъ выступить въ поле: въ должности воеводы лѣвой руки, онъ былъ посланъ въ Калугу для охраненія южной границы, угрожаемой нападеніемъ крымцевъ ([226]); а потомъ, въ томъ же году, стоялъ въ Коширѣ, начальствуя, вмѣстѣ съ Щенятевымъ, правою рукою ([227]).

Между тѣмъ пробилъ послѣдній часъ партіи Сильвестра: болѣе и болѣе расходилась она съ Іоанномъ и наконецъ должна была уступить ему. Изложимъ теперь событія ливонской войны, потому что эта война была камнемъ преткновенія для Сильвестра, Адашева и ихъ стороны. До временъ Іоанна IV главное вниманіе Россіи было обращено на востокъ, и до самаго Іоанна III внѣшнія отношенія, политика Россіи ограничивались одними сосѣдями. Да иначе и быть не могло: занятая раздорами своихъ многочисленныхъ владѣтелей, примыкавшая съ юга къ ордѣ, хотя и распавшейся на нѣсколько частей, но все еще сильной, окруженная на западѣ Литвою, Польшею и орденомъ Меченосцевъ, отнявшими у ней владѣнія, искони ей принадлежавшія, стремившимися поглотить

и тотъ бѣдный остатокъ отъ древней Руси Ярослава Великаго, который пользовался еще самостоятельностію, могла ли Россія при такихъ обстоятельствахъ и думать о расширеніи круга своихъ внѣшнихъ сношеній? Борьба извнѣ съ сосѣдями, внутри съ удѣльными князьями поглощала все время, занимала всѣ усилія московскихъ государей. Но, усиленное Василіемъ Темнымъ, не смотря на всѣ несчастія его правленія, окрѣпшее и сплотившееся въ одно цѣлое при Іоаннѣ III, государство московское должно было выйти изъ своей обычной колеи. Бракъ Іоанна III съ царевною Софіею, отраслью царственнаго дома Палэологовъ, императоровъ византійскихъ, возвѣстилъ Европѣ о существованіи московскаго государства, и вотъ одинъ за другимъ начали при дворѣ Іоанна являться посланники папъ, дожей венеціанскихъ, римскихъ императоровъ. Но, какъ Іоаннъ III, такъ и сынъ его Василій, все таки главное вниманіе обращали на ближайшихъ сосѣдей. Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Іоаннъ IV. Обезпечивъ восточные предѣлы покореніемъ царствъ казанскаго и астраханскаго, дружбою съ ногаями и блестящими побѣдами надъ крымцами, Іоаннъ обратилъ все свое вниманіе на западъ. Онъ постигалъ, что Россія можетъ возвыситься надъ сосѣдями, сдѣлаться государствомъ истинно могущественнымъ только тогда, когда ознакомится съ европейскимъ образованіемъ, усвоитъ себѣ европейскую цивилизацію, европейскія науки и искусства. Эта мысль была задушевною мыслью Іоанна, это былъ его идеалъ, осуществить который онъ старался во все время своей жизни. Исполненіемъ этой мысли онъ занялся съ самаго торжественнаго вѣнчанія своего на царство. Еще въ 1547 г., отправилъ онъ въ Германію Саксонца Шлиттена и поручилъ ему вызвать оттуда людей полезныхъ для Россіи ([228]). Изъ наказа, даннаго этому Шлиттену видно, что не объ одной матеріальной, но и объ ум-

ственной пользѣ своего народа заботился Іоаннъ: кромѣ ремесленниковъ, поручалось Шлиттену вызвать въ Россію людей свѣдущихъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ, также ѳеологовъ и юристовъ; изъ художниковъ предписано было ему вызвать преимущественно архитекторовъ ([229]). Хотя, вслѣдствіе коварства Ганзы и ордена Меченосцевъ, Шлиттенъ и не успѣлъ выполнить порученія ([230]), но Іоаннъ не думалъ отказываться отъ своего желанія просвѣтить Россію. Съ жаромъ брался онъ за каждый случай, могшій сблизить Россію съ западомъ и этимъ объясняется радость его, когда капитанъ Ченселоръ, занесенный бурею въ Двинскій заливъ, прибылъ къ нему съ грамотою Эдуарда VI, адресованною ко всѣмъ государямъ сѣверныхъ и восточныхъ странъ. Этимъ же объясняется и тѣсная связь Іоанна съ Англіею, не ослабѣвшая до послѣднихъ дней его жизни, не смотря на взаимныя неудовольствія. Для этой же цѣли посылалъ онъ молодыхъ людей за границу, чтобы, ознакомившись съ европейскою образованностью, они могли распространять ее и въ Россіи. По свидѣтельству самаго Курбскаго, ближній родственникъ Михайла Матвѣевича Лыкова былъ посланъ для образованія «за море во Ерманію и тамо навыкъ добрѣ Алеманскому языку и писанію: бо тамъ пребывалъ не мало лѣтъ и возвратился къ намъ въ отечество» ([231]). Проникнутый такою идеею, Іоаннъ понималъ, что для сближенія съ Европою Россіи необходимо имѣть приморскіе пункты, которые облегчили бы ей это сближеніе. Правда, Россія владѣла однимъ такимъ пунктомъ при устьѣ сѣверной Двины—Архангельскомъ, гдѣ производилась торговля съ Англіею, но этотъ пунктъ сообщенія былъ и слишкомъ отдаленъ и неудобенъ. Самое удобное для сообщенія Балтійское море было во власти ордена Меченосцевъ, въ смутное время усобицъ присвоившаго себѣ земли, составлявшія исконную собственность Россіи.

Итакъ, для открытія свободнаго пути въ западную Европу нужно было завоевать Ливонію. Съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на ливонскую войну.

Разсчетъ Іоанна былъ вѣренъ, надежда на успѣхъ несомнѣнна. Орденъ Меченосцевъ, нѣкогда знаменитый и могущественный, въ это время быстро склонился къ паденію, причины котораго лежали въ самомъ основаніи его. Чуждые другъ другу элементы, изъ которыхъ онъ сложился, стремились къ распаденію. Сначала верховная власть въ орденѣ принадлежала духовенству; но преобладаніе этого послѣдняго скоро показалось рыцарямъ тягостнымъ. Вслѣдствіе этого между духовенствомъ, старавшимся удержать за собою верховную власть и между рыцарями, стремившимися присвоить ее себѣ, завязалась борьба, въ которую вмѣшались и города, принявшіе сторону духовенства, потому что рыцари сильно утѣсняли ихъ. Съ покореніемъ населявшихъ прибалтійскія земли язычниковъ, съ увеличеніемъ благосостоянія забыли рыцари свою древнюю храбрость и воинственный духъ. Живя въ великолѣпныхъ замкахъ, они предавались нѣгѣ и роскоши, утѣсняли народъ, на счетъ котораго роскошествовали. Расточительность ихъ достигла высшей степени. Ко всему этому прибавились еще споры между самими рыцарями изъ-за владѣній, между протестантскою и католическою партіями, потому что идеи реформаціи скоро проникли и въ орденъ, изъ-за религіозныхъ убѣжденій, довершившіе разстройство ордена. Чтобы продлить свое существованіе, Меченосцы соединили судьбу свою съ Тевтонскимъ орденомъ; но и это не помогло, потому что противъ нихъ былъ самый духъ времени. Всѣ, подобныя ордену, общества, учрежденныя съ извѣстною цѣлью, могутъ существовать только до тѣхъ поръ, пока есть въ нихъ потребность, нужда; они должны рушиться и пасть, когда достигнется цѣль ихъ учрежденія, возникнутъ но-

вые понятія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, иныя потребности. Сильно потрясена была въ XVI столѣтіи папская власть. Папскій престолъ пересталъ уже давать законы Европѣ и слово римскаго первосвященника не могло уже двигать сотни тысячь людей на край свѣта для распространенія власти римской церкви. Великое движеніе народовъ, продолжавшееся два столѣтія, сблизившее востокъ съ западомъ, возвысивъ папскую власть, имѣло для нея и вредныя послѣдствія: европейцы познакомились на востокѣ съ учеными трудами арабовъ, въ нихъ пробудился духъ пытливости, любознательности, родилось стремленіе къ просвѣщенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вопросъ о правахъ церкви на свѣтскую власть. При такомъ измѣнившемся направленіи умовъ, явились Гогенштауфены, Гуссъ и Лютеръ, выступилъ на поприще Кальвинъ: всѣ они дѣйствовали противъ папъ и ихъ мірскихъ притязаній и своимъ ученіемъ потрясли громадное зданіе римской церкви въ самомъ его основаніи. Пала власть папская въ этой неровной борьбѣ, а вмѣстѣ съ нею, по законамъ неизбѣжной необходимости, пало и ея твореніе-духовные рыцарскіе ордена. При измѣнившемся направленіи умовъ, при измѣнившихся потребностяхъ эти ордена были уже анахронизмомъ, какимъ-то дряхлымъ, безполезнымъ и безцѣльнымъ учрежденіемъ въ общей жизни европейскихъ государствъ. И вотъ, еще въ XIV вѣкѣ палъ орденъ Рыцарей Храма. Орденъ Тевтонскій (въ Пруссіи), видя невозможность устоять при такихъ обстоятельствахъ, примкнулъ къ Польшѣ, преобразился въ герцогство и потерялъ самостоятельность. Оставался еще самостоятельный орденъ Меченосцевъ. Окруженный могущественными сосѣдями: Польшею, Швеціею и Россіею, орденъ этотъ, будучи еще слабѣе Тевтонскаго, разумѣется не могъ существовать самобытно. Іоаннъ очень хорошо понялъ положеніе ордена, не безъизвѣстны были ему и тѣ виды, которые

имѣли на орденъ Польша и Швеція; онъ понималъ, что если не русскіе, то поляки или шведы покорятъ Ливонію, и рѣшился предупредить ихъ.

Въ поводахъ къ этой войнѣ не было недостатка. Орденъ старался препятствовать намѣренію Іоанна просвѣтить Россію и съ этою цѣлью не пропускалъ къ намъ образованныхъ иностранцевъ, желавшихъ поступить въ нашу службу. Благодаря интригамъ ордена, посольство Шлиттена не принесло Россіи никакой пользы, а въ Европѣ ходили самые нелѣпые слухи какъ о Россіи, такъ и объ ея государѣ. Кромѣ того, по договору съ Іоанномъ III, магистръ Плеттенбергъ обязался платить Россіи ежегодную дань, но, по разнымъ обстоятельствамъ, въ теченіи цѣлаго полстолѣтія дань эта не была плачена. Іоаннъ IV потребовалъ уплаты дани и, получивъ отказъ, объявилъ Меченосцамъ войну. Такъ началась 24 лѣтняя война ливонская. Опять скажу, что главная цѣль Іоанна, съ которою онъ предпринялъ эту войну, была-придвинуть Россію къ Балтійскому морю и, включивъ ее въ семью европейскихъ государствъ, сдѣлать участницею общеевропейскихъ интересовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ, если бы только удалось ему достигнуть этой цѣли, на цѣлое столѣтіе предупредилъ бы великое дѣло Петра.

Но война ливонская, какъ и многіе другіе планы Іоанна, не встрѣтила себѣ сочувствія въ современникахъ, не была ими одобрена. Что не нравилась эта война сторонѣ Сильвестра, видно изъ словъ Курбскаго. Смотря на политику Россіи сквозь призму старинныхъ убѣжденій и понятій, онъ не одобрялъ ливонской войны. Недоступна была для его понятій, отуманенныхъ предразсудками и предубѣжденіями, высокая мысль Іоанна. По мнѣнію Курбскаго востокъ былъ болѣе достоинъ вниманія Россіи, потому что отцы и дѣды обращали вниманіе только на него и, во что бы то ни стало, Курбскій и сторона Сильвестра хо-

тѣли внушить это убѣжденіе и Грозному, совѣтуя ему, вмѣсто войны съ Ливоніей, лучше покорить Крымъ. Посмотримъ, какія доказательства приводилъ Курбскій въ подтвержденіе превосходства своего мнѣнія. «Посланъ «былъ», говоритъ онъ, «отъ Бога моръ на ногайскую т. е. заволжскую орду. Послалъ на нее Богъ зиму такую холодную, что весь скотъ попадалъ, а на лѣто и сами ногаи перемерли: живутъ татары только молокомъ отъ стадъ своихъ, а хлѣба у нихъ нѣтъ даже имени. Оставшіеся же въ живыхъ, видя, что явно посланъ на нихъ Божій гнѣвъ, пошли, для пропитанія, въ перекопскую орду. Но Господь и тамъ каралъ ихъ: отъ солнечнаго зноя сдѣлались засуха и безводіе; тамъ гдѣ прежде текли рѣки, не только не стало воды, но и прокопавъ на три сажени землю, едва можно было достать ее. Итакъ этого народа Измаильскаго очень мало за Волгою осталось, едва до 5000 способныхъ носить оружіе, а было число ихъ подобно песку морскому. Съ Перекопа этихъ ногайскихъ татаръ также прогнали, потому что и тамъ былъ великій голодъ и моръ. Нѣкоторые очевидцы изъ нашихъ, бывшихъ тамъ, увѣряли, что отъ этой язвы въ перекопской ордѣ не осталось и 10,000 всадниковъ. Настало тогда время для христіанскихъ государей отмстить бусурманамъ за кровь христіанскую, много лѣтъ безпрестанно отъ нихъ проливаемую, и успокоить на вѣкъ и себя и свое отечество: потому что бываютъ они помазаны ни для чего инаго, какъ только для суда праваго и для охраненія отъ нападенія варваровъ царства, отъ Бога имъ ввѣреннаго. И нашему царю тогда нѣкоторые синклиты, мужи храбрые и мужественные, совѣтовали и неотступно требовали отъ него, чтобы онъ самъ двинулся на перекопскаго (хана) съ сильнымъ войскомъ, потому что самое время призывало къ тому, да и Богъ побуждалъ, ясно показывая, что хочетъ подать помощь, и какъ бы перстомъ указывалъ по-

губить вѣчныхъ враговъ его, кровопійцъ христіанскихъ и избавить множество плѣнниковъ, томившихся въ рабствѣ. И еслибы помнилъ (царь) свое помазаніе, и совѣта добрыхъ и мужественныхъ воеводъ послушался, какую бы великую пользу пріобрѣлъ и на этомъ свѣтѣ, а въ десять тысячь кратъ большую въ будущемъ вѣкѣ у самаго Создателя Христа Бога, не отказавшагося пролить за родъ человѣческій дражайшей крови своей! Еслибы пришлось намъ и души свои положить за христіанъ, много лѣтъ томившихся въ плѣну, воистину эта добродѣтель обрѣлась бы предъ Нимъ выше всѣхъ добродѣтелей, потому что Онъ Самъ сказалъ: больше сія добродѣтели ничтоже есть, аще кто душу свою положитъ за други своя». Далѣе, описавъ удачный походъ кн. Дмитрія Вишневецкаго и Даніила Адашева въ Крымъ, Курбскій говоритъ: «тогда мы паки о семъ царю и паки стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился итти, или бы войско великое послалъ въ то время на орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе, и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и одноколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ готовалъ, крыюще въ себѣ оное семя, всеянное отъ предреченнаго епископа, глаголемаго Топорка» (232).

Итакъ, вотъ какъ настойчиво и упорно требовалъ Курбскій и вообще сторона Сильвестра войны съ Крымомъ; вотъ какъ вооружался онъ противъ Іоанна за неисполненіе этого требованія. Но въ томъ-то и выказывается дальновидный, проницательный умъ Грознаго, что ливонскую войну предпочелъ онъ крымской. Ежели мы даже не возмемъ въ разсчетъ тѣхъ плановъ которые Іоаннъ предположилъ себѣ выполнить, воюя Ливонію; то и тогда мы должны не винить, а оправдывать его: война съ Крымомъ ничего не предвѣщала Россіи, кромѣ неудачь

и несчастій. Вопервыхъ, многочисленнаго войска послать въ Крымъ было нельзя: путь къ Крыму пролегалъ по обширнымъ, безлюднымъ степямъ; слѣдовательно дѣйствовать большею массой войскъ было не возможно, потому что негдѣ было найти запасовъ для ихъ продовольствія. Далѣе, само собою разумѣется, въ этихъ степяхъ не было проложено дорогъ; а потому, не зная мѣстности, войска легко могли сдѣлаться жертвою непріятеля, знавшаго всю степь вдоль и поперегъ. Скрываясь въ высокой травѣ, росшей въ степи, татары, безъ всякаго вреда для себя, могли нападать на войско и наносить ему большой уронъ. Даже спустя почти два столѣтія походы въ Крымъ были сопряжены съ страшными трудностями. Если ужасныя препятствія нужно было преодолѣвать Минниху, если и тогда, при безспорно лучшемъ устройствѣ войска, предводимаго такимъ знаменитымъ полководцемъ, какъ Миннихъ, эти походы стоили Россіи только огромныхъ издержекъ, потери множества людей, а не принесли ни малѣйшей пользы; то какую же выгоду могла извлечь изъ этой войны Россія XVI столѣтія? Даже въ случаѣ успѣха, она не могла бы удержать за собою Крыма по чрезвычайному разстоянію его отъ ея предѣловъ. Такимъ образомъ, едва бы русскіе выступили изъ Крыма, какъ татары опять заняли бы полуостровъ. Слѣдовательно, Іоаннъ не предпринялъ этой войны, потому что не хотѣлъ безъ пользы губить людей и истощать казну. Во вторыхъ, орда крымская находилась подъ верховною властью Турціи, которая стояла въ это время на высшей степени могущества и славы: на престолѣ Оттоманской Имперіи сидѣлъ знаменитый Солиманъ, наполнившій Европу и Азію славою побѣдъ своихъ. Съ неудовольствіемъ видѣлъ онъ паденіе мусульманскихъ царствъ казанскаго и астраханскаго, предлагалъ крымскому хану помощь для возстановленія

ихъ самостоятельности. Но ханъ отклонялъ это предложеніе, считая невыгоднымъ для себя усиливать Порту, и безъ того уже страшную. Но Селимъ, не смотря на противорѣчіе его, отрядилъ въ 1565 году, по смерти уже Солимана, войско для возстановленія мусульманскаго царства на берегахъ Ахтубы ([233]). Безъ сомнѣнія, если-бы Іоаннъ началъ войну съ Крымомъ, Турція вступилась бы за эту землю, какъ за свою провинцію. Іоаннъ хорошо зналъ силы Россіи, понималъ, что время дальнихъ завоеваній не настало для нея; хорошо было извѣстно ему и могущество Турціи, и зналъ онъ, что Россія еще не окрѣпла для борьбы съ нею. Онъ понималъ, что для успѣшной борьбы съ Турціею Россіи необходимо познакомиться съ европейскимъ образованіемъ, съ европейскимъ военнымъ искусствомъ,-только при этихъ условіяхъ могла она восторжествовать надъ опасною соперницею, которой трепетала Европа. Горячо любя Россію и ея благо, Іоаннъ не хотѣлъ войны съ Крымомъ, влекшей за собою опасную борьбу съ Турціею, онъ хотѣлъ вѣрнаго, и потому рѣшился покорить Ливонію, слабую, стремившуюся къ паденію, но все-таки болѣе полезную для Россіи, нежели завоеваніе Крыма, гдѣ Россія опять-таки приходила въ соприкосновеніе съ однимъ востокомъ, отъ котораго не предвидѣлось выгодъ.

Прослѣдимъ теперь ходъ военныхъ дѣйствій въ Ливоніи. Безъ сомнѣнія Іоаннъ объяснялъ боярамъ, какъ неосновательно требуютъ они войны съ Крымомъ, раскрывалъ имъ и тѣ важныя причины, которыя побудили его воевать Ливонію; но они продолжали настаивать на своемъ. Итакъ должна была произойти борьба между этими двумя противоположными стремленіями: царь отстаивалъ свое право дѣйствовать самостоятельно, сторона Сильвестра защищала отвергаемый Іоанномъ обычай совѣта. На ливонскую войну должны мы смотрѣть, какъ на третью фазу

борьбы Іоанна съ притязаніями аристократіи—эта борьба достигла теперь съ той и другой стороны крайняго ожесточенія. Раздраженный долговременнымъ сопротивленіемъ стороны Сильвестра его планамъ, ожесточенный ея упорнымъ стремленіемъ возстановить старину, выведенный изъ терпѣнья ея измѣнами и крамолами, Іоаннъ наложилъ наконецъ на нее свою тяжкую руку, и путемъ казней рѣшился остановить ея противозаконные замыслы. Ливонская война представляется намъ тою преградою, о которую разбились замыслы Сильвестра и Адашева. И самъ Іоаннъ придаетъ ей это значеніе, и онъ видитъ въ ней причину казней и ожесточенія своего. «Брань», говоритъ онъ, «еже на Германы: тогда посылали есмя слугу своего, царя Шигъ-Алѣя, и боярина своего и воеводу князя Михайла Васильевича Глинскаго съ товарищи, Германъ воевати, и отъ того времени отъ попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ какова отягченія словесами не пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну изглаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися» (234). Сторона Сильвестра прибѣгала даже къ самымъ оскорбительнымъ для Іоанна средствамъ: всѣ болѣзни, приключавшіяся Іоанну или кому нибудь изъ его семейства, она выдавала за слѣдствіе ослушанія боярскаго совѣта (235). Дерзость ея дошла до того, что она осмѣлилась судить царя, какъ частнаго человѣка, въ дѣлѣ Курлятева и Сицкаго (236). Не лучше были и военные подвиги ея членовъ. Хотя, зимою 1557 г. (237), предводительствуя сторожевымъ полкомъ, Курбскій, вмѣстѣ съ другими воеводами, и вторгнулся въ Ливонію (238), хотя, благодаря безпечности рыцарей, для которыхъ отнюдь не были тайной приготовленія Іоанна къ войнѣ, воеводы наши опустошили ихъ владѣнія, нигдѣ не встрѣтивъ отпора, хотя они воевали Ливонію цѣлый мѣсяцъ; на голову разбили рыцарей, сдѣлавшихъ вылазку изъ Дерпта;

не дошли только 50 верстъ до Риги и 30 до Ревеля и, въ конецъ разоривъ Ливонію, благополучно возвратились въ Ивань-Городъ ([239]); но важнаго ничего не было сдѣлано. Единственнымъ слѣдствіемъ этого похода была просьба нѣмцевъ о мирѣ. Въ ожиданіи ихъ пословъ Іоаннъ приказалъ до 24 апрѣля прекратить военныя дѣйствія ([240]). Но нѣмцы нарвскіе нарушили это перемиріе ([241]); а потому война возгорѣлась съ новою силою.

Вслѣдъ за взятіемъ нашими войсками Нарвы, совершившимся 11 мая ([242]), явились въ Москвѣ послы магистра. Онъ соглашался заплатить дань; но царь хотѣлъ уже совершеннаго подданства Ливоніи ([243]). Такъ какъ это требованіе было рыцарями отвергнуто, то война, начавшаяся опять, имѣла уже совершенно иной характеръ: въ первый разъ русскіе вступили въ Ливонію съ цѣлію одного опустошенія, а теперь съ цѣлію завоеванія. Но дѣйствія воеводъ не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Въ томъ же году лѣтомъ царская рать, подъ главнымъ начальствомъ князя Петра Ивановича Шуйскаго, должна была двинуться въ Ливонію изъ Пскова. Передовымъ полкомъ этой рати должны были командовать Курбскій и Даніилъ Адашевъ ([244]). Курбскій, когда получилъ это назначеніе, не отправлялъ никакой должности, жилъ во Псковѣ по своей надобности, а не по царскому указу. Вмѣсто того, чтобы, сообразно повелѣнію, выступить въ походъ какъ можно скорѣе, онъ и самъ главнокомандующій тронулись съ мѣста только послѣ семи царскихъ указовъ ([245]). Овладѣвъ Сыренскомъ, городомъ, стоявшимъ при истокѣ Наровы изъ Чудскаго озера ([246]), воеводы двинулись къ Нову-Городку Нѣмецкому и Юрьеву. Новый-Городокъ (Нейгаузъ) былъ осажденъ Курбскимъ ([247]). Мужественный Укскиль фонъ Паденормъ, комендантъ этой крѣпости, защищался упорно. Осада длилась болѣе мѣсяца и была такъ трудна, что самъ Курбскій говоритъ: «едва

возмогохомъ взяти его (т. е. городъ), бо зѣло твердъ былъ» (248). Во время осады Нейгауза магистръ Фирстенбергъ, коммондоры и дерптскій епископъ, стояли только въ 30 верстахъ отъ крѣпости за вязкими болотами; но не подали ни малѣйшей помощи осажденнымъ. Когда же вѣсть о взятіи Нейгауза пришла въ ихъ станъ, они поспѣшно обратились въ бѣгство. Курбскій преслѣдовалъ магистра, но не могъ настичь его, а епископъ былъ разбитъ въ 30 верстахъ отъ Дерпта (249), куда бросился съ остатками своего войска. Курбскій и другіе воеводы осадили Дерптъ. Мужественно отстаивали нѣмцы городъ: «бишася съ нами крѣпцѣ», говоритъ Курбскій, «якоже достоитъ рыцарскимъ мужемъ» (250). Наконецъ безпрестанная стрѣльба изъ пушекъ сокрушила стѣны крѣпости и 18 іюля она сдалась (251). Хотя такимъ образомъ воеводы дѣйствовали медленно, хотя дѣйствія ихъ не соотвѣтствовали приготовленіямъ Іоанна, не смотря на то царь наградилъ ихъ щедро (252).

Между тѣмъ, повѣривъ слухамъ, будто всѣ силы Іоанна устремлены противъ Ливоніи, Девлетъ-Гирей собралъ до 100,000 воиновъ и двинулся на Россію. Іоаннъ немедленно отрядилъ войско на защиту южныхъ предѣловъ. Въ числѣ воеводъ посланъ былъ противъ крымцевъ и Курбскій: онъ назначенъ былъ воеводою въ Мценскъ и получилъ подъ свое начальство правое крыло арміи (253). Но и на этотъ разъ крымцы поспѣшно возвратились назадъ.

Попытка крымскаго хана напасть на Россію не произвела никакой перемѣны въ ходѣ военныхъ дѣйствій. По миновавіи опасности, грозившей съ юга, Курбскій былъ посланъ на прежній театръ военныхъ дѣйствій. Война ливонская принимала все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Старикъ Фирстенбергъ сложилъ съ себя въ 1558 году достоинство магистра и юный Готгардъ Кеттлеръ былъ

облеченъ въ этотъ санъ. Одаренный замѣчательнымъ умомъ, энергическимъ, твердымъ характеромъ, новый магистръ совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ. Явившись на собраніи рыцарей, онъ объявилъ имъ, что настало время тяжкими жертвами искупить спасеніе отечества, пробудилъ въ нихъ воинственный духъ, наполнилъ орденскую казну деньгами, нанялъ войско въ Германіи, снискалъ заступничество императора Фердинанда, склонилъ королей польскаго, шведскаго и датскаго подать помощь гибнувшей Ливоніи. Театръ войны расширился: Іоаннъ долженъ былъ теперь бороться съ тремя державами да, сверхъ того, защищать Россію отъ крымцевъ, всегда готовыхъ внести огонь и мечъ въ ея предѣлы; силы Іоанна раздѣлились; лучшіе воеводы его Курбскій, Воротынскій и другіе были посланы защищать южную границу, угрожаемую крымцами; а въ Ливоніи дѣла принимали все болѣе и болѣе неблагопріятный для Россіи оборотъ. Называя Ливонію сирою вдовицею, беззаконно терзаемою Іоанномъ (254), сторонники Сильвестра начали явно измѣнять, явно нерадѣть о пользахъ отечества. Такъ Дмитрій Курлятевъ и кн. Рѣпнинъ, отряженные противъ рыцарей, дозволили 10,000 нѣмцевъ взять въ виду всего русскаго войска Рингенъ и истребить тамошній гарнизонъ. Хотя Курлятевъ и успѣлъ одержать верхъ надъ братомъ магистра, но вслѣдъ за тѣмъ самъ магистръ наголову разбилъ Рѣпнина: Курлятевъ и Рѣпнинъ дѣйствовали до такой степени неудачно, что нѣмцы могли бы овладѣть самымъ Дерптомъ, еслибы только хотѣли этого (255). Не лучше дѣйствовалъ и Алексѣй Адашевъ: будучи посланъ въ Ливонію съ войскомъ, онъ провелъ цѣлое лѣто въ бездѣйствіи. Только зимой онъ выступилъ наконецъ въ походъ, который сопровождался гибелью множества людей, побитыхъ литовцами и рыцарями (256). Далѣе, въ 1560 году воевода Захарія Плещеевъ дважды потерпѣлъ пораженіе отъ магистра, и въ одной

изъ битвъ потерялъ болѣе 1200 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ ([257]). Вслѣдствіе такихъ неудачь, происходившихъ отъ явной небрежности, явнаго нерадѣнія воеводъ ([258]), духъ русскихъ войскъ, по свидѣтельству самого Курбскаго, упалъ до того, что многочисленные полки обращали тылъ предъ непріятелемъ, въ нѣсколько разъ слабѣйшимъ ([259]). Чтобы поправить дѣло, Іоаннъ послалъ въ Ливонію Курбскаго съ Алексѣемъ Адашевымъ и далъ имъ войско многочисленное ([260]). Главное начальство надъ этимъ войскомъ было ввѣрено царемъ Курбскому ([261]). Блистательно выказалось при этомъ случаѣ и довѣріе царя къ Курбскому и высокое мнѣніе его о военныхъ талантахъ послѣдняго. Послушаемъ, какъ разсказываетъ намъ объ этомъ самъ Курбскій: «введе мя царь въ ложницу свою и глагола ми словесами, милосердіемъ растворенными и зѣло любовными, и къ тому со обѣщаньми многими: принужденъ быхъ, рече, отъ оныхъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ, або самъ итти сопротивъ Лифлянтовъ, або тебя, любимаго моего, послати, да охрабрится паки мое воинство, Богу помогающу ти; сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ» ([262]). Воеводы двинулись сначала къ Бѣлому Камню (Вейсенштейну), крѣпости, находившейся въ 18 верстахъ отъ Дерпта, взяли крѣпкій замокъ Фегефееръ, принадлежавшій епископу ревельскому, опустошили богатую Коскильскую область. Поразивъ потомъ подъ самымъ Вейсенштейномъ отрядъ нѣмецкій, узнавъ отъ плѣнниковъ, что магистръ и другіе орденскіе военачальники съ 9 полками конными и пѣшими стоятъ въ 18 миляхъ оттуда за вязкими болотами, Курбскій въ ночь выступилъ противъ нихъ и рано утромъ достигъ болотъ, за которыми скрывалось нѣмецкое войско. Цѣлый день шелъ по этимъ болотамъ отрядъ Курбскаго и еслибы магистръ ударилъ въ это время на русскихъ, то истребилъ бы ихъ совершенно. Перейдя болота и давъ кратковременный роздыхъ своему отряду,

Курбскій предъ закатомъ солнца двинулся на магистра и въ самую полночь ударилъ на него. Битва длилась полтора часа. Русскіе имѣли на своей сторонѣ ту выгоду, что, стоя противъ непріятельскихъ огней, могли удобнѣе цѣлить въ нѣмцевъ. Когда же приспѣло остававшееся назади запасное войско, русскіе двинулись впередъ, сломили непріятеля и гнали его цѣлую милю до рѣки, гдѣ мостъ подломился подъ бѣгущими и довершилъ ихъ разстройство. На восходѣ солнца Курбскій возвратился къ магистрову стану, захватилъ орденскій обозъ и со 170 плѣнниковъ ушелъ обратно въ Дерптъ.

Послѣ пятидневнаго роздыха, Курбскій двинулся къ Феллину, гдѣ засѣлъ старый магистръ Фирстенбергъ. Скрывъ въ засадѣ все войско, Курбскій отрядилъ къ стѣнамъ крѣпости нѣсколько сотенъ татарской конницы, чтобы выманить магистра съ гарнизономъ на открытое поле. Дѣйствительно магистръ дался въ обманъ, вышелъ изъ города со всемъ войскомъ, попалъ въ засаду и обязанъ своимъ спасеніемъ только быстротѣ своего коня. Пробывъ въ полѣ 7 или 8 мѣсяцевъ, Курбскій съ торжествомъ и добычею возвратился въ Дерптъ ([263]).

Но, какъ и должно было ожидать, царь не былъ доволенъ подобными дѣйствіями. Лѣтомъ тогоже 1559 г. онъ послалъ въ Ливонію новыхъ воеводъ и съ ними новое войско изъ 40,000 человѣкъ. Цѣлію похода былъ Феллинъ ([264]). Въ этомъ походѣ участвовалъ и Курбскій: онъ былъ воеводою передоваго полка ([265]). Осада Феллина длилась три недѣли и всѣ дѣйствія воеводъ ограничивались стрѣльбою по городу изъ большихъ орудій ([266]). Курбскій съ отрядомъ своимъ былъ посланъ подъ Кесь ([267]), и получилъ приказаніе опустошить окрестности Риги. Онъ выдержалъ двѣ битвы: поразилъ нѣмцевъ подъ Вольмаромъ, разбилъ подъ Кесью Полубенскаго, отряженнаго противъ русскихъ гетманомъ Іеронимомъ Хот-

кѣвичемъ и, опустошивъ рижскія окрестности, возвратился въ станъ подъ Феллинъ ([268]). Вскорѣ послѣ того сдался и Феллинъ: удачнымъ выстрѣломъ русскіе успѣли произвести пожаръ въ городѣ и гарнизонъ сдался на капитуляцію, выговоривъ себѣ свободное отступленіе ([269]). Это было въ 1560 году ([270]).

Послѣ такихъ ударовъ Меченосцы потеряли всякую надежду сохранить свою самобытность: несчастная осада Лаиса и роковая битва при Эрмисѣ, 2 августа 1560 года, совершенно сокрушили силы ордена. Опустошенная непріятелемъ, покрытая пепломъ и кровію, изнемогшая отъ тяжкихъ усилій въ неровной борьбѣ съ могучимъ противникомъ Ливонія предпочла покориться другимъ державамъ, а не иновѣрной, ненавистной Россіи. Ноября 28 1561 года, магистръ Кеттлеръ призналъ польскаго короля Сигизмунда Августа государемъ Ливоніи, выговоривъ себѣ Курляндію и Семигалію въ качествѣ наслѣдственнаго герцогства. Другіе государи спѣшили также поживиться на счетъ слабаго ордена. Король датскій Фридрихъ купилъ для брата своего Магнуса епископство эзельское; а король шведскій Эрикъ XIV убѣдилъ эстонцевъ признать себя подданными Швеціи. Такимъ образомъ владѣнія ордена распались на нѣсколько частей: Швеція взяла Гаррію, Ревель и половину Вирландіи; Магнусъ овладѣлъ Эзелемъ, Готгардъ Кеттлеръ Курляндіею и Семигаліею, а остальныя части были заняты нашими войсками; слѣдовательно, чтобы пріобрѣсти себѣ всю Ливонію, Россія должна была теперь вести войну съ тремя державами. Не устрашился Іоаннъ числа своихъ враговъ и, вѣрный задушевной своей мысли-приблизить Россію къ Балтійскому морю, смѣло и отважно шелъ навстрѣчу имъ: у него было войско опытное, были полководцы искусные и, по всѣмъ расчетамъ, успѣхъ долженствовалъ увѣнчать его усилія.

Давно уже Польша непріязненно смотрѣла на успѣхи нашего оружія въ Ливоніи, давно она объявила уже войну Россіи, но рѣшительно стала дѣйствовать только съ 1561 года, когда овладѣла частью орденскихъ земель. Должно сознаться однакожъ, что сначала и Россія и Польша дѣйствовали слабо: военныя дѣйствія состояли только въ обоюдномъ опустошеніи областей. Такъ въ 1562 году, находясь съ войскомъ въ Великихъ Лукахъ для защиты западной границы Россіи ([271]), Курбскій ворвался въ Литву и выжегъ посадъ Витебска; это было въ іюнѣ ([272]), а въ августѣ литовцы подступали къ Невлю, но не могли взять его и, разграбивъ волости, удалились. Курбскій пошелъ противъ нихъ, но важныхъ послѣдствій этотъ походъ не имѣлъ: Курбскій только добылъ у литовцевъ языка ([273]). Наконецъ въ 1563 году Іоаннъ вздумалъ нанести Литвѣ рѣшительный ударъ и самъ повелъ войско къ Полоцку, считавшемуся главнымъ оплотомъ Литвы съ востока. Сторожевой полкъ рати былъ подъ начальствомъ Курбскаго ([274]). Генваря 31 городъ былъ осажденъ, 7 февраля взяты внѣшнія укрѣпленія, а 15 и самый городъ. По завоеваніи Полоцка Іоаннъ назначилъ Курбскаго первымъ воеводою въ Юрьевъ или Дерптъ ([275]). Это былъ новый знакъ довѣрія царя къ Курбскому, потому что Юрьевъ былъ чрезвычайно важенъ для Россіи; но довѣренность царя не оправдалась.

Крѣпчала брань на поляхъ Ливоніи, крѣпчала и борьба Іоанна съ стороною Сильвестра. 1560 годъ былъ роковымъ годомъ для нея. Видя, что охлажденіе его къ Сильвестру нисколько не исправило этого послѣдняго, зная, что Сильвестръ попрежнему продолжаетъ злословить его ([276]), видя, что сторона Сильвестра, преслѣдуя свою задушевную мысль: «царь долженъ быть только главою и любить мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, ничего не предпринимать безъ глубочайшаго и многаго со-

вѣта», готова этой мысли пожертвовать интересами и благомъ Россіи, Іоаннъ, «сыскавъ измѣны собаки Алексѣя со всѣми его совѣтники» (277), положилъ въ 1560 году конецъ вліянію Сильвестра и Адашева. Милостиво поступилъ Іоаннъ съ крамольниками: Алексѣй Адашевъ посланъ былъ воеводою въ Ливонію (278), а Сильвестръ, видя, что сторона его лишилась уже своего значенія, потеряла довѣренность Іоанна, оставилъ дворъ и удалился въ одинъ пустынный монастырь, лежавшій во 100 миляхъ отъ Москвы (279). Сильвестру, а равно и сыну его было оставлено все ихъ имущество: Іоаннъ желалъ судиться съ Сильвестромъ не земнымъ судомъ, но «предъ агнцемъ Божіимъ» (280). Ни одинъ изъ сторонниковъ Сильвестра и Адашева не былъ преданъ казни; Іоаннъ хотѣлъ усовѣстить крамольниковъ милосердіемъ. Всѣ мѣры его ограничились только тѣмъ, что онъ взялъ съ подданныхъ клятву не принадлежать къ сторонѣ Сильвестра и Адашева, не стараться о возвращеніи ея представителямъ прежней силы, прежняго значенія въ государствѣ (281). Но крамола не умерла съ паденіемъ главныхъ крамольниковъ. Въ письмѣ своемъ къ Курбскому Іоаннъ говоритъ, что, не смотря на присягу, сторонники павшей партіи, все-таки старались возвратить прежнее значеніе своимъ предводителямъ. «Отъ нарицаемыхъ тобою мучениковъ», пишетъ онъ Курбскому, «и отъ согласныхъ имъ наша заповѣдь ни вочтожъ положиша и крестное цѣлованіе преступивше, нетокмо отсташа отъ тѣхъ измѣнниковъ, но и большими начаша имъ помогати и всячески промышлять, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и на насъ лютѣйшее составити умышленіе» (282). Нѣтъ ничего естественнѣе и справедливѣе этихъ словъ Грознаго: ни одного примѣра не найдемъ мы, чтобы партія когда нибудь падала безъ сопротивленія, чтобы съ паденіемъ ея прекратилось и ея бытіе; она живетъ и дѣйствуетъ до

тѣхъ поръ, пока возможно ея существованіе; она продолжаетъ борьбу съ противною партіею до тѣхъ поръ, пока въ этой борьбѣ не истощитъ своихъ силъ. Слѣдовательно, нисколько не погрѣшимъ мы противъ истины, если заключимъ, что съ удаленіемъ стороны Сильвестра съ политическаго поприща, силы ея нисколько не ослабѣли. Да, и можно ли предположить, чтобы эта сторона, считавшая въ рядахъ своихъ столько замѣчательныхъ талантовъ, безъ боя, безъ сопротивленія до послѣдней капли крови *поступилась* Іоанну тѣми выгодами, которыя отчасти уже успѣла, отчасти имѣла въ виду пріобрѣсти; примѣръ Курбскаго, примѣръ многихъ другихъ доказываетъ совершенно противное. Мы видимъ, что Іоаннъ боролся съ этою партіею до послѣднихъ дней своихъ, она не примирилась съ нимъ и на закатѣ его бурной жизни, она безпрестанно строила противъ него ковы, она довела его до такого отчаянія, что онъ не шутя думалъ искать спасенья въ чуждой землѣ ([283]), что онъ не надѣялся даже на возможность вступленія своихъ сыновей на престолъ ([284]). Но, для блага Россіи Провидѣніе спасло своего помазанника: могучею, сильною рукою потрясъ онъ сословіе боярское; но борьба не прекратилась. Она длилась и послѣ его смерти. На короткое время бояре успѣли даже взять перевѣсъ и Василій Шуйскій, представитель аристократіи, вступилъ на престолъ; но другіе аристократы, завидуя Шуйскому, приготовили ему гибель. По паденіи Шуйскаго аристократія достигла высшей степени значенія: въ смутное время, въ періодъ междуцарствія, ея представители успѣли захватить въ свои руки верховную власть—это *семибоярщина*. Но идея государства, повидимому, заглушенная, уничтоженная, восторжествовала и благословенный домъ Романовыхъ довершилъ ея развитіе. Мы сочли нужнымъ высказать все это для доказательства своего убѣжденія,

что поборница старины, сторона Сильвестра и Адашева хлопотала о возстановлении своего прежняго значенія. Главное дѣло заключается здѣсь не въ личности Сильвестра или Адашева, но въ той идеѣ, которую они олицетворяли и доколѣ жила эта идея, до тѣхъ поръ и они должны были находить себѣ защитниковъ; а жила эта идея и по смерти Іоанна Грознаго.

Само собою понятно, что Сильвестръ и Адашевъ не только не остались невнимательными, къ этому старанію своихъ защитниковъ; но и, вѣроятно, убѣждали ихъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Наконецъ Іоаннъ прибѣгнулъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ; но и въ этомъ случаѣ вполнѣ выказался его истинно-царскій характеръ. Онъ не осудилъ самъ Сильвестра и Адашева, онъ созвалъ для суда надъ ними соборъ изъ знатнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ и, предложивъ на ихъ разсмотрѣніе преступленія обвиняемыхъ, требовалъ суда строгаго и безпристрастнаго. Одинъ только голосъ раздался на соборѣ въ защиту обвиняемыхъ–то былъ голосъ митрополита, требовавшаго, чтобы виновные были призваны на соборъ для оправданія. Заступничество митрополита объясняется тѣмъ, что онъ самъ принадлежалъ къ сторонѣ Сильвестра. Но требованіе митрополита было отвергнуто: все собраніе осудило Сильвестра и Адашева, какъ преступниковъ. Сильвестръ сосланъ былъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь, Алексѣй Адашевъ остался воеводою въ Феллинѣ ([285]); когда же, вмѣсто того, чтобы, видя милость Іоаннову, усовѣститься, смириться, Адашевъ началъ опять интриговать ([286]);то Іоаннъ приказалъ отвезти его въ Дерптъ и держать тамъ подъ стражею ([287]). Чрезъ два мѣсяца послѣ этого Адашева не стало: онъ умеръ отъ горячки ([288]). Такъ пали Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ!

Само собою понятно, что паденіе Сильвестра и Адашева непріятно подѣйствовало на Курбскаго, связаннаго

съ ними и единствомъ интересовъ и узами тѣсной дружбы; само собою понятно, что онъ не одобрялъ этой рѣшительной мѣры Іоанна (289), и не могъ не желать, чтобы друзья его возвратили свое прежнее значеніе. Но все было тщетно, всѣ усилія поддержать старое безплодны: раздраженный крамолами, потерявшій всякое терпѣніе, Іоаннъ прибѣгъ наконецъ къ казнямъ, думая страхомъ смерти смирить непокорныхъ. Съ своей стороны партія Сильвестра, раздраженная потерею своего вліянія, гибелью своихъ представителей, озлобленная мгновеннымъ уничтоженіемъ своихъ долголѣтнихъ усилій, начала противъ царя «больше стояти и измѣняти», а царь съ своей стороны «началъ жесточайше противъ нее стояти» (290). Такимъ образомъ борьба старины съ новыми началами ожесточалась все болѣе и болѣе. Такъ до сихъ поръ мы видѣли въ Курбскомъ только нерадиваго иногда исполнителя царскихъ приказаній, теперь видимъ уже въ немъ измѣнника. Одна только любовь къ отечеству могла примирить его съ идеями Іоанна; но, проникнувшись съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни ненавистью къ Москвѣ, Курбскій не былъ проникнутъ любовію къ отечеству. Отецъ не могъ внушить ему этого святаго чувства, потому что самъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ его. Чувство любви къ отечеству требуетъ самоотверженія, пожертвованія общей пользѣ личными интересами; слѣдовательно подчиненія частныхъ желаній общему благу. Но какого же самоотверженія мы будемъ искать у боярина, который при малѣйшемъ нарушеніи своихъ, не говоримъ уже правъ, но и мелочныхъ выгодъ, отказывался служить отечеству? (291) Слѣдовательно, преобладающимъ чувствомъ большей части бояръ временъ Іоанна Грознаго былъ эгоизмъ, а при господствѣ этого чувства они не могли хлопотать ни о какихъ другихъ интересахъ, кромѣ собственныхъ, личныхъ. Нѣтъ нужды приводить доказательства въ подтвер-

жденіе сказаннаго нами: ихъ слишкомъ много. Общая язва того времени коснулась и Курбскаго. Правда, въ своихъ сочиненіяхъ онъ высказываетъ часто скорбь о покинутомъ отечествѣ, называетъ его землею Божіею, оплакиваетъ свое изгнаніе изъ него (292); но слова его не оправдываются дѣйствіями, изъ которыхъ видно, что отечество было для него тамъ, гдѣ выгодно. Такія безотрадныя явленія въ жизни гражданскихъ обществъ, такая настроенность историческихъ дѣятелей могутъ существовать только тогда, когда въ жизни народа совершаются какіе нибудь важные перевороты. Эти времена перехода общества отъ одного состоянія къ другому самыя мрачныя, самыя тяжкія въ жизни народовъ, и не будь идеи, одушевляющей дѣятелей этихъ временъ, они были бы самыми безотрадными страницами исторіи. Обыкновенно въ эти времена предъ глазами историка развертывается страшная картина измѣнъ и гоненій; но въ нихъ есть та утѣшительная сторона, что изъ борьбы раждается новый, лучшій порядокъ вещей. При такомъ состояніи переходныхъ временъ исторіи, при томъ ожесточеніи, съ какимъ борются между собою защитники стараго и новаго, естественно не всегда дѣйствуетъ въ нихъ высокая справедливость: цѣль какъ тѣхъ, такъ и другихъ во чтобы то ни стало остаться побѣдителями, удержать за собой поле битвы. Надобно принять въ соображеніе и нравы тогдашняго времени. Читайте сочиненія русскихъ и иностранныхъ писателей Іоаннова и вскорѣ за нимъ послѣдовавшаго времени и вы увидите, въ какомъ жалкомъ состояніи была тогда народная нравственность. Вотъ какъ описываетъ нравственность русскихъ нѣмецъ Матвѣй Шаумъ, служившій около 1613 года въ шведскомъ войскѣ: «правда» говоритъ онъ, «что мы сами недостойные грѣшники, по пословицѣ concutimur in nostris vitiis, не видимъ собственныхъ пороковъ; но русскіе всѣхъ на свѣ-

тѣ грѣшнѣе по причинѣ своего закоренѣлаго суевѣрія, не смотря на то, что они только себя называютъ святымъ народомъ, а всѣхъ прочихъ скверными бусурманами. Ибо хотя они заняли у грековъ истины христіанской вѣры, но подъ видомъ и подъ именемъ христіанъ остаются прямыми варварскими язычниками. Сверхъ того они погрязли въ содомскомъ грѣхѣ, и никакъ не могутъ быть вразумлены, сколь великъ сей грѣхъ въ Св. Писаніи, а потому и не наказываютъ, какъ должно, за оный. Нѣкоторые оскверняютъ себя кровосмѣшеніемъ. И сіе не есть уже случайность, но сдѣлалось обыкновеніемъ, баснію за столомъ, препровожденіемъ времени и достославнымъ рыцарствомъ. Я не говорю уже объ ихъ обжорствѣ и пьянствѣ, о вѣроломствѣ, злоковарствѣ, клятвопреступничествѣ, воровствѣ, обманахъ въ покупкѣ и продажѣ, измѣнѣ, плотоугодіи между ближайшими друзьями. Да и какъ не быть у нихъ таковымъ грѣхамъ обыкновенными, когда они не знаютъ слова Божія и не слушаютъ проповѣди . . . . Да и «Отче нашъ» они прочитать не умѣютъ, не говорю уже о другихъ заповѣдяхъ или о другихъ частяхъ св. катихизиса» (293). Конечно, это изображеніе неудовлетворительнаго состоянія нравственности русскаго общества относится къ позднѣйшему времени смутъ; конечно, многое въ этомъ свидѣтельствѣ уже слишкомъ преувеличено, по обыкновенному расположенію большей части иностранцевъ выставлять въ русскомъ народѣ одну только дурную сторону. Если даже допустимъ мы дѣйствительное существованіе на Руси такихъ пороковъ, какіе исчисляетъ Шаумъ, то и тогда Русскіе не будутъ еще грѣшнѣе другихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать изображеніе состоянія Германіи послѣ тридцатилѣтней войны, и мы увидимъ, что въ порокахъ перевѣсъ будетъ на сторонѣ благочестивыхъ нѣмцевъ (294). Должно впрочемъ сознать-

ся, что свидѣтельство Шаума въ главныхъ чертахъ подтверждается Стоглавомъ ([295]), посланіемъ Макарія митрополита къ свіяжскому войску ([296]) и наконецъ посланіями Іоанна къ разнымъ монастырямъ ([297]); хотя, руководясь этими документами, нельзя приписать русскому народу и третьей части тѣхъ преступленій, которыми награждаетъ его Шаумъ. Безнравственность тогдашняго общества открывается въ томъ, что въ борьбѣ съ царемъ бояре не пренебрегали никакими средствами; безнравственность тогдашняго общества скорѣе заключается въ безчувственномъ эгоизмѣ и, вслѣдствіе этого, въ нерадѣніи о благѣ общественномъ. При такомъ положеніи дѣлъ измѣна Курбскаго была дѣломъ обыкновеннымъ. Разсмотримъ теперь обстоятельства этой измѣны.

Дѣятельность Курбскаго въ Россіи заключилась 1563 годомъ. Осенью этого года онъ сразился съ литовцами подъ Невлемъ и былъ разбитъ. Упрекая Курбскаго въ этой неудачѣ, Іоаннъ пишетъ: «то ли ваша бранная храбрость, иже подъ градомъ Невлемъ пятьюнадесять тысящь четыре тысящи не могосте побити и нетокмо уже побѣдисте, но и сами отъ нихъ, ничтоже успѣвше, едва возвратистеся» ([298]). Разсказъ польскаго историка Мартина Бѣльскаго подтверждаетъ слова Іоанна. У Бѣльскаго читаемъ: ([299]) «въ 1563 году (осенью) на сеймѣ варшавскомъ получено радостное извѣстіе изъ Литвы о пораженіи нашими 40,000 россіянъ подъ московскимъ замкомъ Невлемъ. Коронный гетманъ Флоріанъ Зебржидовскій, самъ будучи боленъ, отрядилъ изъ Озерищъ Черскаго каштеляна, Станислава Лѣсневельскаго съ 1500 польскихъ воиновъ и 10-ю полевыми орудіями къ Невлю, близь коего расположилось 40,000-е войско непріятелей. Лѣсневельскій, узнавъ достовѣрно о силѣ ихъ, приказалъ ночью развести во многихъ мѣстахъ огни, чтобы отрядъ его казался много-

численнѣе и сталъ на весьма выгодномъ мѣстѣ, имѣя съ двухъ сторонъ воду. Рано утромъ устроилъ онъ свое войско, разставилъ орудія въ скрытыхъ мѣстахъ и ждалъ нападенія. Вскорѣ показались москали: ихъ такъ было много, что наши не могли окинуть ихъ взоромъ. Русскіе же, видя горсть поляковъ, дивились ихъ смѣлости, и московскій гетманъ, князь Крупскій, говорилъ, что одними нагайками загонитъ ихъ въ Москву. Наконецъ сразились. Битва продолжалась съ утра до вечера. Сначала москали, имѣя превосходныя силы, одолѣвали, но наши устояли на полѣ битвы и перебили ихъ весьма много: пало по крайней мѣрѣ семь или восемь тысячъ, кромѣ утонувшихъ и побитыхъ во время преслѣдованія. Нашъ уронъ былъ незначителенъ.... Такъ Господь Богъ даровалъ намъ вовсе неожиданную побѣду къ удивленію москалей. Товарищъ Крупскаго, приписывая ему всю неудачу, упрекалъ его въ проигранной битвѣ. Онъ же, указавъ на наше войско, отвѣчалъ на упреки: «они еще здѣсь. Попробуй, не удастся ли тебѣ лучше, чѣмъ мнѣ Я же не хочу измѣрять силъ своихъ вторично, потому что знаю поляковъ». Крупскій былъ раненъ и, опасаясь, что товарищъ обвинитъ его предъ великимъ княземъ, бѣжалъ къ намъ: король далъ ему помѣстье Ковель и др. Въ гербѣ его былъ левъ». Въ этомъ разсказѣ Мартина Бѣльскаго, невѣрномъ въ своихъ подробностяхъ, отзывающемся самохвальствомъ, несомнѣнно, по нашему мнѣнію, только то, что Курбскій, предводительствуя превосходными силами, былъ разбитъ подъ Невлемъ поляками и бѣжалъ въ Польшу.

Мы смотримъ на бѣгство Курбскаго изъ Россіи какъ на измѣну. Да мы и не можемъ смотрѣть иначе. Такъ же смотритъ на это событіе и Грозный. «Собацкимъ измѣннымъ обычаемъ», пишетъ онъ Курбскому, «преступилъ крестное цѣлованіе и ко врагамъ христіанства со-

единился еси» ([300]). Но Курбскій считаетъ эти слова Іоанна клеветою: «а еже пишеши», говоритъ онъ въ письмѣ своемъ къ царю, «аки бы тобѣ не покорился и землею твоею хотѣлъ владѣти, измѣнникомъ и изгнанцемъ нарицающе мене: сіе отвѣщаніе оставляю явственнаго ради отъ тебе навѣту или потвару. Богъ есть свидѣтель на мою душу, иже не чую ся винна предъ тобою ни въ чесомъ же» ([301]). Итакъ мы видимъ, что Курбскій не хочетъ признать своего бѣгства изъ Россіи измѣною и названіе измѣны, данное этому поступку Грознымъ, считаетъ клеветою; а Грозный не хочетъ смотрѣть на бѣгство Курбскаго иначе, какъ на измѣну. Разсмотримъ теперь: какимъ образомъ могъ родиться у нихъ совершенно противоположный взглядъ на одинъ и тотъ же фактъ?

Въ древней Руси бояринъ пользовался однимъ важнымъ правомъ—въ случаѣ неудовольствія на своего князя переходить на службу къ другому князю. Такъ поступилъ напримѣръ при Калитѣ московскій бояринъ Іакинѳъ. Оскорбленный предпочтеніемъ, оказаннымъ Калитою вновь прибывшему въ Москву кіевскому боярину Родіону Несторовичу, онъ перешелъ на службу къ тверскому князю ([302]). Переходили бояре на службу другаго князя и тогда, когда въ этомъ переходѣ видѣли свои выгоды. Такъ со времени усиленія Москвы тверскіе бояре, оставляя тверскую службу, переходили на службу московскую, потому что послѣдняя представлялась имъ выгоднѣе первой ([303]). Это право бояръ переходить съ службы одного князя на службу другаго называлось *отъѣздомъ*. Отъѣздъ не считался измѣной, но былъ законнымъ правомъ боярина, какъ человѣка свободнаго ([304]), и, въ своихъ договорныхъ грамотахъ, князья обязывались не держать *нелюбья* на отъѣзжиковъ. Такъ въ договорной грамотѣ великаго князя Симеона Ивановича съ братьями, писанной въ 1341 г., читаемъ: «а боярамъ и слугамъ вол-

нымъ воля; кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ великому князю, или отъ тобе къ намъ, нелюбья не держати» ([305]). Въ договорной грамотѣ князя Дмитрія Іоанновича Донскаго съ двоюроднымъ братомъ его, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, относящейся къ 1362 году, говорится: «а бояромъ и слугамъ волнымъ воля. А хто будеть бояръ и слугъ к тобе, брату моему молодшему, отъ мене отъѣхалъ до сего докончанья, или по семъ докончаньи къ тобе пріѣдеть, на тыхъ ми нелюбья не держати; такожде и отъ тебе брата моего молодшаго ко мнѣ бояръ и слугъ хто пріѣхалъ, нелюбья не держати» ([306]). Мало этого: князья обязывались наблюдать неприкосновенность находившихся въ ихъ удѣлахъ отчинъ этихъ отъѣзжиковъ. Тотъ же Димитрій Донской такъ договаривается, въ 1368 г., съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ: «а кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобе, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей отчинѣ, великомъ княженьи, или въ твоей отчинѣ въ Тфѣри, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися» ([307]). Это послѣднее обстоятельство было чрезвычайно невыгодно для князей: бояре, отъѣхавшіе отъ князя (а отъѣздъ всегда предполагаетъ взаимное неудовольствіе), могли изъ своихъ отчинныхъ людей составлять враждебную для князя силу въ его собственномъ удѣлѣ и, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, ставить его въ затруднительное положеніе. Вредъ, проистекавшій изъ отъѣзда, князья старались уменьшить тѣмъ, что въ договорныхъ грамотахъ постановляли, чтобы бояринъ, не несшій на себѣ службы какого-нибудь князя, напримѣръ московскаго, не пріобрѣталъ безъ его позволенія отчинъ въ его удѣлѣ. Вслѣдствіе этого постановленія московскимъ боярамъ запрещалось пріобрѣтать отчины въ тверскомъ княжествѣ, а тверскимъ въ московскомъ. Съ усиленіемъ Москвы, государи ея начали стремиться къ уничтоженію права

отъѣзда, и это стремленіе выразилось въ отнятіи отчинъ у отъѣзжиковъ (309). Да, со времени усиленія Москвы, право отъѣзда должно было и само собой уничтожиться, потому что боярамъ некуда было отъѣзжать. Сильнѣйшими послѣ Москвы были Рязань, Тверь и Новгородъ; но рядомъ договорныхъ грамотъ они обязывались держать имя великаго князя *честно и грозно*, признавать его старѣйшимъ; слѣдовательно сознавали невозможность борьбы съ нимъ. Куда же было отъѣзжать боярамъ? Къ тверскому князю? Но тверской князь не могъ бороться съ Москвою, а потому и не рѣшался принимать къ себѣ московскихъ отъѣзжиковъ, опасаясь раздражить тѣмъ московскаго князя, съ которымъ желалъ быть въ мирѣ. Равнымъ образомъ и князь рязанскій не могъ рѣшиться на борьбу съ Москвою, ясно доказавшею ему превосходство своихъ силъ (310). При Василіи Темномъ мы встрѣчаемъ еще примѣры отъѣзда. Такъ бояринъ Василій Дмитріевичъ отъѣхалъ къ Юрію, дядѣ Темнаго. Со вступленіемъ на престолъ Іоанна III, когда Россія объединилась, составила одно цѣлое; когда Новгородъ, постоянное прибѣжище враговъ Москвы (311), сдѣлался областью московскаго государства; когда тверское княжество потеряло свою самобытность, когда остальныя части Россіи: Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество сохраняли только тѣнь самостоятельности, завися во всемъ отъ воли великаго князя московскаго,—право отъѣзда должно было сильно стѣсниться. Вслѣдтвіе раждающейся идеи государства отъѣздъ въ орду и Литву сталъ считаться измѣною; слѣдовательно уже преступленіемъ, а не законнымъ правомъ. Бояръ, отъѣзжавшихъ въ орду и Литву, обыкновенно ловили на дорогѣ и предавали казни. Часто наказывали даже за одно намѣреніе измѣнить Россіи. Въ одной лѣтописи, подъ 7001 годомъ, разсказывается слѣдующее происшествіе: «да и на Бѣльскаго Лукомскій сказалъ, што онъ хотѣлъ бѣжать въ Литву и

за то пойманъ (Бѣльскій) и посланъ въ Галичь въ заточенье» (312). По духовной грамотѣ Іоанна III, писанной въ 1504 году, бояре, оставлявшіе службу великокняжескую, лишались уже своихъ отчинныхъ владѣній: «а боярамъ и дѣтемъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и куплями не отъѣхать отъ моего сына Василья; а кто отъѣдетъ и земли ихъ моему сыну» (313). Клятвенными записями Іоаннъ III обязывалъ бояръ своихъ не отъѣзжать изъ московскаго государства и требовалъ, чтобы другіе бояре поручались въ вѣрномъ исполненіи этихъ записей. До насъ дошла клятвенная запись князя Даніила Холмскаго, въ которой онъ обязывается служить великому князю вѣрно и не отъѣзжать никуда (314). Дошла до насъ и поручная запись Воронцова по Даніилѣ Холмскомъ; поручитель обязывается, въ случаѣ бѣгства Холмскаго, внести 250 руб. въ великокняжескую казну, тогда какъ села и вообще все имущество Холмскаго поступало въ такомъ случаѣ въ казну (315). Василій III еще болѣе настаивалъ на уничтоженіе вреднаго права отъѣзда, и отъ его времени дошли до насъ 10 такихъ же записей, въ которыхъ бояре клялись не отъѣзжать ни къ кому отъ московскаго государя (316), безъ вѣдома его не сноситься ни съ Литвой, ни съ ордой, и представлять всѣ, получаемыя оттуда, письма на его разсмотрѣніе (317), предоставляли ему полную волю казнить какъ самихъ ихъ, такъ и дѣтей ихъ въ случаѣ отъѣзда или другой какой нибудь вины (318). Итакъ, мы видимъ, что, по мѣрѣ перехода Москвы изъ княжества удѣльнаго въ государство, право отъѣзда было все болѣе и болѣе стѣсняемо и признавалось уже не за право, а за преступленіе, заслуживающее смертной казни. Іоаннъ IV Грозный, въ теченіе всей своей жизни, неуклонно преслѣдовавшій идею государства, стремившійся къ уничтоженію всѣхъ правъ боярскихъ, несогласныхъ съ нею, противодѣйствовавшихъ ея

развитію, не могъ оставить неприкосновеннымъ и права отъѣзда боярскаго, какъ нисколько несообразнаго съ идеею государства, гдѣ воля каждой, индивидуальной личности, должна подчиняться общей волѣ, должна согласоваться съ ея требованіями; гдѣ частное лице свои интересы должно приносить въ жертву интересамъ общественнымъ; гдѣ слѣдовательно всякое отступленіе отъ этого правила есть своеволіе, отрицаніе закона; слѣдовательно преступленіе. На основаніи такихъ понятій Іоаннъ IV уничтожаетъ всякое покушеніе къ отъѣздамъ изъ Россіи и установляетъ строгій надзоръ по границамъ. При малѣйшемъ подозрѣніи отъѣзда съ подозрѣваемаго бралась клятвенная запись, въ которой онъ обязывался не оставлять государства, ближніе и родственники его обязывались за него поруками со взносомъ огромныхъ денежныхъ суммъ: 10, 20 или болѣе тысячь рублей (319). Всѣхъ этихъ записей дошло до насъ 23! Не смотря однакожъ на такую строгость, попытки къ отъѣздамъ были. Такъ, въ 1553 году, князь Семенъ Ростовскій вздумалъ бѣжать въ Литву. Самая многочисленность клятвенныхъ записей показываетъ, что право отъѣзда боролось еще съ возникающею идеею государства, и боролось очень сильно,—явленіе очень естественное. Съ одной стороны боярамъ не хотѣлось отказаться отъ этого важнаго права, потому что оно обезпечивало ихъ независимость отъ князя, давая имъ законное право оставлять его при первомъ покушеніи его на какое-нибудь изъ ихъ преимуществъ, а съ другой стороны для совершеннаго уничтоженія этого права Россія еще не созрѣла. Идея государства въ полномъ и сознательномъ видѣ начала развиваться при Іоаннѣ IV, и много еще времени нужно было пережить народу, чтобы проникнуться этою идеею, сознать ее, а вмѣстѣ понять и тѣ требованія, какія налагала она на каждаго члена общества. Итакъ, какъ

никакая новая идея не прививается къ обществу безъ борьбы, то и государственная идея должна была вступить въ борьбу съ идеею, господствовавшею до этого времени на Руси, идеею ей совершенно противуположною-именно съ идеею родоваго быта. Право отъѣзда, какъ порожденіе этого быта, должно было вступить въ споръ съ стараніемъ государя уничтожить его, стараніемъ, порожденнымъ яснымъ сознаніемъ идеи государства. Доказательствомъ существованія этой борьбы служатъ упомянутыя нами клятвенныя записи, многочисленные отъѣзды боярскіе въ Іоанново время. Итакъ право отъѣзда нашло себѣ защитниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій. Въ отвѣтѣ своемъ на второе посланіе Іоанна онъ пишетъ: «затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, яко во адовѣ твердынѣ; и ктобы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку, до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымаютъ на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертьми» ([320]). Такимъ образомъ мы видимъ, что Курбскій возстаетъ противъ Іоанна за уничтоженіе права отъѣзда, полагая, что каждый бояринъ, какъ свободный человѣкъ, имѣетъ полное право отъѣзжать въ другія земли, если сочтетъ нужнымъ, и что, слѣдовательно, въ этомъ отъѣздѣ нѣтъ никакого преступленія; такимъ образомъ, мы опять видимъ, что Курбскій вовсе не понималъ или не хотѣлъ понять переворота, совершавшагося въ его время на Руси, видимъ, что московское государство въ его глазахъ было тоже удѣльное княжество, и вслѣдствіе такихъ-то превратныхъ понятій онъ не считаетъ измѣною бѣгства своего изъ Россіи. «А еже пишеши», говоритъ онъ Іоанну, «аки бы тобѣ непокорился, измѣнникомъ и изгнанцемъ нарицающе меня, сіе отвѣщаніе оставляю, явственнаго ради отъ тебе навѣту или потвару» ([321]). Но Іоаннъ имѣлъ полное право

называть Курбскаго измѣнникомъ: еще до него право отъѣзда было стѣснено, и отъѣздъ въ чужіе краи былъ признанъ какъ государями московскими, такъ и самими боярами, за измѣну: бояре соглашались подвергать себя наказанію за попытку къ отъѣзду [322]; слѣдовательно они считали отъѣздъ уже не законнымъ правомъ, а преступленіемъ. Такимъ образомъ запрещеніе отъѣзда сдѣлалось непремѣннымъ государственнымъ закономъ, слѣдовательно Курбскій, какъ нарушитель закона, сдѣлался преступникомъ. Наконецъ, называя Курбскаго измѣнникомъ, Іоаннъ былъ справедливъ и потому, что при государственной идеѣ, которую неуклонно преслѣдовалъ во всю жизнь свою, онъ и не могъ смотрѣть на отъѣздъ иначе, какъ на измѣну. Лице государя при этой идеѣ не отдѣлялось отъ государства, и если бояре признавали прежде отъѣзжика измѣнникомъ князя [323], то теперь, при нераздѣльности интересовъ государя и государства, измѣна первому была вмѣстѣ измѣной и послѣднему.—

Теперь остается рѣшить вопросъ, что побудило Курбскаго измѣнить Іоанну и Россіи. По свидѣтельству польскаго историка Мартина Бѣльскаго и одной рукописи, хранящейся въ московскомъ архивѣ, страхъ смерти заставилъ Курбскаго бѣжать изъ Россіи. Разсказъ Бѣльскаго приведенъ уже нами въ своемъ мѣстѣ. Въ упомянутой же рукописи читаемъ слѣдующее: «въ тоже лѣто (1563) въ градѣ Юрьевѣ ливонскомъ быша воеводы князь Андрей Михайловичъ Курбскій, да зять его князь Михайло Ѳедоровичъ Прозоровскій. Князь же Андрей, увѣдавъ на себя царскій гнѣвъ и недождався присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянувъ же прежнія свои службы и ожесточися: рече же супружницѣ своей сице: Чесо ты, жено, хощеши: предъ собою ли мертвымъ мя видѣти, или за очи жива мя слышати! Она же къ нему рече, яко неточію тя мертва хощу видѣти, но ниже слышати о смерти

твоей, господина моего, желаю! Князь же Андрей прослезився и цѣлова ю и сына своего девятолѣтна суща, и прощеніе сотворивъ съ ними и чрезъ стѣну града Юрьева прелѣзѣ, ключи же вратъ градныхъ поверзе въ кладезь; нѣктоже вѣрный рабъ его, именемъ Васька, пореклому Шибановъ, приготовя князю своему кони осѣдланы внѣ града, и на нихъ сѣдоша, и къ литовскому рубежу отъѣхаша, и въ Литву пріидоша» (324). Въ своемъ письмѣ къ Іоанну Курбскій говоритъ: «коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣхъ! и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! А приключившіямися различныя бѣды порядў, за множествомъ ихъ не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моея объятъ быхъ и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть» (325). На основаніи этихъ свидѣтельствъ и составилось мнѣніе, что Курбскій бѣжалъ изъ Россіи, страшась смерти.

Но такое мнѣніе не совсѣмъ основательно. Приведенныя нами сейчасъ слова Курбскаго, вѣроятныя съ перваго взгляда, дѣлаются, при внимательномъ разсмотрѣніи, сомнительными до того, что мы можемъ признать ихъ клеветою. Во первыхъ, никакого зла и гоненія Курбскій не терпѣлъ отъ Іоанна. Напротивъ, описывая жизнь его въ Россіи, мы видѣли, что Іоаннъ постоянно возвышалъ его, давалъ ему самыя лестныя награды, слѣдовательно былъ расположенъ къ нему, а не гналъ его. Да и самъ Курбскій называетъ себя любимцемъ Іоанна (326). Во вторыхъ, Іоаннъ всегда имѣлъ доброе мнѣніе о Курбскомъ. Это видно изъ того, что царь давалъ ему часто важныя порученія. Такъ, видя неудачныя дѣйствія воеводъ нашихъ въ Ливоніи и упадокъ, вслѣдствіе этого, мужества въ войскѣ, Іоаннъ посылаетъ туда Курбскаго,

«да охрабрится паки русское воинство» ([327]). Курбскій не оправдалъ довѣренности царя, дѣйствовалъ медленно, выступалъ въ походы въ такое время года, которое вовсе не было удобно для военныхъ дѣйствій, и, само собою разумѣется, подобные походы сопровождались безполезною гибелью войска. Конечно, такой образъ дѣйствій не могъ прійтись Іоанну по сердцу, и онъ, вѣроятно, не разъ горячо отзывался о Курбскомъ ([328]). Но мы не видимъ все-таки, чтобы Курбскій подвергался царской опалѣ: онъ попрежнему оставался воеводою и думнымъ совѣтникомъ. По собстьенному своему сознанію, Грозный до послѣдней минуты былъ расположенъ къ Курбскому. «Аще бы не было на тебѣ», пишетъ онъ Курбскому, «нашего милосердія, не бы возможно было тебѣ угонзнути къ нашему недругу, аще бы наше къ тебѣ гоненіе было, яко по твоему злобѣсному разуму писалъ еси» ([329]). Между тѣмъ причинъ къ этому гоненію было очень много. Такъ, говоря о дѣйствіяхъ воеводъ Сильвестровой стороны во время войны ливонской, Іоаннъ пишетъ Курбскому: «а за такія ваши послуги, еже выше рѣхомъ, достойны есте были многихъ опалъ и казней, но мы еще съ милостію опалу свою къ вамъ чинили; аще бы по твоему достоинству и ты бъ къ недругу нашему не уѣхалъ, и въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ бы нашемъ градѣ избылъ еси, утеканія тебѣ сотворити было невозможно. Коли бы мы въ томъ тебѣ невѣрили, и мы бы тебя въ ту вотчину свою не посылали» ([330]). Нельзя не согласиться, что Іоаннъ вполнѣ логически опровергаетъ упрекъ Курбскаго. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли бы Курбскій бѣжать изъ Россіи, если бы Іоаннъ дѣйствительно хотѣлъ казнить его? Неужели, въ случаѣ гнѣва своего на Курбскаго, Іоаннъ не могъ бы поступить съ нимъ такъ же, какъ поступилъ съ Сильвестромъ и Адашевымъ? Потерявъ довѣріе къ Адашеву, Іоаннъ лишилъ

его должности комменданата Феллинскаго, а приказалъ держать подъ стражею въ Юрьевѣ, назначивъ Курбскаго намѣстникомъ послѣдняго города ([331]). Не ясно ли видны изъ этого и довѣренность Іоанна Курбскому и его доброе мнѣніе о немъ? Итакъ, сообразивъ все сказанное нами, мы должны заключить, что не гоненіе, не страхъ смерти заставили Курбскаго бѣжать изъ Россіи, а что нибудь другое.

Въ письмахъ царя къ Курбскому мы находимъ слѣдующее объясненіе этого бѣгства: «ты же», пишетъ царь, «тѣла ради душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущія нелѣпотную славу пріобрѣлъ еси» ([332]). Или: «ради привременныя славы и сребролюбія, и сладости міра сего, все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси» ([333]). Наконецъ: «како же убо и ты не со Іудою предателемъ равно причтеся. Якоже бо онъ на общаго Владыку всѣхъ, богатства ради возбѣсился и на убіеніе предастъ: такоже убо и ты съ нами пребывая, и хлѣбъ нашъ ядяше, и намъ служити соглашаше, на насъ злая въ сердцѣ собираше» ([334]). Изъ словъ Грознаго видно, что Курбскій измѣнилъ Россіи изъ корыстныхъ разсчетовъ. Нетрудно доказать истину этихъ словъ: они оправдались съ изданіемъ въ свѣтъ археографическою коммиссіею актовъ: «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни». Начавъ борьбу съ могущественнымъ Іоанномъ, Польша, какъ и всегда, была слаба, потому что не имѣла ни твердой монархической власти, ни прочнаго внутренняго устройства. Слѣдовательно, нисколько не удивительно, что тогдашній король польскій и великій князь литовскій, Сигизмундъ Августъ прибѣгнулъ къ коварству и интригамъ, обыкновенному орудію слабаго противъ сильнаго. Онъ вступилъ въ сношенія съ московскими боярами, извѣстными и знатностію своего рода, и ратными и административными способностями и, поставляя имъ на видъ жестокость Іоанна,

убѣждалъ ихъ оставить Россію, гдѣ нечего было ждать имъ, кромѣ казни, кромѣ самой черной неблагодарности отъ свирѣпаго царя. Въ награду за измѣну Сигизмундъ обѣщалъ имъ богатыя земли въ Литвѣ, равенство въ правахъ съ панами литовскими, обѣщалъ богатство, честь и славу. Такъ онъ склонялъ къ измѣнѣ бояръ: князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, князя Михайла Ивановича Воротынскаго, Ивана Петровича (Ѳедорова), писалъ къ нимъ грамоты самъ, приказывалъ писать и гетману литовскому Хоткѣвичу. Дошли до насъ и отвѣты бояръ на эти грамоты. Всѣ онѣ относятся къ 1567 году ([335]). Охотно принималъ на свою службу Сигизмундъ Августъ и способныхъ дѣтей боярскихъ, толпами бѣжавшихъ изъ Россіи, и давалъ имъ помѣстья въ Литвѣ. Дѣти боярскіе пользовались тамъ правами шляхты и за службу въ королевскомъ войскѣ получали жалованье. Такъ, въ 1563 году, въ уѣздѣ Кременецкомъ мы находимъ москвитянина Владиміра Заболоцкаго съ отрядомъ во 150 человѣкъ конницы ([336]). Въ 1564 г. нѣсколько десятковъ боярскихъ дѣтей, предводительствуемые Богданомъ Шашковичемъ, бѣжали въ Литву ([337]). Наконецъ, въ Кіевѣ на польской службѣ находились князья Хованскіе съ боярскими дѣтьми ([338]). Держась такой политики, Сигизмундъ Августъ естественно не могъ оставить безъ вниманія и Курбскаго, знаменитаго родомъ, несомнѣннымъ талантомъ полководца, и славнаго своими побѣдами надъ татарами, ливонцами и литовцами; естественно, что онъ старался залучить и Курбскаго въ свою службу. Не отличаясь горячею любовію къ отечеству, Курбскій не заставилъ долго уговаривать себя и согласился на измѣну.

Изъ дѣла о возвращеніи, по смерти князя Курбскаго, въ казну Ковельскаго имѣнія открываются обсто-

ятельства, вполнѣ подтверждающія высказанную Іоанномъ мысль, что Курбскій измѣнилъ отечеству изъ корыстныхъ разсчетовъ. Доказывая свои права на Ковель и земли, къ нему принадлежащія, наслѣдники Курбскаго представили въ королевскій судъ два закрытые листа: одинъ Радзивила, литовскаго коронпаго гетмана и пана Евстафія Воловича, другой Сигизмунда Августа, писанные къ Курбскому. Въ этихъ листахъ король и Радзивилъ приглашали князя Курбскаго, оставивъ царскую службу, выѣхать въ Литву. Потомъ они же представили въ судъ другое письмо Радзивила, гдѣ Курбскому, по выѣздѣ его изъ Россіи, обѣщано приличное содержаніе, и другое письмо короля, въ которомъ король обѣщаетъ ему свою милость (339). Вѣроятно, Курбскому не совсѣмъ непріятно было подобное предложеніе; но онъ тянулъ время, желая получить отъ короля выгодныя и опредѣленныя условія. Не отказывался онъ отъ измѣны Россіи, но требовалъ, чтобы король вновь подтвердилъ свое обѣщаніе—дать ему выгодныя помѣстья въ Литвѣ; чтобы сенаторы поклялись въ вѣрномъ выполненіи этихъ обѣщаній; чтобы, для проѣзда въ Литву, король прислалъ ему опасную грамоту, въ которой бы обозначалось, что Курбскій отъѣзжаетъ въ Литву не какъ бѣглецъ, а по королевскому вызову. Только получивъ всѣ эти документы, Курбскій измѣнилъ наконецъ своему государю законному и пріѣхалъ въ Литву, «будучи обнадеженъ», какъ говоритъ онъ самъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, «его королевскою милостію, получивъ королевскую охранительную грамоту и положившись на присягу ихъ милостей, пановъ сенаторовъ» (340). Кромѣ того Сигизмундъ Августъ въ жалованныхъ грамотахъ, данныхъ Курбскому на разныя помѣстья, говоритъ: «князь Андрей Михайловичъ Курбскій Ярославскій, наслышавшись и достаточно освѣдомившись о милости нашей господарской, щедро оказываемой всѣмъ нашимъ поддан-

нымъ, пріѣхалъ къ намъ на службу и въ наше подданство, будучи вызванъ отъ нашего господарскаго имени» ([341]). Вотъ неопровержимыя свидѣтельства, изъ которыхъ открывается, что Курбскій бѣжалъ вовсе не потому, чтобы терпѣлъ гоненіе отъ царя, что небылъ онъ «туне отогнанъ отъ земли Божіей» ([342]), бѣжалъ не потому, чтобы «слышалъ угрозы царя и свѣдалъ, что ему готовится гибель» ([343]), но измѣнилъ отечеству «славы ради мимотекущія и ради сребролюбія и сладости міра сего», какъ говоритъ Іоаннъ въ письмѣ своемъ къ нему ([344]). Не носитъ эта измѣна на себѣ характера мгновенной рѣшимости и неизбѣжной необходимости, какою представляетъ ее приведенное нами выше извѣстіе одной рукописи, но имѣетъ характеръ глубокой обдуманности и произвола. Тяжела для души эта убійственная холодность, съ которою Курбскій обдумываетъ свою измѣну: Курбскому не выгодно служить Россіи; Сигизмундъ Августъ приглашаетъ его на польскую службу, сулитъ ему большія выгоды. Если бы опасность грозила жизни Курбскаго, онъ, безъ сомнѣнія, поспѣшилъ бы согласиться на предложеніе польскаго короля. Но ему мало однихъ обѣщаній, онъ хочетъ, чтобы ему поручились за исполненіе ихъ и, когда увидѣлъ, что въ выполненіи этихъ обѣщаній можно быть увѣреннымъ, что измѣна выгодна, онъ рѣшается измѣнить отечеству. Все это ведетъ къ тому заключенію, что Грозный вовсе не хотѣлъ смерти Курбскаго и не готовилъ ему гибели. Если бы Курбскій бѣжалъ въ Литву дѣйствительно изъ страха смерти, то, вѣроятно, онъ сдѣлалъ бы это и безъ приглашенія короля, потому что ему, безъ сомнѣнія, было извѣстно, какъ хорошо принимаетъ король русскихъ измѣнниковъ. Видно, что Курбскій дѣлалъ свое дѣло не торопясь, даже слишкомъ не торопясь, потому что для окончанія всѣхъ переговоровъ, какіе онъ велъ съ Сигизмундомъ Августомъ,

требовалось много времени. Эта медленность есть лучшее доказательство, что на счетъ жизни своей Курбскій былъ совершенно покоенъ.

Самое пораженіе русскихъ литовцами подъ Невлемъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, связь съ этими переговорами и еще болѣе увеличиваетъ преступленіе Курбскаго. Намъ кажется, что это пораженіе не было обыкновенною неудачею. Разсмотримъ обстоятельства битвы подъ Невлемъ. Примемъ ли мы число поляковъ и русскихъ, участвовавшихъ въ этой битвѣ, какое даетъ намъ Мартинъ Бѣльскій, или то, какое даетъ Іоаннъ Грозный въ письмѣ къ Курбскому, мы прійдемъ къ слѣдующему выводу: Курбскій былъ, вѣроятно, уже въ заговорѣ съ поляками; иначе, съ такими ничтожными силами, они не осмѣлились бы показаться предъ русскимъ войскомъ тѣмъ болѣе, что русскіе въ это время не были невѣждами въ военномъ дѣлѣ: они умѣли побѣждать не только крымцевъ, но и шведовъ, рыцарей, да и самыхъ поляковъ, дѣйствовавшихъ по европейской тактикѣ, и побѣждали не однимъ численнымъ превосходствомъ. Слѣдовательно трудно полякамъ было бы разбить ихъ, особенно если мы примемъ въ разсчетъ страшную несоразмѣрность въ числѣ тѣхъ и другихъ, если бы не было измѣны со стороны полководца русскаго. Странно и то, какъ могли поляки въ виду непріятеля занять выгодную позицію. Подойти къ нашему войску внезапно они не могли: безъ сомнѣнія Курбскій разсылалъ разъѣзды, которые должны были добывать языка, а впасть въ оплошность ему, зная о близости непріятеля, было нельзя. Что онъ зналъ о приближеніи поляковъ видно изъ того, что едва непріятель успѣлъ выстроиться, какъ Курбскій напалъ на него. Курбскій во всѣхъ битвахъ, въ которыхъ только участвовалъ, выказалъ отличныя военныя дарованія, и ни одной битвы не было, изъ которой бы не вышелъ онъ побѣдителемъ;

9

а потому какъ-то странно, что онъ, опытный полководецъ, а не новоукъ въ дѣлѣ войны, показалъ такое неумѣнье разбить вчетверо слабѣйшаго непріятеля, уступилъ ему выгоды мѣстности. Все это должно привести насъ къ тому заключенію, что Курбскій, рѣшившись уже на измѣну и обезпечивъ свою будущность договоромъ съ Сигизмундомъ Августомъ, хотѣлъ такимъ поступкомъ пріобрѣсти благоволеніе Сигизмунда, раздражить Іоанна и нанести ему вредъ. За справедливость этого мнѣнія говоритъ извѣстіе, что тотчасъ послѣ своего пораженія Курбскій бѣжалъ въ Вольмаръ, занятый литовцами ([345]).

Мы уже имѣли случай замѣтить ([346]), что пребываніе въ Россіи не было выгодно для Курбскаго не потому, чтобы у него мало было имущества и владѣній, но по другимъ обстоятельствамъ. Стремясь къ развитію и упроченію въ Россіи идеи государственной, Іоаннъ понималъ, что въ государствѣ право на почести имѣютъ не одни знатные родичи, что личныя достоинства должны обусловливать значеніе человѣка въ обществѣ, что знатность рода должна преклоняться предъ дарованіями и заслугами отечеству. Не встрѣчая въ боярахъ сочувствія къ своимъ высокимъ идеямъ, видя въ нихъ одинъ холодный эгоизмъ, одни корыстные разсчеты и совершенное равнодушіе къ интересамъ отечества, Іоаннъ началъ возвышать людей худородныхъ, ввелъ ихъ въ Думу боярскую, установилъ для нихъ новое званіе думныхъ дворянъ. Особенно довѣрялъ Іоаннъ этимъ новымъ людямъ и часто посылалъ ихъ промышлять государевымъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ приказывалъ быть вмѣстѣ съ ними за одинъ. Такъ было въ походѣ подъ Кесь въ 1579 г. ([347]). Такою мѣрою, безъ сомнѣнія, хотѣлъ Іоаннъ парализировать притязаніе знатныхъ родичей на исключительное значеніе въ государствѣ. Казалось, что думные дворяне и дьяки, возвышенные Іоанномъ изъ ничтожества, всѣмъ обязанные

ему, долженствовали быть вѣрными слугами царя, сочувствовать его интересамъ, всѣми силами помогать ему въ осуществленіи великихъ плановъ его и способствовать къ утвержденію въ Россіи новаго порядка вещей. Опираясь на превосходство своего образованія, на расположеніе и вниманіе царя, эти худородные должны были составить сильную оппозицію боярской партіи, старавшейся изъ чисто-корыстныхъ расчетовъ поддерживать старину. Новымъ людямъ не нужно было стараться о возстановленіи старины: эта старина была слишкомъ безотрадна для нихъ. Новый порядокъ вещей воззвалъ ихъ изъ ничтожества, а потому они должны бы стать на сторонѣ новыхъ идей и новаго порядка. Такое стремленіе Іоанна не могло не обратить на себя вниманія бояръ, чрезвычайно ревнительныхъ къ сохраненію своего вѣса и значенія въ государствѣ. Естественно, что они не могли одобрить мѣры, клонившейся къ ослабленію этого значенія, что она усилила ихъ нерасположеніе къ государю и желаніе противодѣйствовать ему даже ко вреду отечества (348). Эту ненависть и нерасположеніе къ Іоанну за мѣры, предпринимаемыя имъ къ обузданію боярства раздѣлялъ и Курбскій, и онъ ничего не видѣлъ въ этихъ мѣрахъ, кромѣ вреда для государства. Онъ не могъ понять высокихъ предначертаній Іоанна и смотрѣлъ на нихъ сквозь призму старинныхъ понятій. Вслѣдствіе такой настроенности Курбскій видѣлъ въ этой великой мѣрѣ Іоанна только доказательство его безумной свирѣпости, его врожденной ненависти къ боярамъ, его стремленія ко злу, наслѣдованнаго отъ дѣда и отца, а отнюдь не желаніе пользы своему отечеству. Послушаемъ, что говоритъ намъ Курбскій: «писари же наши Русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ, и избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна; но паче отъ поповичей или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ,

подобно по пророку глаголющу, хотяще единъ веселитися на земли» ([349]). Вотъ какъ Курбскій, а разумѣется и прочіе бояре объясняли великую мысль Іоанна. Такъ Тимоѳей Тетеринъ, подобно Курбскому бѣжавшій въ Литву, въ письмѣ къ воеводѣ Михайлѣ Яковлевичу Морозову высказываетъ свое негодованіе на возвышеніе дьяковъ: «есть у великаго князя», пишетъ онъ, «новые вѣрники дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ» ([350]). При ясномъ и свѣтломъ взглядѣ на права государя въ отношеніи подданныхъ, Іоаннъ понималъ, что всѣ въ глазахъ его должны быть не болѣе, какъ слуги его и отечества. Такъ, упрекая Курбскаго въ измѣнѣ, онъ пишетъ: «какоже не усрамишися раба своего Васьки Шибанова! еже бо онъ свое благочестіе соблюде, при вратѣхъ смерти стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебѣ не отвержеся. Ты же убо своего благочестія не поревновалъ еси, единаго ради слова моего гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей и родителей души погубилъ еси, понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему великому государю Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити и дѣда нашего дѣтямъ и внучатомъ» ([351]). Изъ этого видно, что бояринъ въ глазахъ Іоанна былъ такимъ же слугою ему и государству, какимъ боярину рабъ его: какой рабъ тебѣ Васька Шибановъ, говоритъ онъ Курбскому, такой же рабъ и ты мнѣ. Іоаннъ требовалъ отъ бояръ безусловнаго повиновенія его волѣ не изъ корыстныхъ, себялюбивыхъ разсчетовъ. Пламенно желая добра народу, разумѣя подъ этимъ словомъ не одни привиллегированныя сословія, Іоаннъ хотѣлъ возвысить подавленный, не имѣвшій никакого значенія средній

классъ народа, давая ему доступъ къ службѣ государственной. Очевидно, что, при такой перемѣнѣ обстоятельствъ, худородные должны были сравняться съ великородными (боярами): тѣ и другіе были равно слуги царя. Всѣми силами старается доказать Курбскій вредъ, проистекающій отъ исполненія этой мысли царя, мысли которая, въ нашихъ глазахъ, ставитъ Іоанна выше его вѣка, зараженнаго предразсудками, упорнаго въ старинныхъ убѣжденіяхъ. Какія же доказательства приводитъ Курбскій въ подтвержденіе своего положенія, что отъ людей не шляхетскаго рода Россія ничего не получила, кромѣ вреда? Вопервыхъ, пишетъ онъ, во время нашествія крымцевъ, эти писари мудрые разглашали, что должно было скрывать и тѣмъ разстроили планъ, составленный воеводами, при точномъ исполненіи котораго крымцы не имѣли бы возможности спастись, и были виною пораженія Ивана Шереметева, встрѣтившагося со всею непріятельскою силою и принужденнаго, несмотря на страшную несоразмѣрность въ числѣ войскъ, вступить въ бой ([352]). Вовторыхъ, по его мнѣнію, эти худородные были виновниками несчастной перемѣны въ Іоаннѣ и бѣдствій, постигшихъ Россію въ послѣднее время его правленія ([353]). Изъ этого мы видимъ, что Курбскій сильно былъ недоволенъ стараніемъ Іоанна дать доступъ къ службѣ всѣмъ подданнымъ, а не однимъ боярамъ. Причина очень простая: въ своихъ дѣлахъ по службѣ Курбскій долженъ былъ часто приходить въ столкновеніе съ этими незнатными, долженъ былъ иногда стоять наравнѣ съ ними. Равнодушный къ выгодамъ общимъ, Курбскій былъ уже слишкомъ занятъ знаменитостію своего происхожденія. Онъ не упускалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, намекнуть на свое происхожденіе отъ потомка св. Владиміра, Ѳеодора Ростиславича, бывшаго нѣкогда великимъ княземъ и причисленнаго къ лику святыхъ ([354]). Сознаніе знаменитости просхожденія ни на

минуту не покидало Курбскаго: даже, измѣняя отечеству, онъ счелъ для себя унизительнымъ явиться въ Литвѣ простымъ бѣглецомъ, потому что это несогласно было съ тѣмъ понятіемъ, какое онъ составилъ себѣ о значеніи своемъ въ обществѣ. Онъ потребовалъ, чтобы король написалъ въ своей грамотѣ, что Курбскій выѣхалъ въ Литву по его вызову (355). Итакъ, не унизительно ли было для него, потомка Владиміра св., стать по службѣ на одну доску съ тѣми людьми, которые не могли представить никакихъ архивныхъ доказательствъ знаменитости своего происхожденія. Не видя никакой возможности возвратить боярину его прежняго значенія—человѣка держащаго землю, потому что паденіе стороны Сильвестра и Адашева возвѣстило паденіе и стараго порядка вещей, Курбскій долженъ былъ или, выкинувъ изъ своей головы попеченіе о своей знатности, стать, подобно худороднымъ и чужероднымъ, въ ряды слугъ государя, или оставить отечество, гдѣ не представлялось болѣе никакихъ законныхъ средствъ къ сопротивленію волѣ государя, стремившагося къ нововведеніямъ. Курбскій избралъ послѣднее, потому что въ первомъ случаѣ долженъ былъ поступиться своими правами и, верстаясь съ худородными, нанести поруху чести своего рода. Такимъ образомъ къ неудовольствію на царя за уничтоженіе обычая совѣта, присоединилось еще новое неудовольствіе за возвышеніе людей неродовитыхъ и довѣренность къ этимъ послѣднимъ. Это неудовольствіе и было причиною бѣгства Курбскаго. Итакъ мы видимъ, что онъ былъ поборникомъ еще одного боярскаго права, именно мѣстничества, потому что иначе нельзя объяснить причины негодованія его на царя за возвышеніе худородныхъ и довѣренность къ нимъ. Постараемся разсмотрѣть, въ чемъ состояло мѣстничество и въ заключеніе изложимъ истинную причину бѣгства Курбскаго.

Мѣстничество т. е. право считаться старшинствомъ по службѣ, было древнѣйшимъ, исконнымъ правомъ боярскаго сословія. Источникъ его—родовой бытъ нашихъ предковъ. Это право было драгоцѣннѣйшимъ правомъ бояръ и, въ продолженіи двухвѣковаго стремленія московскихъ государей уничтожить это право, они всѣми силами старались поддержать его. Вслѣдствіе стремленія Іоаннова дать людямъ незнатнаго происхожденія, наравнѣ съ боярами, доступъ къ службѣ, мѣстничество должно было совершенно уничтожиться. Теперь понятно, почему Курбскій возстаетъ противъ Іоанна за его довѣренность къ писарямъ русскимъ. Разсмотримъ это право въ его историческомъ развитіи и покажемъ усилія московскихъ государей къ его уничтоженію.

Г. Погодинъ говоритъ: «мѣстничество было московскимъ продолженіемъ удѣльной системы точно такъ, какъ во всей Европѣ образовалось изъ Феодализма преимущественно придворная аристократія. Удѣльные, потерявъ, уступивъ свои княжества, вступивъ во дворъ московскаго князя, принесли свои взаимныя отношенія и свои понятія о старшинствѣ, согласныя впрочемъ или одинакія, что касается до родства, съ понятіями знатнѣйшихъ родовъ, какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи» ([356]). Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго дѣятеля на полѣ отечественной исторіи нельзя согласиться. Да и самъ онъ, въ третьей статьѣ своей о мѣстничествѣ, опровергаетъ уже свое мнѣніе. «Ясно», говоритъ онъ, «что мѣстничество, основанное на службѣ и родовомъ старѣйшинствѣ, велось между знатными родами въ продолженіи удѣльнаго періода точно такъ, какъ и между княжескими; между послѣдними оно было источникомъ войнъ, какъ между первыми искони источникомъ споровъ ([357]). Дѣйствительно, мѣстничество никакъ не можетъ быть принято за московское продолженіе удѣльной системы. Оно вытекаетъ изъ того же родоваго быта, слѣдствіемъ котораго было раздроб-

леніе Руси. Въ мѣстническихъ спорахъ главную роль играетъ *родъ, отечество* (358), въ нихъ, попреимуществу, господствуютъ родовыя понятія, старшинство одного рода передъ другимъ. Если родичъ поступался своимъ старшинствомъ другому, то наносилъ *поруху* не только своей чести, но и чести всего своего рода (359). Итакъ, старѣйшинство играло въ мѣстничествѣ туже важную роль, какъ и въ княжескихъ спорахъ. Мѣстники утягиваютъ другъ друга службой, значеніемъ своихъ предковъ (360) ихъ тяжебными дѣлами и родствомъ (361). Слѣдовательно, родовыя отношенія играютъ въ мѣстничествѣ главную роль, стало быть источникъ его—тѣже родовыя юридическія отношенія, которыя были причиною раздробленія Руси, и начало мѣстничества восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ, а не ко времени Іоанна III, учредившаго разряды, какъ думаетъ Карамзинъ (362). Еще г. Погодинъ догадался, что во время удѣльнаго періода существовало мѣстничество. Дѣйствительно, мы видимъ слѣды его въ княжеской дружинѣ. Когда еще не образовалось понятія о собственности частной, семейственной, князья, переходя изъ одного стольнаго города въ другой, приводили съ собою обыкновенно и новую дружину, къ которой они, какъ естественно, должны были питать больше расположенія, имѣть большую довѣренность, нежели къ дружинѣ, остававшейся послѣ предшественника въ этомъ городѣ. Такое предпочтеніе, оказываемое княземъ дружинѣ, съ нимъ пришедшей, само собою разумѣется, возбуждало негодованіе въ прежде бывшей въ этомъ городѣ, старой дружинѣ. Слѣдствіемъ этого неудовольствія были смуты, обнаружившіяся очень рано: старымъ дружинникамъ, разумѣется, не хотѣлось потерять того значенія, которымъ пользовались они при прежнемъ князѣ. Слѣды этого неудовольствія мы видимъ въ лѣтописяхъ. Такъ, объ отцѣ Владиміра Мономаха, Всеволодѣ I., читаемъ: «нача любити смыслъ уныхъ,

свѣтъ створя съ ними, си же начаша завадити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ недоходити княже правды» ([363]). Подъ именемъ *уныхъ* мы должны разумѣть здѣсь вновь пришедшихъ съ княземъ изъ Переславля и Чернигова дружинниковъ, потому что смѣшно предположить, чтобы Всеволодъ, человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, избиралъ себѣ въ совѣтники юношей. Съ явнымъ негодованіемъ говоритъ лѣтописецъ и о Святополкѣ Изяславичѣ, что онъ болѣе любилъ совѣтоваться съ пришедшими съ нимъ, нежели съ кіевскими дружинниками. «Святополкъ же, не здумавъ съ большою дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ сотвори съ пришедшими съ нимъ»([364]). Еще рѣзче выказывается эта ненависть старыхъ дружинниковъ къ новымъ во время борьбы Ольговичей съ Мономаховичами. Кіевляне, убѣждая Изяслава Мстиславича смѣнить Ольговича, говорятъ ему: «ты нашъ Князь поиди Ольговичь не хочетъ быть аки въ задничи» ([365]).

Изъ этого мы видимъ, съ одной стороны стремленіе новыхъ дружинниковъ занять важныя мѣста въ княжествѣ, а съ другой старавіе старыхъ удержать ихъ за собою, основываясь на прежнихъ правахъ. Что же, какъ не это стремленіе, и было главною идеею мѣстничества? Такимъ образомъ, начало мѣстничества совпадаетъ съ первыми князьями Рюрикова дома. Если же мы не встрѣчаемъ примѣровъ мѣстническихъ счетовъ между дружинниками при первыхъ князьяхъ, то причина, безъ сомнѣнія, та, что главное начальство надъ ратями было въ рукахъ князей, а дружинники были только исполнителями княжескихъ распоряженій и занимали тѣ мѣста, которыя указывалъ имъ князь. Слѣдовательно, если и должно было происходить мѣстничество, то оно возможно было только между князьями, какъ предводителями рати. Это мы въ самомъ дѣлѣ и видимъ. Князь, какъ главнокомандующій, долженъ былъ «ѣздити напреди полкомъ своимъ». Это мѣсто въ

дружинѣ было самымъ виднымъ и изъ-за него—то часто происходили между князьями споры, оканчивавшіеся иногда размолвкою. Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ слѣдующее: «Володимеръ Глѣбовичь посла ко Игореви, прося у него ѣздити напреди полкамъ своимъ; Игорь же не да ему того; Володимеръ же разгнѣвася и возратися» ([366]).

Съ 1332 года, мы находимъ уже явные признаки мѣстничества между боярами, заступившими мѣсто дружинниковъ. Такъ, въ Ростовской лѣтописи подъ этимъ годомъ разсказывается слѣдующее обстоятельство: по приглашенію великаго князя московскаго Іоанна Даниловича Калиты пріѣхалъ въ Москву служить одинъ изъ кіевскихъ вельможъ Родіонъ Несторовичъ, и съ нимъ княжата и дѣти боярскіе и двора его, до 1,700 человѣкъ. «Князь же великій пріятъ его съ радостію и даде ему боярство въ Москвѣ и устави ему большинство надъ всѣми..... Въ тѣ поры бысть на Москвѣ бояринъ Акинѳъ Гавриловичъ (отъѣхавшій въ Москву по смерти великаго князя Андрея Городецкаго, умершаго бездѣтнымъ), и не восхотѣ быти подъ Родіономъ въ меньшихъ, и отбѣжа въ Тверь и съ нимъ дѣти и внуцы его». Отъѣхавъ въ Тверь Акинѳъ вооружилъ противъ Калиты тверскаго князя и, предводительствуя тверскою ратью, устремился на московскія владѣнія. Калита засѣлъ въ Переяславлѣ, опасаясь потерять этотъ важный городъ. Акинѳъ осадилъ князя. Но Родіонъ Несторовичъ подоспѣлъ на выручку Калиты, и разбивъ въ кровопролитномъ бою Акинѳа, «и главу его, взоткнувъ на копіе, привезе къ Іоанну и рекъ: се, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава!» ([367]). Родіонъ здѣсь ясно говоритъ о мѣстничествѣ. Акинѳъ, не желая поступиться Родіону, своимъ первенствомъ, не желая быть въ меньшихъ, отъѣхалъ. Подобный же примѣръ былъ и въ 1338 году. Когда Александръ Михайловичъ Тверской, былъ прощенъ Ханомъ и, послѣ долгаго пребыванія на чужбинѣ, возвратился наконецъ въ

Тверь; то многіе тверскіе бояре, оставивъ его, перешли на московскую службу. Причиною было то, что Александръ прибылъ изъ Пскова въ Тверь съ новыми любимцами, изъ которыхъ курляндецъ Доль сдѣлался первостепеннымъ сановникомъ его двора. Слѣдовательно старые тверскіе бояре должны были стать ниже его (368). Наконецъ, слѣдующаго обстоятельства нельзя объяснить ничѣмъ, кромѣ мѣстничества. Когда, по смерти тысяцкаго Василья Вельяминова, Димитрій Донской уничтожилъ въ Москвѣ санъ Тысяцкаго, бывшій наслѣдственнымъ, то сынъ Василья, Иванъ, отъѣхалъ въ Тверь, потому что ему *не приходилось, непригоже было* находиться у одного дѣла съ боярами (369). Итакъ, примѣры мѣстничества мы находимъ ранѣе 1500 года, какъ думаетъ Карамзинъ (370), и ранѣе 1477 года, какъ думаетъ г. Погодинъ (371). Изъ приведенныхъ нами фактовъ открывается, что единственнымъ средствомъ, для старыхъ дружинниковъ, застѣняемыхъ новыми людьми, было право отъѣзда, которымъ они и пользовались, которое и поддерживали до послѣдней крайности. Но, какъ мы уже видѣли, съ того времени, когда Москва собрала около себя всю сѣверо-восточную Русь это право отъѣзда должно было отжить свой вѣкъ; внутри Россіи дружинникамъ отъѣзжать было некуда, а отъѣздъ въ орду, Литву и другія земли стали считать уже измѣною. Между тѣмъ, съ присоединеніемъ къ Москвѣ удѣльныхъ княженій, съ принятіемъ въ московскую службу выѣзжихъ людей другихъ государствъ, увеличилось при московскомъ дворѣ число бояръ. Тамъ явились и удѣльные князья съ своими боярами, тамъ были и старинные московскіе бояре, тамъ были и литовскіе и ордынскіе выходцы и проч. Само собою разумѣется, что каждый изъ нихъ старался занять видное мѣсто и отъ того должны были происходить безпрестанныя столкновенія, безпрестанные споры между ними о мѣстахъ. И

дѣйствительно, мѣстничество усилилось до такой степени, число мѣстническихъ дѣлъ до того увеличилось, что Іоаннъ III, вызванный не произволомъ, а существенною необходимостію, учредилъ Разрядный Приказъ, гдѣ должны были разбираться дѣла по мѣстничеству.

Такъ какъ бояре занимали всѣ высшія должности въ государствѣ по службѣ военной, придворной и гражданской, то и мѣстничество происходило не въ одной только военной службѣ. Ни одно знаменательное для государства событіе, какъ то: торжественные праздники, царскіе выходы и царскіе обѣды, церемоніалы представленія посланниковъ, не обходилось безъ мѣстничанья и влекло за собою споры, неудовольствіе, судебное разбирательство по мѣстничеству ([372]). Нечего и говорить, какъ стѣснительны были для государя эти счеты: при каждомъ назначеніи на службу нужно было разбирать *вмѣстно* или *непригоже* такому-то быть съ такимъ-то, потому что въ противномъ случаѣ неминуемо должны были произойти споры и неудовольствія. Особенно вредно для государства было мѣстничанье въ военной службѣ. Мы говорили уже, что мѣстничество основывалось не на личныхъ достоинствахъ состязателей, а на старшинствѣ родовъ цѣлаго поколѣнія. Слѣдовательно, правительство, назначая на службу воеводъ, должно было брать во вниманіе не таланты, не личныя достоинства назначаемыхъ лицъ, но службу ихъ предковъ. Часто люди съ дарованіями, съ талантами должны были оставаться въ тѣни, на второмъ планѣ, потому что не имѣли архивныхъ доказательствъ своей знаменитости. Слѣдствіемъ всего этого было то, что правительство часто принуждено было поручать начальство надъ войскомъ людямъ, иногда вовсе неспособнымъ только потому, что они были отличены знаменитостію предковъ, вели родъ свой отъ какого нибудь знаменитаго родоначальника. Въ случаѣ же нарушенія этого

правила немедленно возникали споры и часто, когда государство гибло отъ нашествія непріятелей, воеводы, не слушаясь указовъ государевыхъ, въ потѣ лица утягивали другъ друга старшинствомъ, силились доказать, что такому-то не вмѣстно быть съ такимъ-то. Правительство должно было наблюдать даже, чтобы въ его наказахъ воеводамъ, имена ихъ были написаны по порядку ихъ старшинства, потому что невнимательность вела за собою неминуемые споры ([373]).

Само собою разумѣется, что мѣстничество, дававшее боярамъ законное право не слушаться царскихъ повелѣній, не могло нравиться московскимъ государямъ: оно сковывало имъ руки, не давало имъ никакой возможности назначать на службу тѣ лица, которыя, по ихъ мнѣнію, были бы достойны довѣрія, если эти лица должны были стать выше родословныхъ лицъ. Самые указы царскіе ничего не значили для мѣстничества и бояринъ даже ставилъ какъ бы въ достоинство себѣ, что не взялъ списковъ и не хотѣлъ ѣхать на мѣсто, назначенное ему царемъ, потому что видѣлъ въ этомъ назначеніи поруху своей родовой чести. При своемъ стремленіи къ идеѣ государства, князья московскіе, ставъ въ разладъ со стариною, не могли поладить и съ мѣстничествомъ, порожденіемъ старины. Это нерасположеніе ихъ къ мѣстничеству выразилось въ самыхъ наказаніяхъ, которымъ подвергались искатели, *не въ свою мѣру бившіе челомъ.* Часто для предотвращенія споровъ правительство опредѣляло: «*быть на службѣ безъ мѣстъ*». Но эта мѣра не всегда могла быть удачна и нисколько не уменьшала споровъ. Іоаннъ IV Грозный болѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ понималъ вредъ, наносимый государству мѣстничествомъ и стремился къ его уничтоженію; въ 1550 году онъ издалъ указъ, которымъ повелѣвалъ: «въ полкахъ быти княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ съ вое-

водами безъ мѣстъ, ходити на всякія дѣла съ воеводами для вмѣщенія людямъ и въ томъ ихъ отечеству униженія нѣту: которые будутъ впредь въ боярѣхъ или въ воеводахъ и они считаются по своему отечеству». Но въ этомъ же указѣ онъ опредѣляетъ, въ какихъ полкахъ можетъ быть допущено мѣстничанье, «а воеводамъ въ полкахъ быти: болшой полкъ да правая рука, да лѣвая рука по мѣстомъ; а передовой полкъ да сторожевой полкъ менши одного въ болшемъ полку болшего воеводы; а до правой руки и до лѣвой руки, и въ болшемъ полку до другаго воеводы дѣла нѣтъ; съ тѣми безъ мѣстъ. Кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и менши. А воеводъ государь прибираетъ, разсуждая ихъ отечество; и кто кого дородился, то можетъ ратный обычай содержати» (374). Такимъ образомъ, уничтожая мѣстничество княжатъ и дѣтей боярскихъ съ воеводами, этотъ указъ въ тоже время даетъ воеводамъ право мѣстничаться между собою и налагаетъ обязанность на государя, при назначеніи воеводъ, принимать во вниманіе ихъ отечество. Очень хорошо понималъ Іоаннъ, что, опредѣляя воеводу на мѣсто, правительство должно руководиться не отечествомъ, а личными достоинствами опредѣляемаго; но, при всей пылкости своего характера, долженъ былъ терпѣть мѣстничество, зная, что уничтоженіе этого права еще несвоевременно. Прибѣгни Іоаннъ къ мѣрамъ крутымъ–эти мѣры еще болѣе бы раздражили противъ него окружавшихъ его, и безъ того имъ не довольныхъ и готовыхъ, при первомъ удобномъ случаѣ, повредить ему. И вотъ передъ нами открывается странное зрѣлище: строго преслѣдуя всякое сопротивленіе бояръ его волѣ, Грозный въ тоже время терпѣливо сноситъ ихъ ослушаніе при назначеніи на мѣста. Мало этого. Любя историческія разысканія вообще, онъ часто самъ занимается разбирательствомъ мѣстническихъ сче-

товъ, самъ выводитъ длинныя поколѣнныя росписи тяжущихся лицъ и съ 1559 до 1584 года, когда ожесточенный измѣнами и противодѣйствіемъ бояръ, онъ рѣшился путемъ казней укротить строптивыхъ, въ эту мрачную эпоху насчитываемъ по однимъ разряднымъ до 50, а по другимъ до 90 случаевъ, мѣстничества. Грозный рѣшалъ мѣстническіе споры скоро и благоразумно. Они оканчивались обыкновенно тѣмъ, что челобитчика ставили ниже того, на кого онъ жаловался; часто прекращались они и тѣмъ, что мѣстничавшимся лицамъ не давали счету, а иногда, для избѣжанія споровъ, переводили воеводъ изъ одной пограничной службы въ другую—разводили. Но всего чаще встрѣчается слѣдующее рѣшеніе. «Служить безъ мѣстъ, а какъ служба минется, тогда и счетъ будетъ данъ» (375). Случалось, что безъ суда Грозный выдавалъ челобитчика головою (376).

Итакъ, Іоаннъ терпѣлъ мѣстничество, но въ тоже время принималъ и средства къ уничтоженію вредныхъ послѣдствій, проистекавшихъ для государства изъ этого права. Объявляя походы безъ мѣстъ, отстраняя споры невмѣстными грамотами, онъ не только предупреждалъ вредныя послѣдствія мѣстническихъ счетовъ, но и незамѣтнымъ образомъ отучалъ воеводъ отъ мѣстничества.

Видимъ однако, что Грозный принималъ и болѣе дѣйствительныя средства къ уничтоженію ненавистнаго ему мѣстничества. Онъ учредилъ опричнину, которая была повтореніемъ древней дружины. Опричники должны были знать только своего вождя, повиноваться его повелѣніямъ, забыть для него всѣ прошедшія преданія и разорвать связь со всемъ окружающимъ. Изъ такого значенія опричнины само собою вытекло то слѣдствіе, что она спутала всѣ мѣстническіе счеты. Это видно изъ того, что во всѣхъ послѣдующихъ счетахъ указываютъ на нее, какъ на случайное нарушеніе права, котораго не должно

принимать въ разсчетъ: «то дѣялось въ опричнинѣ, а хотя и будетъ такой разрядъ и былъ, а то была государева воля въ опричнинѣ, а въ томъ государь воленъ» ([377]). Но и въ страшной слободѣ Александровской возмущали царя мѣстническіе споры и-быть безъ мѣстъ было единственнымъ на нихъ отвѣтомъ ([378]). Земскіе и опричные воеводы, дѣйствуя вмѣстѣ, не считались мѣстами ([379]).

Еще одну важную перемѣну мы видимъ при Грозномъ въ мѣстническихъ счетахъ-возвышеніе служебнаго значенія бояръ надъ родовымъ. Съ его времени бояре въ своихъ тяжбахъ начинаютъ ссылаться не на родословныя, а на разряды. Такъ въ дѣлѣ князя Лыкова съ Пожарскимъ, 1609 года ([380]), Лыковъ говоритъ: «и то, государь, князь Димитрій пишетъ, не зная, а лѣсвицею меня, холопа твоего, считаетъ напрасно со всѣми Оболенскими князьями, и то, государь, знатко, что князь Димитрій пособляетъ своей худобѣ и своему отечеству, а считаетъ меня, государь, лѣсвицею со всѣмъ Оболенскимъ родомъ мимо разрядовъ государевыхъ» ([381]). Или князь Андрей Дмитріевичъ Хилковъ, въ 1588 году, въ своемъ мѣстническомъ спорѣ съ Ласкиревымъ, писалъ въ челобитной государю: «а Ѳедору, государь, не токмо што брата моего Василья, и меня, холопа твоего, менши быти льзя по твоимъ государевымъ разрядамъ и твоему государеву жалованью» ([382]). Въ этомъ обстоятельствѣ видно явное стремленіе Іоанна унизить родословную гордость аристократіи.

Кромѣ этихъ средствъ Іоаннъ употреблялъ къ ослабленію мѣстничества косвенныя средства. Этимъ косвеннымъ, но не менѣе дѣйствительнымъ, средствомъ было возвышеніе людей неродословныхъ, худородныхъ; такъ Іоаннъ приблизилъ къ себѣ дьяковъ, полагая, что, при большихъ познаніяхъ, при опытности своей, они могутъ

быть ему полезнѣе бояръ, выдвигалъ въ рядъ вельможъ людей чужеродныхъ и незнатныхъ. Такъ онъ возвысилъ родъ Годуновыхъ. Разумѣется, эти новые роды должны были составлять противовѣсіе стариннымъ родамъ. Но подобное обстоятельство не могло быть одобрено боярами, потому что эти новые люди *запъжали ихъ*, лишали прежней важности. Естественно, что въ нихъ родилось желаніе оттѣснить отъ престола новую аристократію. Это желаніе вполнѣ выразилось въ нападкахъ на родъ Годуновыхъ; но Годуновы были во всѣхъ тяжбахъ оправданы ([383]). Эта же ненависть къ новымъ людямъ, эта же напыщенность знатностію рода проглядываетъ и у Курбскаго въ его сочиненіяхъ.

Изъ множества мѣстническихъ дѣлъ, дошедшихъ до насъ, ни въ одномъ не участвовалъ Курбскій Андрей Михайловичъ. Но отецъ его, Михайло Михайловичъ, въ 7047 году, мѣстничался съ Рѣпнинымъ. Въ разрядной книгѣ подъ этимъ годомъ мы читаемъ: «а князь Михайло Курбскій писалъ, что ему въ передовомъ полку въ другихъ быти нельзѣ того для, что князь Петръ Рѣпнинъ въ болшемъ полку другой. А коли былъ подъ Казанью братъ князя великаго, князь Дмитрій Ивановичъ, тогда отецъ его, князь Михайло Карамышъ в передовомъ полку большой, а княжь Петровъ отецъ, князь Иванъ Рѣпнинъ, былъ въ лѣвой рукѣ большой же» ([384]). Впрочемъ, хотя и нѣтъ указаній на то, чтобы князь Андрей Курбскій съ кѣмъ нибудь считался отечествомъ, но мы должны предположить и въ немъ стремленіе къ мѣстничанью. Въ томъ мы убѣдимся, если, вопервыхъ, возмемъ въ соображеніе, что Курбскій былъ представителемъ старины. Ревностный защитникъ старинныхъ правъ и преимуществъ боярскаго сословія, онъ долженствовалъ быть защитникомъ и права бояръ считаться мѣстами, какъ одного изъ важнѣйшихъ и древнѣйшихъ правъ. Въ

своей «исторіи Іоанна», Курбскій выражаетъ негодованіе на возвышеніе худородныхъ и довѣренность къ нимъ Іоанна, потому что эти люди были не отъ шляхетскаго рода. «Писари же наши русскіе», говоритъ онъ, «имъже князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющу, хотяще единъ веселитися на земли» ([385]). Этого негодованія Курбскаго ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ мѣстничества. Встарину исключительно бояре были довѣренными лицами государей, потому что одни они занимали всѣ важныя мѣста въ государствѣ. Теперь же они должны были подѣлиться своимъ преимуществомъ съ людьми незнатными, иногда и сравняться съ ними. Понятно, что они негодовали на Іоанна, наносившаго, совмѣстничествомъ неблагородныхъ, «поруху» ихъ родовой чести. Въ третьихъ, описывая казни Іоанна, исчисляя жертвы его гнѣва, Курбскій обращаетъ особенное вниманіе на ихъ родословную. Напримѣръ: «потомъ побіено князя Александра Ярославова, и князя Владиміра Курлятева, сыновца онаго Димитрія, и были тѣ оба... по роду влекомы отъ Великаго Владиміра, отъ пленицы великаго князя Михаила Черниговскаго, иже убіенъ отъ безбожнаго Батыя» ([386]). Или: «тогда же убіенъ отъ него (Іоанна), княжа Суздальское, глаголемый Александръ, съ сыномъ своимъ Петромъ: бо тѣ княжата суздальскіе влекомы отъ роду Владиміра святаго, и была на нихъ власть старшая русская между всѣми княжаты, болѣ двусотъ лѣтъ» и т. д. ([387]). Или: «въ тѣ же лѣта побиты братья мои, княжата ярославскіе, влекомые отъ роду княжати смоленскаго, святаго Ѳеодора Ростиславича, правнука великаго Владиміра Мономаха ([388])» и проч. Однимъ словомъ, говоря о казненныхъ, Курбскій старается вывести ихъ родословную, желая

этимъ, безъ сомнѣнія, сдѣлать еще болѣе тяжкою вину Іоанна. Наконецъ, въ четвертыхъ, въ письмахъ своихъ къ Іоанну, поставляя ему на видъ свое происхожденіе, Курбскій желаетъ какъ бы показать этимъ, что ему вовсе не слѣдуетъ быть слугою Іоанна, потому что этотъ послѣдній происходитъ изъ младшей линіи дома Мономахова, именно отъ младшаго сына Мономахова Юрія, а Курбскіе отъ втораго сына Мстислава Великаго, Ростислава. Такъ въ первомъ письмѣ Курбскаго къ Іоанну читаемъ: «призываю на помощь государя моего праотца князя Өеодора Ростиславича» (389), а въ отвѣтѣ его на второе письмо Іоанна: «аще и зѣло многогрѣшенъ есмь и недостоинъ, и обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племенижъ великаго князя Өеодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добрѣ вѣси отъ лѣтописцевъ русскихъ, иже тое пленицы княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко нѣкоторымъ издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михаила Тверскаго, а потомъ и прочіе, сущіе еще во свѣжей памяти и предъ очима, что Углецкимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови, и како ихъ всеродне заглажено и потреблено» (390). Все это сказано Курбскимъ не безъ цѣли. Онъ хочетъ показать, что происходитъ отъ одного и тогоже корня съ Іоанномъ, происходитъ отъ старшей, а не отъ младшей линіи; что предокъ его угодникъ Божій, а не какой-нибудь Юрій, и что, слѣдовательно, ему вовсе неприлично быть рабомъ и слугою Іоанна, потому еще, что «по родовой лѣсвицѣ» онъ (Курбскій) «не приходится ему (Іоанну) въ версту». Языкъ Курбскаго въ приведенныхъ нами мѣстахъ чрезвычайно сходенъ съ языкомъ мѣстничества. Курбскій старается доказать свое превосходство предъ Іоанномъ своимъ родомъ. Это доказательство самое употребительное въ мѣстническихъ счетахъ. Какъ «единоколѣнный»

Іоанну ([391]) и старшій въ родѣ Мономаховомъ, Курбскій, разумѣется, тяготился своею зависимостію отъ царя, младшаго родомъ и, по единству происхожденія, считалъ себя равнымъ ему. Такъ въ отвѣтномъ письмѣ его Іоанну читаемъ: «уже нетокмо единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ рода великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси» ([392]). Принимая въ соображеніе эти обстоятельства, мы не можемъ не признать истиннымъ обвиненіе Курбскаго въ томъ, что онъ «измѣннымъ обычаемъ хотѣлъ сдѣлаться Ярославскимъ владыкою» ([393]). Въ пятыхъ, Курбскій признаетъ свое бѣгство изъ Россіи отъѣздомъ. Онъ вооружается за право бояръ отъѣзжать изъ Россіи въ Литву и непризнаетъ законными проклятыхъ грамотъ, данныхъ боярами Іоанну III, Василію III и, наконецъ, самому Іоанну IV въ томъ, что они не будутъ отъѣзжать изъ Россіи. Онъ считаетъ эту клятву вынужденною, и, слѣдовательно, ничего незначущею ([394]). Мы знаемъ, что отъѣздъ всегда происходилъ вслѣдствіе размолвки, нелюбья на князя, и что причиною его всегда были неудовлетворенные княземъ мѣстническіе счеты. Это мы видимъ въ отъѣздѣ дружинниковъ при первыхъ князьяхъ, видимъ въ отъѣздѣ боярина Акинѳа отъ Калиты, бояръ тверскихъ отъ Александра Михайловича Тверскаго, въ отъѣздѣ извѣстнаго намъ, боярина Василія Дмитріевича къ Юрію, дядѣ Василія Темнаго. Всѣ эти отъѣзды произошли вслѣдствіе мѣстничества, какъ мы уже видѣли. Разсмотримъ теперь отъѣзды во время Грознаго. Въ регенство Елены выше всѣхъ стоялъ любимецъ ея Телепневъ—Оболенскій. Знаменитые родичи изъ бояръ должны были повиноваться этому человѣку, между тѣмъ какъ, по убѣжденію своему, они считали себя болѣе вправѣ управлять государствомъ. И вотъ, когда имъ не удалось возвести на престолъ ни Юрія, ни Андрея Старицкаго, дядей Грознаго; то Симеонъ Бѣльскій

и Иванъ Ляцкой бѣжали въ Литву, считая для себя унизительнымъ повиноваться Оболенскому. По паденіи Сильвестровой стороны, Курбскій и другіе знатные родичи рѣшаются тоже бѣжать въ Литву. Причина очень ясна: съ паденіемъ стороны Сильвестра, они должны были выйти изъ той роли, которую играли до того времени, должны были потерять свой вѣсъ и значеніе, посторониться предъ новыми лицами, возвышенными и приближенными къ престолу волею самодержца. Слѣдовательно, какъ Курбскій, такъ и другіе родичи «были заѣханы» этими новыми людьми, были оттѣснены на 2-й планъ, должны были играть роль второстепенную. Во всѣхъ сочиненіяхъ Курбскаго, относящихся къ Іоанну, рѣзко и сильно проглядываетъ негодованіе его на новыхъ людей. Уступивъ добровольно этимъ новымъ людямъ значеніе въ государствѣ, Курбскій «наносилъ поруху» нетолько себѣ, но и всему роду своему, а изъ дѣлъ по мѣстничеству открывается, что бояринъ скорѣе согласился бы потерять жизнь, нежели поступиться кому нибудь-своимъ старѣйшинствомъ. Такъ, Котошихинъ разсказываетъ, что даже во время царскихъ обѣдовъ бояре садились за столъ по старшинству, что, считавшіе себя равными, не хотѣли сидѣть одинъ ниже другаго, а, обыкновенно, или уѣзжали домой или отпрашивались у царя куда-нибудь въ гости. Иногда царь уважалъ ихъ просьбы, а иногда приказывалъ сидѣть за столомъ, и если бояринъ не садился, то его сажали насильно: «а какъ посадятъ его сильно», продолжаетъ Котошихинъ, «и онъ подъ нимъ (т. е. подъ тѣмъ, кого считалъ равнымъ или низшимъ) не сидитъ, и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобы онъ царя не приводилъ въ гнѣвъ и былъ послушенъ; а онъ кричитъ: хотя де царь велитъ ему голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть и спустится подъ столъ, и царь укажетъ его вывесть вонъ, или послать въ тюрьму, или до указу

себѣ на очи пущать не велитъ» [395]. Изъ этого свидѣтельства видно, что бояринъ готовъ былъ лучше потерять жизнь, нежели поступиться кому-нибудь старшинствомъ. Въ Курбскомъ мы видимъ человѣка, пропитаннаго стариннымы убѣжденіями, человѣка, для котораго старина была блестящимъ свѣтиломъ, путеводною звѣздою. Пламенно преданный ей, не пощадившій для нея своего добраго имени, неужели онъ могъ простить царю нарушеніе одного изъ древнѣйшихъ правъ боярскихъ,—мѣстничества? Заѣзжаемый, оттѣсняемый отъ престола новыми людьми, Курбскій рѣшился оставить Россію, потому что не имѣлъ никакихъ средствъ послѣ паденія своей партіи возстановить прежнее ея значеніе. Такимъ образомъ, на отъѣздъ Курбскаго можно смотрѣть и какъ на слѣдствіе мѣстничества, и увѣреніе Іоанна, что Курбскій бѣжалъ изъ корыстныхъ разсчетовъ, а не опасаясь за жизнь—совершенно вѣрно.

Бѣгство Курбскаго въ Литву относится къ 1564 году. Карамзинъ и другіе наши историки, вѣроятно, основываясь на приведенной нами уже рукописи [396], говорятъ, что Курбскій убѣжалъ въ Литву съ однимъ слугою своимъ Шибановымъ [397]. Но, въ предисловіи Курбскаго къ книгѣ «Новый Маргаритъ», мы читаемъ: «понеже уже и слуги моего и брата превозлюбленнаго и вѣрнаго кровь проліяша.... который здравіе мое отъ гоненія на своей вые вынесъ со другими слугами». Этотъ слуга былъ Иванъ Ивановичъ Калыметъ [398]. Слѣдовательно, съ Курбскимъ бѣжали многіе люди, а не одинъ Шибановъ. Русскій посолъ Аѳанасій Нагой доносилъ Іоанну: «а отъѣхалъ де, государь, отъ тебя Андрей Курбскій и съ нимъ многіе люди» [399]. Тщательныя разысканія открыли, что съ Курбскимъ бѣжало въ Литву много другихъ москвитянъ и что, слѣдовательно, онъ прибылъ туда не какъ бѣглецъ, а явился съ значительною свитою. Многіе изъ

этихъ москвитянъ служили Курбскому съ молодыхъ лѣтъ, раздѣляя съ нимъ воинскіе труды, а другіе принадлежали къ опальнымъ фамиліямъ, подпавшимъ гнѣву Іоанна. Съ Курбскимъ выѣхали въ Литву: Иванъ Ивановичъ Калыметъ, Михайло Яковлевичъ Калыметъ, Иванъ Мошнинскій, служившій Курбскому съ юныхъ лѣтъ, Симонъ Марковичъ Вешняковъ, Гаврило Кайсаровъ, Меркурій Невклюдовъ, Юсифъ Никитичъ Тороканов-Пятый (всѣ эти фамиліи упоминаются въ синодикахъ Грознаго), Кириллъ Ивановичъ Зубцовскій, Василій Кушниковъ, Кириллъ Невзоровъ, Якимъ Невзоровъ, Иванъ Посникъ Вижевскій, Иванъ Посникъ Глинскій, Посникъ Ростовскій, Иванъ Посникъ Меньшой Туровицкій, Петръ Вороновецкій, Андрей Барановскій, Петръ Сербулатъ, Захарія Москвитинъ, Василій Лукьяновичъ Калиновскій (400).

По прибытіи въ Литву, Курбскій, 4 іюля 1564 г., получилъ отъ короля жалованную грамоту на владѣніе *на вѣчныя времена* ковельскимъ имѣніемъ. Эта грамота дана была въ Бѣльскѣ. Права Курбскаго на владѣніе Ковлемъ не были въ ней опредѣленно высказаны. Правда, въ ней употреблено было выраженіе: *на вѣчно*; но не прибавлено—ему и потомкамъ его, не сказано и того, что Курбскому предоставляется полное право свободно распоряжаться этимъ имѣніемъ (401). По литовскимъ законамъ такая грамота не давала еще права вѣчной и полной собственности. Далѣе, для дѣйствительности пожалованія не было еще достаточно воли одного короля; для этого нужно было собраніе генеральнаго сейма. Конституціею или поправкою брестскою было постановлено, что чужестранцамъ не иначе могутъ быть раздаваемы въ собственность помѣстья, принадлежащія къ столу королевскому, какъ на генеральныхъ сеймахъ съ разрѣшенія пановъ сенаторовъ, всѣхъ сословій и земскихъ пословъ (402). Кромѣ ковельскаго имѣнія, Курбскій получилъ

еще староство Кревское въ виленскомъ воеводствѣ. Пожалованіе это также было противозаконно: король не имѣлъ права раздавать иностранцамъ никакихъ должностей въ великомъ княжествѣ литовскомъ ([403]). Прежде вступленія во владѣніе имѣніями, ему пожалованными, Курбскій долженъ былъ оказать услуги своему новому отечеству и государю. Въ это время Россія была въ войнѣ съ Польшею. Убѣдивъ Сигизмунда дѣйствовать противъ Россіи рѣшительнѣе, Курбскій убѣдилъ его не жалѣть золота для пріобрѣтенія союза крымскаго хана ([404]). Совѣты измѣнника не остались безплодными, и, въ 1564 году, сильное королевское войско двинулось къ Полоцку, занятому нашимъ войскомъ. Пылая ненавистью къ Іоанну, Курбскій не только не устыдился самъ поднять мечъ противъ отечества, но, что еще ужаснѣе, вооружилъ на свой счетъ 200 человѣкъ конницы. Къ этому отряду присоединилъ онъ и бѣглыхъ москвитянъ—измѣнниковъ ([405]). Но походъ противъ Полоцка былъ безуспѣшенъ: совѣтовъ Курбскаго не слушали, потому что не довѣряли ему, какъ измѣннику; простоявъ 17 дней подъ стѣнами крѣпости, поляки со стыдомъ ушли восвояси ([406]). По возвращеніи изъ этого похода, Курбскій, согласно волѣ короля, былъ введенъ во владѣніе пожалованными ему имѣніями. Это было въ 1565 году ([407]).

Ковельское имѣніе, пожалованное Курбскому, было однимъ изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ коронныхъ владѣній. Отсюда, по рѣкамъ Бугу и Вислѣ, были отправляемы въ Данцигъ и Эльбингъ лѣсной и хлѣбный товары ([408]). Въ селѣ Гоншинѣ добывали желѣзную руду. Не малый доходъ получался съ звѣроловства и пчеловодства. О количествѣ народонаселенія Ковля можно судить изъ того, что ковельцы, во время нападеній на имѣнія сосѣдившихъ съ ними владѣльцевъ, составляли отрядъ изъ трехъ или болѣе тысячъ человѣкъ, вооружен-

ныхъ пушками, саковницами, саадаками, луками, рогатинами и другимъ оружіемъ ([409]). Такъ, въ 1575 году, урядникъ князя Андрея Вишневецкаго объявлялъ, что, 1 августа этого года, князь Курбскій наслалъ урядниковъ своихъ ковельскихъ съ ковельскими мѣщанами открытою силою на имѣніе Вишневецкаго, что ихъ было нѣсколько сотенъ конныхъ и пѣшихъ, вооруженныхъ ружьями, рогатинами и луками ([410]).

Ковельское помѣстье заключало въ себѣ городъ Ковель съ замкомъ, мѣстечко Вижву съ замкомъ, мѣстечко Миляновичи съ дворцемъ и 28 селъ. Все оно было раздѣлено Курбскимъ на три волости: ковельскую, миляновскую и вижковскую. Къ первой принадлежали: городъ Ковель, села: Гридковичи, Шайно, Хотешово, Нюйно, Красная Воля, Мошчоная, Дубовая, Облапы, Вербка, Гоншино, Бахово, Скулинъ, Стебли, Мостища и Верхи. Къ вижковской волости принадлежали: Вижва и села: старая Вижва и Воля; а къ волости миляновской: мѣстечко Миляновичи и села: Порыдубы, Селища, Годевичи, Зелово, Туровичи и Клевецкая ([411]). Всѣ эти мѣстечки существуютъ и донынѣ, и считается въ нихъ 8907 ревизскихъ душъ ([412]). Для управленія каждою волостію Курбскій поставилъ особаго урядника изъ числа бѣжавшихъ съ нимъ московскихъ измѣнниковъ. Урядникъ ковельскій былъ значительнѣе вижовскаго и миляновскаго–послѣдніе представляли ему наличные деньги и прочіе доходы; онъ завѣдывалъ казною Курбскаго, его оружіемъ и платьемъ, а отчетъ въ управленіи отдавалъ одному Курбскому ([413]). Урядникомъ ковельскимъ былъ Кириллъ Зубцовскій.

Обезпечивъ себя порученіемъ управленія своимъ единоземцамъ, которые, по необходимости, должны были защищать его интересы, потому что судьбу свою связали съ его судьбою, Курбскій, зимою 1565 года, съ 15,000 королевскимъ войскомъ вторгнулся въ область Великихъ

Лукъ. Въ жалованной грамотѣ данной Курбскому на городъ Ковель, король хвалитъ князя за мужество и храбрость, оказанныя въ этомъ походѣ: «находясь», говоритъ онъ, «на службѣ нашей господарской, князь Курбскій былъ посылаемъ, вмѣстѣ съ рыцарствомъ нашимъ, воевать земли непріятеля нашего московскаго, гдѣ служилъ намъ, господарю, и республикѣ доблестно, вѣрно и мужественно» ([414]). Всѣ подвиги Курбскаго во время этого похода состояли въ разграбленіи церквей и опустошеніи селъ. Въ своемъ посланіи къ Іоанну онъ самъ сознается въ этомъ: «принужденъ быхъ», пишетъ онъ, отъ короля Сигизмунда Августа Луцкія волости воевати, и тамо зѣло стерегли есмы съ Корецкимъ княземъ, иже бы невѣрные церквей Божіихъ не жгли и не разоряли; и воистину не возмогохъ, множества ради воинства, устрещи; понеже пятьнадесять тысящей тогда было войска, между которыми не мало было ово варваровъ измаильтескихъ (татаръ), ово другихъ еретиковъ, обновителей древнихъ ересей, враговъ креста Христова, и безъ нашего вѣдома, по исхожденію нашему, закрадшеся нечестивые, сожгли едину церковь и съ монастыремъ» ([415]).

Въ большомъ разстройствѣ нашелъ Курбскій, по возвращеніи изъ похода, свои имѣнія. Пользуясь его отсутствіемъ, князья и паны княжества литовскаго, земли волынской, паны польскіе и земляне коронные, имѣвшіе земли и осѣдлости около его помѣстья ковельскаго, открытою силой захватывали земли, принадлежащія къ волости ковельской, присвояли ихъ себѣ и заселяли своими крестьянами ([416]). Съ другой стороны, право владѣть ковельскимъ имѣніемъ, предоставленное Курбскому королемъ, оказалось на дѣлѣ невозможнымъ. Село Ковле, изъ котораго послѣ образовался городъ Ковель, было отчиною князей Любартовичей-Сангушковъ. Въ 1515 году Сигизмундъ I дозволилъ князю Василію Михайловичу Сан-

гушку образовать изъ села городъ и далъ ему магдебургское право. Князь Василій Сангушко уступилъ Ковель знаменитой королевѣ Бонѣ, и, съ этого времени, Ковлемъ постоянно завѣдывали королевскіе старосты; они собирали королевскіе доходы, творили судъ крестьянамъ и шляхтѣ. Въ своихъ дѣйствіяхъ эти старосты руководствовались литовскимъ статутомъ и особенными повелѣніями короля. Владѣя укрѣпленнымъ ковельскимъ замкомъ, они обязаны были, вмѣстѣ съ боярами путными, панцырными и землянами, являться на службу. На основаніи магдебургскаго права, мѣщане города Ковля составляли общину, имѣвшую свой судъ, свое управленіе и свое цѣховое устройство. Каждогодно, въ первый понедѣльникъ послѣ новаго года, они избирали изъ среды себя 8 опытныхъ, степенныхъ и ученыхъ мужей; а изъ этихъ 8 староста избиралъ 4 ратмановъ, изъ которыхъ одного назначалъ бургомистромъ. Ратманы завѣдывали городскими доходами, расходами, полиціею и взыскивали штрафныя деньги, которыя дѣлили между собою. Бургомистръ смѣнялся ежемѣсячно. Судебная власть была въ рукахъ войта и лавниковъ (присяжныхъ засѣдателей). Войта избиралъ изъ мѣщанъ староста, а лавниковъ избирали изъ среды себя сами мѣщане. Какъ тотъ, такъ и другой избирались на всю жизнь и составляли *мѣстскій судъ*, который завѣдывалъ уголовными и гражданскими дѣлами мѣщанъ и велъ свои актовыя книги. На войта и лавниковъ апеллировали бургомистру и ратманамъ, на этихъ старостѣ ковельскому, а на рѣшенье послѣдняго-королевскому суду. Ремесленники составляли особые цѣхи, и каждый цѣхъ имѣлъ свое огнестрѣльное оружіе, свои законы и начальниковъ. Для управленія цѣхомъ избирались ежегодно цехмистръ и четыре брата.

Ковельскіе мѣщане имѣли право свободно и безпошлинно закупать воскъ, хмѣль, медъ и скотъ по всѣмъ се-

ламъ староства ковельскаго; они могли брать, въ пользу казны, десятину съ лѣсу и сушеной рыбы, взимать пошлину подужную, помѣрную, мостовую, вѣсовую и воскобойную ([417]). Въ такомъ видѣ поступилъ во владѣніе князя Курбскаго городъ Ковель. Власть Курбскаго нисколько не превышала власти бывшихъ ковельскихъ старостъ: онъ долженъ былъ заботиться о спокойствіи и безопасности города, объ исправномъ исполненіи государственныхъ повинностей; онъ имѣлъ право суда надъ боярами, землянами и крестьянами ковельскими, и могъ требовать первыхъ на королевскую службу. (Мѣщане ковельскіе пользовались личною свободою и имуществомъ на основаніи магдебургскаго права, а евреи состояли подъ защитою королевскихъ привиллегій, дававшихъ имъ важныя права). Если бы король захотѣлъ подчинить Курбскому всѣ эти сословія на основаніи вотчиннаго права; то нарушилъ бы основные законы государства.

Желая опредѣлить, на какихъ правахъ Курбскій, безъ нарушенія коренныхъ государственныхъ установленій, можетъ владѣть замкомъ и областью ковельскою, Сигизмундъ Августъ, 25 февраля 1567 года, далъ ему новую жалованную грамоту, которою Ковель былъ пожалованъ Курбскому только леннымъ правомъ. Въ этой грамотѣ Король объявлялъ, что имѣніе ковельское есть собственность королевская, что Курбскій получилъ отъ короля это имѣніе только для своего содержанія; но что право владѣть имъ, какъ собственностью, остается за королемъ ([418]). Далѣе, король объявлялъ, что Курбскій можетъ и долженъ владѣть этимъ имѣніемъ на томъ же самомъ основаніи, на какомъ управлялось оно отъ короля по смерти Боны, и также обязанъ отправлять для короля военную службу, какъ и шляхта великаго княжества литовскаго ([419]). Слѣдовательно, Курбскій не могъ располагать Ковельскимъ имѣніемъ, т. е. не могъ ни прода-

вать, ни закладывать, ни завѣщать его кому-нибудь. По смерти Курбскаго это имѣніе должно было перейти къ сыну его или въ казну, если бы послѣ Курбскаго не осталось потомковъ мужескаго пола. Получивъ на такихъ условіяхъ ковельское помѣстье, Курбскій не могъ быть доволенъ королемъ, потому что нисколько не вознаграждался за московскія свои владѣнія, которыя покинулъ обольщенный королевскими обѣщаніями. Желая вознаградить его за потери, Сигизмундъ Августъ грамотою, данною 23 ноября 1567 года, пожаловалъ ему волость смединскую на томъ же правѣ, какъ и Ковель. Всѣ доходы, собираемые съ этой волости, поступали въ собственность Курбскаго. Другою грамотою, отъ 27 іюля 1568 года, король пожаловалъ Курбскому въ волости упитской слѣдующія села: въ войтовствѣ повешмянскомъ-Повешмяны, Екелишки, Поверсмы, Поберли, Лису; въ воотовствѣ пуринскомъ-Пурины, Сонтовтово; въ войтовствѣ сколминовскомъ Довчишки, Елконданы, Миняны; въ войтовствѣ илкоголовскомъ Поедупы, Крештишки-всего 10 селъ съ 4,000 десятинъ земли. Эти земли пожалованы были Курбскому и его потомству на вѣчныя времена съ обязательствомъ отправлять военную службу ([420]).

Главною задачею Курбскаго, по отношенію къ обществу, было достиженіе полной, безотчетной самостоятельности, чтобы никакая внѣшняя сила не полагала препонъ его волѣ, не сковывала его желаній. Поэтому, основное правило его было: во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовать указанію своихъ выгодъ, не стѣсняться законами; а признавать ихъ силу, давать имъ значеніе только тогда, когда въ нихъ нѣтъ противорѣчія его интересамъ. Законъ терялъ силу въ глазахъ Курбскаго, какъ скоро становился въ разладъ съ его разсчетами. Однимъ словомъ, Курбскій хотѣлъ быть самъ законодателемъ для себя. Принужденный въ Россіи стать въ уровень съ прочими

подданными Іоанна IV, слѣдовать указаніямъ, исполнять, часто противорѣчившія личнымъ выгодамъ, повелѣнія своего государя, онъ, не смотря на запрещеніе, еще Іоанномъ III, отъѣзда, отъѣзжаетъ изъ Россіи и такимъ образомъ нарушаетъ законъ, потому что считаетъ это выгоднымъ для себя. Слабость литовскихъ законовъ, крайнее безсиліе королевской власти въ Литвѣ и Польшѣ дали возможность Курбскому вполнѣ выказать свой гордый, надменный характеръ; къ Курбскому, какъ нельзя лучше, привилось своеволіе польскихъ и литовскихъ магнатовъ, и Сигизмундъ Августъ, вызовомъ его надѣявшійся пріобрѣсти самаго дѣятельнаго, ревностнаго помощника въ борьбѣ съ сильною Москвою, скоро увидѣлъ, что въ Курбскомъ пріобрѣлъ себѣ подданнаго въ высшей степени строптиваго, непокорнаго и неблагодарнаго. Самовольно присвоилъ себѣ Курбскій титулъ князя Ковельскаго и въ письмахъ своихъ къ Іоанну подписывался всегда: «княжа на Ковлю» Пожалованнымъ ему на содержанье имѣніемъ онъ началъ распоряжаться, какъ полною собственностію. Такъ, жалованною грамотою 1572 года іюня 10 дня, онъ отдалъ Ивану Калымету въ вѣчную и потомственную собственность, съ обязательствомъ отправлять военную службу, села: Смунь и Сушки; а Андрею Барановскому—село Борки и три дворища въ Мостищахъ. Безъ королевскаго позволенія записывая этимъ лицамъ въ вѣчную собственность имѣнія, Курбскій явно нарушалъ законы великаго княжества литовскаго ([421]).

Скоро началъ онъ нарушать и права и привиллегіи своихъ ковельскихъ подданныхъ. Его урядникъ ковельскій, Иванъ Калыметъ, посадилъ, въ замкѣ Ковлѣ, въ помойную яму, куда напусканы были піявки, нѣсколько жидовъ, запечаталъ ихъ лавки и пивницы будто бы за то, что эти жиды не хотѣли заплатить Лаврину Перекрещенцу долга въ 500 копъ грошей литовскихъ. Возный вла-

димірскаго повѣта Тихонъ Оранскій, отряженный для производства слѣдствія, не былъ впущенъ въ замокъ, а когда спросилъ вышедшаго къ нему на замковый мостъ Ивана Калымета, по какому праву онъ поступаетъ такъ съ жидами, то получилъ отвѣтъ: «Развѣ пану не вольно наказывать своихъ подданныхъ не только тюрьмой или другимъ какимъ-нибудь наказаньемъ, но даже и смертью? А я, что ни дѣлаю, все то дѣлаю по приказанію своего пана, его милости, князя Курбскаго; ибо панъ мой, князь Курбскій, владѣя имѣніемъ ковельскимъ и подданными, воленъ наказывать ихъ, какъ хочетъ, а королю, его милости, и никому другому нѣтъ до того никакого дѣла. Но какъ жиды ссылаются на короля, то пусть король ихъ и защищаетъ, а я ихъ изъ-подъ ареста не выпущу». Угнетенные жиды отправили депутатовъ на люблинскій сеймъ, гдѣ находился тогда и князь Курбскій. На сеймѣ послѣдній настаивалъ на томъ, что имѣетъ право распоряжаться жидами, какъ подданными; а ковельскій урядникъ даже приказалъ жидамъ, въ опредѣленный срокъ, выѣхать изъ города.

Теперь-то въ первый разъ король декретомъ своимъ далъ знать Курбскому, какъ ограничены права его на владѣніе Ковлемъ. Не смотря на свое сопротивленіе и досаду, Курбскій, вслѣдствіе этого декрета, долженъ былъ выпустить жидовъ изъ-подъ ареста. Но такъ какъ Курбскому казалось оскорбительнымъ для его чести и не согласнымъ съ знатностію его рода сознаться, что надъ нимъ есть власть, которой онъ долженъ подчиняться, что есть лицо, которое можетъ ему приказывать; то, освобождая жидовъ, онъ объявилъ, что дѣлаетъ это изъ уваженія къ ходатайству великаго канцлера польскаго Валентія Добенскаго и великаго польскаго короннаго маршала пана Фирлея, а не вслѣдствіе королевскаго повелѣнія (422). Дѣло это окончилось тѣмъ, что декретомъ своимъ отъ

1569 г. король объявилъ, что ковельскіе жиды, какъ собственные его подданные, должны ненарушимо пользоваться своими правами и привиллегіями. Въ заключеніе король назначилъ штрафъ, которому долженъ будетъ подвергнуться Курбскій за неисполненіе этого декрета ([423]).

Раздражая короля своеволіемъ, Курбскій былъ, въ отношеніи къ равнымъ себѣ, самымъ безпокойнымъ сосѣдомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на количество его тяжебныхъ дѣлъ. Дорого платился ему тотъ, кто наносилъ ему какое-нибудь оскорбленіе или задѣвалъ его интересы. Мстя за обиду, часто мелочную, Курбскій съ толпою вооруженныхъ слугъ врывался во владѣнія своего недруга, жегъ, грабилъ и убивалъ людей. Случалось, что поступалъ онъ такъ и не изъ мести, но единственно изъ желанія корысти, имѣя въ виду только грабежъ и разбой. Если кто-нибудь требовалъ отъ него удовлетворенія за обиду, то онъ обыкновенно отвѣчалъ угрозами. Итакъ, разскажемъ теперь отношенія Курбскаго къ сосѣдямъ. Однажды Курбскій сдѣлалъ нападеніе на Смедынь, имѣніе Князя Чарторыйскаго. Чарторыйскій жаловался королю на такое самоуправство. Этотъ послѣдній приказалъ Курбскому удовлетворить Чарторыйскаго за убытки. Но Курбскій отвѣчалъ королевскому посланцу: «я не велю вступаться въ землю смедынскую, а приказываю защищать свою землю. А если смедынцы будутъ присвоятъ себѣ мою вижовскую землю, острова, которые описаны въ королевской грамотѣ, то я прикажу ловить ихъ и вѣшать, потому что та земля моя вижовская, а не смедынская. А что касается до удовлетворенія, котораго смедынцы требуютъ отъ крестьянъ и урядниковъ моихъ за обиду и вредъ, то я имъ въ томъ суда давать неповиненъ; ибо если что урядники и крестьяне мои сдѣлали, то сдѣлали, защищая мою землю. А скота и овецъ, крестьянкѣ смединской, Омельяновой,

я возвращать не велю, потому что этотъ скотъ долженъ принадлежать мнѣ ([424]).

Такимъ образомъ, не слишкомъ то испугался Курбскій строгаго декрета королевскаго и вскорѣ, безъ всякой даже видимой законности, завладѣлъ Туличовымъ, имѣніемъ Красенскихъ ([425]). Красенскіе подали жалобу королю, который приказалъ Курбскому немедленно возвратить имѣніе законнымъ его владѣтелямъ. Декретъ полученъ былъ Курбскимъ уже послѣ смерти короля. Королевскій коморникъ, Вольскій, посланный съ этимъ декретомъ, долженъ былъ долгое время странствовать по имѣніямъ Курбскаго прежде, нежели могъ увидѣть его. Получивъ свѣдѣніе, что Курбскій находится въ Миляновичахъ, Вольскій поѣхалъ туда, но сторожа заперли передъ нимъ ворота и объявили, что князя Курбскаго въ Миляновичахъ нѣтъ, что онъ уѣхалъ въ Гридковичи, а урядникъ Миляновскій не велѣлъ пускать Вольскаго въ мѣстечко. Въ тоже время слуга Курбскаго, Захарія Москвитинъ, выйдя къ воротамъ, сказалъ, что Курбскій уѣхалъ въ Ковель. Такимъ образомъ, Вольскій поставленъ былъ въ недоумѣніе, гдѣ искать Курбскаго. Подумавъ, онъ рѣшился прежде ѣхать въ Гридковичи. Здѣсь его также не пустили на дворъ и сказали, что Курбскій въ Миляновичахъ. Отсюда Вольскій поѣхалъ въ Ковель и, когда его и здѣсь также не пустили въ замокъ, потребовалъ, чтобы объ немъ доложили ковельскому намѣстнику или войту; но получилъ отвѣтъ, что и тотъ, и другой находятся, вмѣстѣ съ Курбскимъ, въ Миляновичахъ. Поѣхалъ опять Вольскій въ Миляновичи и потребовалъ, чтобы сторожа доложили объ немъ или самому князю, или тамошнему урядннку, чтобы этотъ послѣдній могъ дать ему о князѣ вѣрныя свѣдѣнія. Наконецъ, ковельскій войтъ Матушъ Трошковскій и ковельскій урядникъ Кирилло Зубцовскій вышли къ нему и объявили, что князь Курбскій уѣхалъ

въ Крупую къ воеводѣ кіевскому. Но приключенія Вольскаго этимъ еще не кончились. Погрозивъ ему палкою, Кирилло Зубцовскій прибавилъ, чтобы онъ не смѣлъ болѣе ѣздить въ имѣнія князя Курбскаго. Узнавъ отъ слугъ князя Острожскаго, что Курбскій находится въ Турійскѣ, Вольскій поѣхалъ туда и подалъ Курбскому, пріѣхавшему вслѣдъ за нимъ изъ Миляновичей, королевскій декретъ, повелѣвавшій возвратить Туличовъ Красенскимъ. Но Курбскій не взялъ указа королевскаго и произнесъ слова, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ его: «ты, панъ Вольскій, ѣздишь ко мнѣ съ мертвыми листами, потому что когда померъ король, то и всѣ листы его померли. Когда пріѣдешь ко мнѣ съ листами отъ живаго короля, то такіе листы я пріиму отъ тебя съ честію и буду поступать согласно съ ними, а этихъ листовъ, какъ умершихъ, не беру. Да хотя бы ты и отъ живаго короля пріѣхалъ ко мнѣ съ листами, то я тебѣ и никому другому Туличова не уступлю» ([426]). Я замѣтилъ, что эти слова чрезвычайно хорошо характеризуютъ Курбскаго. Руководясь одними эгоистическими побужденіями, онъ не былъ способенъ чувствовать благодѣяній, ему оказываемыхъ. Благодѣтель въ его глазахъ имѣлъ цѣну только до тѣхъ поръ, пока можно было отъ него ожидать еще чего нибудь. Въ противномъ случаѣ, Курбскій готовъ былъ пожертвовать имъ, если только это влекло за собою большія выгоды. Возмемъ, напримѣръ, отношенія его къ Іоанну Грозному. Мы уже видѣли, что Грозный умѣлъ цѣнить дарованія Курбскаго, отличалъ отъ толпы и быстро возвышалъ его на поприщѣ службы государственной—въ какіе нибудь шесть лѣтъ Курбскій изъ дѣтей боярскихъ первой статьи сдѣлался думнымъ совѣтникомъ, однимъ изъ первѣйшихъ бояръ московскаго царства ([427]). Самъ Курбскій, какъ мы уже видѣли, говоритъ, что Іоаннъ питалъ полную довѣренность къ его талантамъ, дѣлалъ ему важ-

ныя порученія, въ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о немъ ([428]); однимъ словомъ, высоко цѣнилъ его. Но чѣмъ же этотъ, любимый Іоанномъ ([429]), человѣкъ заплатилъ своему царю и благодѣтелю? Выгоды требовали отъ него измѣны, и онъ продалъ вѣрность къ законному государю, отъ котораго не видалъ ничего, кромѣ добра, бѣжалъ въ Литву и, мало этого, заклеймилъ еще Іоанна именемъ палача, тирана, кровопійцы, обременилъ память его страшными преступленіями, чтобы оправдать свою измѣну въ глазахъ потомства. Не лучше, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ поступилъ и въ отношеніи къ своему новому государю Сигизмунду Августу. Сигизмундъ Августъ осыпалъ Курбскаго благодѣяніями, заботился, сколько могъ, о благосостояніи, о выгодахъ его и, въ награду за это, увидѣлъ одну черную неблагодарность. Своеволіе и самовластіе Курбскаго даже возбудило въ шляхтѣ серьезныя опасенія. На люблинскомъ сеймѣ 1569 г., она жаловалась на него и потребовала у Сигизмунда Августа, чтобы имѣнія, пожалованныя, вопреки литовскимъ законамъ, Курбскому, были отобраны. Но король не уважилъ этой просьбы, объявивъ, что Ковель и староство Кревское даны Курбскому по важнымъ причинамъ государственнымъ ([430]). Заступничество короля сохранило Курбскому имѣнія, но не могло пробудить чувства благодарности въ его черствой душѣ, и онъ же, по смерти Сигизмунда Августа, издѣвался надъ его приказаніями.

Скучно было Курбскому въ Литвѣ, и онъ рѣшился искать для себя развлеченія въ семейной жизни. Въ 1571 г. вступилъ онъ въ бракъ съ княгинею Марьею Юрьевною, урожденною Голшанскою. Отецъ ея, князь Юрій Голшанскій, былъ женатъ на Маріи, урожденной княжнѣ Сангушковнѣ. Дочь ихъ, Марья Юрьевна, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, была за мужемъ за Андреемъ Якубовичемъ Монтолтомъ, отъ котораго имѣла двухъ сыновей Яна и

Андрея. По смерти перваго мужа своего, она вышла за Михаила Тишковича Козинскаго, отъ котораго имѣла дочь Варвару, бывшую за княземъ Юріемъ Збаражскимъ ([431]).

По смерти Козинскаго, Марья Юрьевна сдѣлалась владѣтельницею обширныхъ и богатыхъ помѣстій. Имѣнія принадлежали ей слѣдующія: вмѣстѣ съ сестрою своею Анною Юрьевною, выданною за Олизара Кирдѣя Мылскаго, Марья Юрьевна владѣла родовою собственностію Голшанскихъ, Дубровицею; въ виленскомъ повѣтѣ принадлежало ей имѣніе Шешели, а въ повѣтѣ владимірскомъ—Крошты ([432]). Кромѣ того князь Александръ Полубенскій подарилъ ей свою часть въ Звонѣ Великомъ Дубровицкомъ, принадлежавшую женѣ его Софьѣ Юрьевнѣ, урожденной Голшанской ([433]). Сверхъ этихъ родовыхъ владѣній, Марья Юрьевна располагала еще имѣніями, записанными ей прежними мужьями. По литовскимъ законамъ женихъ, предъ вступленіемъ въ бракъ, давалъ невѣстѣ вѣновую запись-записывалъ ей, въ обезпеченіе приданаго, третью часть своего недвижимаго имущества. Первый мужъ Марьи Юрьевны, Андрей Якубовичъ Монтолтъ записалъ ей, на вѣчныя времена, имѣнія: Жирмоны и Болтеники въ лидскомъ повѣтѣ и Орловкишки въ ошмянскомъ, а второй, Михаилъ Козинскій—Осмиговичи въ владимірскомъ повѣтѣ ([434]). Кромѣ этихъ имѣній, Марья Юрьевна принесла Курбскому въ приданое богатое движимое имущество, состоявшее въ золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, посудѣ и богатыхъ одеждахъ. Въ табунахъ, находившихся въ ея имѣніяхъ-Дубровицкомъ и Болтеникахъ находилось 500 лошадей, кромѣ рогатаго и мелкаго скота.

Что касается до личныхъ свойствъ Марьи Юрьевны, то она отличалась набожностью. Передъ нею постоянно лежали: евангеліе, одна доска котораго была вся серебряная, вызолоченная, а другая обложенная краснымъ

бархатомъ; эта оправа стоила 48 грошей польскихъ, а самое евангеліе (рукописное) стоило ей 4 копы грошей; крестъ серебреный, вызолоченный, стоившій 48 злотыхъ, кипарисный ковчежецъ довольно значительной величины, въ которомъ находилось много образовъ и мощи многихъ святыхъ, оправленные въ серебро; вещи необходимыя для церкви: мѵро и мощи, доставленныя ей за большую цѣну патріархомъ іерусалимскимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей достались Марьѣ Юрьевнѣ отъ отца ея, князя Юрія Голшанскаго, а другія отъ тетки, княгини Андреевой-Соколинской, Василисы Сангушковны ([435]). Марья Юрьевна вообще очень любила душеспасительныя книги: у ней были псалтырь, евангеліе учительное, 2 октоиха и книга, называемыя сборникъ-всѣ эти книги она покупала за значительную цѣну ([436]).

Вступая въ бракъ съ княгинею Марьею Юрьевною, происходившею изъ древнѣйшей фамиліи, Курбскій имѣлъ въ виду, кромѣ богатства, еще родство съ важнѣйшими литовскими фамиліями, что для него, какъ иностранца, было чрезвычайно важно: вельможи въ Литвѣ и Польшѣ управляли и королемъ, и государствомъ. Чрезъ Марью Юрьевну Курбскій вступалъ въ родственную связь съ князьями Сангушками, изъ которыхъ особенно былъ друженъ съ нимъ князь Романъ Сангушко, воевода Браплавскій, славный побѣдою надъ московскими войсками, роднился съ Збаражскими, Соколинскими, Полубенскими, Сопѣгами, Монтолтами и Воловичами. Имѣя такое сильное родство, Курбскій и самъ пріобрѣталъ болѣе значенія и важности и, въ случаѣ нужды, могъ надѣяться на сильную помощь.

Но не сопровождался этотъ бракъ тѣми послѣдствіями, какихъ ожидалъ отъ него Курбскій. Прельщенный богатствомъ и знатностію рода Марьи Юрьевны, онъ упустилъ изъ виду два важныя обстоятельства: вопер-

выхъ, Марья Юрьевна выходила за него уже въ пожилыхъ лѣтахъ, переживъ двухъ мужей; вовторыхъ, отъ перваго брака у ней было двое сыновей, естественно дѣлавшихся врагами Курбскому, потому что богатыя владѣнія ихъ матери переходили къ нему. Въ самомъ семействѣ Голшанскихъ никогда не было согласія,–были одни безпрерывные раздоры и тяжбы. Жена Курбскаго безпрестанно ссорилась за дубровицкое имѣніе съ сестрою своею Анною Юрьевною Голшанскою. Мужъ Анны Юрьевны, Олизаръ Кирдѣй Мылскій, вмѣшивавшійся въ эти ссоры, постоянно наносилъ обиды какъ женѣ Курбскаго, такъ и самому ему; нападалъ на имѣнія Марьи Юрьевны; старался вымышлять разныя клеветы съ цѣлію обезславить ее, или заводилъ тяжебныя дѣла, чтобы нанести ей убытокъ ([437]). Сама Анна Юрьевна съ шайкою вооруженныхъ слугъ нападала иногда на имѣнія сосѣднихъ помѣщиковъ. Она и ея мужъ отнимали у Марьи Юрьевны земли, портили границы, производили грабежи и разбои въ ея дубровицкомъ помѣстьѣ. Однажды Анна Юрьевна напала на сестру свою въ дорогѣ и отняла у нея движимаго имущества цѣною на 2,500 копъ грошей литовскихъ ([438]). Сыновья Марьи Юрьевны, Янъ и Андрей Монтолты были извѣстны своимъ буйнымъ характеромъ, нападали на земли сосѣднихъ владѣльцевъ, занимались грабежами и разбоями. Ихъ двоюродная сестра Анна Монтолтовна, по объявленію ея мужа, пана Зглычинскаго, и по собственному ея признанію, открыто вела развратную жизнь. Получивъ деньги отъ подкоморія владимірскаго, она отправилась на ярмарку въ Сокаль и, съ жолнеромъ Николаемъ Ковнацкимъ, съ которымъ здѣсь познакомилась, бѣжала отъ мужа. Когда, по приказанію короля, Ковнацкій возвратилъ ее мужу, она опять бѣжала съ Андреемъ Менькомъ, слугою подкоморія кременецкаго. Мужъ поймалъ ее въ

Сенинѣ, имѣніи Кирдѣевой, и представилъ въ судъ. Янъ и Андрей Монтолты уговорили ее даже отравить мужа. При помощи слуги своего Андрея Менька, съ которымъ имѣла непозволительную связь, она достала черную ящерицу, приготовила изъ нея отраву и подала своему мужу въ лещѣ во время ужина, а слуги эту же отраву поднесли подкоморію Семашку въ питьѣ, а женѣ его въ меду (439). Вотъ каковы были новые родственники князя Курбскаго, и могъ ли онъ ждать отъ нихъ чего-нибудь добраго?

Литовскіе законы требовали, чтобы приданое, принесенное невѣстою жениху, было обезпечено третьею частію недвижимаго имущества послѣдняго. Вслѣдствіе этого, 8 сентября 1567 г., Курбскій испросилъ у короля позволеніе обезпечить приданое будущей своей супруги ковельскимъ или другими изъ данныхъ ему помѣстій. Основываясь на соизволеніи короля, онъ далъ невѣстѣ своей, въ обезпеченіе ея приданаго, оцѣненнаго въ 17,000 копъ грошей литовскихъ, вѣновую запись на Миляновичахъ и на помѣстьяхъ своихъ упитскихъ. Марья Юрьевна также записала Курбскому въ вѣчную собственность имѣніе свое Осмиговичи въ повѣтѣ владимірскомъ, уступивъ ему это имѣніе за 4,000 копъ грошей литовскихъ. Въ 1576 г. она вновь утвердила за Курбскимъ свои вотчинныя имѣнія: Дубровицу въ повѣтѣ пинскомъ, Шешели и Крошты въ повѣтѣ виленскомъ, которыя уже прежде записала за нимъ (440). Такимъ образомъ, Курбскій сдѣлался теперь богатѣйшимъ вотчинникомъ, владѣтелемъ чрезвычайно обширныхъ помѣстій. Казалось, онъ достигъ теперь своей цѣли,-обезпечилъ будущность свою и своего потомства, потому что на королевскія имѣнія даны были ему чрезвычайно ограниченныя права. Но вышло иначе. Лишившись теперь всякой надежды когда-нибудь наслѣдовать имѣнія Марьи Юрь-

евны, родственники ея начали питать къ Курбскому непримиримую злобу. Особенно неутомимо дѣйствовалъ противъ него Олизаръ Кирдѣй Мылскій. Безпрестанно оскорблялъ онъ Курбскаго и его жену, безпрестанно грозилъ имъ, грабилъ ихъ крестьянъ, однимъ словомъ, старался всячески вредить. Янъ и Андрей Монтолты, сыновья Марьи Юрьевны, также не оставались праздными зрителями этой разладицы родственниковъ. Они принимали къ себѣ тѣхъ изъ людей Курбскаго, которые наносили ему какой-нибудь ущербъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ случай: 8 іюля 1575 года Курбскій проѣзжалъ изъ Литвы въ Ковель. Во время этой поѣздки, мальчикъ Матвѣй Гинейко укралъ у него и его жены бланкеты за ихъ печатями и собственноручными подписями, золотой перстень, дюжину серебряныхъ ложекъ и съ этими вещами убѣжалъ къ Яну и Андрею Монтолтамъ (441).

Вскорѣ одно обстоятельство еще болѣе усилило нерасположеніе къ Курбскому родственниковъ его жены. Въ мартѣ 1576 года Марья Юрьевна сдѣлалась тяжко больна. Отчаяваясь въ выздоровленіи и желая предотвратить всѣ споры, могущіе возникнуть, по смерти ея, за ея имѣніе, она написала духовное завѣщаніе, которымъ утверждала за мужемъ своимъ, княземъ Андреемъ Курбскимъ, прежде уже записанныя за нимъ, имѣнія: Дубровицу, Шешели и Крошты, объявляя, что родственники ея не имѣютъ болѣе на эти помѣстья никакого права. Сыну своему Андрею Монтолту отказала она одни только Болтеники, да завѣщала ему и другому сыну Яну заложенные Орловкишки и Жирмоны съ тѣмъ, чтобы, выкупивъ эти помѣстья, они нераздѣльно владѣли ими. Кромѣ того, она завѣщала своимъ сыновьямъ нѣсколько серебреныхъ вещей, панцырей и шишаковъ. Желая уничтожить возможность всякой поддѣлки, она прибавляетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: «Если окажутся у кого-нибудь за-

писи на имѣнія, уступленныя мцѳю мужу моему; то увѣряю по совѣсти, что я этихъ имѣній никому, кромѣ мужа, не записывала» ([442]). Это завѣщаніе, устранявшее всѣхъ родственниковъ Марьи Юрьевны отъ наслѣдства, естественно въ высшей степени ожесточило ихъ противъ Курбскаго.

Хотя измѣнникъ по раэсчету, Курбскій не могъ привыкнуть къ землѣ, гдѣ все было ему чужое, гдѣ не было у него ни одного воспоминанія дорогаго сердцу; онъ постоянно грустилъ «между человѣки тяжкими и зѣло негостелюбными и къ тому въ ересехъ различныхъ развращенными» ([443]). Безпрерывныя ссоры и тяжбы, вѣтряная и разгульная жизнь шляхты, продажной и ничтожной, не могла прійтись по сердцу суровому москвитянину. Съ родины приходили къ нему безотрадныя, страшныя вѣсти: жена, сынъ его и мать погибли въ темницѣ; Грозный царь «истребилъ различными смертьми братію его, единоколѣнныхъ княжатъ Ярославскихъ», отнялъ его имѣнія и взялъ себѣ, погубилъ друзей его, раздѣлявшихъ его убѣжденія ([444]),-все это отравляло жизнь Курбскаго. Далѣе, измѣняя отечеству, онъ надѣялся найти въ Литвѣ богатство; но обманулся: участь его потомства не была обезпечена. Онъ надѣялся найти отраду въ семейной жизни; но и это не удалось ему. «Чтобы не потребиться въ конецъ грустію», занялся онъ науками: изучалъ латинскій языкъ, переводилъ Цицерона, занимался философіею. «Азъ же», говоритъ онъ (когда дошли до него слухи о гибели древнихъ боярскихъ родовъ), «вся сія вѣдахъ и слышахъ, и быхъ обнятъ жалостію, и стисияемъ отовсюду уныніемъ, и снѣдающе тѣ нестерпимые, предреченные бѣды, яко моль, сердце мое. Помянухъ и обращахся въ скорбѣхъ ко Господу моему со вздыханіи тяжкими и со слезами, просяще помощи и заступленія, да отовратитъ гнѣвъ свой и да непрезритъ уныніемъ потре-

битися, и утѣшающимися въ книжныхъ дѣлѣхъ и разумы высочайшихъ мужей прохождахъ. Прочитахъ и разсмотряхъ физическіе (физика есть книга Аристотелская, коя въ себѣ замыкаетъ прироженую, або естественную философію, и есть зѣло премудра), и обучахся и навыкахъ эттическихъ (также и эттика, десять книгъ Аристотелскихъ, кои научаютъ найлѣпшей философіи, сирѣчь обычаю любомудрія, и человѣческому роду наипаче зѣло потребнѣйша). Часто жъ обращахся и прочитахъ сродные мои Священные Писанія, ими же праотцы мои по душѣ воспитаны». Но изученіе однихъ языческихъ писателей не удовлетворяло Курбскаго. «Однажды», пишетъ онъ, «бывши еще въ Россіи, спросилъ я Максима Грека: всѣ ли сочиненія великихъ восточныхъ учителей переведены съ греческаго языка на славянскій, и есть ли они у сербовъ, болгаръ или другихъ славянскихъ народовъ? Максимъ Грекъ отвѣчалъ мнѣ, что многія изъ этихъ сочиненій не переведены не только на славянскій; но даже и на латинскій языкъ, потому что греческіе цари строго запрещали это. Но, когда турки осадили Константинополь, послѣдній царь Константинъ отправилъ библіотеку въ Родосъ и Венецію. По паденіи же Константинополя, патріархъ бѣжалъ съ церковною библіотекою въ Венецію, и венеціане перевели на латинскій языкъ книги, привезенныя имъ, и, отпечатавъ, распространили повсюду. Азъ же», продолжаетъ Курбскій, «сіе слышахъ отъ прелюбезнѣйшаго учителя моего и, пріѣхавъ уже мнѣ ту (т. е. въ Литву) отъ отечества моего, съ сожалѣніемъ потщахся латинскому языку пріучатися того ради, ижъ бы моглъ преложити на свой языкъ, что еще не преложено, имъже нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свой зряще, и того ради не мало изнурихъ въ грамотическихъ, и въ діалектическихъ, и въ прочихъ наукахъ пріучаяся. Егда уже по силѣ мо-

ей навыкохъ имъ, тогда куппхъ книги и умолихъ юношу къ переводу, именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи внѣшныя достигша. И первое протолковахъ съ нимъ зъ латинскаго въ словенско всѣ главы съ книгъ Златоустовыхъ, што онъ исправилъ на семъ свѣтѣ будучи» (445) и проч.

Такая жизнь Курбскаго не могла быть пріятна Марьѣ Юрьевнѣ, и она скоро раскаялась, что записала ему всѣ свои имѣнія. Желая поправить дѣло и освободиться изъ-подъ власти угрюмаго мужа, она приказала своей дѣвкѣ Раинкѣ и брату ея, Матвѣю, подломать кладовую старосты ковельскаго Кирилла Зубцовскаго и, похитивъ хранившіеся тамъ документы на дубровицкое имѣніе, переслала чрезъ Ждана Мироновича, писаря своего мужа, къ сыну Яну Монтолту, хотѣла и сама убѣжать къ послѣднему; но Курбскій заперъ ее въ ковельскомъ замкѣ. Не смотря на строгость надзора, Марья Юрьевна находила средства пересылаться съ Андреемъ Монтолтомъ: вербскій игуменъ Симеонъ и калики перехожіе передавали ея письма. Въ этихъ письмахъ она умоляла пана Андрея избавить ее отъ заключенія или тайно, или открытою силою.

Одинъ случай увеличилъ охлажденіе Курбскаго къ женѣ. Дѣлая обыскъ, по случаю похищенья упомянутыхъ документовъ, Курбскій нашелъ въ сундукѣ княгини мѣшокъ съ пескомъ, волосами и другими снадобьями. Оказалось, что Марья Юрьевна выпросила все это у одной старухи, какъ средство снискать любовь мужа. Узналъ также Курбскій, что, раздраженная теперь противъ него, Марья Юрьевна старалась добыть отъ этой же старухи какого-нибудь зѣлья, только уже не для пріобрѣтенія любви, а для отравы мужа. Не остался глухъ къ просьбамъ матери и Андрей Монтолтъ: злобясь на Курб-

скаго по извѣстной уже намъ причинѣ, онъ разъѣзжалъ съ толпою вооруженныхъ людей въ окрестностяхъ Ковля и Миляновичь, ловилъ и подстерегалъ Курбскаго по дорогамъ, дѣлалъ засады съ намѣреніемъ лишить его жизни. Видя наконецъ безуспѣшность своихъ поисковъ, онъ открытою силою наѣхалъ на волость скулинскую, принадлежавшую Курбскому, сожегъ заготовленные тамъ запасы бочечныхъ досокъ, схватилъ сторожей Курбскаго, изранилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а другихъ, связавъ, увезъ съ собою и, желая узнать, гдѣ находится князь Курбскій, приказалъ ихъ пытать. Мало этого. Сдѣлавъ столько вреда Курбскому, Андрей Монтолтъ началъ еще дѣло судебнымъ порядкомъ. Онъ объявилъ, что Андрей Курбскій неблагопристойно избилъ его мать, а свою жену, княгиню Марью Юрьевну, измучилъ ее и посадилъ въ жестокое заключеніе, что она, вслѣдствіе такихъ побоевъ и мученій, уже умерла. Для дознанія на мѣстѣ истины этого обвиненія, отряжены были въ Миляновичи возные Григорій Вербскій и Тихоновичь Оранскій. Возный, допущенный къ княгинѣ, нашелъ Курбскаго больнымъ. Онъ лежалъ на кровати, а княгиня сидѣла подлѣ него на скамейкѣ. На вопросъ Курбскаго о причинѣ посѣщенія, возный объявилъ ему жалобу Андрея Монтолта. «Вотъ, панъ возный, смотри», сказалъ ему Курбскій, «жена моя сидитъ въ добромъ здоровьѣ, а дѣти ея выдумываютъ на меня такія вещи». Потомъ, обратясь къ княгинѣ, сказалъ ей: «говори, княгиня, сама». Марья Юрьевна отвѣчала очень двусмысленно: «что мнѣ и говорить, милостивый князь, когда самъ возный видитъ, что я сижу» (446). Недовольный такимъ исходомъ дѣла, братъ Андрея, Янъ Монтолтъ подалъ жалобу королю. Въ этой жалобѣ онъ обвинялъ Курбскаго въ суровомъ обращеньи съ Марьею Юрьевною, говорилъ, что она терпитъ отъ Курбскаго побои только за то, что не записываетъ за нимъ своихъ

владѣній, которыя должны принадлежать ея сыновьямъ. Янъ Монтолтъ увѣрялъ, что мать его Марья Юрьевна чуть жива и если умретъ, то, непремѣнно, или отъ побоевъ, или отъ яда, а потому просилъ короля запретить Курбскому жестокое обращенье съ женою своею, а ихъ матерью, и дозволить ей развестись съ нимъ ([447]).

Вслѣдствіе этой жалобы Курбскій, въ 1578 г., былъ позванъ на судъ королевскій и долженъ былъ пріѣхать въ Львовъ. Но до королевскаго суда не дошло, и обѣ стороны согласились предоставить рѣшеніе дѣла третейскому суду, составленному изъ друзей каждой стороны. Третейскій судъ рѣшилъ, что Курбскій долженъ развестись съ женою. При этомъ случаѣ предписывалось ему выполнить слѣдующія условія: вопервыхъ, изъ 15,000 копъ грошей, данныхъ въ долгъ Марьѣ Юрьевнѣ, долженъ былъ простить 13,800 копъ грошей; а остальныя 1,200 копъ Марья Юрьевна обязывалась уплатить ему; въ обезпеченіе этого обязательства Курбскій удерживалъ за собою Дубровицу, уступивъ Марьѣ Юрьевнѣ на содержаніе до тѣхъ поръ, пока будетъ владѣть дубровицкимъ имѣніемъ, имѣніе Шешели, а имѣніе Кропіты и, по возвращеніи Дубровицы, Шешели должны будутъ принадлежать ему пожизненно. Имѣніемъ дубровицкимъ Курбскій долженъ былъ владѣть до римско-католическаго праздника Новаго Года (т. е. до 1579 г.) и, за двѣ недѣли до этого срока, Марья Юрьевна и сынъ ея Янъ Монтолтъ должны были заплатить Курбскому 1,200 копъ грошей. Во все время владѣнія дубровицкимъ имѣніемъ, т. е. отъ 1 августа 1578 года до 1 генваря 1579 года, Курбскій обязывался: не жечь смолы въ пустошахъ и лѣсахъ дубровицкихъ, не дѣлать бочечныхъ досокъ; отступить отъ этого обязательства могъ онъ только въ томъ случаѣ, если деньги не будутъ ему выплачены въ срокъ. Свое обязательство онъ обезпечивалъ закладомъ 3,000 копъ грошей литовскихъ. Кромѣ

того, Марья Юрьевна заложила Курбскому, за 150 копъ, много церковныхъ вещей. Записью отъ 2 августа тогоже года Курбскій обязался возвратить ей всѣ эти вещи, если она представитъ ему взятые ею деньги, вмѣстѣ съ 1200 копъ, къ 17 декабря тогоже года ([448]). Вовторыхъ, согласившись на разводъ съ Марьею Юрьевною, Курбскій долженъ былъ, по окончаніи дѣла духовнымъ судомъ, отпустить ее отъ себя со всею учтивостію. Утвердивъ въ Ковлѣ, куда Курбскій и Марья Юрьевна возвратились изъ Львова, своими подписями постановленія третейскаго суда, отправились они вмѣстѣ во Владиміръ, гдѣ епископъ и утвердилъ ихъ разводъ ([449]).

Въ это время въ Литвѣ ничего не значило расторгнуть бракъ; слабость свѣтской законодательной власти отразилась и на власти духовной: какъ въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ взаимное соглашеніе прекращало процессъ и изслѣдованіе, такъ и въ дѣлахъ, касающихся развода, достаточно было взаимнаго согласія супруговъ на разводъ. Недовольные другъ другомъ, супруги являлись сперва въ урядъ, гдѣ представляли другъ на друга жалобы, изъявляя согласіе на разводъ. За тѣмъ это дѣло переходило въ судъ духовный, и, не имѣя возможности противиться укоренившемуся обычаю, духовная власть приводила въ исполненіе рѣшеніе уряда или третейскаго суда. Такъ, на основаніи приговора третейскаго суда, владимірскій епископъ Ѳеодосій утвердилъ разводъ Курбскаго съ Марьею Юрьевною.

Получивъ разводную, Курбскій отпустилъ Марью Юрьевну съ должною честію, давъ ей коляску, запряженную четверкою лошадей съ тѣмъ, чтобы, пріѣхавъ къ себѣ на квартиру, она прислала къ нему обратно экипажъ и лошадей ([450]). При этомъ случаѣ, слуги и крѣпостные люди Марьи Юрьевны отступились отъ нея, и за лучшее почли остаться у Курбскаго ([451]).

Разводъ съ Марьею Юрьевною не избавилъ Курбскаго отъ непріятностей и обидъ со стороны ея родныхъ. Когда слуга и кучеръ Курбскаго, привезшіе Марью Юрьевну въ домъ князя Юрія Збаражскаго во Владимірѣ, хотѣли возвратиться домой съ экипажемъ; то воевода Минскій, Николай Сопѣга, бывшій при разводѣ посредникомъ со стороны Марьи Юрьевны, приказалъ слугамъ своимъ палками переломать кучеру руки и ноги, а экипажъ и лошадей удержать. Получивъ извѣстіе о такомъ насиліи, Курбскій отправилъ другихъ слугъ съ вознымъ Жданомъ Цирскимъ требовать возвращенія экипажа и лошадей. Выйдя къ присланнымъ, Сопѣга поносилъ Курбскаго бранными словами, грозилъ ему и людямъ его, посылаемымъ въ Литву, и, наконецъ, приказавъ выбрать изъ экипажа вещи Марьи Юрьевны, возвратилъ его Курбскому ([452]).

Сама Марья Юрьевна также не оставалась въ бездѣйствіи. Не смотря на то, что 2 августа 1578 г. Курбскій объявилъ, что даритъ ей 15,000 копъ грошей, взятыхъ подъ залогъ дубровицкаго имѣнія, и не будетъ взыскивать этихъ денегъ ни съ нея, ни съ ея потомства ([453]), она, того же числа, мѣсяца и года, подала жалобу на Курбскаго, въ которой писала, будто онъ, отпуская ее отъ себя, удержалъ ея движимое имущество, состоявшее изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, взялъ къ себѣ и не хотѣлъ возвратить всѣхъ дѣлъ по дубровицкому имѣнію, какъ то: жалобъ на обиды, показаній урядниковъ и сосѣдей, записей третейскаго суда, судебныхъ рѣшеній и вводныхъ листовъ, рѣшеній судовъ гродскихъ и земскихъ о взысканіи съ пана Олизара Кирдѣя Мылскаго и жены его Анны Юрьевны Голшанской на имѣніи дубровицкомъ, удержалъ два табуна дубровицкій и болтеницкій, четыре четверки лошадей выѣздныхъ, экипажи, служителей и проч. Въ тоже время она жаловалась, будто Курбскій удержалъ у себя, неизвѣстно за чѣмъ, служанку ея Раину,

подвергъ ее, неизвѣстно за что, такимъ жестокимъ мученіямъ, что она едвали останется въ живыхъ (454).

Неизвѣстно, какой ходъ имѣло это дѣло; только 30 декабря 1578 г., Марья Юрьевна объявила, что, получивъ отъ Курбскаго полное удовлетвореніе за приданое, принявъ свое дубровицкое имѣніе въ совершенной цѣлости, она уничтожаетъ всѣ свои жалобы и объявленія, поданныя когда либо на бывшаго ея мужа, Курбскаго, обязуется не вводить его болѣе ни въ какія затрудненія и это обязательство обезпечиваетъ закладомъ 1700 копъ грошей, которые, въ случаѣ неисправности ея, можетъ взыскать съ нея всякій судъ и урядъ (455). Въ началѣ 1579 г. и Раина, служанка Марьи Юрьевны, объявила предъ старостою, судьею и урядниками владимірскими, что все, прежде объявленное ею предъ возными, какихъ бы то ни было повѣтовъ, къ безславію и поношенію Марьи Юрьевны Голшанской и князя Андрея Михайловича Курбскаго, было ложью, которую она выдумывала въ гнѣвѣ и по внушенію людскому. Это объявленіе, сдѣланное въ присутствіи, со стороны Курбскаго, Петра Вороновецкаго, а со стороны Яна Монтолта, пана Пенковскаго, было записано въ гродскія книги (456).

Занятый тяжбами и семейными раздорами, Курбскій мало принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Только въ 1573 г. марта 16 дня, онъ былъ выбранъ депутатомъ на элекцію или избраніе короля. Четвертаго апрѣля, въ субботу на ѳоминой недѣлѣ, онъ, вмѣстѣ съ прочими депутатами, долженъ былъ явиться къ предводителю депутатовъ земли волынской, чтобы съ этимъ послѣднимъ отправиться въ селеніе Камень подъ Варшавою, гдѣ долженъ былъ избираться король (457). Спустя два года, татары ворвались въ волынскую область. Курбскій поспѣшно выступилъ противъ нихъ съ своимъ отрядомъ, со всѣми слугами и боярами (458).

Обманувшись въ разсчетахъ пріобрѣсти большое значеніе въ Литвѣ посредствомъ брака съ Марьей Юрьевной, Курбскій ухватился за другое средство. Въ правленіе послѣдняго изъ Ягеллоновъ, Сигизмунда Августа, довершилось соединеніе Литвы съ Польшею. Но, когда, повидимому, все было окончено, когда, повидимому, приведена была къ концу вѣковая задача Ягеллоновъ, въ Польшѣ и Литвѣ усилилось движеніе, вызвавшее сильное противодѣйствіе котоликовъ,-распространился протестантизмъ. Іезуиты, явившіеся защитниками католицизма, не ограничились борьбою съ простестантами,-начали борьбу и съ православными, борьбу, окончившуюся отпаденіемъ отъ Польши Малороссіи и присоединеніемъ послѣдней къ Россіи. Вскорѣ послѣ прибытія Курбскаго въ Литву здѣсь началась Унія, и бореніе латинства съ православіемъ было въ полномъ разгарѣ. Всѣ усилія употребляли католики, чтобы православныхъ обитателей литовскаго княжества заставить признать надъ собою власть папы и войти въ лоно католической церкви. Курбскій возсталъ противъ этого и явился ревностнымъ защитникомъ православія. Онъ писалъ письма къ православнымъ, убѣждая ихъ быть твердыми, непреклонными, крѣпко держать вѣру отцевъ своихъ; совѣтовалъ не вступать въ споры съ іезуитами, не ходить въ ихъ бесѣды, разоблачалъ хитрости и заблужденія іезуитовъ ([459]); переводилъ сочиненія знаменитыхъ церковныхъ писателей съ цѣлію показать, что въ эти сочиненія внесено еретиками ([460]); однимъ словомъ, выказывалъ неутомимую ревность въ дѣлѣ поддержанія православія, угрожаемаго страшными опасностями. Но предположить, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ изъ чистыхъ побужденій, кажется, не возможно. Прочитавъ внимательно сочиненія Курбскаго, мы увидимъ, что вездѣ Св. Ученіе служитъ у него средствомъ къ достиженію какой-нибудь, отнюдь не высокой

цѣли; слѣдовательно, вездѣ оно играетъ у него роль страдательную. Употребленіе во зло религіозныхъ убѣжденій другаго, по его мнѣнію, ничего не значило, если только это было полезно для злоупотребляющаго. Такъ, говоря о чудесахъ Сильвестра во время московскаго пожара, признавая ихъ только дѣтскими страшилами, повѣданными впрочемъ отъ имени Божія, Курбскій не только не винитъ Сильвестра за оскорбленіе религіозныхъ чувствъ Іоанна, но и оправдываетъ его тѣмъ, что этою уловкою онъ выполнилъ свой планъ стать въ челѣ правленія (461). Даже другимъ совѣтуетъ Курбскій прибѣгать къ такимъ мѣрамъ для достиженія желаемаго. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ, что Вассіанъ Топорковъ долженъ былъ бы Св. Писаніемъ доказать Іоанну, что царь непремѣнно долженъ окружить себя совѣтниками и любить ихъ какъ свои уды, и самъ, на основаніи Св. Писанія, доказываетъ это положеніе (462). Однимъ словомъ, всѣ свои устарѣлыя, сдѣлавшіяся противузаконными, притязанія Курбскій старается поддержать ученіемъ Св. Писанія. Неуваженіе Курбскаго къ религіи часто доходило до явной насмѣшки и презрѣнія. Такъ, бѣжавъ изъ Россіи по разсчету, онъ говоритъ, что со слезами будетъ жаловаться Владычицѣ Богородицѣ и св. Θеодору Ростиславичу за то, что Іоаннъ принудилъ его бѣжать изъ отечества (363). Мы знаемъ, что этого принужденія со стороны Іоанна не было; знаемъ, что Курбскій измѣнилъ добровольно, потому что счелъ измѣну выгодною для себя; слѣдовательно, на Іоанна жаловаться было не за что. Но все таки за мнимое гоненіе Курбскій грозитъ царю судомъ Божіимъ (464). Часто, желая оправдать свои поступки, Курбскій давалъ превратный смыслъ приводимымъ имъ мѣстамъ Св. Писанія. Такъ, оправдывая бѣгство свое изъ Россіи, онъ говоритъ, что поступилъ въ этомъ случаѣ согласно заповѣди Христа Спасителя, ска-

завшаго ученикамъ своимъ: «аще гонютъ вы во градѣ, бѣгайте во другой» (465). Но Курбскій забылъ, что Божественный Учитель завѣщалъ послѣдователямъ своимъ вѣрность къ отечеству, покорность верховной власти, а если и сказалъ эти слова, то разумѣлъ здѣсь гоненіе за вѣру, котораго въ нашемъ отечествѣ никогда не было. Часто Курбскій доходитъ въ своихъ сочиненіяхъ до явнаго кощунства. Такъ, оправдываясь въ томъ, что дѣйствовалъ противъ отечества, онъ говоритъ, что Давидъ, принужденный Сауломъ оставить землю израильскую, такъ же воевалъ свое отечество да еще въ союзѣ съ поганскимъ царемъ; а онъ, Курбскій, воюетъ Россію съ царемъ христіанскимъ (466), слѣдовательно, дѣйствуетъ гораздо благороднѣе Давида. Изъ исторіи намъ извѣстно, что ни подъ какимъ видомъ не соглашался Давидъ поднять оружіе противъ отечества и Саула, котораго считалъ помазанникомъ Божіимъ, слѣдовательно законнымъ владыкою израиля; знаемъ, что Давидъ оплакалъ трагическую смерть Саула и отмстилъ за нее филистимлянамъ. Такимъ образомъ, для оправданія своихъ противузаконныхъ поступковъ, Курбскій клеветалъ на того, кого Богъ избралъ изъ среды людей и поставилъ выше всѣхъ земнородныхъ. Приведемъ другое доказательство: Іоаннъ пишетъ Курбскому, что сила животворящаго креста предаетъ въ его руки города германскіе и низлагаетъ враговъ его (467); Курбскій, отвѣчая царю на это письмо, извѣщаетъ о побѣдахъ Поляковъ надъ Русскими и говоритъ, что животворящіе кресты, о которыхъ упоминаетъ Іоаннъ, поломаны отъ нѣкоего жабки (лягушка) (468). Всѣ эти свидѣтельства мы привели для того, чтобы показать, какъ глубоко была испорчена нравственная природа Курбскаго, что для него не было ничего святаго; что самая завѣтная драгоцѣнность человѣка,—

религія была для него только средствомъ къ удовлетворенью эгоистическихъ побужденій.

Руководясь такими соображеніями, мы пріидемъ къ тому заключенію, что стремленіе Курбскаго къ поддержанію, защитѣ православія проистекало не изъ религіозной ревности, а изъ причинъ иного рода. Къ несчастію не рѣдкость видѣть въ исторіи подобные примѣры. Разительное доказательство-реформація. По нашему мнѣнію лучшее объясненіе дѣятельности Курбскаго въ пользу православія, объясненіе, совершенно съ его характеромъ согласное, будетъ слѣдующее: господствующею вѣрою въ великомъ княжествѣ литовскомъ была православная; народъ и вельможи литовскіе были преданы ей; она была залогомъ русской народности, которую поляки старались уничтожить, слѣдовательно сильную оппозицію должно было встрѣтить и встрѣтило дѣйствительно желанье польскихъ королей ввести въ Литвѣ католичество. Такое положеніе дѣлъ было выгодно для Курбскаго. Застѣняемый сильными магнатами, онъ не могъ играть значительной роли, не могъ имѣть сильнаго вліянія на дѣла; а, склонившись на сторону оппозиціи, могъ, при своемъ образованіи, разсчитывать, что сдѣлается однимъ изъ главнѣйшихъ ея членовъ и, при удачномъ ходѣ дѣла, можетъ вынудить у короля и магнатовъ утвержденіе за нимъ, въ качествѣ родовой, полной собственности, пожалованныхъ ему имѣній, а при богатствѣ и обширности этихъ послѣднихъ, пріобрѣсти въ обществѣ значеніе и вѣсъ. Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, можно объяснить ревностное заступничество Курбскаго за дѣло православія, а не истинною ревностію его къ пользамъ церкви, чего ни какъ не слѣдуетъ изъ предъидущаго; Курбскій никогда не дѣйствовалъ безкорыстно: дѣйствія его всегда имѣли на заднемъ планѣ эгоистическіе разсчеты. Возвращаюсь къ изложенію дальнѣйшей дѣятельности его въ Литвѣ.

Разведясь съ женою, Курбскій, согласно требованію церковныхъ законовъ, не могъ вступить во второй бракъ до ея смерти. Но мы нѣсколько разъ имѣли уже случай видѣть, что законы не играли важной роли въ глазахъ Курбскаго, и вотъ, 26 апрѣля 1579 года, онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью покойнаго пана Семашка, старосты кременецкаго, Александрою. Родъ этой новой супруги Курбскаго ни богатствомъ, ни знатностію не равнялся съ родомъ его первой супруги Голшанской. Отецъ ея Петръ Семашко былъ старостою кременецкимъ, а мать Софья происходила изъ дому Боговитиновъ. Петръ Семашко имѣлъ трехъ сыновей: Ярошa, Петра и Василья и трехъ дочерей: старшая, Анна была замужемъ за Ѳедоромъ Петровичемъ Загоровскимъ; вторая, имя которой неизвѣстно,–за Василіемъ Павловичемъ, а третья, Александра, оставшись сиротою, жила съ братьями. Мать завѣщала ей третью часть имѣнья Добрятина и половину своихъ стадъ. Братья Александры Семашковны были небогатые шляхтичи. Еще до свадьбы они были знакомы съ Курбскимъ и, за 1600 копъ грошей литовскихъ, заложили ему половину своего родоваго имѣнія, Добрятина ([469]).

Литовскій статутъ требовалъ, чтобы женихъ предъ свадьбою давалъ вѣновую запись въ обезпеченіе приданаго невѣсты. Деньги, золотыя и серебреныя вещи, жемчугъ и дорогіе камни оцѣнивались вдвойнѣ, и вся сумма обезпечивалась третьею частію недвижимаго имѣнія жениха. Получивъ за женою 800 копъ грошей литовскихъ, Курбскій объявилъ, что получилъ приданаго на 6,000 копъ, слѣдовательно долженъ былъ записать невѣстѣ 12,000. Основываясь на позволеніи покойнаго короля Сигизмунда Августа, онъ записалъ приданое на своихъ литовскихъ помѣстьяхъ, составлявшихъ третью часть всего его имущества, именно на мѣстечкахъ Криничинѣ и Уписпотокахъ и на селахъ, къ нимъ принадлежавшихъ. На другой

день послѣ брака Курбскій записалъ женѣ своей за 4,000 злотыхъ польскихъ, взятыхъ для крайней надобности, половину, заложеннаго ему братьями ея, имѣнія Добрятина съ тѣмъ, чтобы она владѣла имъ вѣчно, а если братья ея захотятъ это имѣнье выкупить, получила бы съ нихъ 1600 копъ грошей литовскихъ (470). Въ тотъ же день Александра Петровна Семашковна объявила, что братья, отдавая ее замужъ, согласно съ литовскимъ статутомъ выдѣлили ей изъ четвертой части наслѣдственнаго имущества наличными деньгами, золотомъ, серебромъ и другою движимостію 800 копъ грошей литовскихъ; что, получивъ отъ нихъ плату сполна, она освобождаетъ теперь и на вѣчныя времена отъ платежа какъ ихъ самихъ, такъ и женъ, и дѣтей ихъ, отрекается отъ всѣхъ вотчинныхъ имѣній и движимаго имущества, оставшагося послѣ отца и матери, и не будетъ требовать вѣна и приданаго. Въ случаѣ нарушенія этой записи обязывалась она заплатить уряду 800 копъ, а другія 800 копъ комунибудь изъ родственниковъ (471). Курбскій былъ доволенъ своею молодою женою. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ называетъ ее «женою милою», говоритъ, что она оказывала ему доброхотныя услуги, вѣрность и благородные поступки; что она вела себя вѣрно, услужливо и благородно, когда онъ былъ здоровъ, а въ болѣзни усердно и искренно услуживала ему и прилагала большое стараніе о поправленіи его здоровья съ немалыми для себя издержками (472).

Въ 1580 году княгиня Александра Петровна родила дочь княжну Марину, а въ 1582 году, обрадовала своего мужа рожденіемъ сына, князя Димитрія.

Не долго наслаждался Курбскій семейнымъ счастіемъ. Въ 1579 г. король польскій Стефанъ Баторій всѣми силами королевства дѣйствовалъ противъ Россіи. Обязанный, какъ ленный владѣтель, явится на службу съ опредѣ-

леннымъ числомъ воиновъ, Курбскій съ бѣглыми москвитянами и своими боярами долженъ былъ стать подъ знамена короля и польской республики. Еще разъ, на закатѣ дней своихъ обнажилъ онъ мечь противъ отечества. 29 іюня 1579 г. король объявилъ, что князь Андрей Михайловичъ Курбскій-Ярославскій отправляется, вмѣстѣ съ нимъ, противъ московскаго царя съ немалымъ своимъ отрядомъ, и такъ какъ государственными законами и постановленіями сеймовъ опредѣлено, что жолнеры, урядники и лица, добровольно отправляющіяся на войну, должны быть свободны отъ всякаго суда, то повелѣлъ, чтобы всѣ тяжбы, иски и судебныя рѣшенія, касающіяся Курбскаго, были пріостановлены до возвращенія его изъ похода ([473]). Къ отряду своему Курбскій присоединилъ еще 86 наемныхъ козаковъ и 14 гусаръ. На содержаніе этого отряда, согласно приказанію короля, онъ употребилъ подати съ волынскихъ своихъ имѣній за 1579 годъ. Курбскій храбро бился подъ Полоцкомъ ([474]). Безчестя своими поступками русское имя, онъ въ двухъ письмахъ къ Іоанну изъ Полоцка и Сокола торжественно выразилъ радость объ уничиженіи Россіи.

Здѣсь конецъ торжеству Курбскаго. Своимъ примѣромъ онъ доказалъ, что для измѣнниковъ не существуетъ прочнаго счастія. Безпрестанныя неудачи преслѣдуютъ его со времени полоцкаго похода. По случаю войны съ московскимъ государемъ, на варшавскомъ сеймѣ, въ 1578 г., опредѣлено было произвести во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и волынскаго наборъ военныхъ людей, называемыхъ гайдуками. Для набора этихъ гайдуковъ король отправилъ ротмистра своего щаснаго Ляшевскаго, который, объѣзжая королевскія имѣнія, выбиралъ самыхъ рослыхъ и крѣпкихъ людей на службу королевскую. Ляшевскому было приказано произвести наборъ и въ

имѣніяхъ князя Курбскаго. Такимъ повелѣніемъ король ясно показалъ, что не признаетъ Курбскаго ни вотчиннымъ, ни даже ленными владѣльцемъ ковельскаго имѣнья, а только своимъ державцею, или управляющимъ. Оскорбленный этимъ повелѣніемъ, ставившимъ его наравнѣ съ беземельною шляхтою, Курбскій упорно воспротивился королевскому декрету и не позволилъ ротмистру набирать гайдуковъ въ своихъ имѣніяхъ. Разгнѣванный Баторій отправилъ къ нему, 20 іюня 1580 года, изъ Вильны грозное посланіе: называя Курбскаго державцею ковельскимъ, онъ приказывалъ ему, въ ближайшій вторникъ послѣ праздника Успенія, явиться на судъ короля и сената и защищаться противъ инстигатора королевскаго. Въ заключеніе король объявлялъ, что за сопротивленіе его декрету и постановленію сейма Курбскій долженъ будетъ внести штрафъ, положенный закономъ, а за непослушаніе и сопротивленіе заплатить лишеніемъ уряда и всего имущества, да сверхъ того долженъ заплатить за вредъ, нанесенный этимъ непослушаніемъ и оцѣненный въ 10,000 гривенъ ([475]). Какъ успѣлъ Курбскій отклонить королевскій гнѣвъ,—не извѣстно; только король, 10 іюня 1581 года, листомъ своимъ объявилъ, что благородный князь Андрей Михайловичъ Курбскій-Ярославскій, по особенному своему усердію къ нему и республикѣ, отправляется самъ особою своею на службу противъ московскаго царя и посылаетъ на свой счетъ немалый отрядъ людей своихъ; что потому на время его продолжительнаго пребыванія на королевской службѣ должны быть пріостановлены всѣ касающіяся его дѣла ([476]). Покрытый ранами и убитый горемъ Курбскій не надѣялся на долгую жизнь и, 5 іюня 1581 года, написалъ свое первое духовное завѣщаніе. Назвавъ себя здѣсь княземъ Курбскимъ, ярославскимъ и ковельскимъ, онъ приказываетъ похоронить себя въ ковельскомъ монастырѣ въ

Вербкѣ у ногъ духовника своего, священно-инока Александра. Въ этомъ завѣщаніи Курбскій распоряжается королевскими имѣніями совершенно самовольно. Онъ говоритъ, что эти имѣнія пожалованы ему Сигизмундомъ Августомъ какъ въ замѣну оставленныхъ имъ въ московскомъ государствѣ владѣній, такъ и за вѣрную службу республикѣ и королю; что такъ какъ королевскою жалованною грамотою разрѣшено ему передавать эти имѣнія потомству, то онъ завѣщаетъ женѣ своей имѣнье Миляновичи въ пожизненное владѣніе, а городъ Ковель съ замкомъ, мѣстечко Вижву съ замкомъ, въ Литвѣ мѣстечко Криничино и Упитопотоки завѣщаетъ своей дочери, княжнѣ Маринѣ. Но Курбскій не имѣлъ никакого права поступать такъ, потому что королевскою жалованною грамотою позволялось ему передавать свои имѣнія только потомкамъ мужескаго пола, а если бы ихъ не было, имѣніе должно было перейти опять въ казну. Половину Добрятина, заложеннаго ему Семашками, Курбскій уступалъ женѣ, а имѣнье Смединъ, Кеновъ и Ворколабишки отказалъ своему потомству. Князю Константину Острожскому онъ завѣщалъ доспѣхи свои: зерцала булатныя, шишакъ и поручи булатныя золоченыя; а слугѣ своему Кириллу Зубцовскому-саблю, оправленную серебромъ. Написавъ это завѣщаніе, назначивъ въ немъ, въ случаѣ своей смерти, опекунами семейства своего Константина Острожскаго, кравчаго великаго княжества литовскаго, Василія Павловича и Кирилла Зубцовскаго, и обезпечивъ судьбу своего семейства, Курбскій, въ іюнѣ 1581 года, выступилъ въ походъ къ Пскову, куда стремилось многочисленное королевское войско, чтобы завоеваніемъ этой твердыни проложить путь къ Москвѣ. Но судьба не допустила Курбскаго еще разъ поднять руку противъ отечества: еще въ Литвѣ, въ имѣніи своемъ Криничинѣ, онъ тяжко заболѣлъ и не могъ слѣдовать за войскомъ ([477]), а потому отрядъ

его пошелъ къ Пскову подъ начальствомъ Кирилла Зубцовскаго. Листомъ своимъ, отъ 12 октября 1581 года, король объявилъ, что Курбскій, хотя въ настоящее время и больной, все-таки считается на королевской службѣ; что поэтому всѣ дѣла, касающіяся его, должны быть пріостановлены до возвращенія его изъ похода ([478]). Кириллъ Зубцовскій съ отрядомъ Курбскаго храбро бился подъ стѣнами Пскова. Сенаторы засвидѣтельствовали предъ Баторіемъ о доблести и вѣрности благороднаго Кирилла Зубцовскаго, засвидѣтельствовали, что онъ прежде подъ Полоцкомъ и Великими Луками, а теперь подъ стѣнами Пскова служилъ доблестно и вѣрно, какъ прилично храброму рыцарю. Желая изъявить свою милость, король пожаловалъ Зубцовскому городничество луцкое пожизненно со всѣми землями и прибытками. Эта жалованная грамота дана была въ обозѣ подъ Полоцкомъ, 10 октября 1581 года ([479]). Больной Курбскій приказалъ перенести себя изъ Криничина въ любимое мѣстечко свое Миляновичи, куда съ большимъ трудомъ и усиліями былъ перевезенъ на носилкахъ, утвержденныхъ между двумя лошадьми ([480]).

Съ этого времени до самой смерти несчастія постоянно преслѣдовали Курбскаго и не давали ему возможности сколько нибудь оживить свою душу, растерзанную скорбію. Видя неблаговоленіе къ нему Стефана Баторія, его прежніе враги опять подняли голову, явились и новые. Мы видѣли уже, что Марья Юрьевна Голшанская, прежняя супруга Курбскаго, объявила его свободнымъ отъ всякихъ взысканій съ ея стороны; но теперь, вѣроятно подстрекаемая своими сыновьями, ненавидѣвшими Курбскаго, она снова начала стараться вредить ему, обвиняла его въ незаконномъ расторженіи съ нею брака, требовала отъ него удовлетворенія за нанесенныя будто-бы ей обиды и за удержанное имущество. Это было въ

1581 году. Король издалъ декретъ, которымъ повелѣвалъ сперва чрезъ духовный судъ рѣшить дѣло о разводѣ, какъ самое главное, а потомъ уже приступить къ рѣшенію дѣла объ удержаніи Курбскимъ имущества бывшей его жены (481). Срокомъ суда назначено было 23 іюля того же года (482). Но Курбскій не явился въ судъ, потому что въ это время началась война съ Россіею, и король листами своими отъ 10 іюля и 12 октября повелѣлъ, чтобы, по случаю отправленія Курбскаго въ походъ, всѣ, касающіяся его, судебныя дѣла были пріостановлены. Въ декабрѣ того же года митрополитъ снова позвалъ Курбскаго и епископа Өеодосія на судъ, но посланецъ митрополичій не могъ вручить позовнаго листа Өеодосію, потому что возный Жданъ Цирскій отказался присутствовать при этомъ дѣлѣ (483). Окончательный срокъ назначенъ былъ 17 генваря 1582 года, но, 6 генваря, Курбскій объявилъ, что, посѣщенный отъ Бога создателя тяжкою болѣзнію, онъ не можетъ явиться въ срокъ къ митрополиту, чтобы дать отвѣтъ княгинѣ Марьѣ Юрьевнѣ. Возный Жданъ Цирскій, отправленный для освидѣтельствованія Курбскаго, объявилъ подстаростѣ Владимірскому, что нашелъ Курбскаго дѣйствительно больнымъ (484). Между тѣмъ Курбскій старался принимать свои мѣры. Хотя онъ и развелся съ женою своею, но по церковнымъ законамъ не могъ вступить въ новый бракъ, пока жива была его прежняя жена, а равнымъ образомъ и она не могла выйти замужъ до смерти Курбскаго. Итакъ, вступивъ вопреки церковному уставу въ бракъ новый, Курбскій долженъ былъ опасаться, что бракъ его будетъ признанъ незаконнымъ, а слѣдовательно будутъ признаны незаконными и дѣти, родившіяся отъ этого брака, и не будутъ имѣть права на обладаніе пожалованными ему королемъ имѣніями, которыя можно было передавать только законнымъ дѣтямъ мужескаго пола. Желая от-

вратить это несчастіе и какъ-нибудь выйти изъ своего затруднительнаго положенія, Курбскій, 20 іюля 1581 г. приказалъ Ивану Семеновичу Ласковичу Черничцкому, Землянину Луцкому, Зыку Тимоѳею Князскому и возному повѣта владимірскаго Ждану Цирскому записать въ градскія книги доносъ о преступныхъ связяхъ Марьи Юрьевны съ слугою Жданомъ Мироновичемъ. Поименованныя лица свидѣтельствовали объ этомъ какъ очевидцы ([485]). Такое обвиненіе могло послужить къ оправданію Курбскаго, потому что въ этомъ случаѣ какъ разводъ его, такъ и новое супружество дѣлались законными; но дѣло тѣмъ не кончилось. Марья Юрьевна продолжала требовать церковнаго суда. Митрополитъ кіевскій и галицкій, не полагая окончательнаго рѣшенія, представилъ королю свое мнѣніе, что разводъ Курбскаго съ Марьею Юрьевною находитъ противнымъ каноническому праву и незаконнымъ, потому что ни мужъ, ни жена не представили никакихъ законныхъ причинъ къ расторженію брака; что хотя бы разводъ былъ совершенъ и по законной причинѣ, то всетаки Курбскій, при жизни прежней жены, не могъ вступить въ новый бракъ. Объявивъ разводъ Курбскаго съ Марьею Юрьевною и новый бракъ съ Александрою Семашковною противозаконными, митрополитъ жаловался королю, что Курбскій оказываетъ непослушаніе его духовной власти, не является къ нему на судъ, не только не допускаетъ къ себѣ посланцевъ его съ позовными листами, но и велитъ бить ихъ. Не смѣя отправить къ Курбскому, извѣстному своимъ буйнымъ характеромъ, позовнаго листа, митрополитъ просилъ защиты у короля. Извѣстно, что Курбскій часто оскорблялъ посланцевъ королевскихъ и нерѣдко, особенно при Сигизмундѣ Августѣ, не хотѣлъ исполнять даже королевскихъ повелѣній. Но теперь обстоятельства перемѣнились. Стефанъ Баторій, отличавшійся твердымъ и стойкимъ хара-

ктеромъ, не могъ допустить, чтобы Курбскій, совершенно чуждый въ его королевствѣ, измѣнникъ, котораго онъ всегда могъ лишить всего, своевольничалъ. 15 февраля 1582 г., онъ выдалъ декретъ, которымъ предписывалъ, чтобы князь Курбскій не отваживался ни самъ лично, ни чрезъ своихъ пріятелей и слугъ оскорблять посланцевъ королевскихъ и митрополичьихъ, и чтобы, соблюдая пристойность, велъ себя спокойно; въ противномъ случаѣ Баторій грозилъ Курбскому взысканіемъ пени въ тысячу копъ грошей. Въ томъ же году, марта 16 дня, дворянинъ Павелъ Волкъ, посланецъ королевскій, и священникъ виленскаго собора Пречистенской церкви Иванъ Павловичъ Никольскій явились въ Миляновичи, гдѣ жилъ Курбскій, и вручили ему: первый-означенный декретъ, а второй-позовъ митрополита на судъ. Далѣе, Павелъ Волкъ подалъ другой декретъ королевскій, данный въ Вильно 15 февраля, которымъ повелѣвалось Курбскому непремѣнно явиться на судъ митрополита, не извиняясь болѣе никакими причинами. Декретъ повелѣвалъ Курбскому явиться на судъ духовный чрезъ шесть недѣль, считая отъ 16 марта, слѣдовательно въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца ([485]).

Неизвѣстно, какой исходъ имѣло это дѣло, но, судя по духовному завѣщанію, написанному Курбскимъ 24 апрѣля 1583 года, можно заключить, что окончилось обоюдною мировою сдѣлкой. Вотъ что Курбскій пишетъ въ этомъ завѣщаніи: «а что касается бывшей жены моей, «княжны Марьи Юрьевны, урожденной Голшанской, ко«торая позывала меня на судъ къ его королевской ми«лости и къ митрополиту, то я заключилъ съ нею миро«вую сдѣлку на вѣчныя времена согласно съ рѣшеніемъ «митрополита и на основаніи записей, данныхъ другъ другу. Въ этихъ записяхъ подробно означенъ вѣчный намъ уговоръ, и поэтому бывшей женѣ моей княжнѣ Марьѣ Юрьевнѣ, урожденной Галшанской, уже нѣтъ

болѣе никакого дѣла ни до меня, ни до моего имущества» ([466]).

Во время этой тяжбы Курбскаго съ Марьею Юрьевною многіе изъ его подданныхъ жаловались на него королю. Панцирный бояринъ ковельскій Кузьма Порыдубскій жаловался королю, что, въ прошломъ 1574 г., князь Курбскій наслалъ открытою силою слугъ бояръ и крестьянъ своихъ на имѣніе его Трублю, на его домъ и, не уважая правъ и привиллегій шляхетскихъ, забралъ все его имущество, приказалъ схватить его самого съ женою и дѣтьми и, въ продолженіе шести лѣтъ, держалъ въ жестокомъ заключеніи, а имѣніе Трублю отнялъ, присоединилъ къ ковельскому замку и отдалъ во владѣніе Петру Вороновецкому. Заявляя, что имѣніе Трубля было вотчинное шляхетское, Козьма Порыдубскій просилъ короля о возвращеніи ему этого имѣнія. Вопреки заявленію Курбскаго, что всѣ ковельскія имѣнія со всѣми людьми, живущими въ нихъ, пожалованы ему въ вѣчную собственность; что Кузьма Порыдубскій, какъ слуга его, не можетъ просить на него, король декретомъ своимъ, отъ 20 марта, объявилъ, что Кузьма Порыдубскій есть панцирный бояринъ, свободный шляхтичъ, и приказалъ возвратить ему, какъ имѣніе его Трублю, такъ и захваченное у него движимое имущество, и дать ему надлежащее удовлетвореніе за обиды, убытки и тюремное заключеніе. Мало этого. Когда Кузьма Порыдубскій жаловался, что нѣкоторые злые люди, по наущенію Курбскаго, умышляютъ на жизнь его, король далъ ему 25 марта охранительную грамоту, въ которой объявлялъ, что беретъ Кузьму Порыдубскаго на два года подъ свою королевскую защиту, и всякому, кто осмѣлился бы сдѣлать зло ему, женѣ и дѣтямъ его, объявлялъ свою немилость королевскую и грозилъ наказаніями, нарушителямъ и противникамъ охранительныхъ грамотъ законами опредѣленными ([467]).

Яцко Кузьмичъ Жаба Осовецкій бояринъ ковельскій владѣлъ слободою Осовцемъ, принадлежавшею къ ковельской волости. Эта слобода пожалована была Яцку королевою Боною ([488]) съ тѣмъ, чтобы онъ отправлялъ службу наравнѣ съ прочими боярами ковельскими и владѣлъ слободою до тѣхъ поръ, пока это угодно будетъ королевѣ. Отправляясь въ походъ, 1581 г. Курбскій требовалъ, чтобы Яцко Осовецкій отправился съ нимъ на войну, исполнялъ свою службу и оказывалъ ему надлежащее повиновеніе. Но Яцко Осовецкій грубо отвѣчалъ:» какъ «прежде этого я не ѣздилъ на войну, съ его милостію, «княземъ Курбскимъ, такъ и теперь не поѣду и никакого «послушанія я не обязанъ оказывать, его милости, князю.» Ковельскій урядникъ князя Курбскаго Гаврило Кайсаровъ приказалъ Осовецкому по истеченіи 8 недѣль выѣхать изъ имѣнія Осовца. Но такъ какъ Жаба Осовецкій и не думалъ повиноваться этому приказанію, то Курбскій велѣлъ выгнать его вооруженною рукою. Октября 31, онъ отправилъ для исполненія этого опредѣленія своего ковельскаго урядника, Гаврила Кайсарова съ толпою слугъ и бояръ, вооруженныхъ какъ на войну. Яцки не было дома. Избивъ плетьми его жену, Кайсаровъ прогналъ ее изъ Осовца и отнялъ у Осовецкихъ все имущество. Яцко подалъ жалобу на Курбскаго въ урядъ владимірскій, но урядъ не могъ рѣшить этого дѣла, потому что съ одной стороны Курбскій, основываясь на королевской жалованной грамотѣ, которою Ковель, со всѣми принадлежащими къ нему селами и мѣстечками и со всѣми живущими въ нихъ людьми, боярами панцирными и слугами, отданъ былъ ему въ потомственное владѣніе, считалъ Осовецъ, принадлежавшій къ Ковлю, своимъ владѣніемъ, а Яцку Осовецкаго—своимъ слугою; съ другой стороны Яцко, ссылаясь также на жалованную грамоту, данную ему королевою Боною на имѣніе Осовецъ,

считалъ себя независимымъ и необязаннымъ служить и повиноваться Курбскому. Урядъ владимірскій отослалъ это дѣло на судъ королевскій. Король рѣшилъ дѣло въ пользу Яцки Осовецкаго и приказалъ ввести его во владѣніе Осовцемъ, а Курбскому заплатить Яцкѣ за проторы и убытки, за побои и раны, нанесенныя его женѣ. Впрочемъ король предоставилъ Курбскому право, давъ Яцкѣ надлежащее удовлетвореніе, позвать его въ судъ за неисполненіе обязанностей. Королевскій коморникъ, Янъ Гродзинскій, сентября 24, представилъ Курбскому въ Миляновичахъ королевскій декретъ и вводный листъ. Выйдя изъ себя, князь Курбскій обругалъ Гродзинскаго «непристойными московскими словами»; не призналъ его королевскимъ посланцемъ и не дозволилъ ввести Яцки во владѣніе, говоря, что не вѣритъ королевскому повелѣнію и представленнымъ ему листамъ. Но скоро одумался,-велѣлъ догнать посланца и сказать ему, что, не противясь волѣ королевской, дозволяетъ вводъ Яцки во владѣніе. Наконецъ, 28 февраля 1583 г, Курбскій заключилъ съ Яцкомъ Осовецкимъ мировую сдѣлку, по которой Яцко обязался не требовать отъ Курбскаго удовлетворенія за обиды и убытокъ, нанесенный ему отнятіемъ Осовца, а Курбскій обѣщалъ не звать Яцка въ судъ за непослушаніе и неисполненіе обязанностей.

Едва начала приходить къ концу тяжба Курбскаго съ Яцкомъ, какъ крестьяне Смединскіе, 21 іюля 1582 г., подали на князя жалобу королю. Въ своей просьбѣ они обвиняли Курбскаго въ томъ, что онъ заставляетъ ихъ работать сверхъ повинностей, которыя они исполняли прежде королю; что онъ сверхъ того вынуждаетъ съ нихъ большія подати, отнялъ у нихъ землю, испоконь вѣку имъ принадлежавшую, и раздѣлилъ между своими боярами, а ихъ, крестьянъ, оставилъ ни причемъ. Жаловались и на то, что Курбскій приказалъ слугамъ своимъ, пану Ивану Черничицкому и Меркурію, урядннку Миля-

невскому, захватить посланныхъ имъ къ королю съ жалобою крестьянъ, продержалъ ихъ четырнадцать недѣль въ тюрьмѣ и выпустилъ не прежде, какъ по заплатѣ 8 копъ грошей выкупа. Высказавъ все это, крестьяне просили милостивой защиты короля. Король далъ имъ листы, одинъ къ князю Курбскому, въ которомъ приказывалъ не обижать крестьянъ смединскихъ, а другой къ писарю гродскому Андрею Романовскому. Узнавъ объ этомъ, Курбскій приказалъ, какъ показывали крестьяне, Ѳеодору Зыку Князскому и друг. своимъ слугамъ поймать крестьянъ и отнять у нихъ королевскіе листы. Спустя шесть дней, Ѳеодоръ Князскій явился въ урядъ и объявилъ, что не получалъ отъ Курбскаго приказанія отнимать и не отнималъ королевскихъ листовъ у крестьянъ. Въ слѣдъ за тѣмъ возный Жданъ Цирскій записалъ въ гродскія книги показаніе священника смединскаго, Карпа, который утверждалъ, что крестьяне смединскіе въ его присутствіи изорвали королевскій листъ въ корчмѣ во время ссоры съ арендаторомъ. Наконецъ 19 октября, возный Голубь Сердятинскій представилъ Курбскому декретъ королевскій. Король требовалъ, чтобы крестьянамъ смединскимъ было заплачено за убытки; чтобы они не были притѣсняемы; чтобы ихъ привиллегіи не нарушались болѣе и чтобы возвращено было имъ пограбленное у нихъ имущество. Курбскій отвѣчалъ возному: «я давно готовъ возвратить имъ все, что у нихъ пограблено, если они желаютъ помириться со мною, а чего я у нихъ не бралъ и чего грабить не приказывалъ, того возвращать не буду!» Хотя возный Жданъ Цирскій, 25 октября, объявилъ, что крестьяне смединскіе оказывали непослушаніе Курбскому, своевольничали и во многихъ притѣсненіяхъ обвиняли Курбскаго ложно, но Курбскій, хорошо зная характеръ Баторія и вѣроятно чувствуя себя не совсѣмъ-то правымъ, исполнилъ королевскій декретъ (490).

13

Но не отъ однихъ поляковъ терпѣлъ Курбскій оскорбленія: его соотечественники, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшіе, начали измѣнять ему. Первый рѣшился измѣнить Курбскому, по наущенію княгини Марьи Юрьевны, москвитянинъ Семенъ Марковичъ Вишняковъ. Онъ бѣжалъ и поступилъ на службу къ Андрею Монтолту, заклятому врагу Курбскаго. Вишняковъ выдумывалъ на своего бывшаго господина разныя клеветы, поносилъ его и грозилъ сдѣлать ему зло. Однакоже Курбскому удалось, 13 августа 1578 г., схватить этого неблагодарнаго слугу (491). Потомъ измѣнилъ Курбскому слуга его, Меркурій Невклюдовъ, урядникъ миляновскій. У Невклюдова хранились ключи отъ казны Курбскаго. Укравъ золота и серебра на нѣсколько тысячъ копъ грошей литовскихъ, онъ бѣжалъ (492) ночью на 8 генваря 1586 г.

Несчастья слѣдовали за несчастьями. Не успѣлъ еще Курбскій опомниться послѣ этихъ двухъ измѣнъ, какъ долженъ былъ защищаться отъ взведеннаго на него обвиненія въ убіеніи москвитянина Петра Вороновецкаго. Петръ Васильевичъ Вороновецкій былъ человѣкъ образованный, чему служатъ доказательствомъ книги, найденныя у него послѣ его смерти. Вмѣстѣ съ княземъ Курбскимъ онъ бѣжалъ изъ Россіи и, по прибытіи своемъ въ Литву, получилъ отъ короля жалованныя грамоты на имѣнія Вороновцы и Дунаевъ. Панъ Безщастный далъ ему имѣніе Немеринцы, и самъ Курбскій далъ населенную землю въ Трублѣ (493). Петръ Вороновецкій пользовался довѣренностію Курбскаго, который давалъ ему важныя порученія. Такъ во время тяжбы съ Василіемъ Красенскимъ Петръ Вороновецкій былъ уполномоченъ Курбскимъ произвести взысканіе денегъ съ имѣнія Красенскаго, а во время тяжбы съ Кузьмою Порыдубскимъ Вороновецкій защищалъ дѣло Курбскаго предъ лицемъ короля. Курбскій довѣрялъ даже Вороновецкому бланковые листы за своею подписью и

печатью. Изъ этого видно, что между Курбскимъ и Вороновецкимъ существовали самыя дружескія отношенія. Въ 1582 г., 9 августа, Петръ Вороновецкій вдругъ получилъ приказаніе немедленно явиться къ Курбскому въ Миляновичи. Прибывъ туда, онъ имѣлъ съ Курбскимъ тайный разговоръ и получилъ приказъ отправиться тотчасъ назадъ; но едва только выѣхалъ со двора, какъ слуга Курбскаго Посникъ Туровицкій, на улицѣ предъ дворцомъ князя, выстрѣлилъ въ него изъ ружья и смертельно ранилъ. Курбскій приказалъ тотчасъ зарыть трупъ, а чтобы избѣжать нареканія, подалъ жалобу на Посника Туровицкаго (494) и принялъ дѣятельныя мѣры, чтобы вдова Вороновецкаго Настасья Котовна не могла подать жалобы. Онъ приставилъ къ ней стражу въ ея домѣ въ Порыдубахъ, и эта стража, сообразно его приказанію, никуда не выпускала ея со двора (495). Все имущество покойнаго князь поручилъ Іосифу Пятому Тороканову (496), приказавъ ему до времени хранить все въ цѣлости. Потомъ два шляхтича Стефанъ Шараповичъ Вороновецкій и Дмитрій Васильевичъ, вѣроятно по желанію Курбскаго, записали въ гродскія книги два показанія свои о томъ, что Настасья Котовна не была женою Петра Вороновецкаго, а была за мужемъ за Емельяномъ Петрохилевичемъ, у котораго панъ Петръ Вороновецкій останавливался на квартирѣ; что Настасья, бѣжавъ отъ этого мужа, пришла во дворъ Вороновецкаго въ Вороновцы, и панъ Петръ принялъ ее за кухарку и держалъ ее у себя не какъ жену, а только какъ кухарку (497). Но чтобы еще болѣе, такъ сказать, выгородить себя изъ этого дѣла, Курбскій позвалъ къ себѣ вознаго Ждана Цирскаго и, показывая видъ, что въ высшей степени огорченъ смертью Петра Вороновецкаго, упросилъ вознаго отправиться къ женѣ покойнаго и спросить ее, намѣрена ли она продолжать тяжбу съ Посникомъ Гавриловымъ, котораго считала

убійцею своего мужа. Вороновецкая отвѣчала, что продолжать иска не будетъ, и прибавила къ этому слѣдующія слова: «мнѣ нѣтъ нужды, хотя бы не только мой мужъ пропалъ, но пропали и всѣ москвитяне, служащіе у князя Курбскаго. Пусть злой не долго живетъ на свѣтѣ». Когда же отъ нея потребовали бланковые листы за подписью князя Курбскаго, то она не согласилась отдать ихъ (498).

Какъ ни бдительны были стражи, Настасья Вороновецкая нашла однакожъ случай убѣжать и укрылась въ Мацеевъ, имѣніе князя Андрея Вишневецкаго, воеводы волынскаго. Знакомецъ ея Валентій Негалевскій взялся подать жалобу на Курбскаго. Негалевскій сначала отправился съ этою цѣлію во Владиміръ; но, увидѣвъ здѣсь болѣе десяти конныхъ слугъ князя Курбскаго, пріѣзжавшихъ провѣдать объ немъ, не осмѣлился подать жалобы въ урядъ владимірскій, а, выѣхавъ тайно изъ города, отправился въ Кременецъ, гдѣ и подалъ жалобу и записалъ ее въ гродскія книги (499). Настасья Вороновецкая обвиняла Курбскаго въ убіеніи ея мужа, отнятіи имущества, долговыхъ росписокъ, грамотъ королевскихъ и завѣщанія покойника. Для доказательства законности правъ Настасьи на имѣніе покойнаго, Негалевскій представилъ, въ замѣну отнятаго Курбскимъ, другое завѣщаніе покойнаго и записалъ его въ гродскія книги. Этимъ показывалъ онъ, что Курбскій беззаконно поступилъ, отнявъ у вдовы имущество. Лишенная всего достоянія, находясь въ крайней бѣдности, сирота Настасья Вороновецкая не могла продолжать судебнаго иска, для котораго нужны были издержки. Чтобы поддержать свое семейство, она вступила въ бракъ съ Григоріемъ Петровичемъ, слугою князя Андрея Вишневецкаго, и вмѣстѣ съ мужемъ своимъ заключила мировую сдѣлку съ княземъ Курбскимъ, объявивъ, что всѣ обвиненія, взне-

сенныя ею на Курбскаго, ложны; что она получила полное удовлетвореніе и не намѣрена продолжать тяжбы. Это заявленіе Настасьи Вороновецкой не можетъ еще служить доказательствомъ невинности Курбскаго, противъ котораго говорятъ самыя обстоятельства дѣла. Если бы Курбскій не участвовалъ въ убіеніи Вороновецкаго, то за чѣмъ же было бы ему приказывать зарыть убитаго безъ освидѣтельствованія; за чѣмъ было приставлять стражу къ женѣ покойника, съ цѣлію отнять у нея возможность прибѣгнуть подъ защиту закона; зачѣмъ было ему препятствовать тѣмъ людямъ, которые вызывались защищать безпомощную, бѣдную женщину; зачѣмъ было ему отнимать у нея послѣднее состояніе, сбереженное быть можетъ ея мужемъ на черный день? Эти обстоятельства заставляютъ насъ подозрѣвать, что Курбскій былъ истиннымъ виновникомъ убіенія Вороновецкаго.

Хотя Настасья Вороновецкая, по бѣдности своей, и не могла искать на Курбскомъ, но правое дѣло нашло защитника. Явился другой мститель. Это былъ братъ убитаго Петра Вороновецкаго Іосифъ Пятый Тороკановъ. Захвативъ порученное ему на сохраненіе имѣніе покойнаго, и принявъ названіе Калиновскаго, онъ бѣжалъ и подалъ королю жалобу, въ которой обвинялъ Курбскаго въ убіеніи брата, въ отнятіи у него самого имущества. Стефанъ Баторій немедленно взялъ Тороканова подъ свою защиту и приказалъ князю Курбскому возвратить просителю отнятое у него имущество. Въ высшей степени огорченъ былъ Курбскій такою явною немилостію короля, однакоже скрылъ свою досаду и принялъ листъ короля съ должнымъ почтеніемъ ([500]). Курбскій отправилъ къ королю просьбу, въ которой писалъ, что настоящая фамилія Іосифа-Тороკановъ; а что названіе Калиновскаго, никогда до сихъ поръ имъ неносимое, принято имъ са-

мовольно; что Тороканов рукоданный слуга его (Курбскаго); что, похитивъ порученное ему на сохраненіе имущество покойнаго Вороновецкаго, бѣжалъ неизвѣстно куда. Стефанъ Баторій уважилъ на этотъ разъ просьбу Курбскаго и листомъ своимъ отъ 18 февраля 1853 года, предписалъ, согласно жалобѣ Курбскаго, всѣмъ обывателямъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго подвергнуть Тороканова, какъ бездомоваго, установленному законами взысканію. Тороканов не думалъ однакожъ смириться. Онъ приглашалъ пана Оранскаго ѣхать съ нимъ вмѣстѣ ко двору жаловаться на Курбскаго. Чтобы имѣть подъ рукой какое-нибудь доказательство дѣйствительной виновности Курбскаго въ смерти Петра Вороновецкаго, шуринъ Тороканова, панъ Янъ Оранскій написалъ на бланковомъ листѣ за подписью Курбскаго слѣдующее письмо къ Поснику Туровицкому: «Милый братъ Посникъ Туровицкій! Ты завязалъ губу Петру Вороновецкому, такъ завяжиже губу и Пятому Тороканову. Слышу, что онъ хочетъ позывать насъ къ королю объ убіеніи Петра Вороновецкаго. Когда позоветъ меня въ судъ, то и мнѣ будутъ хлопоты и ты отъ бѣды не уйдешь». Имѣя въ рукахъ такое письмо, Тороканов твердо былъ убѣжденъ, что ему удастся обвинить Курбскаго предъ королемъ, потому что Курбскому нельзя было не признать этого письма своимъ: оно было за его подписью и печатью. Когда же былъ обнародованъ королевскій декретъ, которымъ повелѣвалось задержать Тороканова, онъ сдѣлалъ нападеніе на имѣніе Калиновцы, избилъ, измучилъ и грозился сжечь съ женою и дѣтьми крестьянина Курбскаго Ѳедора Заспита. Наконецъ, 14 марта 1583 года, наряженъ былъ судъ надъ Тороканoвымъ. Судъ приговорилъ, что Іосифъ Пятый Тороканов, какъ неимѣющій никакой осѣдлости, какъ бѣглый слуга рукоданный, который, забывъ страхъ Бо-

жій, всѣ благодѣянія господина своего, распускалъ объ немъ разные нелѣпые слухи и причинилъ ему много вреда, согласно съ повелѣніемъ короля, долженъ быть выданъ князю Курбскому съ тѣмъ, чтобы Курбскій присягнулъ, что Тороканов есть дѣйствительно слуга его. Но Курбскій, не рѣшаясь самъ опредѣлить ему наказаніе, совѣтовался съ пріятелями своими, какъ поступить ему въ этомъ дѣлѣ. Вскорѣ Тороканов и жена его объявили въ урядѣ, что всѣ обвиненія, записанныя ими на Курбскаго о грабежѣ и разбоѣ и убіеніи Петра Вороновецкаго, были вымышленныя; что письмо Курбскаго къ Посннику Туровицкому было подложное, и обязались возвратить захваченное имѣніе покойнаго Вороновецкаго. Далѣе они объявляли, что освобождаютъ Курбскаго отъ всякихъ исковъ и что въ противномъ случаѣ готовы подвергнуться всякому наказанію, какое только Курбскому угодно будетъ назначить ([501]).

Во время тяжбы съ Тороканомымъ Курбскій лежалъ больной въ любимомъ своемъ мѣстечкѣ Миляновичахъ. Быстро угасала бурная жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Измѣнивъ отечеству въ надеждѣ большихъ выгодъ въ Литвѣ, Курбскій поздно увидѣлъ, какъ жестоко обманулся. Онъ, потомокъ Владиміра Мономаха, долженъ былъ смиряться предъ ковельскими жидами, долженъ былъ уступать какому-нибудь Кузьмѣ Порыдубскому или крестьянамъ смединскимъ. Измѣняя отечеству, онъ хотѣлъ себѣ лучшаго; онъ надѣялся, что, при безсиліи королевской власти и при слабости законовъ, въ Литвѣ онъ найдетъ для себя болѣе свободы; думалъ, что тамъ удобнѣе можетъ выказать свое самовластіе, дать волю своему неуступчивому, не хотѣвшему знать никакихъ законовъ характеру, но обманулся: его ставили тамъ наровнѣ съ безземельнымъ, ничтожнымъ шляхтичемъ. Эти обстоятельства должны были сокрушить, разбить

гордую душу Курбскаго. Онъ долженъ былъ влачить жизнь свою на чужбинѣ, какъ одинокій странникъ между людьми негостепріимными. Самые близкіе къ нему люди—измѣнники, бѣжавшіе вмѣстѣ съ нимъ, измѣняли ему, умышляли на его жизнь ([502]). Оставшіеся ему вѣрными погибли лютою смертію ([503]). Покрытый ранами въ битвахъ, данныхъ за славу и честь родины, и въ битвахъ, цѣлію которыхъ было униженіе ея, терзаемый горестями, пораженный несчастіями, снѣдаемый тоскою душевною, Курбскій слабѣлъ день ото дня и былъ дряхлымъ старикомъ, еще не достигнувъ старости. Въ послѣдніе годы жизни Курбскаго въ характерѣ его произошла разительная перемѣна. Нѣтъ уже въ немъ той энергической рѣшимости, нѣтъ той горячности, которою запечатлѣны его прежніе поступки. Виною этого былъ непреклонный характеръ Стефана Баторія. Видя нерасположеніе короля къ Курбскому, со всѣхъ сторонъ поднялись враги его, которыхъ онъ, благодаря своему безпокойному, сварливому характеру, нажилъ очень много. Со всѣхъ сторонъ посыпались на него жалобы, и король, не разбирая, справедливы или нѣтъ эти жалобы, всегда рѣшалъ ихъ не въ пользу Курбскаго. Иногда природная пылкость Курбскаго готова была высказаться; но онъ тотчасъ сдерживался, понимая, что король хочетъ вызвать его на какую-нибудь дерзость, чтобы потомъ имѣть законное право лишить владѣній, что однажды и хотѣлъ уже исполнить. Этимъ объясняются покорность и смиреніе, которыя оказывалъ Курбскій Баторію. Главная бѣда Курбскаго состояла въ томъ, что у него не было въ Литвѣ отчинныхъ владѣній, а потому, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ повиноваться даже несправедливымъ требованіямъ короля и съ горестію долженъ былъ видѣть, что первый необдуманный поступокъ можетъ лишить его средствъ къ существованію.

Видя приближеніе смерти, Курбскій составилъ, 24 апрѣля 1583 года, свое второе духовное завѣщаніе. Онъ приказываетъ похоронить себя въ ковельскомъ монастырѣ Святой Троицы въ Вербкѣ у ногъ своего духовнаго отца, священноинока Александра. Опредѣливъ количество денегъ, которыя по смерти его должны быть розданы по церквамъ духовенству и бѣднымъ, Курбскій завѣщаетъ все свое имущество женѣ своей Александрѣ Семашковнѣ и потомству своему, княжнѣ Маринѣ и князю Димитрію. Какъ человѣкъ умный, Курбскій очень хорошо видѣлъ положеніе своего семейства, зналъ, что оно по смерти его оставалось беззащитнымъ, понималъ, что воспользуются первымъ поводомъ къ отнятію у его семейства имѣній, которыя не были имѣніями отчинными, но были пожалованы за измѣну. Вслѣдствіе такихъ горестныхъ предчувствій гордый князь совершенно упалъ духомъ и, поручая свое осиротѣлое семейство королю, умоляетъ послѣдняго оказать милостивое вниманіе его вдовѣ и дѣтямъ, и своею верховною властію защитить ихъ отъ обидъ и притѣсненій, и этимъ вознаградить вѣрную, доблестную и правдивую службу своего наименьшаго и подножнѣйшаго слуги. Исполненіе завѣщанія Курбскій поручаетъ королю, а опекунами женѣ своей и дѣтямъ, и своему имуществу назначаетъ своихъ благодѣтелей, которыхъ милостію и любовію пользовался при жизни, именно: маршала земли волынской и воеводу кіевскаго, князя Константина Острожскаго, кравчаго великаго княжества литовскаго, старосту владимірскаго, Станислава Красицкаго, обознаго королевскаго и старосту любимскаго и болемовскаго, шурина своего Василія Петровича Семашка и свояковъ своихъ пана Ивана Хренцицкаго, подсудка земскаго луцкаго и пана Кирилла Зубцовскаго, городничаго луцкаго, своего родственника и друга. *Нижайше* просить Курбскій, чтобы

эти опекуны, милостивые и расположенные къ нему при жизни, оказывали по смерти его благодѣянія и его семейству и защитили сиротъ его отъ обидъ и притѣсненій.

Распредѣляя между наслѣдниками свои помѣстья, Курбскій напоминаетъ въ этомъ завѣщаніи, что онъ получилъ ихъ не какъ бѣглецъ, нуждавшійся въ средствахъ къ существованію, но что эти помѣстья пожалованы ему грамотами Сигизмунда Августа въ вознагражденіе за имѣнія московскія, которыя онъ оставилъ, обнадеженный въ королевской милости, получивъ для проѣзда охранительную грамоту королевскую и удостовѣренный присягою сенаторовъ въ исполненіи обѣщаній королевскихъ. Получивъ право записывать вѣно женѣ своей, онъ записалъ Александрѣ Семашковнѣ, какъ третью часть своего недвижимаго имущества, оцѣненную въ 12,000 копъ грошей, въ Литвѣ мѣстечко Криничинъ и Упитопотоки со всѣми принадлежащими къ нимъ селами. Но чтобы вознаградить Александру Семашковну за ея вѣрную службу, за ея попеченія о немъ во время болѣзни, Курбскій отдалъ ей въ пожизненное владѣніе имѣніе Миляновичи со всѣми селами, къ нему принадлежавшими и со всѣми доходами, съ него получаемыми, съ тѣмъ условіемъ, чтобы по смерти Александры Семашковны это имѣніе перешло къ сыну Курбскаго князю Димитрію. Половину заложеннаго ему Семашками имѣнія Добрятина Курбскій опять завѣщалъ женѣ своей. Доходы съ остальныхъ имѣній: Смедина, города Ковля и мѣстечка Вижвы, равно какъ и съ принадлежащихъ къ нимъ селъ, жена Курбскаго должна была употребить на воспитаніе своихъ дѣтей: Димитрія и Марины. Деньги, обезпеченныя на имѣніяхъ Добрятинѣ и Смединѣ, Курбскій приказывалъ дѣтямъ своимъ, князю Димитрію и княжнѣ Маринѣ, раздѣлить поровну по достиженіи ими совершеннолѣтія. Все свое движимое имущество, котораго,

какъ пишетъ Курбскій, у него осталось не много, потому что оно издержано было на службу королю, на содержаніе многочисленныхъ слугъ и на тяжбы съ разными лицами, онъ завѣщалъ женѣ своей Александрѣ Семашковнѣ съ тѣмъ, чтобы она распоряжалась этимъ имѣніемъ какъ собственностію; а одежды, деньги наличныя и отданныя въ долгъ, табуны и все, что находится въ Ковлѣ и Вижвѣ Курбскій завѣщалъ сыну своему Димитрію, а, въ случаѣ смерти дѣтей, все имущество завѣщалъ онъ навѣчно женѣ своей. Курбскій просилъ князя Константина Острожскаго взять его дѣтей къ себѣ на воспитаніе, если бы жена его вздумала опять выйти за мужъ; а имущество и помѣстья взять кому-нибудь изъ опекуновъ въ управленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Курбскій завѣщалъ, чтобы слугамъ, которые доблестно и вѣрно служили ему, королю и республикѣ, не дѣлаемо было никакихъ обидъ, чтобы имъ предоставлено было владѣніе записанными имъ имѣніями подъ условіемъ службы его женѣ и дѣтямъ. Далѣе Курбскій просилъ, чтобы опекуны заплатили долгъ слугамъ его, если онъ только кому изъ нихъ что-нибудь долженъ, чтобы всѣ рабы его, по его смерти, были отпущены на волю. Что же касается Марьи Юрьевны, то онъ объявлялъ, что ей нѣтъ болѣе никакого дѣла какъ до него, такъ и до его имущества. Опекунамъ приказывалъ онъ истребовать съ данцигскаго купца Юрія Аркеля и москвитянина Михайла Сарыгозина деньги, данныя имъ подъ росписку, и присоединить къ наслѣдству дѣтей, объявлялъ, что Кириллъ Зубцовскій имѣетъ право удерживать въ своемъ владѣніи имѣнія Кены и Ворколабишки, что онъ отдалъ надлежащій отчетъ въ управленіи имѣніями, представилъ сполна всѣ суммы, находившіяся у него въ рукахъ, и что опекунамъ не нужно требовать съ него отчета и причинять ему какія либо затрудненія. Присовокупивъ, что по важнымъ причинамъ уничтожилъ преж-

нее свое завѣщаніе, которое теперь теряетъ всякую законность, Курбскій требовалъ, чтобы это его второе завѣщаніе было вездѣ соблюдаемо во всей силѣ и по всѣмъ статьямъ, какъ законный актъ ([504]). Въ тѣхъ мѣстахъ этого завѣщанія, гдѣ Курбскій проситъ у короля покровительства своему семейству, онъ не походитъ на самого себя: здѣсь говоритъ предъ нами не тотъ пламенный, рѣшительный Курбскій, не тотъ Курбскій, который не считалъ ничего выше себя на свѣтѣ, не хотѣлъ знать никакой власти и закона,—это говоритъ предъ нами человѣкъ, убитый горемъ, человѣкъ, для котораго миновалось счастье, для котораго нѣтъ отрады въ настоящемъ, надежды въ будущемъ. Вотъ какое сильное вліяніе имѣютъ на человѣка событія: и натуры сильныя и крѣпкія, сталкиваясь съ неблагопріятными обстоятельствами, изнемогаютъ, падаютъ въ борьбѣ. Долго и напряженно воля и энергія человѣка борются съ этими препонами; но безполезны, напрасны ихъ усилія; они падаютъ въ неравной битвѣ, они разбиваются объ эти препоны. Поразительное явленіе открывается тогда взорамъ наблюдателя: слабѣетъ могучая сила воли, умираютъ энергія и дѣятельность и, на мѣсто ихъ, встаютъ бездѣятельность, робость, равнодушіе ко всему, что приводило въ напряженіе силы душевныя; такъ было съ Курбскимъ, такъ было и съ другими личностями, еще болѣе замѣчательными.

Желая вѣроятно еще болѣе обезпечить свое семейство, окруживъ его вѣрными и преданными людьми, Курбскій, 3 мая 1583 года, записалъ Ивану Мошнинскому дворъ и землю въ волости ковельской, въ имѣніи Селищѣ, въ благодарность за вѣрную службу ему и республикѣ при отраженіи татарскихъ на Волынь набѣговъ и въ войнѣ съ великимъ княземъ московскимъ, именно подъ Полоцкомъ, подъ Великими Луками и подъ Псковомъ

Мошнинскій за пользованіе этими землями долженъ былъ, подобно другимъ землянамъ ковельскимъ, отправлять военную службу на конѣ, не платя болѣе какъ самому Курбскому, такъ и его потомству никакихъ повинностей ([505]).

Написавъ завѣщаніе въ мѣстечкѣ своемъ Миляновичахъ, Курбскій переѣхалъ въ Ковель, гдѣ и скончался между 6 и 24 числами мая 1583 года. Согласно завѣщанію покойнаго тѣло его погребено было въ монастырѣ Вербкѣ. На погребеніе явились его слуги, земляне и бояре княжескіе. Опекуны, по обычаю волынской земли, сдѣлали распоряженіе объ управленіи имѣніемъ покойнаго, слуги и бояре предъявили грамоты, пожалованныя имъ Курбскимъ, а заимодавцы-долговыя требованія. Опекуны признали грамоты покойнаго дѣйствительными и, постановивъ рѣшеніе объ уплатѣ долговъ, записали свои распоряженія и поручили ихъ княгинѣ Курбской для исполненія и руководства ([506]).

Вслѣдъ за этимъ возный Жданъ Цирскій совершилъ, 23 мая, вводъ княгини Курбской во владѣніе завѣщаннымъ ей имѣніемъ. Бояре, крестьяне, земляне всѣхъ трехъ волостей собраны были въ ковельскій замокъ, гдѣ княгиня Курбская, явившись предъ ними, объявила себя ихъ госпожею; они признали ея права и въ присутствіи вознаго начали оказывать ей послушаніе. За тѣмъ возный вручилъ княгинѣ Курбской опись оставшагося послѣ ея мужа имущества, и она, согласно съ завѣщаніемъ покойнаго, вступила въ свои права ([507]).

Но княгиня Курбская недобросовѣстно исполняла волю покойнаго мужа: начала отнимать у бояръ и землянъ имущество и земли, не хотѣла платить долговъ, предавалась удовольствіямъ и заводила непристойные балы съ жолнерами. Отъ худаго управленія имѣніе скоро начало приходить въ разстройство ([508]).

Княгиня возненавидѣла москвитянъ, вѣрно служившихъ покойному князю и преданныхъ его семейству. Зная опытность и испытанную вѣрность Кирилла Зубцовскаго, Курбскій поручилъ ему урядъ ковельскій, но княгиня удалила Зубцовскаго и поручила управленіе пану Сокольницкому, не оказавшему семейству Курбскаго никакихъ услугъ. Мало этого; она подсылала убійцъ къ Ивану Мошнинскому, войту ковельскому, покушалась умертвить Ивана Посника, урядника Вижовскаго, отняла у Андрея Барановскаго пожалованное Курбскимъ имѣніе (509). Заботясь о благѣ дѣтей Курбскаго, Кириллъ Зубцовскій нѣсколько разъ извѣщалъ опекуновъ о худомъ управленіи имѣніемъ, и Константинъ Острожскій нѣсколько разъ увѣщевалъ княгиню Курбскую исправиться. Но все было напрасно, и потому наконецъ Гаврило Кайсаровъ, Кириллъ Зубцовскій и Иванъ Кушниковъ подали жалобу на княгиню опекунамъ. Опекуны нарядили, 25 февраля 1585 года, слѣдствіе въ Ковлѣ и уполномоченнымъ своимъ поручили, разобравъ дѣло, удовлетворить обиженныхъ (510).

Недолго княгиня Курбская владѣла ковельскимъ имѣніемъ. Польское правительство только и ждало смерти мужа ея, чтобы возвратить это имѣніе въ королевскую казну. Еще въ годъ смерти Курбскаго королевскіе коммисары явились въ волость смединскую и, уплативъ наслѣдникамъ Курбскаго 1,000 копъ грошей, присоединили ее къ королевскимъ имѣніямъ. Сигизмундъ III началъ явно преслѣдовать и семейство Курбскаго, и людей, преданныхъ этому семейству. Въ 1588 году сожженъ былъ крестьянами одинъ изъ сподвижниковъ Курбскаго, москвитянинъ Андрей Барановскій. Онъ былъ владѣтелемъ села Борки, пожалованнаго ему Курбскимъ. Безъ всякаго суда и изслѣдованія Сигизмундъ отдалъ это село въ ленное владѣніе своему писарю Флоріану Семеновичу Олешку (511).

въ слѣдъ за тѣмъ Красенскіе предъявили свои права на Туличовъ, тяжба о которомъ началась еще при жизни Курбскаго. Это имѣніе, по повелѣнію короля, долженствовало быть возвращено Красенскимъ ([512]). Наконецъ королевское казначейство донесло Сигизмунду, что наслѣдники Курбскаго противузаконно владѣютъ ковельскимъ имѣніемъ и получаютъ доходы съ него. На основаніи этого донесенія король опредѣлилъ отобрать у наслѣдниковъ Курбскаго ковельское имѣніе, а за пользованіе имъ взыскать съ нихъ 100,000 злотыхъ. Королевскій прокуроръ получилъ приказаніе начать съ ними формальный искъ, и вслѣдствіе этого княгиня Курбская, ея сынъ Димитрій и опекуны позваны были въ королевскій судъ, чтобы вести съ королевскимъ прокуроромъ тяжбу о противузаконномъ владѣніи ковельскимъ имѣніемъ; марта 14 дня 1590 года явились на судъ восмилѣтній Димитрій съ своимъ адвокатомъ Бруякою и опекунами. Станиславъ Красицкій обозный королевскій по болѣзни не явился и вмѣсто себя прислалъ уполномоченнаго.

Понимая, что жалованныя грамоты Курбскому на имѣніе Ковель, какъ неутвержденныя сеймомъ, не могутъ служить неоспоримыми доказательствами правъ его потомковъ на владѣніе, Бруяка старался, не предъявляя документовъ, доказать, что искъ, начатый королевскимъ судомъ, противузаконенъ. Ссылаясь на законы великаго княжества литовскаго, Бруяка доказывалъ, что настоящее дѣло не подлежитъ суду королевскому, а земскому или сейму; что позовъ къ суду недѣйствителенъ, потому что опекуны не означены въ этомъ позвѣ поименно, что сынъ Курбскаго, какъ несовершеннолѣтній, не можетъ явиться на судъ. Основываясь на этихъ доказательствахъ, Бруяка требовалъ, чтобы рѣшеніе дѣла было отложено до совершеннолѣтія Димитрія Курбскаго, или было передано на разсмотрѣніе сейма. Но королевскій прокуроръ, давая

превратное толкованіе законамъ, опровергъ эти доказательства. Соглашаясь съ мнѣніемъ прокурора, судъ приказалъ подсудимымъ продолжать процессъ. Напрасно Бруяка протестовалъ противъ такого рѣшенія: его протестъ былъ отвергнутъ королемъ, и подсудимые должны были представить документы, на основаніи которыхъ владѣли имѣніемъ ковельскимъ. Теперь дѣло можно было уже считать потеряннымъ. Сначала подсудимые представили письма короля Сигизмунда Августа, литовскаго гетмана Радзивила и подканцлера Воловича къ покойному Курбскому; потомъ они представили грамоту 1564 года, которою пожаловано было Курбскому право полной собственности на ковельскія имѣнія, грамоту 1567 года, которою эти имѣнія предоставлены были ему на ленномъ правѣ. Они представили и другіе акты, изъ которыхъ можно было видѣть, что Курбскій распоряжался имѣніями на правѣ полной собственности. Нетрудно было королевскому прокурору доказать недѣйствительность всѣхъ этихъ актовъ. Письма, какъ частныя, не могли служить доказательствомъ, а грамота 1564 года была отмѣнена грамотою 1597 г., и слѣдовательно была незаконною.

По окончаніи судебныхъ преній дѣло было представлено на разсмотрѣніе короля. Апрѣля 4 въ засѣданіи коронныхъ литовскихъ сенаторовъ, въ присутствіи короля, обѣ тяжущіяся стороны подробно излагали весь ходъ дѣла. Выслушавъ мнѣніе сенаторовъ, король, чтобы обдумать дѣло основательно и благоразумно рѣшить его, отложилъ рѣшеніе до другаго времени, и, 5 мая, въ присутствіи короля и въ полномъ собраніи сенаторовъ объявлено было наслѣдникамъ Курбскаго окончательное рѣшеніе. Ни князь Димитрій, ни опекуны его не явились къ слушанію рѣшенія, присутствовали только уполномоченный княгини, Николай Суликовскій и родной братъ ея Семашко. Декретомъ своимъ король объявилъ, что покойный Курбскій

получилъ ленное право на Ковель незаконно и пользовался имъ неправильно, что поэтому имѣніе его освобождается отъ ленной зависимости и присоединяется къ короннымъ владѣніямъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Андрей Фирлей, зять бывшей княгини Курбской Марьи Юрьевны Голшанской, представилъ жалованную грамоту на пожизненное владѣніе ковельскимъ имѣніемъ. Эта грамота была признана законною, и король въ тоже засѣданіе постановилъ, что наслѣдники Курбскаго должны передать ковельское имѣніе Андрею Фирлею подъ штрафомъ 100,000 злотыхъ польскихъ. Суликовскій и Василій Семашко протестовали противъ этого рѣшенія отъ имени княгини Курбской, но на этотъ протестъ никто не обратилъ вниманія ([512]). Княгиня Курбская отъ себя и отъ имени своихъ дѣтей записала въ урядѣ гродскомъ владимірскомъ жалобу на незаконное рѣшеніе королевскаго суда и объявила, что въ свое время будетъ вести съ коронымъ подканцлеромъ искъ судебнымъ порядкомъ ([513]).

Щасный Дремликъ, дворянинъ королевскій, былъ посланъ въ Ковель для исполненія королевскаго декрета. Пригласивъ къ себѣ генеральнаго вознаго повѣта холмскаго, княгиня Курбская ожидала Щаснаго въ замкѣ ковельскомъ. Ночью 15 іюня 1590 года, гайдуки Андрея Фирлея, подъ начальствомъ пана Держка, ворвались въ Ковель. Сторожа и слуги князя Димитрія Курбскаго были изранены, а нѣкоторые даже убиты. Держекъ съ бранью и угрозами выгналъ княгиню Курбскую изъ города и, прибывшій за тѣмъ, Щасный Дремликъ съ трудомъ могъ удержать слугъ и гайдуковъ Фирлеевыхъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій. Курбская уѣхала въ село Перевалы къ Доротѣ Фаличевской. Между тѣмъ Щасный Дремликъ, принимая для передачи Фирлею городъ Ковель, нашелъ, что Курбская вынесла изъ замка огнестрѣльное оружіе, ограбила церкви и причинила множе-

ство оскорбленій мѣщанамъ ковельскимъ. Поэтому онъ приказалъ арестовать ее до дальнѣйшаго повелѣнія королевскаго и отдалъ на поруки Доротѣ Фаличевской подъ закладомъ 100,000 польскихъ злотыхъ ([516]).

Завладѣвъ Ковлемъ, Фирлей началъ преслѣдовать москвитянъ, слугъ покойнаго Курбскаго, получившихъ отъ него имѣнія въ волости ковельской. Первый Кириллъ Зубцовскій подвергся его преслѣдованіямъ. Съ отрядомъ вооруженныхъ людей конныхъ и пѣшихъ Фирлей напалъ на имѣніе Зубцовскаго Бѣлинъ, стрѣльбою изъ ружей и карабиновъ выгналъ Зубцовскаго вонъ и разграбилъ все его имущество ([517]). Потомъ Фирлей напалъ на имѣніе Долгоносы, принадлежавшее москвитянину Василію Кушникову ([518]). Такая же участь постигла и москвитянина Ивана Мошнинскаго, вѣрнаго слугу Курбскаго: слуги и бояре Фирлея напали на его имѣніе Селище, окружили его домъ и, захвативъ его самого, отправили съ женою и дѣтьми въ Миляновичи, гдѣ они томились въ жестокомъ заключеніи ([519]).

Княгиня Александра Петровна уѣхала съ дѣтьми въ свои литовскія владѣнія. Вотъ какая участь постигла семейство Курбскаго. Что касается до Марьи Юрьевны, то дальнѣйшая жизнь ея неизвѣстна. Знаемъ только, что въ 1584 г. она была въ Кіевѣ, гдѣ записала своему любимцу Ждану Мироновичу 200 копъ грошей за его вѣрную службу ([520]); а 1585 г. октября 8 числа она раздѣлила имѣніе между своими дѣтьми ([521]). Княгиня Курбская Александра Петровна скончалась между 1601 и 1608 годами. Сынъ Курбскаго князь Димитрій Андреевичъ наслѣдовалъ большую часть отцовскихъ маетностей въ Литвѣ, основалъ въ своемъ имѣніи Криничинѣ римско-католическую церковь Св. Апостоловъ Петра и Павла для распространенія римско-католической религіи и умеръ въ половинѣ XVII вѣка, послѣ 1645 г. ([522]). При

переходѣ въ католицизмъ онъ получилъ имя Николая и въ актахъ литовской метрики называется Димитріемъ—Николаемъ или Nicolaus Demetrius ([523]). Онъ вступилъ въ бракъ съ Кристиною Еугердовною, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей Яна и Андрея. Первый былъ гродскимъ писаремъ упитскимъ и владѣлъ на ленномъ правѣ Фольваркомъ Боркланъ въ маетности криничинской ([524]). Второй съ честію и славою служилъ Владиславу IV и Яну Казимиру на полѣ ратномъ. Оба короля въ лестныхъ выраженіяхъ отзываются въ своихъ грамотахъ о мужествѣ его въ битвахъ. Особенно Янъ Казимиръ уважалъ его за необыкновенную храбрость, оказанную имъ въ войнѣ съ казаками, за неизмѣнную преданность государю, оставленному вельможами, войскомъ и народомъ въ злополучное время нашествія Карла X, короля шведскаго. Доблести его были награждены почетнымъ званіемъ маршалка упитскаго ([525]). Князь Димитрій Андреевичъ имѣлъ еще дочь Анну, бывшую за мужемъ сперва за Романомъ Сумароковымъ судьею вилькомирскимъ, а потомъ за Адамомъ Соколовскимъ ([526]).

Родъ Курбскаго угасъ въ Литвѣ около 1777 г., какъ видно изъ грамоты Станислава Августа Понятовскаго, потому что внуки Яна и Андрея не оставили потомства. Тоже самое говоритъ и польскій историкъ Окольскій въ своемъ сочиненіи Orbis Polonus. (1641 г. 1. стр. 506.). Но изъ дѣлъ нашего государственнаго архива извѣстны правнуки его князь Александръ и князь Яковъ, дѣти Кашпера Курбскаго, которые выѣхали въ Россію изъ Польши въ первые годы соцарствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей. Оба они изъявили готовность служить новымъ государямъ вѣрою и правдою за милость, оказанную ихъ предками прадѣду ихъ князю Андрею Курбскому ([527]). Можно думать, что у князя Димитрія Андреевича былъ еще третій сынъ Кашперъ, владѣвшій маетно-

стами въ витебскомъ воеводствѣ. Имя Курбскаго въ послѣдній разъ упоминается въ 1693 г. «когда князю Александру, сыну Борисову Крупскому учинено наказанье: бить кнутомъ за то, что жену убилъ» ([528]).

Вотъ все, что намъ извѣстно о жизни и дѣяніяхъ Курбскаго и его потомствѣ. Должно замѣтить, что исторія жизни Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни гораздо богаче фактами и рѣзче обрисовываетъ его личность, нежели исторія жизни его въ Россіи, разсѣянная по разнымъ памятникамъ въ видѣ отрывочныхъ и неполныхъ извѣстій. Причина этого заключается въ томъ, что лѣтописи наши не имѣютъ обычая сообщать намъ подробныхъ свѣдѣній о жизни и дѣяніяхъ частныхъ лицъ, что въ нихъ личность Курбскаго нисколько не выдвигается изъ ряда другихъ личностей, окружавшихъ престолъ Іоанна.

—

II.

Кромѣ политической дѣятельности, Курбскій ознаменовалъ себя дѣятельностію литературною. Какъ писатель-историкъ, онъ чрезвычайно важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что въ его сочиненіяхъ выказывается вполнѣ приверженецъ стариннаго порядка. Слогъ сочиненій Курбскаго сильно отзывается вліяніемъ латино-польской учености. Языкъ его сочиненій церковно-славянскій, но испещренный польскими, латинскими и нѣмецкими словами, исполненный неправильныхъ выраженій и оборотовъ. Изложеніе его, вообще живое, часто доходитъ до одушевленнаго, особенно тамъ, гдѣ Курбскій излагаетъ свои убѣжденія. Сочиненія Курбскаго разнообразны. До насъ дошли слѣдующія: 1) «Исторія Великаго Князя Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». 2) Переписка его съ Іоанномъ. 3) Предисловіе на Новый Маргаритъ, распадающееся на 2 главы: первая содержитъ собственно «предисловіе на книгу словесъ Златоустовыхъ, глаголемую новый Маргаритъ; въ тойже части жалостна и плачу достойная исторія кратка и о плодѣхъ ласкателей»; а вторая, «сказаніе о знакахъ книжныхъ.» 4) Письма къ разнымъ лицамъ: къ князю Константину Острожскому; къ Марку, ученику Артемія; къ Козьмѣ Мамонычу; 2 письма ко Кадіакону Чаплію; къ пану Ѳеодору Бокею Печихвостовскому; 2 письма къ княгинѣ

Ивановой Черторыжской; къ пану Древинскому; къ пану Остафію Троцкому; къ Семену Сѣдларю; къ Вассіану, старцу Псковечерскому. 5) Исторія Флорентійскаго Собора и наконецъ 6) Переводы бесѣдъ Златоуста. Всѣ эти сочиненія писаны Курбскимъ послѣ бѣгства его изъ Россіи. Изъ нихъ особенно важны для русской исторіи: «Исторія Великаго Князя Московскаго о дѣлѣхъ» и переписка съ Іоанномъ. Въ этихъ сочиненіяхъ Курбскій ясно выражаетъ свои притязанія, притязанія древнихъ дружинниковъ, а особенно князей-родичей. Эти сочиненія суть голосъ старинной Руси съ ея родовымъ бытомъ, олицетворившейся въ Курбскомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто сухой и слишкомъ монотонной лѣтописи, мы читаемъ въ этихъ сочиненіяхъ живую, страстную рѣчь борца за старину, всѣми силами старающагося доказать превосходство старыхъ началъ предъ новымъ началомъ государственнымъ. Лѣтопись часто скрываетъ отъ насъ внутреннія причины явленій, она даетъ намъ одни сухіе факты; но Курбскій излагаетъ въ своемъ сочиненіи тѣ побудительныя причины, которыя заставляли его дѣйствовать такъ, а не иначе, излагаетъ свои задушевныя убѣжденія. Это-то обстоятельство и дѣлаетъ для насъ сочиненія Курбскаго драгоцѣнными. Въ порывѣ страсти, порицая весь образъ дѣйствій Іоанна, Курбскій часто употребляетъ сильные, рѣзкіе эпитеты, къ которымъ любитъ прибѣгать русскій человѣкъ въ критическія минуты жизни.

Не смотря однакожъ на всю важность Курбскаго исторіи Іоанна и переписки съ Грознымъ, мы не можемъ приписать имъ достоинства исторической вѣрности и безпристрастія. Поэтому наши историки весьма опрометчиво поступали, принявъ ихъ въ основаніе своихъ изслѣдованій объ Іоаннѣ. Вслѣдствіе недостатка критики у однихъ ([530]) Іоаннъ вышелъ какою-то странною личностью: онъ то не заботится о государствѣ, то дѣлается

вдругъ отцемъ своихъ подданныхъ, то вдругъ ни съ того, ни съ сего превращается въ мучителя и тирана. У другихъ (531) онъ представленъ человѣкомъ безъ воли, тупымъ и ни къ чему дѣльному неспособнымъ. Къ такому заключенію пришли подъ вліяніемъ сочиненій Курбскаго, относящихся къ Іоанну. Но эти сочиненія не могутъ служить для насъ достовѣрнымъ источникомъ, мы не можемъ поручиться за несомнѣнность и истину сообщаемыхъ Курбскимъ извѣстій. Къ этому можно прійти даже путемъ самыхъ простыхъ соображеній. Эти соображенія слѣдующія: 1) Курбскій проникнутъ былъ ненавистію къ Іоанну и подъ вліяніемъ этой страсти онъ писалъ исторію его царствованія и свои письма къ нему. Слѣдовательно ни безпристрастнаго, вѣрнаго взгляда на Іоанна, ни правильной оцѣнки его дѣйствій и причинъ, руководившихъ имъ, видѣть здѣсь невозможно. Естественно, что Курбскій, ненавидя царя, скорѣе готовъ былъ винить, нежели оправдывать его. 2) Историкъ можетъ быть достовѣрнымъ тогда, когда онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, когда онъ выше всѣхъ партій. Но мы знаемъ, что Курбскій принадлежалъ къ партіи Сильвестра и Адашева; слѣдовательно долженъ былъ писать въ ея интересахъ. Потому онъ скрываетъ отъ насъ дурные, противузаконные поступки этой партіи, оставляя на долю Іоанна какъ можно болѣе преступленій. 3) Подчиняясь этой цѣли, Курбскій искажаетъ самые факты, чтобы тѣмъ сильнѣе обвинить Іоанна. 4) Не должно довѣрять Курбскому и потому еще, что онъ описывалъ многое по наслышкѣ. Такъ послѣ 1564 г. онъ не могъ быть уже свидѣтелемъ казней, совершенныхъ по повелѣнію Грознаго, потому что жилъ внѣ Россіи, а описывалъ ихъ по слухамъ, которые, безъ сомнѣнія, были распространяемы врагами Грознаго и, вѣроятно, для большей поразительности, съ своей стороны ёще болѣе преувеличивалъ подробности. 5) Курбскій не

заслуживаетъ довѣрія, какъ измѣнникъ, преступникъ государственный и ожесточенный врагъ Россіи и ея царя: онъ не могъ не сознавать всей тяжести своей вины, и естественное желаніе оправдать ее въ глазахъ потомства необходимостію—заставило его приписать Іоанну всѣ преступленія, какія только можетъ совершить человѣкъ. 6) У Курбскаго мы часто встрѣчаемъ противорѣчіе самому себѣ, а это обстоятельство окончательно уничтожаетъ достовѣрность его показаній, служитъ доказательствомъ, что истина, вопреки желанію его, пробивалась у него наружу. Этихъ соображеній мы никакъ не должны упускать изъ виду при критическомъ разсмотрѣніи сочиненій Курбскаго, относящихся къ Іоанну, потому что при помощи такихъ соображеній мы можемъ повѣрить истинность или ложность обвиненій, взводимыхъ имъ на Грознаго. Вслѣдствіе такихъ соображеній мы должны заключить, что Курбскій какъ представитель старыхъ началъ, слѣдовательно какъ врагъ началъ новыхъ, воплотившихся въ Іоаннѣ, не можетъ быть признанъ достовѣрнымъ историкомъ. Поэтому необходима строгая критическая оцѣнка его сочиненій, которая послужитъ опять доказательствомъ, что онъ ненавидѣлъ Грознаго, потому что расходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ.

Разсмотримъ сначала его «Исторію Великаго Князя Московскаго о дѣлѣхъ». Касательно достоинства этого сочиненія должно замѣтить, что оно проникнуто одною основною мыслію. Мысль, которую предположилъ себѣ Курбскій доказать въ этомъ сочиненіи та, что государь непремѣнно долженъ слушаться своихъ совѣтниковъ. Онъ беретъ въ примѣръ Іоанна и доказываетъ, что Іоаннъ, злой и развращенный отъ природы, былъ мудрымъ и храбрымъ государемъ до тѣхъ поръ, пока слушался своихъ совѣтниковъ, и что всѣ несчастія его царствованія и жестокость его къ подданнымъ были слѣдствіемъ того,

что онъ, по совѣту ласкателей, рѣшился не держать совѣтника мудрѣйшаго себя. Такимъ образомъ изъ самой задачи, которую Курбскій предположилъ себѣ выполнить, видно, что это сочиненіе писано подъ вліяніемъ духа партій и что слѣдовательно въ немъ нельзя ожидать вѣрнаго взгляда на Іоанна и образъ его дѣйствій; видно, что Курбскаго исторія Іоанна должна быть подвергнута строгой критической оцѣнкѣ. Это сочиненіе состоитъ изъ 9-ти главъ. Такъ какъ предѣлы нашего сочиненія не дозволяютъ слишкомъ подробнаго разбора этого произведенія, то мы укажемъ только на замѣчательнѣйшія мѣста его и, по возможности, повѣримъ историческое достоинство приводимыхъ Курбскимъ фактовъ.

Въ самомъ началѣ своей исторіи, Курбскій выказываетъ ненависть свою къ Іоанну. «Часто спрашиваемый многими благородными и свѣтлыми мужами о причинѣ перемѣны къ худшему, совершившейся въ Іоаннѣ, я рѣшился», говоритъ онъ, «послѣ долгаго сопротивленія, частыхъ ради вопрошаній, нѣчто рещи отчасти о случаяхъ приключшихся таковыхъ, и отвѣщахъ имъ, аще бы изъ начала по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ, но сія вся оставя, изреку и о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголютъ многіе премудрые: доброму началу и конецъ бываетъ добръ, такожде и сопротивъ: злое злымъ скончавается» (532). Итакъ, Курбскій говоритъ, что поводомъ къ написанію имъ исторіи Іоанна была просьба многихъ благородныхъ, незнавшихъ, чѣмъ объяснить перемѣну, совершившуюся въ Іоаннѣ; а въ V главѣ своей исторіи пишетъ: «О царю, прежде зѣло любимый отъ насъ! Не хотѣлъ бы малыя сея части презлости твоей изрещи; но преодолѣнъ

быхъ и принужденъ любовію Христа моего и ревностію любви распаляхся по мученицѣхъ, отъ тебя избіенныхъ неповиннѣ, братіяхъ нашихъ» ([533]). Далѣе, описавъ казни, совершенныя Іоанномъ, говоритъ: «и сіе краткое сего ради произволихомъ написати да не отнюдь въ забвеніе пріидутъ» ([534]). Такимъ образомъ, Курбскій противорѣчитъ самому себѣ: сначала онъ говоритъ, что написалъ «исторію» по просьбѣ, а потомъ пишетъ, что повѣствуетъ о порокахъ Іоанновыхъ, потому что ревностію распаляется по мученикахъ и пишетъ исторію ихъ для того, чтобы они не были забыты. Изъ этого противорѣчія вытекаетъ, что Курбскій писалъ исторію не по просьбѣ, но по своему желанію. Заставить его писать о томъ, о чемъ онъ не хотѣлъ, никто не могъ. Допустить, что онъ описалъ свирѣпость Іоанна изъ любви къ убіеннымъ, нельзя, потому что Курбскій былъ эгоистъ, и изъ всей «исторіи» его мы видимъ, что она написана имъ для того, чтобы показать, что онъ по необходимости измѣнилъ отечеству, гдѣ не было воздаянія ни вѣрности, ни заслугамъ, и уже въ самомъ началѣ своей «исторіи» выказываетъ цѣль свою— обвинить Грознаго.–По мнѣнію Курбскаго источникъ зла лежалъ въ самомъ происхожденіи Грознаго отъ «женъ иноплеменичихъ», подъ которыми онъ разумѣетъ Софью, супругу Іоанна III, и Елену Глинскую, супругу Василія III и мать Іоанна IV.

Софья Палеологъ принесла съ собою въ Россію византійскія понятія о царской власти. По прибытіи Софьи, Іоаннъ окружилъ себя блескомъ и величіемъ, явился монархомъ, предъ которымъ должны были преклоняться со страхомъ Рюриковичи и Гедиминовичи. Эту перемѣну современники приписывали Софьѣ ([535]), а потому понятна ненависть ихъ къ ней, понятна ненависть къ ней и Курбскаго. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, въ чемъ винитъ Курбскій Софью и Іоанна III. Въ V главѣ исторіи своей;

обращаясь къ Іоанну Грозному, Курбскій говоритъ: «такожъ и дѣдъ твой, со Гречкою бабою твоею, сына предобраго Іоанна, отъ первыя жены своея, отъ Тверскія княжны святыя Маріи рожденна, наимужественнѣйшаго и преславнаго въ богатырскихъ исправленіяхъ, и отъ него рожденнаго, боговѣнчаннаго внука своего, царя Димитрія, съ матерію его святою Еленою, овою смертоносныиъ ядомъ, а того многолѣтнимъ заключеніемъ темничнымъ, послѣди удавленіемъ погубища, отрекшись и забывши любови сродства» (536). Такимъ образомъ, мы видимъ, что Курбскій обвиняетъ Іоанна въ отравленіи сына, удавленіи внука Дмитрія и въ отравленіи его матери,—обвиненія совершенно неимѣющія никакой основательности. Іоаннъ III любилъ сына своего, назначилъ его себѣ соправителемъ, а по смерти своей великимъ княземъ всея Россіи, посадилъ его на великомъ княженіи тверскомъ. Какъ же могъ онъ рѣшиться отравить его и наложить на себя упрекъ въ сыноубійствѣ? Софья также не могла рѣшиться на это, потому что рано или поздно это дѣло могло разъясниться, и тогда она подвергалась страшной опасности. Посмотримъ, что говоритъ лѣтопись о смерти Іоанна Младаго. «Тояже зимы (1490) мѣсяца марта въ з҃, съ субботы на недѣлю въ 11 часъ нощи преставися благовѣрный и христолюбивый великій князь Иванъ Ивановичь всея Русіи, старѣйшій, первый его великія княгини Маріи, дочере великаго князя Бориса Александровича, и положиша его въ церкви Архангела Михаила въ Москвѣ, идѣже вси прародители его лежатъ. Живъ всѣхъ лѣтъ л҃в, и к҃ деней. А болѣлъ камчюгомъ въ ногахъ, ходилъ, и видѣвъ лѣкарь жидовинъ Мистръ Леонъ похваляся рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: язъ излечу сына твоего, великаго князя Ивана отъ тоя болѣзни; а не излечу язъ, и ты меня вели казнити смертною казнію. И князь великій нявъ тому вѣру повелѣ ему лечи-

ти сына своего великаго князя Ивана, лѣкарь же дастъ ему зеліе пити, и жещи нача стъкляницами по тѣлу, вълнвая горячую воду, и оттого ему бысть тяжчае и умре. И того лѣкаря Мистра Леона велѣлъ князь велики поимати и послѣ сорочинъ сына своего, великаго князя Ивана, повелѣ его казнити смертною казнью, головы ссѣщи; они же ссѣкоша ему голову на Болвановіи, апрѣля кѕ» ([537]). Вотъ, что мы читаемъ въ лѣтописи о смерти сына Іоанна III. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописецъ не забылъ бы упомянуть, что молодой великій князь отравленъ, не упустилъ бы упомянуть даже въ такомъ случаѣ, если бы ходилъ объ этомъ хотя слухъ. Но, по всей вѣроятности, это сказаніе Курбскаго объ отравѣ изобрѣтено имъ самимъ, или дошло до него по слуху и составлено врагами Софьи и Іоанна III–боярами.

Также нелѣпы и неосновательны и другія обвиненія, взводимыя Курбскимъ на Іоанна III, именно: обвиненіе въ томъ, будто онъ ввергнулъ въ темницу и приказалъ удавить внука своего Димитрія и отравить мать его Елену. По смерти Іоанна Младаго возникъ вопросъ о томъ, кто долженъ быть наслѣдникомъ престола, сынъ его Димитрій, или сынъ Іоанна III отъ Софьи—Василій. Первый имѣлъ несомнѣнное право на престолъ, какъ старшій въ родѣ, потому что отецъ его умеръ, бывъ великимъ княземъ, равнымъ Іоанну; а послѣдній имѣлъ болѣе преимущества въ глазахъ Іоанна, какъ рожденный отъ царственной крови Палэологовъ, воспитанный въ новыхъ понятіяхъ и слѣдовательно всего болѣе способный поддержать новый порядокъ вещей, начинавшійся въ Россіи. Но честолюбивая мать Димитрія Елена составила заговоръ съ цѣлію возвести на престолъ сына своего. Въ этомъ заговорѣ приняли участіе и многіе знатные вельможи, потому что ненавидѣли Софью и не ожидали никакой выгоды для себя въ случаѣ вступленія на пре-

столъ сына ея Василія, воспитаннаго въ понятіяхъ византійскихъ. Намѣстникъ московскій князь Иванъ Юрьевичъ и воевода Симеонъ Ряполовскій дѣйствовали при этомъ случаѣ какъ явные враги Софьи и приверженцы Елены и Димитрія ([538]). Они, безъ сомнѣнія, надѣялись на возвращеніе стараго порядка вещей въ томъ случаѣ, если царемъ будетъ Димитрій. Но Софья и сынъ ея Василій имѣли также много приверженцевъ. На ихъ сторонѣ были младшіе сановники двора; и вотъ противная сторона рѣшилась прибѣгнуть къ интригѣ, чтобы погубить Софью, сына ея и ихъ приверженцевъ. Она внушила Іоанну, что Василій, недовольный расположеніемъ его къ Димитрію и подстрекаемый дьяками Гусевымъ и Строниловымъ, княземъ Иваномъ Палецкимъ и др. хочетъ бѣжать въ Вологду, чтобы, захвативъ государственную казну, вооружиться противъ него. Разгнѣванный Іоаннъ приказалъ схватить и казнить мнимыхъ заговорщиковъ, посадилъ подъ стражу Василія и удалилъ отъ себя Софью, на которую донесли, что она хочетъ отравить Димитрія и Елену и для этой цѣли принимаетъ у себя чародѣекъ съ зельемъ ([539]). Итакъ, бояре успѣли въ своемъ намѣреніи: Іоаннъ, «по діаволю дѣйству», какъ говоритъ лѣтопись, «восполѣся на сына своего князя Василья и на жену свою великую княиню Софью» ([540]). Изъ этихъ словъ видно, что гнѣвъ Іоанна III на сына и жену самые современники считали зломъ, потому что приписываютъ его «діаволю дѣйству». Нѣтъ сомнѣнія, что, сообразивъ и зрѣло обсудивъ всѣ обстоятельства этого дѣла, Іоаннъ могъ понять, что преступленія, приписываемыя его сыну и супругѣ были одною клеветою, изобрѣтенною ненавистію бояръ къ нимъ и къ новому порядку вещей; онъ понялъ, чего стараются достигнуть бояре удаленіемъ Василья и Софьи и возведеніемъ на престолъ Димитрія. Вслѣдствіе этого онъ подалъ ру-

ку примиренія Софьѣ и ея сыну. Потомъ, «извѣдавъ всѣ крамолы бояръ» Іоаннъ явился строгимъ судьею, приказалъ казнить Симеона Ряполовскаго и, уваживъ ходатайство духовенства, повелѣлъ Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ, постричься въ монахи, а младшаго посадилъ подъ стражу ([541]). Вслѣдъ затѣмъ, «онъ началъ нерадѣть о внукѣ» ([542]), сдѣлалъ сына своего Василія великимъ княземъ Новгорода и Пскова и отвѣчалъ псковскимъ посламъ, просившимъ не раздроблять Руси: «чи неволенъ я въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочю, тому дамъ княжьство» ([543]). Наконецъ «весною 1502 г. (апр. 11 въ понедѣльникъ), положилъ князь велики опалу, на внука своего великаго князя Димитрія и на его матерь Елену; и отъ того дени не вѣлѣлъ ихъ поминати въ октеньяхъ, ни нарицати великимъ княземъ, посади ихъ за приставы». А 21 апрѣля, «князь велики Иванъ Васильевичь всеа Руси пожаловалъ сына своего Василья, благословилъ и посадилъ на великое княженіе владимерьское и московское и всеа Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита всеа Руси» ([544]). Іоаннъ не могъ иначе поступить. Казнить Ряполовскаго онъ имѣлъ право какъ крамольника, и притомъ онъ казнилъ его не безъ суда, что показываетъ слово *извѣдавъ*. Онъ казнилъ Ряполовскаго какъ врага блага государственнаго. Слѣдовательно эта казнь не можетъ быть ставима въ упрекъ ему.

Удаляя внука отъ престола, Іоаннъ руководился любовію къ Россіи. Онъ зналъ, что Димитрій, по самому воспитанію своему, не могъ быть приверженцемъ новаго начала—начала государственнаго, отъ котораго Россія могла получить и славу, и величіе. Въ смерти своего внука онъ не былъ виновенъ, равно и въ смерти матери его. Елена умерла, хотя подъ стражею, но все-таки сво-

ею смертію, когда Софьи не было уже на свѣтѣ ([545]). Димитрій умеръ 1509 года; слѣдовательно уже по смерти Іоанна III ([546]). Курбскій говоритъ, что Іоаннъ и Софья «поморили Димитрія темничнымъ заключеніемъ, а потомъ удавленіемъ». Дѣйствительно, лѣтописецъ говоритъ, что Іоаннъ III посадилъ внука своего «въ камень и желѣза на него возложилъ» ([547]). Но онъ скончался въ 1509 г. Герберштейнъ такъ разсказываетъ о его смерти «alii fame illum ac frigore, pars fumo suffocatum putant» ([548]). Но лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: «февраля 21 преставися благовѣрный князь Велики Дмитрей Ивановичъ всея Руси въ нуждѣ и въ турьмѣ» ([549]). Такимъ образомъ внукъ Іоанна III скончался не при немъ, а при Василіи Іоанновичѣ и лѣтописецъ не опредѣляетъ причины смерти Димитрія. Чтоже касается до выраженія его *въ нуждѣ и турьмѣ*, то это не показываетъ еще, что Димитрій терпѣлъ недостатки, былъ лишенъ свѣта солнечнаго, какъ говоритъ Карамзинъ ([550]); но слово нужда означаетъ неволю, принужденіе; слѣдовательно это слово здѣсь значитъ лишеніе, отсутствіе свободы, а не средствъ къ существованію, потому что такому толкованію этихъ словъ противорѣчитъ самое завѣщаніе Димитрія, изъ котораго видно, что онъ имѣлъ огромныя богатства и свой дворъ. Такъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ исчисляетъ множество драгоцѣнныхъ вещей, подаренныхъ ему частію Василіемъ III, упоминаетъ о своемъ дворѣ, боярахъ, дѣтяхъ боярскихъ, дьякахъ и постельничихъ ([551]). Какимъ же образомъ могло случиться, что Димитрій, окруженный многочисленнымъ, блестящимъ дворомъ и обладавшій значительными богатствами, умеръ отъ голода? Итакъ преступленія, приписываемыя Курбскимъ Іоанну III и Софьѣ: умерщвленіе Іоанна Младаго, сына его и жены, не имѣютъ въ подтвержденіе свое ничего для историка, могутъ быть сочтены за выдумку, изобрѣтенную ненавистію.

Далѣе, Курбскій обвиняетъ Іоанна въ томъ, что, не довольствуясь смертію внука и его матери, онъ «къ тому брата единоутробнаго, Андрея Углицкаго, мужа зѣло разумнаго и мудраго тяжкими веригами въ темницѣ за малые дни удавилъ, и двухъ сыновъ его отъ сосецъ матернихъ оторвавши...... о умиленно къ услышанію и тяжко ко изреченію! человѣческая злость въ толикую презлость превозрастаема, пачежъ отъ христіанскихъ начальниковъ!.... многолѣтнимъ заключеніемъ темничнымъ нещадно поморилъ.... и другихъ, братію свою, ближнихъ ему въ роду, овыхъ разогналъ до чуждыхъ земель, яко Верейскаго Михаила и Василія Ярославича; а другихъ, въ отроческомъ вѣку еще сущихъ, такоже темничнымъ заключеніемъ, на скверной и проклятой завѣтной грамотѣ... о увы! о бѣда! ко услышанію тяжко!... заклинающе сына своего Василья, повелѣлъ неповинныхъ погубити неотрочнѣ» (552). Но Андрей Углицкій былъ далеко не правъ. Въ 1479 г. Іоаннъ III отставилъ луцкаго намѣстника князя Ивана Оболенскаго-Лыко за разныя злоупотребленія. Но этотъ, оскорбясь, отъѣхалъ къ брату Іоаннову князю Борису. Іоаннъ потребовалъ выдачи отъѣзжика; Борисъ воспротивился и, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ Углицкимъ, отъѣхалъ въ Литву, негодуя на то, что великій князь притѣсняетъ ихъ; что, примышляя къ Москвѣ владѣнія, не даетъ имъ части въ этихъ примыслахъ; что присвоилъ себѣ удѣлъ Юрія. Прибывъ въ Литву, Борисъ и Андрей просили короля управить ихъ въ обидахъ съ великимъ княземъ и помочь имъ. Іоаннъ изъявлялъ готовность къ примиренію; но братья не хотѣли и слушать его (553). Вовремя этихъ раздоровъ двинулись противъ Россіи Ахматъ и Ливонскіе рыцари. Воспользовавшись такими затруднительными обстоятельствами, братья заставили Іоанна «даться на всю ихъ волю» и возвратились въ Россію (554). Но ни Андрей, ни Іоаннъ III естественно не могли уже

довѣрять другъ другу, и какъ велика была эта недовѣрчивость видно изъ того, что когда бояринъ Андреевъ Образецъ увѣдомилъ своего князя, что великій князь хочетъ схватить его, то Андрей тотчасъ хотѣлъ бѣжать въ Литву; но, одумавшись, послалъ къ князю Ивану Юрьевичу спросить, зачто гнѣвается на него великій князь. «Князь же великій клятся ему небомъ и землею и богосильнымъ Творцомъ всея твари, что у него ни въ мысли того не бывало» ([555]). Въ 1491 г. весною, Іоаннъ приказалъ братьямъ своимъ Борису и Андрею отправить, вмѣстѣ съ его войсками, воеводъ на помощь угрожаемому татарами Менгли-Гирею. Борисъ исполнилъ повелѣніе; «а князь Андрей Васильевичь воеводы и силы своея не послалъ» ([556]). Раздраженный непослушаніемъ, Іоаннъ приказалъ посадить Андрея въ тюрьму за то, что онъ измѣнилъ, «преступилъ крестное цѣлованіе, думалъ на великаго князя Ивана Васильевича, на брата своего старѣйшаго, съ братьею своею, со княземъ Юрьемъ, и со княземъ Борисомъ, и со княземъ Ондреемъ, да и къ цѣлованію ихъ привелъ на томъ, что имъ на великаго князя, на брата своего старѣйшаго стояти за одного, да грамоты свои посылалъ въ Литву къ королю Казимиру, одиначеся на великаго князя, да и самъ съ братомъ своимъ, со княземъ Борисомъ Васильевичемъ, отъѣзжалъ отъ великаго князя, да посылалъ грамоты свои къ царю Ахмату Болшіе Орды, приводяху его на великаго князя и на руськую землю ратью, да съ великаго князя силою на ордыньскаго царя воеводы своего не посылалъ; а все то чиня измѣну великому князю, преступая крестное цѣлованіе» ([557]). Такимъ образомъ Іоаннъ долженъ былъ заключить въ темницу Андрея, потому что послѣдній постоянно противился пользѣ государства, былъ измѣнникъ. Но удавить его веригами не могъ: во-первыхъ, потому что, по словамъ лѣтописца, «зѣло любилъ его» ([558]). Во-вторыхъ, мы

не можемъ вѣрить свидѣтельству Курбскаго, потому что лѣтописецъ ничего не упоминаетъ объ этомъ. Изъ лѣтописи напротивъ видно, что Андрей умеръ естественною смертію: «тоя же осени, 1494 г., преставися князь Андрей большій, а сидѣлъ въ тюрьмѣ на Москвѣ на казенномъ дворѣ великаго князя два года и 47 дней» ([559]). Кромѣ того изъ словъ Іоанна III, сказанныхъ, митрополиту, который печаловался объ Андреѣ: «жалми добрѣ брата моего и не хочу погубити его, а на себя порока положити, и свободити не могу» ([560]) видно, что Іоаннъ III по чувству родственности вовсе не желалъ лишить жизни своего брата, хотя и преступника; но не могъ освободить его изъ темницы по чувству любви къ Россіи, которой въ жертву долженъ былъ принести родственную любовь. Іоаннъ не могъ освободить изъ темницы Андрея во 1-хъ, потому что Андрей былъ измѣнникъ, государственный преступникъ, и родство его съ Іоанномъ только увеличивало тяжесть преступленія; во 2-хъ, не могъ освободить потому, что зналъ, что Андрей старался переманить къ себѣ на службу его людей и составить изъ нихъ себѣ партію разумѣется не для доброй цѣли; въ 3-хъ, не могъ освободить его и по важнымъ государственнымъ соображеніямъ, именно: онъ опасался, что Андрей будетъ искать великаго княженія, смутитъ дѣтей Іоанна и произведетъ междоусобіе, которое погубитъ плоды всѣхъ усилій Іоанна и предастъ Россію въ жертву татарамъ ([561]). Слѣдовательно заключая въ темницу брата, Іоаннъ поступилъ какъ великій человѣкъ, ставившій общее благо выше родственныхъ связей, и не порицать, но прославлять его за этотъ поступокъ должна исторія: онъ не сдѣлался братоубійцею; но и спасъ Россію отъ усобицъ.

Курбскій говоритъ, что Іоаннъ разогналъ до чуждыхъ земель Михаила Верейскаго и Василья Ярославича. Но мы

знаемъ, что не Михаилъ, а сынъ его Василій бѣжалъ въ Литву, злобствуя на Іоанна III; а Михаилъ, отецъ Василія, умеръ спокойно въ 1485 г. въ своемъ верейскомъ удѣлѣ, отказавъ этотъ удѣлъ Іоанну, (562) а Василій Ярославичъ умеръ въ Вологдѣ въ заточеніи (563). Итакъ мы видимъ, что всѣ обвиненія, взведенныя Курбскимъ на Іоанна III, неосновательны; слѣдовательно мы въ правѣ ихъ совершенно отвергнуть.

Теперь изложимъ взглядъ Курбскаго на Василія III. Курбскій обвиняетъ его «во многихъ злыхъ и сопротивъ закона Божія дѣлахъ» (564). Но мы не знаемъ за этимъ государемъ подобныхъ дѣлъ. Вотъ что говоритъ о немъ Карамзинъ: «Василій не былъ геніемъ, но добрымъ правителемъ, любилъ государство болѣе собственнаго великаго имени, и, въ этомъ отношеніи, достоинъ вѣчной хвалы, которую не многіе вѣнценосцы заслуживаютъ. Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, онъ по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредною, наказывалъ вельможъ и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины» (565). Изъ этихъ словъ видно, что Василій не былъ государемъ злымъ. Но бояре не были расположены къ нему, какъ сыну Софьи, «чародѣйки греческой», (566) какъ къ вѣрному послѣдователю принесенныхъ ею новыхъ понятій; поэтому, еще при жизни отца, они старались удалить его отъ престола и, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, ненавидѣли его, когда онъ былъ уже государемъ, ненавидѣли за то, что онъ «самъ-третей рѣшалъ всѣ дѣла у своей постели» (567) и, вслѣдствіе этой ненависти, толковали въ худую сторону всякій поступокъ его. Теперь посмотримъ, въ какихъ злыхъ и законопреступныхъ дѣлахъ былъ виновенъ Василій по мнѣнію Курбскаго? Женившись въ 1505 г. на Соломоніи изъ рода Сабуровыхъ, Василій въ 1525 г., съ

разрѣшенія митрополита Даніила, развелся съ нею, потому что она была неплодна и государство должно было остаться безъ наслѣдника, и вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью Глинскаго. Это явленіе не было уже явленіемъ новымъ. Симеонъ Гордый поступилъ точно также, и никто не толковалъ его поступка въ худую сторону. Но поступокъ Василія Курбскій, равно какъ и другіе бояре, считалъ законопреступнымъ. Вотъ слова Курбскаго: «живши съ женою своею первою Соломонидою двадесять и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество, не хотящу и не мыслящу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы больше дву-сотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащь, и затворити казалъ ребро свое въ темницу зѣло нужную и унынія исполненную, сирѣчь жену ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену дщерь Глинскаго, аще и возбраняющихъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ» ([568]). Василій имѣлъ законную причину развестись съ Соломоніею, потому что она была неплодная. Онъ рѣшился на это съ дозволенія церкви и по совѣту бояръ ([569]). Слѣдовательно партія противорѣчила ему уже противузаконно. Между тѣмъ Курбскій называетъ Соломонію святою, какъ и мать Дмитрія Елену, за то только, что она, не желая вовсе идти въ монастырь, должна была постричься.

Кто же были, по словамъ Курбскаго, эти святые и преподобные, возставшіе противъ развода Василія съ Соломоніею? Курбскій пишетъ что противился разводу Василія съ Соломоніею «Вассіанъ, сродникъ ему сущь по матери своей, а по отцѣ внукъ княжати литовскаго Патрикіевъ, который, презрѣвъ славу міра, вселился въ пустыню, и жестоко и свято препровождалъ житіе свое во мнишествѣ, подобно великому и славному древнему Антонію; и потомъ Семенъ Курбскій, съ роду княжатъ смо-

ленскихъ и ярославскихъ, святую жизнь котораго хвалитъ Герберштейнъ, бывшій посломъ великаго цесаря христіанскаго Карлуса. Онъ же» продолжаетъ Курбскій, «предреченный Василій Великій, паче же въ прегордости и лютости, князь не только ихъ не послушалъ такъ великихъ и нарочитыхъ мужей, но онаго, блаженнаго Вассьяна, по плоти сродника своего, изымавъ заточити повелѣлъ, и связанна св. мужа, аки злодѣя въ прегорчайшую темницу къ подобнымъ себѣ въ злости презлымъ Осифляномъ, въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертію уморити повелѣлъ. Они же, лютости его скорые послушницы, и во всѣхъ злыхъ потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскорѣ. И другихъ святыхъ мужей овыхъ заточилъ на смерть, отъ нихъ же единъ Максимъ философъ, а другихъ погубити повелѣлъ, ихъ же имена здѣ оставлю. А князя Семена отъ очей своихъ отогналъ даже до смерти его» ([570]). Но во 1-хъ, уподобленіе Курбскимъ Вассіана св. Антонію слишкомъ дерзко. Жизнь Вассіана никакъ не можетъ сравниться съ жизнію этого великаго мужа. Вотъ что пишетъ о Вассіанѣ Зиновій, ученикъ Максима Грека: «Вассіанъ первѣе изволи пустынное житіе жити, послѣдиже волею великаго князя въ монастырѣ Симоновѣ живяше; но не изволи же Вассіанъ брашна Симоновскаго ясти: хлѣба ржанаго, и варенія отъ листвія капустнаго, и отъ стеблія свекольнаго, и каши, застроенныя ово сокомъ избойнымъ, овожъ млекомъ, творящимъ скорое изсученіе, и млека промзглаго, ни пива, чистительнаго желудку, монастырскаго не пріяше, яко сіе брашно и пиво монастырь отъ деревень имать ([571]). Сего ради монастырскаго брашна и пива Вассіанъ не ядяше и не піяше. Яде же монахъ князь Вассіанъ приносимое ему брашно отъ трапезы великаго князя: хлѣбы чисты, пшеничны, крупичаты, и прочая брашна, заслажаемая и многопестротнѣ застрояемая, вся,

яже обычнѣ на трапезу великаго князя приносятся, яже отъ рыбъ, и масла, и млека, и яицъ; и благоговѣйный монахъ Вассіянъ-князь разнствова въ брашнѣ отъ Симонова монастыря, ради стяжанія двою тысящу вытей: тако бо слышахъ древле, яко Симонова двѣ тысящи вытей имать, не разнствоваше же Вассіанъ въ брашнѣ отъ великаго князя, имѣющаго тмы тмамъ вытей..... Піяшежъ нестяжатель сей романію, бастръ, мушкатель, ренское-бѣлое вино» ([572]). Изъ этого видно, что Вассіанъ вовсе не провождалъ житія жестоко въ монашествѣ и подвижничествѣ; а былъ напротивъ очень не равнодушенъ къ удобствамъ жизни. Во 2-хъ, мы видимъ, что Василій III, сославъ Вассіана въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, вовсе не приказывалъ монахамъ умерщвлять его; но что онъ умеръ тамъ отъ грубой монастырской пищи ([573]), къ которой не привыкъ отъ излишняго постничества. Итакъ обвиненіе Василія въ смерти Вассіана есть ложь, изобрѣтенная ненавистію.

Что касается до князя Семена Курбскаго, то вотъ что разсказываетъ объ немъ Герберштейнъ: «Simeon Fedorowicz, a Kurba patrimonio suo Kurbski dictus, homo senex, sobrietate singulari, ac ipsa vitae ridigitate, qua ab ineunte aetate usus est, valde exhaustus multis jam annis esu carnis abstinuit: piscibus quoque Solis, Martis et Saturni tantum diebus vescebatur, Lunae vero Mercurii et Veneris ab iisdem jejunii tempore abstinebat» ([574]). Изъ этого свидѣтельства мы видимъ, что Курбскій въ первый разъ, вопреки своему обычаю, представилъ фактъ не въ искаженномъ видѣ. Но эта умѣренная и постническая жизнь Семена Курбскаго могла быть удивительною только для иностранца. Не только прежде, но и послѣ въ Россіи это явленіе слишкомъ обыкновенное. Эта постническая жизнь не давала еще Семену Курбскому права противорѣчить намѣренію государя, въ

которомъ ясно выразилась любовь къ Россіи, намѣренію, одобренному церковію и боярами. Сопротивляясь волѣ монарха, Курбскій, равно какъ и Вассіанъ и Максимъ Грекъ, обнаруживалъ непослушаніе, мятежническій духъ; а потому Василій имѣлъ полное право отогнать его, какъ непокорнаго, отъ очей своихъ. Слѣдовательно удаленія Вассіана, Семена Курбскаго и Максима Грека нельзя ставить въ вину Василію: оно было законно, потому что они явились ослушниками его воли.

Потомъ Курбскій переходитъ къ изображенію царствованія Іоанна IV. Самое начало его повѣствованія уже выказываетъ его пристрастіе, его нерасположеніе къ царю, поборнику новаго порядка вещей. «Тогда» т. е. по удаленіи Максима Грека, Вассіана и Семена Курбскаго, «зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родился въ законопреступленію и въ сладострастію лютость» ([575]). Но въ бракѣ Василія съ Еленою не было законопреступленія. Во-первыхъ, разводъ дозволялся церковію; во-вторыхъ, этотъ разводъ совершенъ былъ митрополитомъ, а потому бракъ Василія съ Еленою былъ законнымъ, совершеннымъ по уставу церкви. Но боярамъ не нравился этотъ бракъ потому что совершенъ былъ вопреки ихъ желанію и уничтожилъ тѣ разсчеты, которые они основывали на бездѣтности Василія. Не нравился имъ этотъ бракъ и по другой причинѣ: Соломонія была изъ русскаго боярскаго рода; слѣдовательно, по необходимости, родственники ея приближались къ престолу, а вмѣстѣ съ собою приближали и приверженцевъ, сторонниковъ своихъ, которые являлись, безъ сомнѣнія, защитниками боярскихъ интересовъ. Елена была дочь иноземнаго отъѣзжика, для нея всѣ въ Россіи были чужды, а слѣдовательно она приближала къ престолу только своихъ родственниковъ-иноземцевъ и они оттѣсняли русскихъ бояръ, а сами становились на первомъ планѣ. Это-то самое, какъ

кажется, и было причиною той страшной ненависти бояръ къ Еленѣ, которую раздѣляетъ и нашъ Курбскій. Онъ считаетъ ее женою злою и чародѣйкою. Отъ сочетанія двухъ лицъ такихъ, какъ Василій и Елена, не могло родиться другаго дитяти, кромѣ Грознаго, которому было врождено семя зла. «Но и сіе къ тому злому началу еще возмогло», говоритъ Курбскій, «понеже остался отъ отца своего зѣло младъ, аки дву лѣтъ; по не многихъ же лѣтѣхъ и мати ему умре» (576). Но и здѣсь Курбскій впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Доказывая, что виною жестокостей Іоанна было рожденіе отъ Василія и Елены, Курбскій вдругъ говоритъ, что дурныя качества Іоаннова характера развились отъ того, что отецъ и мать его рано умерли; а его «начали воспитывать великіе и гордые паны, а по ихъ языку боярове.» Здѣсь очевидное противорѣчіе предыдущему. Какое воспитаніе Василій могъ дать своему сыну, если былъ «великъ только въ прегордости и лютости»? Какое воспитаніе могла дать ему мать его, «злая и чародѣйка»? Могли ли родители, способные только ко злу, направить Іоанна къ добру? Слѣдовательно смерть отца и матери не должна бы быть гибельною для развитія Іоаннова.

Поставивъ себѣ задачею въ своемъ сочиненіи доказать, что Іоаннъ могъ быть добрымъ государемъ только въ то время, когда слушался совѣтовъ боярскихъ, Курбскій ничего не говоритъ о козняхъ бояръ во время малолѣтства Грознаго, ничего не говоритъ объ ихъ своеволіи и безначаліи; не говоритъ и о томъ, что они отравили мать Грознаго, ненавистную имъ, ничего не говоритъ о беззаконномъ властвованіи Шуйскихъ, объ ихъ наглости и грабительствѣ, потому что, изложивъ всѣ эти обстоятельства, Курбскій не могъ бы достигнуть цѣли своего сочиненія. Но мы имѣемъ непререкаемыя свидѣтельства нашихъ лѣтописей и актовъ о своеволіи бояръ. Такъ въ

розыскномъ дѣлѣ о побѣгѣ за границу Петра Фрязина говорится: «и нынѣча какъ великаго князя Василья нестало и великой княгини, а государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, а отъ нихъ великое насиліе и управы въ землѣ никому нѣтъ, а промежъ бояръ великая рознь, того дѣля мыслилъ отъѣхати нрочь, что въ землѣ Русской великій мятежъ и безгосударьство» ([577]). Въ псковской лѣтописи, подъ 1541 г., говорится о правленіи Шуйскихъ слѣдующее: «въ тыя же лѣта, Господу Богу попущшу за умноженіе грѣхъ ради нашихъ, быша намѣстники во Псковѣ свирѣпы, аки львове и люди ихъ, аки звѣри дивіи до крестьянъ; и начаша поклепцы добрыхъ людей клепати, и разбѣгошася добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей избѣгоша въ Новгородъ отъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, да отъ князя Василія Ивановича Рѣпнина-Оболенскихъ князей» ([578]). Обо всемъ этомъ Курбскій не говоритъ ни слова, потому что подобныя обстоятельства могли послужить къ извиненію жестокости Грознаго. Задача его—показать постепенное развитіе въ Іоаннѣ природной, по его мнѣнію, свирѣпости. Онъ говоритъ, что Іоаннъ началъ съ того, что сталъ сперва убивать безсловесныхъ животныхъ, бросалъ ихъ съ высокихъ крылецъ, а достигши 15 лѣтъ, началъ и «всенародныхъ человѣковъ уроняти и творить самыя разбойническія дѣла», а пѣстуны хвалили его за это, говоря. «О храбръ будетъ сей царь и мужественъ!» Потомъ, когда Іоанну исполнилось 17 лѣтъ, они начали его подущать мстить свои недружбы «единъ противъ другаго и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду княжатъ литовскихъ единоколѣненъ кролеви польскому Ягайлу, именемъ князь Иванъ Бѣльскій» ([579]). До самаго того времени пока Глинскіе не захватили въ свои руки правленія въ лѣто-

писяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій о жизни Іоанна; а разсказу Курбскаго мы не можемъ вѣрить тѣмъ болѣе, что въ немъ видно явное противорѣчіе истинѣ. Во-первыхъ, Іоанну въ то время, когда послѣдовала смерть Ивана Бѣльскаго, не было 17-ти лѣтъ. Онъ родился въ 1530 г., а это случилось въ 1542 г.; слѣдовательно Іоанну было тогда только 12 лѣтъ. Во-вторыхъ, бояре не заискивали нисколько расположенія Іоаннова, а даже противъ воли его губили тѣхъ, кого хотѣли. Вотъ что читаемъ объ умерщвленіи Бѣльскаго: «Тоя же зимы (1542 г.) генваря 2, пойманъ бысть великаго князя бояринъ, князь Иванъ Федоровичъ Бѣльскій, безъ великаго князя вѣдома, совѣтомъ боярскимъ, Кубенскихъ да Палецкаго и иныхъ того ради, что его государь князь великій у себя въ приближеніи держалъ» ([580]). Смерть Бѣльскаго была нужна врагу его князю Ивану Шуйскому, и онъ послалъ дѣтей боярскихъ въ Бѣлоозеро, гдѣ Бѣльскій находился въ заточеніи, «они же ѣхавъ тайно, безъ великаго князя вѣдома, боярскимъ самовольствомъ князя Ивана Бѣльскаго убили» ([581]). Итакъ Іоаннъ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ.

«По малѣ же времени», продолжаетъ Курбскій «онъ же самъ (т. е. Іоаннъ) повелѣлъ убити такожде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ» ([582]). Дѣйствительно Іоаннъ предалъ Шуйскаго жестокой казни; но Шуйскій вполнѣ заслуживалъ этого и казнь была дѣйствіемъ правосудія. Во-первыхъ, Шуйскій былъ въ высшей степени корыстолюбивый и неблагонамѣренный человѣкъ. Вотъ отзывъ объ немъ лѣтописца: «А князь Андрей Михайловичъ Шуйскій, а онъ былъ злодѣй; не судя его писахъ, но дѣла его зла на пригородѣхъ, на волостехъ, старыя дѣла исцы наряжая, правя на людехъ, ово сто рублей, ово болѣ, а во Псковѣ мастеровыя люди все дѣлали на него

даромъ и болшіе люди подаваша къ нему дары» ([583]). Во-вторыхъ, онъ не оказывалъ ни малѣйшаго уваженія къ особѣ государя. Такъ, вмѣстѣ съ Кубенскими, вопреки Іоаннову приказанію, сослалъ въ Кострому Θеодора Воронцова, избивъ его въ Думѣ, въ присутствіи Іоанна; а потому, въ декабрѣ 1544 г., слѣдовательно чрезъ 2 г. послѣ смерти Бѣльскаго, Іоаннъ «не мога того терпѣти, что бояре безчиніе и самовольство чинятъ, безъ великаго князя велѣнія, своимъ совѣтомъ, многіе убійства чинятъ, велѣлъ поимати первосовѣтника ихъ, князя Андрея Шуйскаго, и велѣлъ предати его псаремъ, и псари взяша и убиша его» ([584]).

«Потомъ, аки по двухъ лѣтѣхъ», пишетъ Курбскій, «убилъ трехъ великородныхъ мужей: единаго ближняго и сродника своего, рожденнаго съ сестры отца его, князя Іоанна Кубенскаго, иже былъ у отца его великимъ земскимъ маршалкомъ; а былъ роду княжатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, и мужъ зѣло разумный и тихій въ совершенныхъ уже лѣтѣхъ» ([585]). Курбскій называетъ Кубенскаго мужемъ тихимъ вѣроятно только потому, что Куенбскій былъ съ роду княжатъ смоленскихъ и ярославскихъ, а на дѣлѣ Кубенскій вовсе не отличался кротостью. Въ 1542 г., Кубенскій помогалъ князю Ивану Васильевичу Шуйскому въ его противузаконномъ стараніи пріобрѣсти власть открытою силою, и былъ участникомъ въ убіеніи Бѣльскаго. Въ 1544 г., вмѣстѣ съ Шуйскимъ Андреемъ, бросился въ Боярской Думѣ на Θеодора Воронцова, любимца Іоаннова, вопреки волѣ царя, и здѣсь опять ослушался Іоанна. Въ 1545 г. онъ подвергся опалѣ за то, что «великому князю не доброхотствовалъ, и многіе неправды чинилъ, и многіе мятежи и многихъ бояръ безъ великаго князя велѣнія побили». Но, внявъ просьбѣ митрополита, Іоаннъ простилъ его. Потомъ, въ 1546 г., снова подвергъ его опалѣ и опять простилъ; но, въ томъ

же году, приказалъ казнить Кубенскаго «по его неудобству прежнему и за то, что многіе мзды взималъ въ государствѣ во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ» ([586]). Хотя это обвиненіе и считается клеветою ([587]); но, судя по прежнимъ поступкамъ Кубенскаго, можетъ быть и справедливо. Намъ кажется, что для доказательства справедливости этого обвиненія, достаточно сказать, что Кубенскій былъ сторонникомъ Шуйскихъ.

«Вкупѣ побіени съ нимъ (съ Кубенскимъ) Ѳеодоръ и Василій Воронцовы, родомъ отъ нѣмецка языка, а племени княжатъ решскихъ» ([588]). Ѳеодоръ Воронцевъ былъ любимцемъ Іоанна; но, скоро обнаружилъ свои честолюбивые замыслы: онъ требовалъ, чтобы Іоаннъ никого не приближалъ къ себѣ безъ его вѣдома, «а кого государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдомства и Ѳедору досадно» ([589]). Эти неумѣстныя притязанія должны были произвести въ Грозномъ, при вспыльчивомъ характерѣ его, холодность къ Воронцову. Въ 1546 г. этотъ послѣдній вмѣстѣ съ Кубенскимъ подвергся опалѣ и былъ прощенъ. Но вскорѣ случилось одно обстоятельство, которое ускорило гибель Воронцова. Это извѣстное возмущеніе 50-ти новгородскихъ пищальниковъ въ 1546 г. Іоанну донесли, что Кубенскій и Воронцовъ были виновниками этого возстанія. Обвиненіе имѣло видъ правдоподобія, а потому Іоаннъ безъ дальняго изслѣдованія приказалъ казнить Ѳедора и Михайла Воронцовыхъ за ту же вину, за какую казнилъ и Кубенскаго ([590]). Такимъ образомъ мы видимъ, что Андрей Шуйскій, Иванъ Кубенскій, Ѳедоръ и Василій Воронцовы были казнены какъ виновные, и потому ихъ казнь нельзя ставить въ вину Іоанну. Казнь преступниковъ не кладетъ на государя печати жестокости, но, какъ явный знакъ заботливости о благѣ народа, увеличиваетъ честь его. Но Курб-

скій скрылъ преступленія казненныхъ и представилъ ихъ жертвами Іоаннова кровопійства. Курбскій упоминаетъ еще о казни Өеодора Невѣжи, сына Богдана Трубецкаго, Михаила, князя Ивана Дорогобужскаго и Өеодора, сына Ивана Овчины, любимца Елены ([591]). Но эти лица вѣроятно казнены уже послѣ, потому что въ лѣтописяхъ не упоминается подъ этими годами объ ихъ казни.

За грѣхи Іоанна, еще въ юности его, по увѣренію Курбскаго, Россія подвергалась нападеніямъ «ово отъ царя перекопскаго, ово отъ татаръ ногайскихъ, сирѣчь заволжскихъ, а наипаче и горше всѣхъ отъ царя казанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, имиже безчисленное и неисповѣдимое кровопролитіе учинялъ такъ, иже уже все было пусто за осмнадесять миль до московскаго мѣста. Такожъ и отъ перекопскаго або отъ крымскаго царя и отъ ногай вся русская земля ажъ по самую Оку рѣку спустошена» ([592]). Но и въ этомъ разсказѣ Курбскій остался вѣрнымъ своему правилу: всѣ бѣдствія Россіи приписывать Іоанну. Мы знаемъ дѣйствительно, что Россія въ малолѣтство Грознаго подвергалась опустошительнымъ набѣгамъ казанцевъ, крымцевъ и ногайскихъ татаръ, знаемъ, что, вслѣдствіе этихъ набѣговъ она была почти до самой Москвы обширнымъ пепелищемъ. Но виною этого былъ не Іоаннъ, виновниками бѣдствій Россіи были бояре. Корыстолюбивые, ревнители только собственныхъ выгодъ они небрегли о пользѣ и безопасности отечества. При малолѣтствѣ государя, каждый изъ нихъ старался только нажиться. Они грабили города и области хуже самыхъ татаръ, грабили не только сами, но и слуги ихъ и, въ то время какъ казанцы опустошали Россію, не выходя изъ восточныхъ предѣловъ ея, крымцы громили южные ея предѣлы, бояре, занятые крамолами, «не дви-

гали ни волосомъ» для защиты отечества ([593]). Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ тогдашнее состояніе Россіи: «тогда» т. е. по смерти, Василія, «княземъ, и бояромъ, и вельможамъ, и судіямъ градскимъ, самоволіемъ объятымъ, и въ безстрашии живущимъ, и не право судящимъ, но по маздѣ, и насильствующимъ людемъ, и никого же боящимся, понеже бо великій князь бѣ юнъ, и ниже страха имущимъ и небрегущимъ отъ сопостатъ россійскія земли. Тамо бо языцы поганіи христіанъ губяху и воеваху здѣ же боляре и воеводы мздами и налогами и великими продажами христіанъ губяху. Такожде и обычные дворяне и дѣти боярскіе и рабы ихъ творяху, на господей своихъ зряще. Тогда же во градѣхъ и селѣхъ неправда умножися, и восхищенія и обиды, татбы и разбои умножишася, и буйства и грабленія многа. И во всей земли бяше слезы и рыданія и вопль многъ» ([594]). Итакъ, начью же голову должны пасть бѣдствія Россіи? Іоаннъ еще былъ слабый младенецъ. Ему ли было защищать Россію? Очевидно эта обязанность лежала на великихъ и сильныхъ его; но они не думали о защитѣ отечества. Итакъ мы видимъ, что и этотъ фактъ съ умысломъ искаженъ Курбскимъ, которому долженствовали быть извѣстны обстоятельства малолѣтства Грознаго. Но эти обстоятельства выставляли бояръ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, а потому Курбскій счелъ за лучшее обвинить въ несчастіяхъ Россіи Іоанна.

Вѣрный адвокатъ своихъ собственныхъ дѣйствій и дѣйствій своей партіи, Курбскій, говоря о московскомъ пожарѣ и возмущеніи черни, утверждаетъ, что это бѣдствіе было явственнымъ гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи Іоанна ([595]). Но изъ предъидущаго мы знаемъ, что это было дѣломъ интриги и заговора человѣческаго, а Курбскій молчитъ о немъ, чтобъ не выказать преступленій своей партіи. Но, называя Михаила Глинскаго «началь-

никомъ всему этому злу» ([596]), Курбскій тѣмъ самымъ даетъ понять, что ему не безъизвѣстна была та нелѣпая молва, посредствомъ которой Сильвестрова партія успѣла возмутить суевѣрный и легкомысленный народъ; показываетъ, что и самъ ненавидѣлъ Глинскаго. Причиною нерасположенія Курбскаго и другихъ бояръ къ Глинскимъ были мѣстническіе счеты. Этимъ, кажется, всего лучше объясняется ненависть бояръ къ ихъ роду. Дѣло въ томъ: Глинскіе, пріобрѣвъ самое высокое мѣсто въ государствѣ, *заѣхали* старинныхъ бояръ и оттѣснили ихъ отъ престола; въ этомъ-то и лежала причина ненависти бояръ къ Глинскимъ. Совпаденіе въ повѣствованіи Курбскаго двухъ событій, именно: московскаго пожара и возмущенія черни съ явленіемъ Сильвестра предъ Іоанномъ съ угрозами прямо наводитъ на мысль, что это возстаніе было дѣломъ Сильвестра и его приверженцевъ. Изъ словъ Курбскаго видно, что Сильвестръ явился предъ Іоанномъ въ то самое время, когда этотъ послѣдній трепеталъ предъ чернью, требовавшею головы Михаила Глинскаго. Но Курбскій помогъ и этому неудобству. Онъ придаетъ явленію Сильвестра какую то таинственность. Сильвестръ у него является какъ бы посланникомъ Божіимъ, онъ какъ бы упалъ съ неба и очутился предъ Іоанномъ. Вотъ какъ разсказываетъ Курбскій это событіе: «тогда убо (т. е. во время возмущенія черни), тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ; еще къ тому и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ умыслилъ былъ себѣ сіе» ([597]). Но мы достовѣрно знаемъ, что Сильвестръ былъ извѣстенъ

Іоанну гораздо ранѣе этого времени. Какъ священникъ придворнаго Благовѣщенскаго собора онъ былъ постоянно на глазахъ у Іоанна и какъ человѣкъ, обладавшій отличнымъ даромъ слова, естественно обращалъ на себя вниманіе царя и рано получилъ на него вліяніе. Мы знаемъ, что, еще въ 1541 г., по ходатайству и по мысли его освобождено было изъ темницы семейство князя Андрея Старицкаго ([598]). Слѣдовательно и этотъ фактъ переданъ Курбскимъ не вѣрно. «Съ нимъ (т. е. Сильвестромъ) соединяется во общеніе Алексѣй Адашевъ, въ то время любимый царемъ и подобный въ нѣкоторыхъ нравѣхъ ангеламъ». Добродѣтели этого послѣдняго были, по словамъ Курбскаго, такъ велики, что ихъ «неподобно было бы изъявить предъ грубыми и мірскими человѣки» ([599]). Вѣроятнѣе всего не надобно говорить объ этихъ добродѣтеляхъ, потому что они не выгодно бы подѣйствовали на мірскихъ человѣковъ.

Описавъ явленіе Сильвестра и Адашева, Курбскій задаетъ себѣ вопросъ, чтоже они сдѣлали полезнаго русской землѣ? Но въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ Курбскій и дѣлаетъ промахъ. Желая выказать какъ можно въ болѣе выгодномъ свѣтѣ предводителей своей партіи, онъ разсказываетъ объ ихъ дѣйствіяхъ и этимъ-то разоблачаетъ тотъ замыселъ, который хотѣли осуществить они. Сильвестръ и Адашевъ уздаютъ царя, *въ самовольствѣ безъ отца воспитаннаго* (опять противорѣчіе съ предыдущимъ) и крови уже напившагося всяческія, согласныхъ его отдаляютъ отъ него, наказуютъ опаснѣ благочестію, заставляютъ его поститься и молиться, отгоняютъ отъ него прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь ласкателей, соединяются съ Макаріемъ митрополитомъ и, очистивъ царя покаяніемъ сподобляютъ его святыхъ таинъ Христа и возводятъ на такую высоту, что всѣ окрестные народы дивятся его благочестію и обращенію ([600]); однимъ словомъ, партія Сильвест-

ра дѣлаетъ тоже, что дѣлали и всѣ партіи, т. е. она удалила отъ дѣлъ сторону Глинскихъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ Курбскаго, относящихся къ Сильвестру и Адашеву: «и къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ... И нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада; воистину по дѣломъ и нареченіе имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наилѣпшее» ([601]). Но во-первыхъ, избранною радою совѣтники Іоанна никогда не назывались и въ лѣтописяхъ имъ не приписывается ничего, а все приписывается Іоанну, что и справедливо, какъ мы послѣ увидимъ; во-вторыхъ, праведнаго и нелицепріятнаго суда не можетъ никогда быть при господствѣ партіи. Это неизмѣнный законъ. Само собою разумѣется, что партія, ревнительная къ своимъ интересамъ, не дастъ праведнаго суда тому, чьи виды несогласны съ ея стремленіями, или кто не входитъ въ число ея приверженцевъ. Но, съ другой стороны, она должна щадить послѣднихъ въ случаѣ совершенія ими преступленія, оправдывать ихъ въ ссорахъ съ своими врагами, или съ людьми, къ ней не принадлежащими, даже если бы законъ говорилъ въ пользу этихъ послѣднихъ. Изъ дальнѣйшаго хода разсказа Курбскаго видно, что партія Сильвестра и Адашева должности по областямъ и при войскѣ замѣщала своими приверженцами и раздавала имъ въ награду земли, «удаляя паразитовъ, сирѣчь подобѣдовъ» ([602]), вѣроятно своихъ противниковъ. Итакъ вотъ сколько пользы для Россіи сдѣлала партія Сильвестра. Но изъ всего этого разсказа скорѣе выхо-

дитъ, что она дѣйствовала для себя, для своихъ выгодъ, а не для выгодъ отечества.

Въ повѣствованіи Курбскаго замѣчаемъ еще другой важный недостатокъ, который мѣшаетъ вѣрить въ истину его. Перевороты въ государствѣ не могутъ совершаться мгновенно—они всегда требуютъ извѣстнаго времени, и количество этого времени бываетъ больше или меньше смотря по важности переворота. Изъ словъ Курбскаго видно, что партія Сильвестра, захвативъ въ свои руки правленіе, въ одно мгновеніе все преобразовала въ Россіи и изъ слабаго государства, разстроеннаго безразсуднымъ правленіемъ молодаго царя, вдругъ образовала государство сильное и страшное для сосѣдей. Такихъ рѣзкихъ переходовъ въ исторіи не можетъ быть. Здѣсь во всемъ мы видимъ строгую послѣдовательность и постепенность. Изъ могущественнаго и благоустроеннаго государства не можетъ мгновенно сдѣлаться государство слабое, тѣмъ болѣе нельзя въ одинъ моментъ дать силу государству слабому и разстроенному. Вѣроятно партія Сильвестра и Адашева застала Россію не такою разстроенною и слабою, какою изображаетъ намъ ее Курбскій. Впрочемъ онъ описалъ такъ положеніе Россіи не безъ цѣли,—онъ имѣлъ въ виду представить въ большемъ блескѣ заслуги Сильвестра и Адашева и очернить царя въ глазахъ потомства за неблагодарность къ такимъ достойнымъ людямъ. Съ другой стороны невозможны и въ человѣкѣ быстрые переходы отъ зла къ добру. Злое всегда остается злымъ и никогда не переходитъ въ доброе. Но Курбскій, изобразивъ Іоанна злымъ отъ природы, вдругъ заставляетъ его, по одному мановенію Сильвестра, превратиться въ добраго государя, отца своихъ подданныхъ. Эта неестественность повѣствованія отнимаетъ у него историческую достовѣрность и заставляетъ насъ предположить: во-первыхъ, что Іоаннъ всегда былъ госу-

дарёмъ добрымъ; а во-вторыхъ, что партія Сильвестра застала Россію въ благоустроенномъ состояніи. Это тѣмъ справедливѣе, что подтверждается однимъ мѣстомъ лѣтописи. Въ «казанской гисторіи» подъ 1547 г. говорится слѣдующее: «сѣдъ на великое царство державы своея, благовѣрный великій государь, царь великій князь Иванъ Васильевичь всея Руси самодержецъ вся мятежники старые избы, владѣвшія царствомъ его неправдою и до совершеннаго возраста его, и множи вельможи устраши отъ лихоиманія и неправды, и запрети праведенъ судъ творити и правяше царство свое добре. Кротокъ и смиренъ бѣ, и праведенъ въ судѣ и ко всѣмъ милостивъ воинскимъ людемъ и простымъ» ([803]). Такимъ образомъ соображенія и это мѣсто лѣтописи прямо опровергаютъ разсказъ Курбскаго о быстромъ превращеніи Россіи изъ государства разстроеннаго въ могущественное, а Іоанна изъ злаго и развратнаго въ государя добраго, благочестиваго и попечительнаго о благѣ подданныхъ.

Тотъ же самый недостатокъ замѣчаемъ у Курбскаго и при описаніи казанскаго похода и войны съ крымцами. Изъ повѣствованія его выходитъ, что едва только Сильвестрова сторона завладѣла кормиломъ правленія, русскіе прославились побѣдами надъ татарами. Вотъ слова его: «и абіе за помощію Божіею сопротивъ сопостатовъ возмогоша воинство христіанское. И противъ якихъ сопостатовъ? такъ великаго и грознаго измаильтескаго языка, отъ негожъ нѣкогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была; и не противъ единаго царя ополчашеся, но абіе противъ трехъ великихъ и сильныхъ, сирѣчь, противъ перекопскаго царя, и казанскаго, и сопротивъ княжатъ ногайскихъ». Онъ говоритъ, что войска наши украшались столь частыми побѣдами надъ врагами, что его краткая повѣсть не вмѣститъ, если писать о нихъ порядку. Далѣе онъ говоритъ, что, «видѣвъ такія неизреченныя

Божія щедроты, такъ вскорѣ бываемыя, и самъ царь, возревновавъ ревностію, началъ противъ враговъ самъ ополчатися» ([604]). Такимъ образомъ изъ повѣствованія Курбскаго видно, что Іоаннъ предпринялъ походъ противъ Казани, потому что его одушевили побѣды, одерживаемыя нашими войсками надъ татарами съ того времени, какъ сторона Сильвестра начала править Россіею. Но мы не знаемъ другихъ побѣдъ, одержанныхъ въ это время надъ татарами, кромѣ побѣды надъ крымцами и завоеванія Казани. Были побѣды надъ татарами, но гораздо ранѣе этого времени. Какія же побѣды одержали «знаменитые стратилаты», избранные партіею Сильвестра и Адашева? Къ несчастію никакихъ. Этотъ панегирикъ Курбскій помѣстилъ для того, чтобы тѣмъ разительнѣе показать переворотъ, произведенный Сильвестромъ и Адашевымъ въ Россіи: въ то время, когда ею управлялъ Іоаннъ, она была безсильною, беззащитною жертвою татаръ; а теперь вдругъ, ни съ того ни съ сего одерживаетъ надъ ними блистательныя побѣды.

Особенно замѣчательны въ этомъ случаѣ слова Курбскаго, относящіяся къ Іоанну: «и самъ царь возревновавъ ревностію, началъ противъ враговъ самъ ополчатися, своею главою, и собирати себѣ воинство множайшее и храбрѣйшее, и не похотяше покою наслаждатися, въ прекрасныхъ палатахъ затворясь, пребывати, (яко есть нынѣшнимъ западнымъ царемъ обычай: всѣ цѣлыя нощи истребляти, надъ карты сѣдяще и надъ прочими бѣсовскими бреднями); но подвигся многажды самъ, не щадячи здравія своего, на сопротивнаго и горшаго своего супостата, царя казанскаго единаго въ лютую зиму, аще и не взялъ мѣста отъ него главнаго, сирѣчь Казани града, и со тщетою не малою отойде; но всяко не сокрушилось ему сердце и воинство его храброе» ([605]). Откуда же взялась у Іоанна, котораго послѣ Курбскій описываетъ трусомъ

и бѣглецомъ, такая храбрость? «Отъ того», говоритъ Курбскій, «Іоаннъ былъ храбръ, что Богъ укрѣплялъ совѣтниковъ его». Но такая причина могла существовать только въ головѣ Курбскаго. Трудно пересоздать человѣка, трудно внушить ему тѣ качества, которыхъ не дано ему. Пока еще нѣтъ ни одного примѣра, чтобы робкій человѣкъ сдѣлался мужественнымъ и отважнымъ. Бываетъ и у робкихъ своего рода храбрость, но только тогда, когда они не видятъ никакихъ средствъ къ спасенію. Это уже будетъ отчаяніе, а не храбрость. Совѣтники не могли никакъ сообщить храбрости Іоанну. Но у Курбскаго для нихъ нѣтъ ничего не возможнаго. Тотъ же Курбскій, превознося мужество Іоанна, противорѣчитъ себѣ, представляя его робкимъ въ рѣшительныя минуты. Такъ, описывая тотъ моментъ штурма казанскаго, когда русскіе солдаты, бросившись съ своими начальниками на грабежъ, сильно потѣсненные татарами, ударились бѣжать изъ города, крича: «сѣкутъ! сѣкутъ!», Курбскій говоритъ, что при этомъ случаѣ царь потерялъ все присутсвіе духа и «зѣло ему не токмо лице измѣняшесь, но и сердце сокрушися, уповая, иже все уже войско христіанское бусурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его, повелѣша хоругвь великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ царскихъ, подвинути, и самаго царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругови поставиша: понеже были нѣцыи, между сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцевъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ» (606). Не очевидно ли здѣсь противорѣчіе съ предыдущимъ? Сначала Іоаннъ представленъ человѣкомъ, не щадящимъ ни жизни, ни здоровья для пользы отечества; а здѣсь онъ представленъ трусомъ, который готовъ бросить дѣло въ самую критическую минуту и уничтожить плоды всѣхъ усилій. Кромѣ того

Курбскій выставилъ здѣсь Іоанна такою личностію, которою совѣтники его могли располагать, какъ имъ вздумается. Но тотъже Курбскій говоритъ, что Іоаннъ отвергъ требованіе Воротынскаго дать знакъ къ общему приступу во время взорванія подкопа въ первый разъ ([607]). Изъ этого видно, что Іоаннъ дѣйствовалъ самостоятельно, руководясь своими собственными соображеніями, а не умомъ другихъ. Принимая во вниманіе это противорѣчіе въ разсказѣ Курбскаго, мы должны отвергнуть его показаніе, что Іоаннъ былъ трусомъ, должны отвергнуть тѣмъ болѣе, что Іоаннъ, по словамъ самого Курбскаго, всегда самъ предводительствовалъ войскомъ. Такъ когда, отправляясь противъ Казани, услышалъ онъ о нашествіи крымцевъ; то самъ сталъ на Окѣ съ войскомъ, ожидая крымцевъ и битвы. Такъ когда, въ іюнѣ 1555 года, крымцы разбили Шереметева; то Іоаннъ, не зная объ этомъ пораженіи и, по своему обыкновенію, предводительствуя лично войскомъ, вздумалъ перемѣнить прежнюю робкую систему войны съ крымцами. Онъ не хотѣлъ ждать ихъ на Окѣ, но, перейдя ее, рѣшился сразиться съ ними въ степи. Вдругъ пришла вѣсть о пораженіи Шереметева. Робкіе совѣтовали царю отступить. Только не многіе говорили, что нужно идти впередъ и не срамить древней славы. Если бы робокъ былъ Іоаннъ, то, безъ сомнѣнія, одобрилъ бы первый совѣтъ, но онъ, по увѣренію самого Курбскаго, «совѣтъ храбрыхъ принялъ, а совѣтъ страшливыхъ отвергъ, иде къ Тулѣ мѣсту, хотяще сразитися съ бусурманы за православное христіанство. Се таковъ былъ царь нашъ, доки любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ» ([608]). Но, мы знаемъ, что и по удаленіи партіи Сильвестра и Адашева, которую разумѣетъ здѣсь Курбскій подъ именемъ «добрыхъ и правду совѣтующихъ», Іоаннъ не измѣнялъ своей храбрости. Такъ, подъ личнымъ предводительствомъ его, взятъ былъ сильно укрѣ-

ленный Полоцкъ и самъ Курбскій говоритъ, что Іоаннъ «своими персями досталъ этотъ городъ» ([609]). Самый походъ подъ Казань совершенъ былъ по мысли Іоанна, а не по мысли его совѣтниковъ. Выше всего цѣня славу и благоденствіе Россіи, Іоаннъ понималъ, что Россія не можетъ наслаждаться спокойствіемъ до тѣхъ поръ, пока Казань будетъ пользоваться самостоятельностію. Поэтому первою его мыслію было покорить Казань. Это доказывается: во-первыхъ, тѣмъ, что Іоаннъ слишкомъ уже ревностно стремился къ достиженію этой цѣли. Онъ предпринимаетъ въ Казань два похода. Неудача этихъ обоихъ походовъ не устрашаетъ его. Во что бы то ни стало онъ рѣшился достигнуть цѣли. Въ этомъ намѣреніи онъ основываетъ городъ въ землѣ непріятельской, чтобы, стѣснивъ татаръ, тѣмъ успѣшнѣе покорить ихъ. Онъ предпринимаетъ третій походъ и употребляетъ всѣ усилія, терпитъ всѣ лишенія ([610]), чтобы овладѣть городомъ. Во-вторыхъ, что намѣреніе завоевать Казань родилось въ головѣ самого Іоанна видно изъ того, что онъ готовился зимовать подъ Казанью во время этого похода, между тѣмъ какъ совѣтники его считали за нужное возвратиться въ Россію, когда буря на Волгѣ потопила суда съ припасами и военными снарядами ([611]). Наконецъ въ-третьихъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Іоаннъ отвергъ совѣтъ вельможъ своихъ, полагавшихъ, по случаю волненій, происшедшихъ въ Казани, совершенно покинуть этотъ край, несчастный для Россіи ([612]). Итакъ Іоаннъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ необходимости для блага Россіи пріобрѣсти и укрѣпить за нею Казань. Слѣдовательно Іоаннъ руководился здѣсь своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, а не совѣтомъ Сильвестровой партіи; этимъ только можно объяснить, почему Іоаннъ такъ упорно настаивалъ на покореніе Казани.

Описывая осаду и взятіе Казани, Курбскій вездѣ выставляетъ себя на первомъ планѣ и его личность застѣняетъ личности другихъ воеводъ, дѣйствовавшихъ подъ стѣнами города. Онъ изображаетъ до мельчайшихъ подробностей всѣ свои дѣйствія. Цѣль его очевидно та, чтобы показать, какого искуснаго генерала потерялъ въ немъ Грозный, показать, что онъ для блага отечества не щадилъ даже своей жизни. Такъ онъ изображаетъ себя героемъ на поляхъ Тулы въ битвѣ съ крымцами. Въ этой битвѣ говоритъ онъ: «азъ тяжкія раны на тѣлеси отнесохъ, яко на главѣ, такъ и на другихъ составѣхъ» ([613]). Въ особенную похвалу ставитъ себѣ Курбскій то, что 24 лѣтъ онъ былъ воеводою правой руки и говоритъ, что, занимая назначенный ему постъ, дѣйствовалъ такъ неутомимо и неусыпно, что почти всѣ ночи не спалъ, охраняя снарядъ болѣе живота своего ([614]). Переходя къ описанію рѣшительнаго приступа къ Казани, Курбскій говоритъ, что предоставляетъ каждому разсказывать о своихъ подвигахъ, а опишетъ только то, что сдѣлалъ онъ самъ; изображаетъ всю трудность перваго момента приступа; свою храбрость, съ которою преодолѣлъ эту трудность; превозноситъ отважность своего брата, который первый вошелъ на стѣну ([615]). Потомъ описываетъ свою битву съ отступавшими 5 т. татаръ, говоритъ, что онъ «первѣе всѣхъ вразился въ полкъ бусурманскій» что три раза оперся о враговъ конь его во время сѣчи и что въ четвертый разъ, устремясь на враговъ, онъ (Курбскій) упалъ среди ихъ, истекая кровію, и очнулся на рукахъ царскихъ воиновъ. Разсказываетъ далѣе, что въ началѣ дѣла много-было собралось вокругъ него другихъ всадниковъ, но что они только поглядѣли возлѣ полка ихъ (т. е. татаръ) и устрашились, потому что татары жестоко ранили переднихъ изъ нихъ, что поэтому они рѣшились напасть на татаръ съ тылу и нача-

ли рубить ихъ задніе ряды, между тѣмъ какъ татары, не встрѣчая никакого препятствія впереди, свободно шли къ лѣсу. «Но тогда», говоритъ Курбскій, «приспѣлъ мой братъ, ударилъ на татаръ спереди, два раза среди ихъ проѣхалъ одинъ. Когда онъ врубился въ третій разъ, то одинъ благородный воинъ помогъ ему истребить враговъ. Пять стрѣлъ вонзилось, продолжаетъ Курбскій, въ ноги брата моего, несчитая другихъ ранъ, конь его палъ подъ нимъ, но, взявъ свѣжаго коня и презирая свои раны, братъ опять устремился на враговъ. И во истину имѣлъ я таковаго брата храбра, и мужественна, и добронравна», восклицаетъ Курбскій, «и къ тому зѣло разумна, иже во всемъ войску христіанскомъ не обрѣташеся храбрѣйшій и лучшій, паче его; аще бы обрѣлся кто, Господи Боже! да таковъ же бы былъ!» ([616]). Мужество, оказанное Курбскимъ въ сѣчѣ съ татарами, подтверждается свидѣтельствомъ лѣтописи. Лѣтопись разсказываетъ, что когда 5 т. татаръ, желавшихъ по взятіи Казани спастись отъ меча русскихъ, устремились изъ крѣпости; то «воевода, князь Андрей Михайловичь Курбскій выѣде изъ города, и сяде на конь, и гна на нихъ, и пріѣхавъ во всѣхъ въ нихъ; они же его съ коня сбивъ, и его сѣкоша множество, и прейдоша по немъ многіе за мертво; но Божіимъ милосердіемъ оздравѣлъ» ([617]). Что касается до брата Курбскаго, то о немъ ни гдѣ не упоминается не только въ лѣтописяхъ, но даже въ родословныхъ книгахъ. По родословнымъ книгамъ значится у Курбскаго одинъ братъ, Иванъ ([618]), о которомъ въ разрядахъ казанскаго похода ничего не говорится. Карамзинъ называетъ этого брата Курбскаго Романомъ ([619]). Неизвѣстно, откуда Карамзинъ занялъ это имя. Г. Устряловъ говоритъ, что онъ основался на рукописяхъ ([620]). Какія же это рукописи? Карамзинъ ссылается въ своихъ примѣчаніяхъ на рукопись Курбскаго—и только; а Курбскій не называетъ

своего брата этимъ именемъ. Можно кажется думать, что Карамзинъ, вмѣсто словъ Курбскаго: «первый братъ мой *родной»* ([621]) и пр., прочелъ: «первый братъ мой *Романъ»*.

Разсказавъ о взятіи города, Курбскій повѣствуетъ, что когда бояре, на третій день, пришли поздравлять Іоанна съ побѣдою; то послѣдній «отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, вмѣсто благодаренія, воеводамъ и всему воинству своему; на единаго разгнѣвався таковое слово рекъ; «Нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ васъ» ([622]). Эти слова Курбскаго можно принять за выдумку, сдѣланную имъ въ интересахъ своей партіи. Во-первыхъ, лѣтопись влагаетъ при этомъ случаѣ въ уста Іоанна совершенно другія слова: «Богъ сія содѣялъ твоимъ, брата моего, попеченіемъ, и всего нашего воинства страданіемъ, и всенародною молитвою; буди Господня воля» ([623]) отвѣтилъ онъ брату своему Владиміру Андреевичу и всѣмъ боярамъ, поздравлявшимъ его съ побѣдою; во-вторыхъ, приписывая такой отвѣтъ Іоанну, Курбскій очевидно имѣлъ въ виду очернить его, представить тираномъ, котораго не трогали ни заслуги, ни доблесть его подданныхъ, который за вѣрную службу платилъ имъ одними казнями. Съ этою цѣлію Курбскій и изобразилъ яркими красками доблесть, оказанную какъ имъ самимъ, такъ и другими воеводами при взятіи города. Восклицаніе Курбскаго, относящееся къ выше приведеннымъ словамъ будтобы Іоанномъ произнесеннымъ: «о слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человѣческому роду! О исполненіе мѣры кровопійства отческаго» ([624]), вполнѣ выражаетъ это намѣреніе. Но если Іоаннъ и сказалъ дѣйствительно тѣ слова, которыя Курбскій заставляетъ его говорить; то имѣлъ полное право сказать такъ, потому что мы знаемъ, что бояре постоянно поджигали крамолы въ Казани, дозволяли казан-

цамъ подкупать себя и предавали имъ въ жертву Россію ([625]). Вотъ чѣмъ должно объяснять эти слова, а не тѣмъ, чѣмъ объясняетъ ихъ Курбскій. Онъ говоритъ, что Іоаннъ хотѣлъ этими словами сказать: «не возмоглъ есмя васъ мучити, поки Казань стояла сама въ собѣ; бо ми естя потребны были всячески; а нынѣ уже вольно мнѣ всякую злость и мучительство надъ вами показывати» ([626]).

Курбскій повѣствуетъ далѣе, что по взятіи города Іоаннъ совѣтовался, какое устройство дать вновь завоеванному царству: «и совѣтоваше ему всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны со всѣмъ воинствомъ» для окончательнаго покоренія страны, потому что въ царствѣ казанскомъ, кромѣ собственно татаръ, жило еще 5 различныхъ языковъ: «мордовскій, чувашскій, черемискій, воитецкій, або арскій, пятый башкирскій. Онъ же совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится ко царицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направили съ попами» ([627]). Но если Іоаннъ не послушалъ совѣта воеводъ и не остался зимовать въ покоренной Казани, то это не потому будто шурья шептали ему, чтобы онъ ѣхалъ къ женѣ своей. Іоаннъ не былъ, какъ мы нѣсколько разъ уже замѣтили, человѣкомъ, подверженнымъ вліянію всякаго встрѣчнаго. Онъ имѣлъ собственный разсудокъ и могъ понять, что ему вовсе ненужно оставаться въ покоренномъ городѣ; онъ совершилъ главное, и полное право имѣлъ предоставить довершеніе остальнаго своимъ воеводамъ.

Не принявъ совѣта воеводъ, Іоаннъ, по словамъ Курбскаго «стоявъ недѣлю и оставя часть воинства въ мѣстѣ, и огненныя стрѣльбы съ потребу, и сѣдши въ суды ѣхалъ къ НовугородуНижнему, еже есть крайнее мѣсто

великое Русское, которое лежитъ отъ Казани 60 миль; а кони наши всѣ послалъ не тою доброю дорогою, еюже самъ шелъ къ Казани, но водлѣ Волгу, зѣло претрудными стезями, по великимъ горамъ лежащими, на нихъ же чувашскій языкъ обитаетъ: и того ради погубилъ у всего воинства своего кони тогда: бо у кого было сто або двѣсти коней, едва два або три вышли. Се сія первая дума человѣкоугоднича!» ([628]). Но лѣтопись ничего не говоритъ объ этомъ несчастіи. Приведемъ изъ нея свидѣтельство: «того же мѣсяца, 11 дня, приговорилъ государь съ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми бояры итти къ Москвѣ, а самому государю итти Волгой рѣкою въ судахъ, а въ конной отпустилъ слугу и воеводу, князяМихаила Ивановича Воротынскаго съ товарищи, итти имъ на Василь городъ берегомъ» ([629]). Такимъ образомъ мы видимъ, что въ лѣтописяхъ ничего не говорится ни о трудностяхъ пути, ни о потерѣ конницею лошадей; напротивъ Іоаннъ, въ рѣчи своей къ митрополиту по прибытіи въ Москву, говоритъ, что «всѣ пришли здравы» ([630]). Притомъ, должно замѣтить, что разстояніе отъ Казани до Василя-города очень незначительное ([631]) и если даже войско шло до него недѣлю, то все таки оно не могло потерять такого количества лошадей, о какомъ говоритъ Курбскій. По всей вѣроятности, этотъ разсказъ Курбскаго объ огромныхъ потеряхъ, понесенныхъ войскомъ, вымышленъ имъ съ цѣлію показать, что никакіе другіе совѣты, кромѣ совѣтовъ партіи Сильвестра и Адашева, не могли быть полезны для Россіи. Слова: «вотъ первая дума человѣкоугоднича»—вполнѣ подверждаютъ это.

Затѣмъ Курбскій разсказываетъ, что, прибывъ въ Нижній, царь распустилъ всѣ свои войска и, обрадованный рожденіемъ сына Димитрія, поспѣшилъ въ Москву. Мы видѣли, что по прибытіи въ Москву Іоаннъ, вѣроят-

но вслѣдствіе тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ имъ подъ стѣнами Казани, сдѣлался жестоко боленъ; знаемъ, что крамольники, а въ томъ числѣ отецъ Адашева и Сильвестръ, хотѣли возвести на престолъ брата Іоаннова, Владиміра; но Курбскій ничего не упоминаетъ объ этомъ замыслѣ и тѣмъ самымъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ участіи въ немъ и выказываетъ неблагонамѣренность своего сочиненія. Не упуская случая распространиться о каждомъ событіи, которое можетъ служить къ обвиненію царя, чрезвычайно кратко говоритъ онъ о его болѣзни, потому что подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ должно было бы выставить партію Сильвестра и Адашева въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. «Пріѣхавъ же до Москвы, говоритъ Курбскій, аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ, разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ, иже никтоже уже ему жити надѣялся» (632). Но до насъ дошло свидѣтельство царственной книги о боярскомъ мятежѣ. Въ ней прямо говорится, что сторона Сильвестра хотѣла возвести на престолъ Владиміра Андреевича; разсказывается, что, когда Іоаннъ потребовалъ отъ бояръ присяги Димитрію, «бысть мятежъ великъ, и шумъ, и рѣчи многіе во всѣхъ бояреxъ, а не хотятъ пеленичному (т. е. Димитрію) служити» (633). Но Курбскій молчитъ объ этомъ событіи съ одной стороны потому, что, разсказавъ о немъ, не могъ достигнуть той цѣли, какую предположилъ себѣ выполнить въ своемъ сочиненіи; а во-вторыхъ, вѣроятно, и самъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (634), не былъ чистъ въ этомъ дѣлѣ.

Потомъ Курбскій подробно разсказываетъ *о кирилловскомъ ѣздѣ*, о посѣщеніи царемъ Троицкаго монастыря, гдѣ жилъ тогда Максимъ Грекъ. Курбскій называетъ Максима «мужемъ зѣло мудрымъ, и не только въ риторскомъ искусствѣ, но и въ философіи искуснымъ, и по Бо-

тѣ въ терпѣніи исповѣдальческомъ украшеннымъ: много бо», говоритъ Курбскій, «терпѣлъ отъ отца его (т. е. Іоаннова Василія III) многолѣтнихъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ, и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ; по завистн Даніила митрополита, прегордаго и лютаго, и ото вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ осифлянскихъ» ([635]). Но здѣсь Курбскій опять погрѣшаетъ противъ истины: мы знаемъ, что Максимъ Грекъ не былъ неповиннымъ; онъ держалъ сторону бояръ, не одобрявшихъ развода Василіева съ Соломоніею, и государь, оскорбленный имъ, имѣлъ полное право сослать его въ заточеніе какъ человѣка безпокойнаго, вступающагося не въ свое дѣло и унижающаго своимъ порицаніями, слишкомъ нескромными, достоинство монарха.

Далѣе у Курбскаго мы замѣчаемъ особенную ненависть къ Даніилу митрополиту и монахамъ Іосифова монастыря. Въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ ихъ «презлыми» ([636]), а здѣсь, «вселукавыми». Причиной этой ненависти было то, что Даніилъ митрополитъ былъ ревностнѣйшимъ поборникомъ идеи государственной. Таже ненависть къ нему проглядываетъ и у Берсеня, который говоритъ: «язъ того не вѣдаю есть ли митрополитъ на Москвѣ: учителна слова отъ него нѣтъ ни котораго, и не печалуется не о комъ; а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьяхъ и печаловались государю о всѣхъ людехъ» ([637]). Другая причина этой ненависти та, что Даніилъ былъ игуменомъ Іосифова монастыря, который началъ играть важную роль еще со времени Іоанна III–именно со времени появленія жидовской ереси. Елена, вдова Іоанна Молодаго, стояла на сторонѣ этой ереси, за нее же и бояре стояли, и Курбскій, какъ мы видѣли, называетъ Елену святою. Пока Елена и ея партія были въ силѣ была въ силѣ и ересь; но паденіе

Елены возвѣстило и гибель еретиковъ и торжество Святаго Іосифа, ревностнѣйшаго противника ереси. Борясь противъ еретиковъ, Іосифъ долженъ былъ бороться и противъ бояръ, ихъ поддерживавшихъ; а слѣдовательно необходимо долженъ былъ стоять на сторонѣ Іоанна и Софьи. Вотъ, чѣмъ объясняется ненависть Курбскаго къ монахамъ Іосифова монастыря (638).

Этотъ эпизодъ необходимъ для объясненія непонятнаго негодованія Курбскаго на монаховъ Іосифова монастыря и митрополита Даніила; теперь возвратимся къ его разсказу. Максимъ Грекъ началъ совѣтовать Іоанну не ѣздить въ монастырь Кирилловскій, убѣждая лучше заняться устройствомъ судьбы семействъ воиновъ, павшихъ подъ стѣнами Казани, говоря, что Богъ вездѣ можетъ внимать молитвамъ и прошеніямъ царя; слѣдовательно также услышитъ молитву Іоанна въ Москвѣ, какъ и въ Кирилловомъ монастырѣ и прибавилъ къ этому слѣдующія слова: «и аще послушаеши мене, здравъ будеши и многолѣтенъ, со женою и отрочатемъ». И иными словесы множайшими наказуя его, во истину сладчайшими паче меда, каплющаго ото устъ его преподобныхъ» (639). Эти слова дѣйствительно должны быть слаще меда для Курбскаго, но Іоанну не могло не показаться страннымъ: съ чего принялся вдругъ Максимъ Грекъ, совѣтовать ему не ѣздить въ Кирилловъ монастырь? Іоаннъ полагалъ, что тутъ кроется какой нибудь замыселъ бояръ, приверженцемъ которыхъ былъ Максимъ Грекъ, а потому и рѣшился продолжать путь. Курбскій же приписываетъ это упорство Іоанна побужденіямъ «міролюбцевъ и любоимѣнныхъ мнiховъ». Такимъ образомъ онъ остается вѣрнымъ своему желанію представить Іоанна находящимся постоянно подъ вліяніемъ чужихъ совѣтовъ, не оставляя ему ничего на свободу воли и мысли. У него Іоаннъ всегда дѣйствуетъ не

чьему нибудь совѣту, и никогда по собственной своей волѣ. Когда, продолжаетъ Курбскій, Іоаннъ презрѣлъ совѣтъ Максима Грека, то этотъ послѣдній предрекъ ему смерть сына за ослушаніе «и сія словесы приказалъ ему четырмя нами: первый исповѣдникъ его, презвитеръ Андрей Протопоповъ, другій Іоаннъ княжа Мстиславскій, а третій Алексѣй Адашевъ, ложничій его, четвертымъ же мною; и тѣ слова слышавъ отъ святаго, повѣдахомъ ему по ряду; онъ же нерадяше о семъ» (640). Изъ этихъ послѣднихъ словъ мы ясно видимъ, что Максимъ Грекъ былъ только орудіемъ партіи Сильвестра и Адашева и дѣйствовалъ по ея внушенію. Само собою разумѣется, что Іоанну показалось чрезвычайно страннымъ, почему Курбскій, Адашевъ и Максимъ такъ сильно желаютъ его возвращенія въ Москву. Въ душу царя, и безъ того обстоятельствами расположеннаго не довѣрять боярамъ, должно было запасть сильное подозрѣніе. Желая это ослушаніе, окончившееся смертію юнаго царевича Димитрія, поставить въ вину Іоанну, Курбскій тѣмъ самымъ бросаетъ мрачную тѣнь на себя и партію, къ которой принадлежалъ; онъ высказываетъ, что эта партія не гнушалась никакими низкими средствами для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. Мы видимъ далѣе изъ разсказа Курбскаго, что и теперь она вовсе не хлопотала о сиротахъ и вдовахъ; но хотѣла отклонить царя отъ путешествія, потому что опасались свиданія его съ человѣкомъ ей враждебнымъ. Этотъ человѣкъ былъ Вассіанъ, сверженный епископъ коломенскій.

Курбскій говоритъ, что «діаволъ стрѣлилъ царемъ до того монастыря, гдѣ жилъ Вассіанъ, уже престарѣвшійся во днехъ мнозѣхъ. Онъ прежде былъ отъ осифлянскія лукавыя четы, иже былъ великій похлѣбникъ отца его, и вкупѣ со прегордымъ и проклятымъ митрополитомъ Даніиломъ, предреченныхъ оныхъ святыхъ мужей

лжесшиваными оклеветаша и великое гоненіе на нихъ воздвигоша». Онъ говоритъ, что митрополитъ Даніилъ приказалъ въ своемъ домѣ уморить злою смертію Сильвана, ученика Максима Грека, и потому вскорѣ по смерти великаго князя Василія «яко митрополита московскаго, такъ того коломенскаго епископа, нетокмо по совѣту всѣхъ сигклитовъ, но и всенароднѣ, изгнано отъ престоловъ ихъ, явственныя ради злости» ([641]). Дѣйствительно мы знаемъ, что Вассіанъ былъ ревностнѣйшимъ приверженцемъ и другомъ Василія III, былъ изъ монаховъ Іосифова монастыря, а потому бояре ненавидѣли его. И вотъ, едва только умерла мать Грознаго, какъ Иванъ Шуйскій и его сторона, свергнувъ съ престола митрополита Даніила, свергнули и Вассіана и заточили его въ Пѣсношскомъ монастырѣ. Мы знаемъ, что народъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ и Курбскій клевещетъ говоря, что Вассіанъ и Даніилъ были изгнаны народомъ. Въ лѣтописяхъ прямо говорится: «7047 въ февралѣ, сведенъ съ митрополіи Даніилъ митрополитъ бояриномъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ съ его совѣтницы» ([642]).

«Что же тогда приключишеся»? говоритъ Курбскій, «таково то воистинну: иже приходитъ царь до онаго старца въ келлію, и вѣдая, яже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошаетъ его: «како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти»? И подобало рещи ему: самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достоило епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, яко и отцу

его древле ложное сикованціе (клевета) шепталъ, и тако-во слово реклъ: «Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ св ихъ! Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ». И сице сплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку его поцѣловалъ и рече: О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми»! Итакъ желая показать неблагонамѣренность Вассіана и вредныя послѣдствія, проистекшія *для* государства изъ самого перваго столкновенія съ нимъ Іоанна, Курбскій излагаетъ бесѣду бывшаго коломенскаго епископа съ царемъ. И здѣсь—то невольно высказываетъ онъ тѣ задушевныя побужденія, которыя постоянно руководили имъ; высказываетъ свое желаніе возвратить Русь назадъ; показываетъ, что рѣшительно не понималъ того перелома, который въ его время совершался въ жизни народа русскаго—именно перехода отъ родоваго къ государственному быту. Горячо защищаетъ Курбскій свои убѣжденія. Онъ порицаетъ великаго князя Василія III за то, что послѣдній былъ противъ этихъ понятій: «ту ми разсмотри прилежно», говоритъ онъ, «яко согласуетъ древній гласъ отечь съ новымъ гласомъ сына» ([643]). Мы знаемъ, что великій князь Василій не любилъ совѣтоваться съ боярами; знаемъ, что онъ *не терпѣлъ встрѣчи противъ себя*; знаемъ, что онъ *опалялся* на тѣхъ, которые осмѣливались противорѣчить ему, и *всѣ дѣла рѣшалъ заперщись самъ-третей у своей постели* ([644]). И вотъ за это Курбскій сравниваетъ его съ сатаною, который, «видѣвъ себя пресвѣтла и сильна и надо многими полками ангельскими чиноначальникомъ отъ Бога поставленна, и забывъ, иже сотвореніе есть, рече себѣ: «погублю землю и море и поставлю престолъ мой выше

облакъ небесныхъ и буду равенъ Превышнему» и ниспала», говоритъ онъ, «денница, восходящая заутра, и не сохранивъ чина своего; отъ фосфора сатана нареченъ; сирѣчь отступникъ. И сынъ гласъ подобенъ провѣщалъ... О гласъ воистину діаволій!», восклицаетъ Курбскій, «забылъ ли еси, епископе! во второмъ царствѣ реченнаго»? Обращаясь къ Вассіану, Курбскій доказываетъ необходимость для государя совѣтоваться съ вельможами: во—первыхъ, примѣромъ Давида, который, произведя вопреки убѣжденіямъ своихъ совѣтниковъ перепись израильтянъ, навлекъ на народъ гнѣвъ Божій, едва не погубилъ всего израиля и только искреннимъ покаяніемъ отвратилъ эту гибель; во—вторыхъ, примѣромъ Ровоама, который, послушавшись совѣта юныхъ и презрѣвъ совѣтъ старѣйшихъ, поплатился за это раздѣленіемъ израильскаго царства; въ—третьихъ, словами Златоустаго о Святомъ Духѣ въ последней похвалѣ Святому Павлу, гдѣ Златоустъ «совѣтывати полезныя на прибыль царства, даръ совѣта нарицаетъ» и приводитъ въ примѣръ этого Моисея; въ—четвертыхъ, въ доказательство необходимости совѣта говоритъ, что царь, хотя и почтенный отъ Бога царствомъ, не можетъ однако вмѣщать въ себѣ всѣхъ даровъ Духа, и потому долженъ искать, чего не достаетъ въ немъ, у своихъ совѣтниковъ, потому что даръ Божій сообщается человѣку не по гордости, а по чистотѣ духовной. «Ты же все сіе забылъ! Отрыгнулъ же еси вмѣсто благоуханія смрадъ! Неужели ты не знаешь, что если безсловесные управляются естествомъ, то человѣкъ долженъ управляться совѣтомъ и разумомъ»; въ—пятыхъ, въ доказательство истины своего убѣжденія, Курбскій приводитъ свидѣтельство Діонисія Ареопагита, что ангелы управляются совѣтомъ и разумомъ и наконецъ, въ—шестыхъ, приводитъ въ примѣръ Іоанна III, который расширилъ границы своего царства, освободилъ Россію отъ рабства, прославилъ

имя свое въ дальныхъ странахъ—все потому, что «совѣтовался съ мудрыми и мужественными сигклиты своими: бо зѣло глаголютъ его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта; ты все это забылъ епископъ!. заключаетъ Курбскій, и возсталъ не только противъ древняго, но и противъ новаго того славнаго вашего; забылъ, что любяй совѣтъ, любитъ свою душу, и сказалъ: не держи совѣтника мудрѣйшаго себя» ([645]).

«О сыне діаволь», продолжаетъ Курбскій, обращаясь опять къ Вассіану, «прочто человѣческаго естества, вкратцѣ рещи, жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ неяже во всей святорусской землѣ таковъ пожаръ лютъ возгорѣся, о немъ же свидѣтельствовати словесы, мню, непотреба?.... Воистинну мало по нареченію твоему и дѣло твое показася: бо нареченіе ти Топорковъ; а ты не топоркомъ, сирѣчь малою сѣкеркою: воистину великою и широкою, и самымъ оскордомъ благородныхъ и славныхъ мужей въ великой Руси постиналъ еси». Желая дѣломъ доказать справедливость своего негодованія и вредъ совѣтовъ Вассіана, Курбскій тотчасъ послѣ этого говоритъ о смерти царевича Димитрія и заключаетъ свой разсказъ такъ: «Се первая радость за молитвами онаго предреченнаго епископа! Се полученіе мзды за обѣщанія не по разуму, паче же не богоугодныя ([646])!...... (Онъ считаетъ путешествіе царя въ Кирилловъ монастырь дѣломъ не угоднымъ Богу). Повѣствованіе Курбскаго драгоцѣнно для насъ потому, что вполнѣ выказываетъ образъ мыслей этого человѣка, столь замѣчательнаго. Здѣсь онъ раскрываетъ предъ нами тѣ сокровенныя причины, которыя руководили его дѣйствіями. Всѣми силами онъ старается оправдать свои убѣжденія, искусно, какъ опытный и

знающій дѣло человѣкъ, пользуется для доказательства своей главной мысли: царь долженъ слушаться своихъ совѣтниковъ, тѣми фактами, которые представляла ему исторія, пользуется ученіемъ Отцевъ церкви и приводитъ мѣста изъ Священнаго Писанія. Въ приведеніи этихъ доказательствъ, въ выборѣ ихъ мы видимъ всю гибкость его ума. Но въ тоже время мы видимъ, что человѣку, ослѣпленному страстью, очень не трудно впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, чтобы доказать истинность своего мнѣнія, Курбскій приводитъ въ примѣръ Іоанна III, увѣряя, что этотъ великій государь держался тѣхъ же мнѣній, какъ и онъ самъ. Онъ хвалитъ его, а въ другихъ мѣстахъ не приписываетъ ему ничего, кромѣ худаго, и старается навязать ему такія преступленія, о какихъ этотъ вовсе и не думалъ.

Посмотримъ теперь, въ какой степени истинны обстоятельства бесѣды Іоанна съ Вассіаномъ въ томъ видѣ, какъ представляетъ ихъ Курбскій. Разсмотримъ также и то: можно ли ей дать то важное значеніе, какое даетъ Курбскій? Въ основаніи своемъ разсказъ Курбскаго вѣренъ. Мы не можемъ отвергать того, что Іоаннъ дѣйствительно видѣлся съ Вассіаномъ и бесѣдовалъ съ нимъ: тутъ нѣтъ ничего страннаго. Даже очень естественно, что у Іоанна, который такъ мало до этого времени встрѣчалъ людей себѣ преданныхъ, было желаніе увидѣть искренняго и преданнаго слугу отца своего. Но подробности бесѣды Іоанна съ Вассіаномъ безъ сомнѣнія вымышлены Курбскимъ. Во-первыхъ, Курбскій заставляетъ Іоанна спрашивать: «какъ бы онъ могъ хорошо царствовать и держать великихъ и сильныхъ своихъ въ послушаніи?» Подобнаго вопроса нельзя приписать Іоанну, который нѣсколько разъ выказывалъ желаніе дѣйствовать самостоятельно, не руководясь непрошенными совѣтами. Онъ составилъ себѣ

ясное и твердое понятіе о томъ, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться къ нему его подданные. Для чего же ему было спрашивать совѣта у Вассіана? Самое удовольствіе, съ какимъ Курбскій заставляетъ Іоанна принять совѣтъ Вассіана, ясно показываетъ, что этотъ совѣтъ былъ согласенъ съ убѣжденіями, заранѣе уже составленными себѣ царемъ. Но, приписывая Іоанну упомянутый вопросъ, Курбскій имѣлъ одну цѣль,-именно показать, что у Іоанна былъ большой недостатокъ въ собственномъ умѣ. Поэтому—то и заставляетъ онъ царя обращаться ко всякому за совѣтами. Во-вторыхъ, въ разсказѣ Курбскаго есть противорѣчіе, котораго онъ не позаботился устранить. Вассіанъ, пишетъ онъ, шепталъ царю свой совѣтъ на ухо. Шептаніе на ухо уже ясно указываетъ на желаніе говорить такъ, чтобы другіе не слышали и не знали, о чемъ говорится. Слѣдовательно Курбскій не могъ слышать, о чемъ и что Вассіанъ говорилъ съ царемъ, и слова перваго, переданныя имъ, не иное что какъ догадка, сдѣланная въ видахъ своей партіи, Вассіанъ, какъ мы уже замѣтили, сверженный боярами, бывшій другомъ Василія III, не могъ быть ихъ доброжелателемъ; потому-то Курбскій и предположилъ, что онъ не могъ говорить съ царемъ ни о чемъ другомъ, кромѣ того, чтобы царь не слишкомъ-то потакалъ боярамъ. Наконецъ мы не можемъ приписать бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ тѣхъ слѣдствій, какія приписываетъ ей Курбскій. Охлажденіе Іоанна къ партіи Сильвестра и Адашева произошло, безъ сомнѣнія, не отъ этой бесѣды: крамолы бояръ во время малолѣтства Іоаннова, низкія средства, помощію которыхъ партія Сильвестра старалась захватить власть въ свои руки, покушеніе возвести на престолъ Владиміра Андреевича, обстоятельства Кирилловскаго ѣзда, измѣны—всего этого кажется достаточно было, чтобы охладить къ ней не только Іоанна, но и всякаго другаго.

Преслѣдуя постоянно одну мысль-обвинить Іоанна, Курбскій, умолчавъ объ измѣнѣ князей Семена Ростовскаго и Пронскаго, прямо переходитъ къ изображенію мятежей въ новопокоренной землѣ казанской и ставитъ эти мятежи въ вину царю. Послушаемъ, что говоритъ онъ: «къ тому и то достоитъ вкратцѣ воспомянути, перваго ради презрѣнія совѣта добраго, яже еще въ Казани будуще, совѣтовали ему сигклитове не исходити оттуды, дондеже до конца искоренитъ отъ земли оныя бусурманскихъ властелей, яко прежде написахомъ,-чтожъ, смиряюще его гордость, попущаетъ Богъ? Паки ополчаются противъ его оставшіе князья казанскіе, вкупѣ со предреченными оными языки поганскими, и воюютъ зѣльнѣ, не токмо на градъ казанскій приходяще съ великихъ лѣсовъ, но и на землю муромскую и Новаграда Нижняго наѣзжаютъ и плѣнятъ». Далѣе слѣдуетъ разсказъ, что мятежники овладѣли многими, вновь построенными городами въ этой землѣ, разбили Морозова-Салтыкова и не согласились ни принять за него выкупа, ни обмѣнять на плѣнныхъ, а чрезъ 2 года убили его; что въ тѣ шесть лѣтъ отъ взятія Казани было множество битвъ и погибло безчисленное множество русскаго войска ([647]). Все это правда; но виноватъ ли Іоаннъ въ томъ? Покореніе страны, бывшей прежде независимою, никогда не можетъ совершиться быстро. Для этого требуется не годъ, а десятки лѣтъ. Итакъ какая же польза была бы для Россіи, еслибы Іоаннъ остался зимовать въ Казани? Царство казанское было обширно. Его населяли народы разноплеменные, и татары были только народомъ господствующимъ. Всѣ эти народы были дикарями; но и дикари любятъ свободу и независимость, разумѣется, по своему. Кромѣ того татары еще не забывали временъ Батыевыхъ, Узбековыхъ, когда они сами были обладателями Руси, и мысль о зависимости отъ нея была для нихъ тягостною. Ясно доказывается это безпрестан-

ными возстаніями казанцевъ противъ Россіи даже тогда, когда вся зависимость ихъ отъ Россіи ограничивалась данью и когда они имѣли собственныхъ царей. Но теперь они должны были покориться Россіи на всей волѣ ея монарха и повиноваться, чуждому для нихъ, московскому намѣстнику. Нѣтъ сомнѣнія, что казанцы не всѣ были истреблены; спасшіеся отъ меча побуждали къ возстанію противъ Россіи бывшихъ своихъ подданныхъ, также чуждыхъ намъ и по языку и по религіи и неимѣвшихъ никакой причины быть расположенными къ Россіи. Слѣдовательно волненія казанскія были необходимымъ зломъ и, чтобы преодолѣть его, нужно было русскимъ совершенно восторжествовать надъ этими разноплеменными народами. А этого нельзя было скоро сдѣлать, потому что самая мѣстность благопріятствовала дикарямъ. Слѣдовательно, Іоаннъ не былъ виновенъ въ этихъ мятежахъ: они были очень естественны и неизбѣжны. Припомнимъ, чего стоило Франціи покореніе Алжира.

«И по шестомъ лѣтѣ собра войско не мало царь нашъ, вяще, нежели тридесять тысящей, и поставилъ надъ ними воеводъ трехъ: Іоанна Шереметева, мужа зѣло мудраго и острозрительнаго и со младости своея въ богатырскихъ вещахъ искуснаго, и предреченнаго князя Симеона Микулинскаго, и меня; и съ нами не мало стратилатовъ свѣтлыхъ, и храбрыхъ и великородныхъ мужей». Потомъ описываетъ свои дѣйствія противъ мятежниковъ, говоритъ, что послѣднихъ было болѣе 15 т., что они нѣсколько разъ вступали въ битвы, но вездѣ были поражаемы. Большая часть ихъ погибла отъ страшныхъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ, и русскіе доходили до Уржума и Меши, а оттуда до башкирскаго языка, живущаго вверхъ по Камѣ до Сибири, взяли въ плѣнъ Янчуру измаильтянина и Алеку черемисина, злѣйшихъ губителей христіанскихъ, и возвратились къ царю «съ пресвѣтлою побѣдою; и оттуды начала усмиря-

тися и покорятися казанская земля цареви нашему» заключаетъ Курбскій ([648]). Курбскій говоритъ, что царь посылалъ его съ войскомъ въ Казань спустя 6 лѣтъ по взятіи ея, слѣдовательно 1558 г.; но, вѣроятно, ему измѣнила память: въ это время онъ дѣйствовалъ въ Ливоніи ([649]), а въ Казань ходилъ въ 1554 г. ([650]). Но послѣ этого похода, не смотря на опустошеніе, произведенное въ непріятельской землѣ, борьба русскихъ съ казанскими дикарями продолжалась и кончилась не ранѣе 1558 г. ([651]).

Затѣмъ у Курбскаго тотчасъ за описаніемъ казанскаго похода слѣдуетъ описаніе нашествія крымцевъ. «И потомъ, того же лѣта», говоритъ онъ, «пріиде вѣсть ко царю нашему, иже царь перекопскій, со всѣми силами своими препроводясь чрезъ проливы морскіе, пошелъ воевати землю черкасовъ пятигорскихъ; и сего ради послалъ царь нашъ войска на Перекопь аки тринадесять тысящей, надъ ними же поставилъ гетманомъ Іоанна Шереметева и другихъ съ нимъ стратилатовъ» ([652]). Это нашествіе крымцевъ послѣдовало не въ томъ же году, въ которомъ Курбскій былъ посланъ для усмиренія Казани, а въ іюнѣ 1555 г. ([653]). Въ то время какъ наши, продолжаетъ Курбскій, пошли чрезъ степь, пришла вѣсть, что ханъ крымскій идетъ на Россію дорогою, называемою Великій перевозъ. Шереметевъ послалъ извѣстить объ этомъ Іоанна, а самъ отрядилъ войско взять кошъ крымскаго царя и пошелъ по слѣдамъ крымцевъ. Іоаннъ выступилъ изъ Москвы къ Окѣ. Гибель крымцевъ была неизбѣжна; но, говоритъ Курбскій, «писари наши русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющему, хотяще единъ веселитися на землѣ,-чтожъ тые сотворили писари? То воистинну: что было таити, сіе всѣмъ велегласно про-

новѣдали». Они написали, продолжаетъ онъ, во всѣмъ украйнамъ, что ханъ находится между двухъ огней, что его истребятъ непремѣнно; говоритъ что ханъ, схвативъ два языка, узналъ истину, пришелъ въ недоумѣніе и рѣшился возвратиться въ орду, но встрѣтился съ Шереметевымъ. Этотъ не уклонился отъ битвы, не смотря на страшное неравенство въ силахъ. Въ первый день побѣда была на сторонѣ русскихъ; но одинъ изъ плѣнниковъ, взятыхъ ханомъ, сказалъ послѣднему о маломъ числѣ войска, бывшаго съ Шереметевымъ, и ханъ, думавшій-было ночью бѣжать, поутру опять сдѣлалъ нападеніе на русскихъ; но побѣда снова осталась на сторонѣ русскихъ. Они разогнали все татарское войско, и ханъ остался съ одними янычарами на полѣ битвы. Но въ этой сѣчѣ Шереметевъ былъ жестоко раненъ, и когда возвратившіеся татары опять ударили на его отрядъ; то, не имѣя предводителя, отрядъ замѣшался. Битва длилась еще 2 часа и 2 т. русскихъ, засѣвъ въ буеракѣ, отбили всѣ нападенія янычаръ и татаръ, и ханъ къ закату солнца ударился бѣжать въ орду. Царь же нашъ, продолжаетъ Курбскій, не вѣдая о пораженіи своихъ, быстро шелъ отъ Москвы къ Окѣ, перешелъ эту рѣку и направился къ Тулѣ, желая тамъ биться съ татарами. Здѣсь онъ услышалъ о пораженіи Шереметева и нѣкоторые совѣтовали ему возвратиться, но царь послушалъ совѣта другихъ, отважнѣйшихъ и пошелъ къ Тулѣ, желая биться съ татарами ([654]).

Этотъ разсказъ Курбскаго интересенъ, потому что здѣсь опять проглядываютъ его задушевныя убѣжденія. Мы знаемъ, что Іоаннъ, видя одни крамолы со стороны бояръ, началъ приближать къ себѣ дьяковъ, полагая, что они болѣе будутъ радѣть объ интересахъ государства, Іоаннъ питалъ къ нимъ особенную довѣренность и это оскорбляло Курбскаго, который полагалъ, что царь не долженъ никому вѣрить, кромѣ бояръ, долженъ совѣто-

ваться съ ними одними какъ съ старѣйшими въ государствѣ, потому что совѣтъ съ молодыми принесетъ Россіи одинъ вредъ ([655]). Курбскій понималъ, что, возвышая дьяковъ, царь хотѣлъ подорвать и могущество бояръ и уваженіе къ нимъ. Поэтому-то Курбскій говоритъ, что, возвышая дьяковъ, «царь хотѣлъ единъ веселитися на земли». Вслѣдствіе такого убѣжденія въ Курбскомъ естественно должна была родиться ненависть къ дьякамъ и вотъ онъ не замедлилъ приписать имъ неуспѣхъ крымской войны. Но мы знаемъ, что не дьяки дали знать хану о расположеніи русскихъ войскъ, а на походѣ къ Тулѣ онъ схватилъ стражу русскую, и, узнавъ отъ плѣнниковъ, что Іоаннъ идетъ на Тулу, воротился и встрѣтился въ степи съ Шереметевымъ. Разбивъ послѣдняго, онъ захватилъ въ плѣнъ боярскихъ дѣтей и отъ нихъ узналъ, что Іоаннъ уже въ Тулѣ, и послѣ этой вѣсти «царь крымскій пошелъ назадъ наспѣхъ» ([656]). Слѣдовательно писари тутъ нисколько не виноваты, потому что движенія Іоанна при тогдашнемъ образѣ войны, не могли быть такою тайною, которой бы нельзя было узнать.... Обвиненію Курбскаго, взводимому на дьяковъ, мы тѣмъ болѣе не должны довѣрять, что неоднократно уже имѣли случай показать полную готовность Курбскаго обвинить во всемъ, въ чемъ угодно, того, кто не пользовался его расположеніемъ. Въ это время, говоритъ Курбскій, Іоаннъ, какъ бы раскаявшись, не мало времени царствовалъ хорошо, устрашенный крымскимъ нашествіемъ и казанскимъ бунтомъ ([657]). Дѣйствительно мѣра терпѣнія Іоаннова еще не исполнилась, и неоднократно оскорбленный партіею Сильвестра, онъ думалъ усовѣстить ее своими милостями. Но лифляндская война должна была произвести между нимъ и этою партіею совершенный разрывъ.

Въ началѣ своего повѣствованія о лифляндской войнѣ, Курбскій излагаетъ причины ея и, по его мнѣнію, причиною

этой долговременной и тяжкой для Россіи войны была неуплата дани, которую орденъ обязался платить Россіи еще по договору съ Іоанномъ III. «Въ тѣхъ же лѣтѣхъ», говоритъ Курбскій, «премиріе минуло съ лифляндскою землею; и пріѣхаша послове отъ нихъ, просяще миру. Царь же нашъ началъ упоминатися дани, яже еще дѣдъ его въ привилью воспомянулъ объ ней, и отъ того времени, аки пятьдесятъ лѣтъ, не плачено было отъ нихъ; а нѣмцы, не хотяще ему дани дати оныя, и затѣмъ война зачалася» ([658]). Но, кромѣ незаплаты дани, изъ отвѣта Алексѣя Адашева ливонскимъ посламъ, прибывшимъ съ просьбою о возстановленіи перемирія, мы видимъ, что были и другіе поводы къ войнѣ. Адашевъ винилъ ливонскихъ рыцарей въ томъ, что они «и гостей обидятъ и церкви христіанскія и концы русскіе освоили, и гостемъ царевымъ и великаго князя ихъ не отдаютъ» ([659]). Впрочемъ эта неуплата юрьевской дани была только ближайшимъ поводомъ къ войнѣ. Главною причиною было, какъ мы видѣли, желаніе Іоанна открыть Россіи свободное сообщеніе съ Европою чрезъ Балтійское море; но современники не понимали высокой мысли царя; они не одобряли этой войны и вотъ гдѣ причина несчастнаго исхода ея. Курбскаго описаніе ливонской войны наполнено любопытными подробностями о ходѣ военныхъ дѣйствій, потому что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Разумѣется, читая это описаніе никогда не должно упускать изъ виду того, что Курбскій слишкомъ пристрастенъ къ себѣ, не должно упускать изъ виду и цѣли его сочиненія, гдѣ онъ старается показать, что не щадилъ силъ на службѣ царю и что царь воздалъ ему за эту вѣрную службу однимъ гоненіемъ. Разскажемъ кратко содержаніе этого описанія. Упомянувъ о причинѣ войны, Курбскій говоритъ, что царь послалъ ихъ трехъ великихъ воеводъ своихъ съ 40 т.

человѣкъ въ Ливонію «не градовъ и мѣстъ добывати, но землю ихъ воевати». Выступивъ изъ Пскова, воеводы опустошали Ливонію на пространствѣ 40 миль и возвратились съ добычею, сразившись только разъ съ рыцарями, потому что, живя въ роскоши, рыцари забыли о доблестяхъ и мужествѣ своихъ предковъ. Послѣ этого нападенія явились въ Москвѣ послы ливонскіе, прося на полгода перемирія; но менѣе, нежели чрезъ два мѣсяца нарушили его. На рѣкѣ Наровѣ стояли 2 города: по ту сторону Нарва, принадлежавшая рыцарямъ, а по сю-Ивань-городъ, принадлежавшій Россіи. Оба города обширные и многолюдные, особенно русскій. Въ великій постъ, когда жители Иваня-города набожно молились, «Нѣмцы гордые и велеможные, сами себѣ новое имя изобрѣтше, нарекшеся Евангелики, въ началѣ еще дня того ужравшися и упившися», начали стрѣлять изъ пушекъ въ Иванъ-городъ и, продолжая пальбу три дня, перебили множество народа. Воевода, начальствовавшій въ Иванѣ-городѣ, не смѣя безъ позволенія царя начать непріязненныхъ дѣйствій, отправилъ гонца въ Москву съ извѣстіемъ о нарушеніи нѣмцами перемирія и, получивъ приказаніе обороняться, открылъ самъ огонь. Каменныя и каленыя ядра осыпали Нарву и заставили нѣмцевъ просить пощады. Они отправили трехъ пословъ въ Москву, обѣщаясь покориться чрезъ 4 недѣли, а между тѣмъ просили быстрой помощи у магистра, грозя въ противномъ случаѣ сдать городъ русскимъ. Магистръ исполнилъ ихъ просьбу и прислалъ имъ 4 т. подъ предводительствомъ Феллинскаго и Ревельскаго коммандоровъ. По прибытіи подкрѣпленія, жители Нарвы на радости задали пиръ и, напившись до пьяна, начали ругаться надъ образомъ Богоматери, стоявшимъ въ домѣ, принадлежавшемъ прежде русскимъ купцамъ. Не довольствуясь одними ругательствами, они схватили образъ и бросили его въ огонь. Во мгновеніе ока огонь ударилъ въ

потолокъ дома, и такъ какъ въ тоже время поднялась сильная буря, то пламя съ невѣроятною быстротою объяло весь городъ. Видя, что крѣпость оставлена безъ защиты, русскіе устремились чрезъ рѣку къ Нарвѣ, плывя кто на лодкахъ, кто на днищахъ; вслѣдъ за ними устремилось и войско вопреки приказаніямъ воеводъ, и, разломавъ ворота и сдѣлавши проломъ въ стѣнахъ, ворвалось въ крѣпость. Гарнизонъ пытался было противиться, но русскіе обратили противъ него пушки, стоявшія въ воротахъ и на стѣнахъ крѣпости. Потомъ приспѣли стрѣлки, мѣткою пальбою заставили нѣмцевъ отступить въ Вышеградъ и осадили ихъ. Послѣ кратковременнаго боя нѣмцы начали просить «да повелѣно имъ будетъ розмовити» и оставить городъ съ оружіемъ въ рукахъ, а жителямъ воеводы предложили на выборъ или остаться въ городѣ или выѣхать безъ имѣнія ([660]). Взятіе Нарвы совершилось по показанію иноземныхъ историковъ 15 мая 1558 г. ([661]), а по разряднымъ книгамъ, которымъ мы болѣе имѣемъ права довѣрять какъ документу оффиціальному, оно совершилось въ 1557 г. Тамъ сказано: «послѣ Ругодивскаго взятья туда назначенъ былъ воеводою бояринъ Алексѣй Даниловичъ Плещѣевъ» ([662]).

«Потомъ, аки недѣля едина, взятъ градъ другій нѣмецкій, оттуду шесть миль, Сыренескъ глаголемый (Нейшлоссъ), иже стоитъ на рѣкѣ Нарвѣ, идѣже она исходитъ изъ великаго езера Чюцкаго..... и били съ дѣлъ по немъ только три дни и поддали его нѣмцы нашимъ» ([663]). Паденіе Нарвы, сильно укрѣпленной, распространило ужасъ по всей Ливоніи ([664]) и этимъ объясняется та легкость, съ которою покорялись русскимъ ливонскія крѣпости. Защитники ихъ опасались долгимъ сопротивленіемъ раздражить побѣдителей. «Мы же», говоритъ Курбскій, «отъ Пскова пойдоша подъ нѣмецкій градъ, нарицаемый Новый (Нейгаузъ), иже лежитъ отъ границы псковскія аки полторы мили; стояхомъ же подъ нимъ вящe, нежели мѣсяцъ,

заточивши дѣла великія: едва возмогохомъ взяти его, бо зѣло твердъ былъ» (665). Дѣйствительно послѣ взятія Сыренска Курбскій изъ Пскова былъ посланъ къ Нову-граду нѣмецкому и къ Юрьеву вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ и другими воеводами (666). Магистръ ливонскій, соединившись со всѣми сановниками орденскими, въ пяти миляхъ отъ города стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ за окопами съ 8 т. человѣкъ. Между нимъ и русскими находились огромныя болота. Услышавъ о взятіи крѣпости, онъ бѣжалъ съ епископомъ дерптскимъ: магистръ къ Кеси, а епископъ къ Юрьеву. Послѣдній былъ настигнутъ и разбитъ; «за майстромъ же сами мы пойдохомъ и отойде отъ насъ», говоритъ Курбскій (667).

Воротясь изъ преслѣдованія, воеводы двинулись къ Дерпту, гдѣ затворился самъ епископъ съ бургомистрами и 2 т. наемныхъ нѣмцевъ; «и стояли есмы подъ тѣмъ великимъ мѣстомъ и градомъ двѣ недѣли, пришанцовався и заточа дѣла и все тое мѣсто облегши». Осажденные дѣлали частыя вылазки, «воистину яко достоитъ рыцарскимъ мужемъ». Но, видя разрушеніе укрѣпленій и невозможность долѣе держаться, они «сдали мѣсто и градъ». Каждый оставленъ былъ при домѣ и стяжаніяхъ своихъ; только епископъ выѣхалъ въ свой монастырь, гдѣ и жилъ до тѣхъ поръ, пока не былъ потребованъ въ Москву (668). Такимъ образомъ изъ словъ Курбскаго видно, что побѣдители обошлись очень милостиво съ жителями. Иноземные историки согласны также съ этимъ и говорятъ, что Дерптъ получилъ честную капитуляцію, которая, по ихъ мнѣнію, нарушена только задержкою епископа Германа, умершаго въ плѣну въ Москвѣ 1559 г. (669). Г. Устряловъ относитъ взятіе Дерпта къ 18 іюля 1558 г. (670); къ этому же времени относитъ его и Brau въ своей «Исторіи Ливоніи» (671); но изъ разрядной книги видно, что въ 1557 г. въ Юрьевѣ былъ уже русскій намѣстникъ Өеодоръ Ивано-

вичъ Бутурлинъ ([672]), чего не могло бы быть, если бы Юрьевъ былъ во власти нѣмцевъ. Кромѣ Дерпта, русскіе взяли въ этомъ году болѣе 20 нѣмецкихъ городовъ, поразили нѣмцевъ во всѣхъ битвахъ и въ началѣ зимы возвратились въ Россію. «И скоро по отшествіи нашемъ», говоритъ Курбскій, «собравшися майстръ сотворилъ не малую шкоду во псковскихъ властѣхъ; и оттуды пошелъ къ Дерпту, и не доходя мѣста великаго, облегъ единъ градокъ, по иговскому языку зовутъ его Рындегъ (Рингенъ), аки за 4 мили отъ мѣста Дерпта, и стоялъ, его облегши, аки три дни, и выбивъ стѣну, припустилъ штурмъ, и за третьимъ приступомъ взялъ, съ тремасты воины, тѣхъ мало не всѣхъ въ презлыхъ темницахъ гладомъ и зимою поморилъ. А помощи дати тому граду не возмогохомъ, для далечайшаго пути и презлыя ради первозимнія дороги: бо отъ Москвы мѣста до Дерпта миль сто и осмьдесять есть, и войско было зѣло утруждено» ([673]). Дѣйствительно нѣмцы взяли Рингенъ; но въ подробностяхъ разсказъ Курбскаго невѣренъ. Князья Димитрій Курлятевъ и Михайло Рѣпнинъ стояли почти въ виду крѣпости, дозволили магистру осаждать ее спокойно 5 недѣль и недумали подать помощи стѣсненной крѣпости ([674]). Слѣдовательно крѣпость была взята нѣмцами не потому, чтобы нельзя было подать ей помощи за дальностію разстоянія и за дурными дорогами, но отъ того, что воеводы не хотѣли спасти ее, имѣя къ тому возможность. Мало этого. Рѣпнинъ былъ даже разбитъ магистромъ ([675]). Вотъ, гдѣ начало нашихъ неудачь въ Ливоніи, происходившихъ отъ того, что война ливонская не была одобряема партіею Сильвестра и Адашева, желавшею лучше покоренія Крыма, какъ видно изъ словъ самого Курбскаго. Но Курбскій молчитъ о дѣйствіяхъ Рѣпнина и Курлятева, потому что это бросало не слишкомъ-то

благопріятный свѣтъ «на простыя и вѣрныя службы» бояръ отечеству, которыми хвалится Курбскій.

Въ числѣ причинъ, препятствовавшихъ подать помощь утѣсненной крѣпости, Курбскій ставитъ нашествіе крымскаго хана, которому московскіе татары дали знать, что Іоаннъ со всѣми войсками находится въ Лифляндіи близъ Риги. Но захвативъ казаковъ на бобровыхъ и рыбныхъ ловляхъ, онъ узналъ, что великій князь находится въ Москвѣ и что русскія войска взяли Дерптъ и 20 другихъ городовъ въ Ливоніи. Эта вѣсть устрашила хана, и онъ поспѣшно обратился назадъ, поморивъ множество людей и лошадей, потому что зима была въ то время чрезвычайно суровая. Русскіе преслѣдовали татаръ до самаго Донца Сѣверскаго ([676]). Но какое же отношеніе могло имѣть нашествіе хана крымскаго къ дѣйствіямъ Курлятева и Рѣпнина въ Ливоніи? Они могли бы дать помощь Рингену и отразить нападеніе магистра.

«Паки», говоритъ Курбскій, «на тую же зиму царь нашъ послалъ съ войскомъ своимъ не малыхъ Гетмановъ своихъ, Ивана княжа Мстиславскаго и Петра Шуйскаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ: и взяли вшедше единъ градъ зѣло прекрасенъ, стоитъ среди немалаго озера, на такой выспѣ, яко велико мѣстѣчко и градъ; а зовутъ его, иговскимъ языкомъ, Алюстъ, а по Нѣмецки Наримборхъ» ([677]). Дѣйствительно изъ разрядовъ мы знаемъ, что въ 7068 году Іоаннъ послалъ въ Ливонію Ивана Өедоровича Мстиславскаго и Петра Шуйскаго къ Алюсту въ генварѣ ([678]).

Описавъ всѣ эти побѣды, одержанныя русскими войсками въ Ливоніи и надъ крымцами, Курбскій говоритъ: «въ тѣжъ то лѣта царь нашъ смирился и добрѣ царствовалъ и по пути Господня закона шествовалъ; тогда ни о чесомъ же, яко рече пророкъ, враги его сми-

рилъ, и на наступающихъ языковъ народу христіанскому возлагалъ руку свою. Произволеніе человѣческое Господь всещедрый паче добротою наводитъ и утверждаетъ, нежели казнію; аще ли же уже зѣло жестоко и непокориво обрящется, тогда прещеніемъ, съ милосердіемъ смѣшеннымъ, наказуетъ; егдажъ уже неисцѣльно будетъ, тогда—казни, на образъ хотящимъ беззаконовати. Приложилъ еще же и другое милосердіе, яко рѣхомъ, дарующе и утѣшающе въ покаянію суща царя христіанскаго» (679). Изъ этихъ словъ видна цѣль, съ которою Курбскій изобразилъ счастливыя дѣйствія воеводъ въ Ливоніи; а цѣль его была—доказать примѣромъ, что Іоаннъ могъ счастливо царствовать, могъ побѣждать враговъ своихъ до тѣхъ поръ, пока Богъ былъ милостивъ къ нему за внимательность къ совѣтникамъ.

Въ доказательство того, что побѣда за побѣдою прославляли Іоанна, пока онъ добрѣ царствовалъ, т. е. пока не удалялъ отъ себя партіи Сильвестра, Курбскій приводитъ еще завоеваніе Астрахани. «Въ тѣхъ же лѣтѣхъ (т. е. когда Петръ Шуйскій завоевалъ Алюстъ), говоритъ онъ, аки мало предъ тѣмъ, даровалъ ему къ казанскому другое царство астраханское; а се вкратцѣ извѣщу о семъ. Послалъ тридесять тысящей войска въ галіяхъ рѣкою Волгою на царя астраханскаго; а надъ ними поставилъ стратига, Юрья именемъ, съ роду княжатъ Пронскихъ, и къ нему прилучилъ другаго мужа Игнатья, реченнаго Вешнякова, ложничаго своего, мужа воистину храбраго и нарочитаго. Они же шедши взяша оное царство, лежащее близу Каспійскаго моря; царь же утече предъ ними; а царицъ его и дѣтей побрали и со скарбы царскими; и всѣ людіе, иже въ царствѣономъ, ему покорили, и возвратишася со свѣтлою побѣдою, здравы со всемъ воинствомъ» (680). Изъ лѣтописи видно, что Юрій Ивановичъ Пронскій, Шемякинъ и Вешняковъ Иг-

натій Михайловичъ были посланы въ Астрахань въ 1554 г., и вѣсть о покореніи ея пришла къ царю 29 августа того же года, когда Іоаннъ въ Коломнѣ торжествовалъ день своего рожденія ([681]); слѣдовательно не незадолго до покоренія Маріенбурга, но за 6 лѣтъ, потому что покореніе этого города совершилось 1560 г. ([682]).

Въ тоже время, продолжаетъ Курбскій, былъ моръ въ ногайскихъ улусахъ-именно вслѣдствіе чрезвычайно холодной зимы погибли всѣ стада; а на лѣто открылся голодъ и сами татары изгибли. Преслѣдуемые недостаткомъ пищи, ногайскіе татары устремились въ Крымъ, думая тамъ найти спасеніе; но тоже самое бѣдствіе поразило и Крымъ, и крымскіе татары заставили Ногайскихъ удалиться. Въ самой крымской ордѣ не осталось и 10 т. коней. «Тогда, говоритъ Курбскій, время было надъ бусурманы христіанскимъ царемъ мститися за многолѣтную кровь христіанскую, безпрестаннѣ проливаему отъ нихъ, и успокоити собя и отечество свое вѣчнѣ: ибо ничего ради другаго; но точію того ради и помазаны бываютъ, еже прямо судити и царство, врученное имъ отъ Бога, оброняти отъ нахожденія варваровъ» ([683]). «Тогда, продолжаетъ онъ, многіе храбрые и мужественные мужіе, совѣтовали царю самому устремиться съ войскомъ на Крымъ, потому что самъ Богъ какъ бы указывалъ ему цѣль его дѣйствій, и еслибы послушалъ совѣта мужественныхъ и добрыхъ стратиговъ, то безъ сомнѣнія получилъ бы великую похвалу и на этомъ свѣтѣ и у самого Бога. Еслибы даже, продолжаетъ Курбскій, намъ случилось положить головы свои, то безъ сомнѣнія добродѣтель наша была бы тѣмъ выше: «больше сея добродѣтели ни что же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя». Въ доказательство возможности такого предпріятія Курбскій говоритъ, что Вишневецкій Димитрій и Данило Адашевъ съ ничтожными силами навели ужасъ на орду. Послѣ

этихъ дѣйствій, продолжаетъ Курбскій, «мы паки о семъ, и паки царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился итти, или войско великое послалъ въ то время на орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго епископа, глаголемаго Топорка» (684). Курбскій не безъ цѣли изложилъ подробно состояніе перекопской орды и совѣтъ бояръ. Онъ хотѣлъ показать, что Іоаннъ нерадѣлъ о пользѣ государственной, не имѣлъ въ виду безопасности Россіи; но ставилъ личныя свои страсти и удовлетвореніе имъ выше всего на свѣтѣ. Такимъ образомъ цѣль Курбскаго была та, чтобы обвинить Іоанна. Но мы должны напротивъ отдать честь уму и проницательности царя. Успѣхъ Вишневецкаго и Адашева не обольстилъ его; онъ понималъ, что, покоряя Крымъ, должно будетъ помѣряться силами съ Турціею. Поэтому онъ предпочелъ выгодное для Россіи покореніе Ливоніи сомнительному успѣху въ борьбѣ съ Крымомъ, не обѣщавшей даже въ случаѣ успѣха ничего, кромѣ упорной войны съ Портою. Далѣе Курбскій разражается въ упрекахъ противъ поляковъ, что они также не воспользовались благопріятными обстоятельствами къ покоренію Крыма. Онъ изображаетъ самохвальство и трусость поляковъ, которые на пирахъ, сидя въ зброяхъ, берутъ царства, завоевываютъ не только Константинополь, но и Москву, а боятся показать носъ, когда является непріятель. Разсказываетъ, какъ однажды во время прохожденія татаръ мимо одного города, польскіе военачальники, засѣвшіе въ этомъ городѣ, пировали за столомъ, между тѣмъ какъ граждане и воины, бившіеся съ татарами, были поражаемы неоднократ-

но и, безъ сомнѣнія, были бы всѣ избиты, если бы не подоспѣлъ храбрый волынскій полкъ ([685]).

Послѣ этого эпизода, Курбскій снова обращается къ описанію военныхъ дѣйствій въ Ливоніи. Онъ говоритъ, что, спустя четыре года по взятіи Дерпта, т. е. 1561 г., часть Ливоніи, оставшаяся независимою, покорилась Польшѣ и присоединилась къ литовскому великому княжеству, а магистръ выпросилъ себѣ у короля курляндскую землю; другая часть-Ревель поддалась Швеціи; а третья-Даніи, «а въ Вильянѣ, по нѣмецки Филніе, остался старый майстръ Фиштенъ-Беркгъ» ([686]). Дѣйствительно раздѣленіе Ливоніи и уничтоженіе ея самобытности послѣдовало въ 1561 году ([687]). Но Іоаннъ и не думалъ отказаться отъ своего намѣренія покорить эту землю. Главныя силы русскихъ были направлены противъ Феллина. «На тотъ же Вильянъ», говоритъ Курбскій, «князь великій войско свое съ нами великое послалъ; а первѣе, до того аки за два мѣсяца еще, въ самую весну, пришелъ азъ въ Дерптъ, посланъ отъ царя, того ради: понеже было у воинства его зѣло сердце сокрушенно отъ нѣмецъ,» потому что, говоритъ Курбскій, когда искусные полководцы сражались съ крымцами на югѣ, въ Лифляндію были посланы воеводы, несвѣдущіе въ военномъ дѣлѣ и потому часто терпѣли отъ нѣмцевъ пораженія, «и не токмо отъ равныхъ полковъ, но уже и отъ малыхъ людей великіе бѣгали. И призвалъ меня, говоритъ Курбскій, царь къ себѣ въ ложницу и, жалуясь на воеводъ, объявилъ, что посылаетъ меня, своего любимаго, въ Ливонію, да охрабрится паки воинство Богу помогающу мнѣ» ([638]). Дѣйствительно Курбскій былъ отправленъ противъ Феллина сначала воеводою правой руки въ 7068 (1560) г., а весною тогоже года, онъ былъ посланъ главнокомандующимъ въ Ливонію ([689]); дѣйствительно воеводы, сражавшіеся до этого времени въ Ливоніи, терпѣли постоянно неудачи. Такъ въ ноябрѣ

1560 г. нѣмцы разбили Захарію Плещеева. Вскорѣ послѣ этого магистръ и архіепископъ рижскій нанесли новое пораженіе Плещееву. Причиною пораженія Плещеева была оплошность его: онъ не разставилъ стражи, и потому нѣмцы, сдѣлавъ нечаянное нападеніе, разбили его на-голову, умертвили до 1200 человѣкъ и многихъ взяли въ плѣнъ. Вслѣдствіе такихъ неудачныхъ дѣйствій самый Дерптъ былъ въ опасности и спасся только мужествомъ воеводы ([690]).

Потомъ Курбскій подробно описываетъ свои дѣйствія въ Ливоніи: двукратный походъ подъ Вейсенштейнъ (Бѣлый камень), битву съ нѣмцами подъ этимъ городомъ, пораженіе магистра, экспедицію подъ Феллинъ, пораженіе и плѣнъ храбраго ландсмаршала Филиппа, разсказываетъ свою бесѣду съ нимъ и отзывается съ особенною похвалою о достоинствахъ этого плѣнника, пишетъ, что какъ онъ самъ, такъ и другіе воеводы просили царя пощадить Филиппа, но что царь не внялъ этой просьбѣ и приказалъ умертвить его, потому что въ то время лютъ и безчеловѣченъ началъ быти ([691]). Дѣйствительно въ псковской лѣтописи сказано, что Іоаннъ приказалъ казнить Филиппа «за противное слово» ([692]). Наконецъ Курбскій описываетъ трех-недѣльную осаду и взятіе Феллина ([693]). При недостаткѣ средствъ нѣтъ возможности повѣрить, въ какой мѣрѣ истинны извѣстія о ходѣ ливонской войны, сообщаемыя Курбскимъ; но принимая во вниманіе обвиненія Іоанна и то, что Курбскій умалчиваетъ вовсе о своихъ неудачахъ въ Ливоніи напр: въ битвѣ подъ Невлемъ, и чрезвычайно неопредѣленно говоритъ о неудачахъ другихъ воеводъ, принимая во вниманіе основную идею его сочиненія, нельзя не сомнѣваться въ истинности сообщаемыхъ имъ извѣстій. Взятіемъ Феллина Курбскій оканчиваетъ свою исторію ливонской войны.

Изложивъ военныя дѣйствія и побѣды свои въ Ливоніи, Курбскій переходитъ къ изображенію перемѣны къ худшему, совершившейся въ характерѣ Іоанна и предложивъ вопросъ: «чтожъ по семъ царь нашъ начинаетъ? Егда уже обронился, Божіею помощію, храбрыми своими отъ окрестныхъ враговъ его, тогда воздаетъ имъ?»... отвѣчаетъ: «тогда платитъ презлыми за предобрѣйшее, прелютыми за превозлюбленнѣйшее, лукавствы и хитролествы за простыя и вѣрныя ихъ службы. А якоже сіе начинаетъ?. Сице: первѣе, отгоняетъ дву мужей оныхъ отъ себя предреченныхъ, Сильвестра, глаголю, презвитера, и Алексѣя предреченнаго, Адашева, туне и ни въ чемъ же предъ нимъ согрѣшившихъ, отворивши оба ухи своимъ презлымъ ласкателемъ, яже ему уже клеветаша и сикованціи во уши шептаху заочно на оныхъ святыхъ мужей, паче же шурья его и другіе съ ними нечестивые губители всего тамошняго царства» [694]. Итакъ первымъ слѣдствіемъ перемѣны, по мнѣнію Курбскаго, было удаленіе партіи Сильвестра и Адашева по клеветѣ царскихъ шурьевъ. Но въ этомъ разсказѣ опять замѣтна несообразность: по словамъ Курбскаго, Іоаннъ разорвалъ связь свою съ Сильвестромъ и Адашевымъ тогда, когда восторжествовалъ, съ помощію ихъ самихъ и ихъ сторонниковъ, надъ всѣми внѣшними врагами; но не самъ ли же Курбскій говоритъ, что ливонская война къ 1560 г. приняла болѣе серьезный характеръ [695]. Мы видѣли уже [696], какъ служила въ этой войнѣ сторона Сильвестра отечеству, видѣли, что служба ея вовсе не была простою и безхитростною. Іоаннъ удалилъ отъ себя сторону Сильвестра и Адашева, увидѣвъ что она состоитъ изъ людей, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, которые все готовы принести въ жертву своей корыстной цѣли. Сильвестръ и Адашевъ и сторона ихъ были слишкомъ виновны, чтобы царь могъ терпѣть ихъ близъ себя: стремясь захватить въ свои руки

правленіе государственное, они употребили московскій пожаръ для достиженія этой цѣли; они роздали безъ позволенія государева земли своимъ приверженцамъ; они вздумали возвести на престолъ Владиміра Андреевича; они употребляли во зло религіозное чувство царя, вздумали пугать его, по случаю ливонской войны, «дѣтскими страшилами» ([697]). Во время ливонской войны полководцы Іоанновы, даже по сознанію самого Курбскаго, со стыдомъ обращали тылъ предъ слабѣйшимъ часто непріятелемъ ([698]). Гдѣ же простая и вѣрная служба? гдѣ же невинность этой партіи и ея представителей? Подъ личиною кротости и смиренія, подъ личиною желанія добра отечеству, они скрывали самые честолюбивые, преступные замыслы. Іоаннъ увидѣлъ какъ много онъ ошибся, довѣрившись Сильвестру и Адашеву, увидѣлъ, что они платятъ ему зломъ за добро и, въ благодарность за то, что онъ возвысилъ ихъ изъ ничтожества, хотятъ овладѣть правленіемъ и сдѣлать царя политическою куклою ([699]). Естественно, что это должно было произвести въ Іоаннѣ охлажденіе къ Сильвестру и Адашеву. Вѣрный своей главной цѣли-обвинить царя, Курбскій причиною немилости Іоанна къ нимъ считалъ клевету; но клевета предполагаетъ невинность, подвергающуюся нареканію, а мы видимъ, что Адашевъ и Сильвестръ вовсе небыли невинными и если дѣйствительно обвиняли ихъ предъ Іоанномъ, то обвиняли справедливо. Да, Іоаннъ очевидно и не нуждался въ этомъ обвиненіи, потому что преступленія Сильвестра и Адашева были слишкомъ хорошо извѣстны ему. Но приписывая удаленіе Сильвестра и Адашева клеветѣ ихъ враговъ, Курбскій имѣлъ въ виду только показать, что какъ въ дѣлахъ добра, такъ и зла Іоаннъ дѣйствовалъ по совѣту, по внушенію другихъ. Замѣчательно еще, что клеветниками Курбскій называетъ шурьевъ Іоанна, Романовыхъ-Юрьевыхъ, говоритъ что они строили ковы про-

тивъ Сильвестра и Адашева для того, чтобы удобнѣе грабить государство и умножать свое имѣніе на счетъ общества ([700]). Сторона Сильвестра ненавидѣла Романовыхъ. Такъ еще въ 1553 г. возставалъ противъ нихъ отецъ Адашева ([701]), а тогда они не могли еще имѣть значительнаго вліянія. Причина нерасположенія Курбскаго къ Романовымъ скрывается въ томъ, что по родству своему съ государемъ они стояли ближе всѣхъ къ престолу и естественно, какъ родственники, пользовались довѣренностію царя. Такимъ образомъ, говоря языкомъ мѣстничества, они *заъзжали* Курбскаго, и слѣдовательно *наносили поруху его роду*.

Изъ повѣствованія Курбскаго объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ удаленію Сильвестра, открывается, что Сильвестръ самъ ускорилъ свое паденіе. Видя ослабленіе своего вліянія, онъ прибѣгнулъ для поддержанія его къ обыкновенному средству, которымъ пользовался въ крайнихъ случаяхъ-именно къ религіи. «А той Сильвестръ презвитеръ, еже прежъ, даже не изгнанъ былъ, видѣвъ его, иже не по Бозѣ всякія вещи начинаетъ, претивъ ему и наказуя много, да во страсѣ Божіи пребываетъ и въ воздержанію жительствуетъ, и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много,-онъ же отнюдь того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши преклонилъ: разсмотрѣвъ же вся сія презвитеръ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ монастырь, 100 миль отъ Москвы лежащь, и тамо во мнишествѣ будуще, нарочитое и чистое свое жительство препровожалъ» ([702]). Такимъ образомъ видя охлажденіе къ себѣ Іоанна, Сильвестръ началъ его поучать Священнымъ Писаніемъ, чтобы онъ жилъ благочестиво, т. е. другими словами старался при помощи религіи возстановить свое поколебавшееся значеніе. Но ученіе божественное дѣйствуетъ на душу человѣка только въ томъ случаѣ, когда

въ учителѣ онъ видитъ достойнаго служителя Божія, а Іоаннъ не могъ непонять, что Сильвестръ употребляетъ въ этомъ случаѣ Священное Писаніе какъ средство для достиженія корыстной цѣли; Іоаннъ не могъ не замѣтить того лицемѣрія, которымъ постоянно прикрывался Сильвестръ, а потому наказанія Сильвестра должны были возбудить въ Іоаннѣ одно отвращеніе, должны были, вмѣсто убѣжденія, только оскорбить его и усилить его нерасположеніе къ Сильвестру. Ясно видѣлъ Іоаннъ, что Сильвестръ этими прещеніями разсчитывалъ только обмануть его, а извѣстно, что никакая обида не возбуждаетъ въ насъ такого непріятнаго ощущенія какъ обманъ, потому что въ обманщикѣ мы видимъ человѣка, считающаго насъ слабоумными. Поэтому-то Іоаннъ и не внялъ убѣжденіямъ Сильвестра, и этого не должно ставить въ вину ему-такъ поступилъ бы не только оскорбленный вѣнценосецъ; но и всякій человѣкъ съ характеромъ твердымъ и энергическимъ. Кромѣ того, въ самомъ удаленіи Сильвестра въ монастырь, о которомъ разсказываетъ Курбскій, въ самыхъ добродѣтеляхъ его, очень впрочемъ сомнительныхъ, выказывается его непокорный духъ, неприличный служителю олтаря и подданному: онъ не можетъ снести потери своего вліянія, сойти въ рядъ обыкновенныхъ подданныхъ, а потому отказывается отъ свѣта, гдѣ уже не могъ интриговать успѣшно. Если онъ живетъ добродѣтельно въ монастырѣ, то эти добродѣтели опять проистекаютъ изъ корыстнаго разсчета: человѣку, помѣшанному на власти и значеніи, нельзя приписать добродѣтелей христіанскихъ. Сильвестръ дѣйствовалъ такъ, вѣроятно, потому что посредствомъ своихъ мнимыхъ добродѣтелей хотѣлъ возбудить въ себѣ сочувствіе въ народѣ и, если можно, опять сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде.

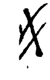
«Тогда» говоритъ Курбскій (т. е. по удаленіи Сильвестра) «царевы жена умре: они же (Романовы) рѣша, аки бы

счаровали ее оные мужи ([703]); (подобно, чему сами Іоаннъ с[illegible] и вочто вѣруютъ, сіе на святыхъ мужей и до[illegible] возлагали). Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ. Услышавъ же сіе, Сильвестръ и Алексѣй начали молити, ово эпистоліями посылающе, ово чрезъ митрополита русскаго, да будетъ очевистное глаголаніе съ ними: «Не отрицаемся, рече, аще повинни будемъ, смерти; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сенатомъ твоимъ» ([704]). Изъ этого видно, что Сильвестръ и Адашевъ были удалены отъ Іоанна еще прежде кончины Анастасіи и причиною окончательнаго разрыва Іоанна съ ними Курбскій ставитъ оклеветаніе Сильвестра и Адашева врагами въ томъ, что они отравили царицу. Конечно, съ одной стороны, обвиненіе Сильвестра и Адащева въ отравленіи Анастасіи можно принять за клевету; но опять были и основанія, по которымъ Іоаннъ могъ дать въ душѣ своей мѣсто подозрѣнію. Разсмотримъ, какія были причины такого мнѣнія царя? Во-первыхъ, Іоаннъ зналъ, что въ послѣднее время своей жизни Анастасія не была расположена къ Сильвестру за намѣреніе его свергнуть съ престола ея сына, Сильвестръ и его сторона равнымъ образомъ обнаружили свое нерасположеніе къ Анастасіи во время болѣзни Іоанна, обнаруживали и послѣ, сравнивая Анастасію съ нечестивою царицею Евдокіею, а Сильвестра съ Златоустымъ ([705]); во-вторыхъ, подобное подозрѣніе было естественно, потому что Іоанну было извѣстно, что бояре отравили его несчастную мать и наконецъ, въ-третьихъ, онъ зналъ, что Сильвестръ и Адашевъ и ихъ сторона не пренебрегали ни чѣмъ для осуществленія своихъ притязаній. Вотъ причины, заставившія Іоанна «ять вѣру» такому обвиненію.

Описывая судъ надъ Сильвестромъ и Адашевымъ, Курбскій заставляетъ ласкателей совѣтывать Іоанну, чтобы онъ не допускалъ обвиненныхъ явиться къ себѣ.

въ учичаруютъ тебя и твоихъ дѣтей, говорили ласкатели, да [illegible]нство любитъ ихъ, и народъ, и побіютъ тебя каменіемъ. А если этого и не будетъ, то они опять подчинятъ тебя своей власти. Такъ, о царь! худые люди и злые чародѣи тебя государя, славнаго и мудраго, боговѣнчаннаго держали въ оковахъ, повелѣвая тебѣ въ мѣру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебѣ ни въ чемъ же своей воли, и ни въ малѣ, и ни въ великомъ, и ни людей своихъ миловати, и ни царствомъ твоимъ владѣти. А если бы ихъ не было при тебѣ, если бы они не держали тебя какъ уздою, то ты давно бы обладалъ почти вселенною; а то они творили своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали тебѣ ни на что зрѣти, хотяще сами царстовати и надъ всѣми владѣти. И аще на очи припустишь ихъ, паки тя очаровавши ослѣпятъ. Нынѣ же, отогнавъ ихъ отъ себя, ты образумился и смотришь вольно на царство свое и никто другой, кромѣ тебя, не обладаетъ имъ» (706). Здѣсь Курбскій старается представить Іоанна человѣкомъ, которому легко навязать какое угодно убѣжденіе, который доволенъ грубою лестью, самыми неосновательными доводами. Іоаннъ представляется у него лицемъ совершенно страдательнымъ, дѣлающимъ то, что ему скажутъ другіе, не имѣющимъ возможности отличить правды отъ лжи, принимающимъ все за чистую истину. Влагая эти слова приверженцамъ царя съ цѣлію унизить его, Курбскій бросаетъ только не выгодную тѣнь на свою партію. Самъ не замѣчая того, онъ выказываетъ здѣсь тѣ преступныя стремленія, которыми руководилась она и хотя и старается придать словамъ своимъ видъ навѣта, сдѣланнаго на Сильвестра и Адашева врагами ихъ, но само собою разумѣется, что эти навѣты родились изъ головы Курбскаго, потому что онъ не могъ знать, что говорили Іоанну враги Сильвестра и Адашева. Изъ разсказа его видно, что сторона Силь-

вестра и Адашева стремилась къ тому, чтобы Іоаннъ былъ только по имени государь; что она думала стѣснить его въ самой домашней жизни; что она препятствовала благимъ его намѣреніямъ и, въ случаѣ явной борьбы съ нимъ, разсчитывала на помощь народа и войска.

Положивъ въ основаніе своего сочиненія мысль, что царь только тогда можетъ управлять государствомъ со славою, пока слушается добрыхъ совѣтниковъ, Курбскій приступаетъ теперь къ изображенію вредныхъ послѣдствій удаленія отъ дѣлъ Сильвестра и Адашева стало быть нарушенія этого правила. Прямымъ слѣдствіемъ, по словамъ Курбскаго, было исчезновеніе въ Іоаннѣ прежней кротости и милосердія. Онъ говоритъ, что Іоаннъ, внявъ своимъ ласкателямъ, немедленно обязываетъ себя и ихъ присягами и учреждаетъ полкъ сатанинскій, пресильный и великій, а потомъ уже приступаетъ къ суду надъ Адашевымъ и Сильвестромъ (707). Здѣсь Курбскій перемѣшалъ всѣ обстоятельства, безъ сомнѣнія, для того только, чтобы показать, какъ быстро злое начало въ Іоаннѣ брало перевѣсъ надъ добромъ. Мы знаемъ, что Іоаннъ дѣйствительно, по удаленіи Сильвестра и Адашева, обязалъ своихъ подданныхъ присягою не принимать участія въ виновныхъ и не стараться о возвращеніи имъ прежней силы и значенія (708). Въ этомъ случаѣ Іоаннъ дѣйствовалъ справедливо и законно. Онъ хотѣлъ убѣжденіемъ вѣры подѣйствовать на подданныхъ и заставить ихъ служить государству вѣрно и честно, руководиться не личными разсчетами, а любовью къ отечеству. Но присяга взята по совершенномъ паденіи партіи, послѣдовавшемъ послѣ суда надъ нею. Потомъ вслѣдъ за этою присягою учреждена опричинна 1565 г.; слѣдовательно, опять уже послѣ суда надъ Адашевымъ и Сильвестромъ. Опричнина должна была служить поддержкою Іоанну въ борьбѣ съ ненавистнымъ ему порядкомъ вещей, въ борьбѣ съ притязаніями

боярскаго сословія. Іоаннъ понималъ, что сторона Сильвестра и Адашева, не смотря на паденіе своихъ представителей, еще сильна: члены ея занимали мѣста въ думѣ, занимали мѣста при войскѣ, были правителями городовъ и областей. Сторона Сильвестра и Адашева старалась склонить на свою сторону и народъ; на это намекаютъ слова Курбскаго, что народъ и воинство побьютъ царя каменьями. На сторонѣ этой партіи были и новгородцы ([709]), вмѣстѣ съ боярами стремившіеся къ возстановленію прежняго, отжившаго порядка вещей, того порядка, которому Іоаннъ противодѣйствовалъ всѣми силами. Такимъ образомъ сторона Сильвестра и Адашева была чрезвычайно сильна,–духъ неудовольствія на царя, она сообщила и народу и войску. Правда, что Іоаннъ, удаливъ отъ себя ея представителей, обязалъ всѣхъ клятвою не принадлежать къ павшей партіи, не стараться о возстановленіи прежняго значенія ея представителей ([710]); правда, что онъ обязалъ духовенство не ходатайствовать болѣе за тѣхъ, кого признаетъ преступниками ([711]); но что значили эти обязательства для людей, которые руководились одними эгоистическими побужденіями, для людей, въ которыхъ не было ни чести, ни любви къ отечеству; что значила присяга для людей, игравшихъ религіозными убѣжденіями, считавшихъ эту присягу дѣйствительною только до перваго случая и готовыхъ измѣнить ей коль скоро измѣна была выгодна? Примѣръ князя Палецкаго всего разительнѣе показываетъ это. Присягнувъ, во время болѣзни Іоанна, въ 1553 г. Димитрію, онъ, въ тотъ же день, посылаетъ ко Владиміру Андреевичу, объявляя, что готовъ всѣми силами содѣйствовать возшествію его на престолъ, будетъ подговаривать и другихъ помогать ему, если только Владиміръ Андреевичъ дастъ удѣлъ Юрію, зятю его. Когда Владиміръ Андреевичъ, покоряясь обстоятельствамъ,

долженъ былъ присягнуть, что не будетъ искать престола подъ Димитріемъ; то мать его, прикладывая печать къ крестоприводной записи, сказала: «что значитъ присяга невольная!» ([712]). Само собою разумѣется, что, по паденіи Адашева и Сильвестра, сторонники ихъ старались возвратить имъ прежнее вліяніе. Объ этомъ говоритъ Іоаннъ въ своемъ посланіи къ Курбскому ([713]), и слова его тѣмъ болѣе заключаютъ въ себѣ исторической достовѣрности, что мы знаемъ, что существованіе партіи не прекращается съ паденіемъ главы ея, что она не скоро отказывается отъ своего значенія; но борется до тѣхъ поръ, пока не истощитъ всѣхъ своихъ усилій и средствъ. Изъ этого открывается, что положеніе Іоанна было чрезвычайно опасное. Окруженный со всѣхъ сторонъ людьми, не питавшими къ нему ни любви, ни сочувствія, окруженный измѣнниками и предателями, могъ ли онъ положиться на кого нибудь? Очевидно, для него необходимо было создать такую силу, которая бы, находясь вся въ его распоряженіи, принадлежала одному ему, и, завися отъ него одного, тяготѣла только къ его интересамъ, а слѣдовательно и къ интересамъ государственнымъ, потому что Іоаннъ не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ государства, и государственные интересы были всего ближе къ его душѣ. Такая сила, созданная Іоанномъ, была опричнина. Онъ далъ этому учрежденію особенный уставъ, онъ уничтожилъ совершенно всѣ отношенія, всѣ связи опричника съ земщиною. Опричникъ не долженъ былъ заботиться ни о чьемъ расположеніи, кромѣ расположенія царя: царь замѣняетъ для него отца, замѣняетъ родныхъ и знакомыхъ. Въ свою очередь опричникъ не долженъ имѣть никакихъ интересовъ, кромѣ государственныхъ, и этимъ интересамъ долженъ былъ жертвовать даже родственными связями ([714]). Всѣ эти требованія царя отъ опричниковъ были какъ

нельзя болѣе законны и справедливы: выгоды государственныя всегда должны брать перевѣсъ надъ родственными связями. Только при помощи такой силы царь могъ безопасно стать противъ притязаній боярства и всегда имѣлъ въ рукахъ средство къ подавленію возстанія боярскаго; слѣдовательно это учрежденіе дало возможность Грозному дѣйствовать рѣшительнѣе противъ павшей партіи. Теперь понятно, почему Курбскій вооружается противъ этого учрежденія, почему это самое мудрое учрежденіе Іоанна, обличающее въ немъ дальновиднаго, предусмотрительнаго государя, называетъ полкомъ сатанинскимъ. Сатанинскій полкъ опричнина въ глазахъ Курбскаго потому, что это учрежденіе въ рукахъ Іоанна было самымъ дѣятельнымъ, самымъ сильнымъ средствомъ къ обузданію боярскихъ притязаній.

Прямымъ слѣдствіемъ учрежденія опричнины и присяги, о которой мы говорили, Курбскій считаетъ несправедливый судъ надъ Сильвестромъ и Адашевымъ. Но здѣсь встрѣчается у него опять противорѣчіе. Въ началѣ V гл. онъ говоритъ, что Сильвестръ и Адашевъ были обвинены тотчасъ по смерти Анастасіи, а здѣсь разсказываетъ, что судъ надъ ними совершился по учрежденіи опричнины. Но мы знаемъ, что Адашевъ умеръ, еще до измѣны Курбскаго, послѣдовавшей въ концѣ 1563 года, а учрежденіе опричнины относится къ 1565 г. Слѣдовательно здѣсь ошибка болѣе нежели въ 2-хъ годахъ. Очевидно, что Курбскій исказилъ факты, чтобы только разительнѣе показать вредъ ненавистнаго ему учрежденія.

Что же касается до суда надъ Сильвестромъ и Адашевымъ, то этотъ судъ служитъ скорѣе къ оправданію, нежели къ обвиненію царя. Не смотря на явныя улики, обличавшія преступленія обвиненныхъ, Іоаннъ не хотѣлъ показаться пристрастнымъ въ глазахъ потомства. Имѣя полное право лишить Сильвестра и Адашева

жизни какъ уличенныхъ преступниковъ, Грозный «собираетъ», по словамъ Курбскаго, «соборище не токмо весь сенатъ свой мірскій, но и духовныхъ всѣхъ, сирѣчь митрополита и градскихъ епископовъ призываетъ», поручаетъ имъ разсмотрѣніе дѣла ([715]), и осуждаетъ обвиняемыхъ только тогда, когда большинство на соборѣ признало ихъ виновными. Что на этомъ соборѣ дѣйствовали всѣ самостоятельно, не стѣснялись, видно изъ того, что митрополитъ Макарій защищалъ, по свидѣтельству самого же Курбскаго, дѣло обвиненныхъ; видно изъ того, что соборъ раздѣлился на 2 партіи-одна pro, другая contra обвиненныхъ ([716]). Въ этомъ-то самомъ обстоятельствѣ и открывается все благородство, все величіе Іоанновой души, истинно-царской. Онъ даетъ собору одни только факты, служащіе къ обвиненію подсудимыхъ и, не произнося своего мнѣнія, поручаетъ обсуживать эти факты по долгу совѣсти и закона. Въ самомъ наказаніи, которому подверглись обвиненные, видна доброта Іоанновой души, еще не ожесточенной крамолами и измѣнами, видно желаніе милостію и снисхожденіемъ усовѣстить крамольниковъ. Вотъ какому наказанію подверглись, по словамъ Курбскаго, Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ: «заточенъ бываетъ отъ него Селивестръ презвитеръ, исповѣдникъ его, ажъ на островъ, иже на Студеномъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, край Корелска языка, въ Лопи дикой лежащь. А Алексѣй отгоняется отъ очей его, безъ суда, въ нововзятый градъ отъ насъ, Феллинъ, и тамо антипатъ бываетъ на мало время. Егда же услышали презлые, иже и тамо Богъ помогаетъ ему: понеже не мало градовъ Лифляндскихъ, еще не взятыхъ, хотяще поддатись ему, его ради доброты, ибо, и въ бѣдѣ будуще положенъ, служаше царю своему вѣрнѣ, онижъ паки клеветы къ клеветамъ, шептаніе къ шептанію, лжесшиваніе ко лжесшиваніямъ цареви прилагаютъ, на мужа онаго и правед-

наго и добраго. И абіе повелѣлъ оттуду свести въ Дерптъ и держанъ быти подъ стражею» ([717]). Вотъ какъ снисходительно поступилъ Іоаннъ съ преступниками. За свои дѣянія Сильвестръ и Адашевъ были бы достойны казни, но Іоаннъ наказалъ ихъ чрезвычайно легко. Онъ сослалъ Сильвестра въ Соловецкій монастырь, и Сильвестръ чрезъ это нисколько не терялъ: постригшись въ монашество онъ отказался отъ свѣта и посвятилъ жизнь свою Богу. Не все ли равно было для Сильвестра, спасаться ли въ монастырѣ, лежавшемъ 100 миль отъ Москвы или въ Соловецкомъ? Съ Адашевымъ Іоаннъ поступилъ еще снисходительнѣе: онъ только удалилъ его отъ себя и поставилъ еще намѣстникомъ въ Феллинѣ ([718]). Но милость царя не тронула виновныхъ. Вмѣсто того, чтобы смириться, Адашевъ, по всей вѣроятности, желалъ показать, что царская немилость для него ничего не значитъ. Есть основаніе думать, что онъ хлопоталъ о томъ, чтобы возвратить себѣ прежній вѣсъ и силу; а поэтому не за благочестіе, не за заслуги, которыя Іоаннъ и самъ всегда щедро награждалъ и завѣщалъ дѣтямъ своимъ награждать ([719]), а за интриги былъ посаженъ подъ стражу, гдѣ и умеръ, какъ увѣряетъ Курбскій, естественною смертію. Этимъ опровергается еще другое обвиненіе, взводимое на Іоанна иноземными историками, будто Іоаннъ отравилъ Адашева. Курбскій, который старается въ худую сторону толковать всѣ, даже добрые, поступки Іоанна, не преминулъ бы приписать ему и это злодѣяніе, еслибы оно дѣйствительно было совершено.

Замѣчательно еще одно обстоятельство. Курбскій говоритъ, что Адашевъ былъ отогнанъ отъ очей царя безъ суда. Дѣло въ томъ, что онъ не признаетъ законнымъ рѣшенія собора, обвинившаго Сильвестра и Адашева. Онъ говоритъ, что на этомъ соборѣ царь посадилъ возлѣ себя прелукавыхъ монаховъ Мисаила Сукина и Вассіана Бѣснаго, съ удовольствіемъ слушалъ ихъ клеветы на Силь-

вестра и Адашева. «Что же на томъ соборищѣ произво-дятъ? Чтутъ пописавши вины оныхъ мужей заочнѣ». Одинъ, продолжаетъ онъ, митрополитъ возвысилъ голосъ за обвиненныхъ и требовалъ, чтобы они были допущены на соборъ для принесенія оправданія; «съ митрополитомъ были согласны всѣ добрые, губительнѣйшіе же ласкатели вкупѣ со царемъ возопиша: «не подобаетъ, рече, о епис-купе! понеже ведомые сіи злодѣи и чаровницы велицы, очаруютъ царя, и насъ погубятъ, аще пріидутъ!» Гдѣ та-ковъ судъ слышанъ подъ солнцемъ,» спрашиваетъ Курб-скій, «безъ очевистнаго вѣщанія»? Онъ признаетъ этотъ судъ незаконнымъ, основываясь на письмѣ Златоуста къ Иннокентію папѣ римскому, гдѣ первый называетъ свое осужденіе незаконнымъ, потому что царь Θеофилъ и же-на его не допустили его до личнаго оправданія. «Се собор-ный царя нашего христіанскаго таковъ судъ! се декретъ, знаменитѣ произведенъ отъ вселукаваго сонмища ласка-телей, грядущимъ родомъ на срамоту вѣчныя памяти и униженіе Русскому языку»! (720) Но причина, по которой Курбскій считаетъ незаконнымъ судъ этотъ, неудовлет-ворительна: во-первыхъ, Іоаннъ зналъ достовѣрно о престу-пленіяхъ обвиненныхъ, имѣлъ на лице всѣ улики; слѣдо-вательно могъ осудить ихъ; во-вторыхъ, дѣло, какъ вид-но изъ словъ Курбскаго, было рѣшено по большинству голосовъ; слѣдовательно было рѣшено законно, потому что большинство признало Сильвестра и Адашева дѣй-ствительно виновными; въ-третьихъ, вызовъ обвиненныхъ на судъ для очной ставки съ обвинителями былъ совер-шенно излишенъ: Іоанну хорошо было извѣстно, что со стороны обвиняемыхъ нельзя ожидать чистосердечнаго признанія; зналъ Іоаннъ и то, что они не могутъ представить истинныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ своей невиннос-ти, что вызовъ ихъ на соборъ только продлилъ бы слѣдова-ніе дѣла, не избавивъ ихъ отъ заслуженнаго наказанія.

Вторымъ слѣдствіемъ удаленія Сильвестра и Адашева Курбскій ставитъ перемѣну въ образѣ жизни царя: «чтожъ, по сихъ, за плодъ отъ преславныхъ ласкателей, паче жъ презлыхъ губителей, возрастаетъ? и во что вещи обращаются? и что царь отъ нихъ пріобрѣтаетъ и получаетъ»?–вотъ вопросы, которые Курбскій предположилъ себѣ разрѣшить. «Абіе діаволъ съ ними», отвѣчаетъ онъ, «умышляетъ первый входъ ко злости, сопротивъ узкаго и мѣрнаго пути Христова, по преславномъ и широкомъ пути свободное хожденіе» ([721]). Затѣмъ онъ описываетъ пиры Іоанна ([722]). Здѣсь мы видимъ, что Курбскій въ худую сторону толкуетъ эти пиры и веселье, которымъ иногда любилъ предаваться царь. Нельзя отрицать, что Іоаннъ часто увлекался разгуломъ; но ктоже былъ виною этого? За что бы ни брался Іоаннъ, что бы онъ ни хотѣлъ сдѣлать-во всемъ встрѣчалъ или сопротивленіе, или низкій, корыстный разсчетъ со стороны окружающихъ его. Всѣ, кого бы онъ ни приблизилъ къ себѣ, платили ему за это неблагодарностію. Ни одинъ изъ его великихъ плановъ не нашелъ себѣ исполнителя; ни одинъ изъ его великихъ плановъ не встрѣтилъ сочувствія въ современникахъ. Подобныя обстоятельства въ натурѣ пылкой могли произвести то мрачное состояніе души, которое Іоаннъ старался заглушить шумными пирами. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, Іоаннъ самъ откровенно сознается въ этомъ, откровенно исчисляетъ всѣ проступки свои; но что же оставалось дѣлать ему, если никто не понималъ его, если всѣ усилія его были голосомъ вопіющаго въ пустыни. «Но что убо сотворю», говоритъ онъ, «понеже Авраамъ не увѣдѣ насъ, Исаакъ не разумѣ насъ, и Израиль не позна насъ? Но ты Господи, Отецъ нашъ еси, къ тебѣ прибѣгаемъ и милости просимъ, миръ даждь намъ просвѣти лице твое на ны и помилуй ны» ([723]). Развѣ Петръ Великій не любилъ иногда попировать,

чтобы забыть на время тяжесть занятій государственныхъ; развѣ эта могучая, сильная личность не искала для себя подобнаго разсѣянія? Но отъ того Великій нисколько не унизился, не помрачилась его, никогда не увядающая, слава; не унижаетъ это и предшественника его, являющагося намъ такою же колоссальною личностію, какъ и Петръ Великій. Но Курбскій, не зная чѣмъ запятнать имя Грознаго, вздумалъ истолковать въ худую сторону порывы растерзанной души царя и благодѣтеля своего! Кто же былъ виною этой перемѣны въ царѣ, какъ не сторонники Курбскаго, какъ не самъ Курбскій, цѣною золота продавшій отечество. Длинный рядъ измѣнъ и крамолъ привелъ Іоанна въ изнеможеніе.

Третьимъ слѣдствіемъ совѣтовъ ласкателей Курбскій считаетъ потерю Іоанномъ прежняго мужества, его робость, вслѣдствіе которой онъ предалъ Москву татарамъ. «А еже восхваляша тя», пишетъ онъ, «и возношаша и глаголаша тя царя велика, непобѣдима и храбра: и воистину таковъ былъ еси, егда во страсѣ Божіи жительствовалъ. Егдажъ надутъ отъ нихъ и прельщенъ, что получилъ еси? вмѣсто мужества твоего и храбрости, бѣгунъ предъ врагомъ и хороняка.... царь великій христіанскій!..... предъ бусурманскимъ волкомъ, иже прежде предъ нами мѣста не нашелъ и на дикомъ полѣ, бѣгая. А за совѣтомъ любимыхъ твоихъ ласкателей и за молитвами Чудовскаго Левки и прочихъ вселукавыхъ мниховъ, что добраго и полезнаго и похвальнаго и Богу угоднаго пріобрѣлъ еси? Развѣ спустошеніе земли твоея, ово отъ тебя самого съ кромѣшники твоими, ово отъ предреченнаго пса бусурманскаго,–и къ тому злую славу отъ окрестныхъ сусѣдовъ, и проклятіе и нареканіе слезное ото всего народу? И что еще прегорчайшаго и срамотнѣйшаго и ко слушанію претягчайшаго: самое отечество твое, превеликое мѣсто и многонародное, градъ Москва, во все-

ленной славный, сожженъ и потребленъ со безчисленными народы христіанскими внезапу» ([724]). Дѣйствительно крымцы въ 1571 г. сожгли Москву; дѣйствительно, при вѣсти о нашествіи крымскаго хана, Іоаннъ изъ Серпухова, гдѣ находился съ своею опричниною, удалился къ Ярославлю ([725]); но, соображая обстоятельства нашествія крымцевъ, мы не можемъ винить Іоанна въ трусости. Собравъ 100 т. человѣкъ войска, ханъ крымскій вступилъ въ южные предѣлы Россіи. Его встрѣтили измѣнники дѣти боярскіе. Они поручились головою, что ханъ успѣшно совершитъ нашествіе на Москву, потому что голодъ, болѣзни и казни истребили большую часть войска Іоаннова; завѣряли хана, что остальное войско находится, въ крѣпостяхъ Ливоніи; что Іоаннъ, малодушный и робкій, не рѣшится съ малочисленною дружиною опричниковъ остановить стремленіе враговъ, и въ заключеніе объявили свое желаніе вести крымцевъ къ Москвѣ. Между тѣмъ Іоаннъ сдѣлалъ все, что могъ, для спасенія Россіи: онъ отрядилъ князей: Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго, бояръ: Морозова, и Шереметева съ сильною ратью къ берегамъ Оки, но двигаясь, по всей вѣроятности, медленно, они не успѣли занять ихъ, дозволили хану обойти себя и двинуться на Серпуховъ. Москва, оставленная безъ всякой защиты, была въ ужасѣ. Узнавъ, что ханъ избралъ другую дорогу, воеводы съ береговъ Оки устремились къ Москвѣ; но вмѣсто того, чтобы дать битву подъ стѣнами ея, вошли въ городъ и, расположась въ предмѣстіи, допустили татаръ зажечь это послѣднее. Чѣмъ, спрашивается, объяснить такой образъ дѣйствій воеводъ? Въ рѣчи своей къ посламъ хана крымскаго, Іоаннъ говорилъ: «братъ нашъ (Девлетъ Гирей), сослався съ нашими измѣнники съ бояры, да пошелъ на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали къ нему съ вѣстію разбойника Кудеяра Тишенкова; и пришедъ братъ въ нашу землю Угру перелѣзъ, а

люди наши съ нимъ не бились, и пришедъ къ Москвѣ, Москву зжегъ, и землю, нашу вывоевалъ и ходилъ какъ-бы по своей землѣ» ([726]). Соображая обстоятельства этой войны, мы не можемъ сомнѣваться въ истинѣ Іоанновыхъ словъ. Крымскій ханъ, руководимый измѣнниками, не могъ не знать, что сильная рать стоитъ на берегахъ Оки. Русское войско, по иностраннымъ извѣстіямъ ([727]), простиралось до 50 т. человѣкъ; слѣдовательно хану всего ближе было бы пораженіемъ этой рати обезпечить свой тылъ. Въ противномъ случаѣ онъ оставлялъ позади себя войско, которое могло, въ случаѣ неудачи, отрѣзать ему отступленіе и совершенно уничтожить его силы въ непріятельской землѣ. Итакъ, обойдя это войско, ханъ дѣйствовалъ чрезвычайно безразсудно: онъ ставилъ себя между двухъ огней-между Москвою и царскою ратью. Очевидно, что на такой маневръ ханъ не могъ бы рѣшиться, если мы примемъ во вниманіе осторожность, съ которою дѣйствовали крымцы во время своихъ нападеній на Россію; по всей вѣроятности, между нимъ и боярами предварительно условлено было какъ дѣйствовать. Воротынскій, Мстиславскій и др. были опытными воеводами: они постоянно торжествовали надъ крымцами. Какимъ же образомъ могли они дозволить себѣ, вмѣсто полевой битвы, рѣшиться на безразсудный поступокъ- занять городскія предмѣстья и допустить непріятеля сжечь ихъ. Они дѣйствовали какъ трусы или какъ новички въ военномъ дѣлѣ; но нельзя у нихъ отнять ни опытности ратной, ни мужества: ихъ прежнія побѣды ручаются за эти достоинства. Такимъ образомъ изъ самыхъ простыхъ соображеній открывается, что они дѣйствовали такъ намѣренно. Эти соображенія и вытекающее изъ нихъ слѣдствіе подтверждаются данною послѣ этого событія Мстиславскимъ записью, въ которой онъ говоритъ: «се язъ князь Иванъ Мстиславскій, что есми Богу и Святымъ Божіимъ Церк-

вамъ и всему православному крестьянству вѣры своей не соблюлъ, а государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руссіи и его дѣтемъ, и его землямъ, и всему православному крестьянству и всей русской землѣ изменилъ, навелъ есми съ своими товарыщи безбожнаго крымскаго Девлетъ-Кирѣя царя» ([728]). Изъ этого открывается, что воеводы съ умысломъ дѣйствовали безразсудно, что дѣти боярскіе, встрѣтившіе хана на границѣ, не были бѣглецами, изгнанными изъ отечества страхомъ Іоанновыхъ казней, какъ говоритъ Карамзинъ([729]), но были подосланы Мстиславскимъ и другими воеводами. Такимъ образомъ мы не должны винить Іоанна въ трусости, не должны приписывать ему гибели Москвы, потому что онъ сдѣлалъ все для ея спасенія: отрядилъ войско, отдалъ даже своихъ тѣлохранителей. Гдѣ же тутъ трусость? Но кровь русская и гибель Москвы должны пасть на голову измѣнниковъ. Слѣдовательно Курбскій ложно приписываетъ это несчастіе перемѣнѣ Іоаннова характера и гнѣву Божію за грѣхи царя. Не будемъ опровергать его обвиненія Іоанна въ трусости, потому что это обвиненіе само собою дѣлается ложнымъ. Напротивъ мы должны бы были обвинять царя, если бы онъ вздумалъ умереть великодушною смертію, какъ требуетъ Карамзинъ ([730]), потому что эта смерть, не принеся пользы государству, принесла бы одинъ вредъ.

Разсказавъ о бѣдствіяхъ Россіи, Курбскій, обращается къ царю и спрашиваетъ его: «неужели не видишь ты, до чего довели тебя твои ласкатели, какъ опровергли и опроказили, прежде святую и многоцѣнную и покаяніемъ украшенную совѣсть твою? И аще намъ не вѣришь, нарицающе насъ туне измѣнниками прелукавыми, да прочтетъ величество твое во словѣ, златовѣщательными усты изреченномъ, о Иродѣ». Потомъ онъ дѣлаетъ сравненіе Іоанна съ Иродомъ и ставитъ Іоанна еще ни-

же Ирода; говоритъ, что царь опустошилъ Россію, погубилъ если не сыновъ, то «соплеменныхъ и ближнихъ въ роду братію погубилъ, исполняя мѣру кровопивцевъ: отца, матери и дѣда» (731). Но Іоаннъ не туне называлъ бояръ измѣнниками и лукавыми. Это доказываютъ намъ 23 записи, въ которыхъ бояре сознаются въ своей измѣнѣ, доказываетъ примѣръ Курбскаго, доказываетъ примѣръ другихъ подобныхъ преступниковъ. Что же касается до сравненія съ Иродомъ, то это сравненіе не можетъ быть приложено къ Грозному. Правда, что Іоаннъ иногда поступалъ жестоко; но эта жестокость не была слѣдствіемъ его личныхъ страстей, а слѣдствіемъ его желанія добра Россіи. Въ жестокости виновенъ былъ не онъ, а окружающіе его. Что же касается до преступленій, взводимыхъ на дѣда, мать и отца Грознаго, то мы уже имѣли случай показать ихъ нелѣпость.

Изобразивъ перемѣну въ характерѣ Іоанна, приступаетъ Курбскій къ описанію казней его. Изъ всего предъидущаго разсказа его видно, что, по причинѣ врожденной склонности къ пороку и злу, Іоаннъ не могъ быть самъ по себѣ добрымъ и великимъ государемъ; что непремѣнно нужна была внѣшняя сила, чтобы удерживать его въ предѣлахъ добродѣтели и справедливости. Этою силою Курбскій представляетъ Сильвестра и Адашева. Они сдерживаютъ порочную природу Іоанна, направляютъ его по пути добродѣтели и съ удаленіемъ ихъ, Іоаннъ тотчасъ впадаетъ въ бездну пороковъ и дѣлается мучителемъ своихъ подданныхъ. Изъ этого краткаго очерка исторіи Іоанна, написанной Курбскимъ, открывается, что у него въ разсказѣ нѣтъ никакой естественности. Постараемся раскрыть: отъ чего произошла перемѣна въ Іоаннѣ, отъ чего онъ сдѣлался жестокимъ? Карамзинъ принимаетъ смерть Анастасіи за причину перемѣны Іоанна: «Анастасія», говоритъ онъ, «унесла съ со-

бою въ могилу добродѣтель Іоаннову» ([732]). Неосновательность такой причины очевидна. Глубже должны мы искать этой причины, и она откроется намъ въ самомъ ходѣ событій. Трехъ лѣтъ остался Іоаннъ по смерти отца, и 8 по смерти матери. Вся юность его протекла среди крамолъ, среди опасностей всякаго рода, среди своеволія и наглости бояръ. Едва только скончался великій князь Василій III какъ удѣльные князья выступили съ своими притязаніями: Іоанновы дяди начали стремиться къ достиженію великокняжескаго достоинства. Бояре поддерживали ихъ и, всю жизнь свою, Елена должна была бороться съ ними. При ней своеволіе не оставалось безъ наказанія. Ее отравили; и виновники этого злодѣянія, Шуйскіе, захватили въ свои руки кормило правленія. Они умертвили Телепнева, любимца юнаго царя, не смотря на просьбы и слезы Іоанна. Они расхитили казну царскую, и, предоставивъ Россію въ жертву внѣшнимъ врагамъ, грабили и опустошали ее. Іоаннъ былъ предоставленъ самому себѣ; объ немъ никто не заботился; къ нему не оказывали никакого уваженія, не преклонялись «не только властительски, но и рабски» ([733]). Іоаннъ возвысилъ Бѣльскаго, и Шуйскіе открытою силою свергнули и приказали умертвить несчастнаго вельможу. Приблизилъ къ себѣ Іоаннъ Воронцова и этотъ едва не испыталъ участи Бѣльскаго: едва только просьбы Іоанна убѣдили неистовыхъ бояръ оставить жизнь несчастному. Бояре безчинствовали въ присутствіи юнаго государя, врывались ночью въ его спальню и неоднократно заставляли его трепетать за самую жизнь ([734]). Всѣ эти обстоятельства должны были поселить въ душѣ Іоанна ненависть къ боярамъ. Впечатлѣнія дѣтства дѣйствуютъ всего сильнѣе на человѣка; и ничто не можетъ изгладить, и уничтожить ихъ. Казнивъ крамольнаго Шуйскаго, Іоаннъ поручилъ управле-

ніе Глинскимъ, думая, что они, какъ родственники его, искренно будутъ радѣть о пользѣ государственной. Но ошибся. Глинскіе не менѣе Шуйскихъ грабили Россію, грабили сами, приказывали грабить и рабамъ своимъ. Неудовольствіе народа достигло высшей степени; но никто не хотѣлъ сообщить объ этомъ Іоанну, никто не хотѣлъ открыть ему глазъ. Бояре разсчитывали, что, при помощи недовольнаго народа, они опять сдѣлаются «людьми держащими землю». Но первая попытка,-возмущеніе новгородскихъ пищальниковъ, не удалась. Впрочемъ эта неудача не отвратила бояръ отъ ихъ намѣренія; и вотъ они рѣшились воспользоваться страшнымъ московскимъ пожаромъ. Чернь, подстрекаемая ими, умертвила Глинскаго и требовала отъ Іоанна головы другаго дяди и бабки его Анны, потому что бояре увѣрили народъ, что Іоаннъ, знавшій объ этомъ умыслѣ Глинскихъ, скрылъ ихъ у себя ([735]). Въ эту страшную минуту, когда, слыша вопли мятежной, неистовой черни, юный царь трепеталъ за жизнь свою явился предъ нимъ Сильвестръ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Іоаннова вѣка, Сильвестръ давно уже пользовался расположеніемъ царя, и теперь, согласясь быть орудіемъ крамольниковъ, представилъ царю московскій пожаръ и возмущеніе черни слѣдствіемъ гнѣва Божія за грѣхи юности его. Само собою разумѣется, что это событіе сильно потрясло душу Іоанна. Онъ увидѣлъ, какая опасность грозитъ ему, увидѣлъ, что духъ крамолы перешелъ отъ бояръ и къ народу, и потому на лобномъ мѣстѣ, онъ обѣщалъ народу быть царемъ правды, отцемъ своихъ подданныхъ и винился торжественно въ порокахъ своей юности, въ своемъ нерадѣніи о дѣлѣ правленія ([736]). Видя невозможность вездѣ самому наблюдать справедливость и правосудіе, Іоаннъ возвысилъ изъ ничтожества Алексѣя Адашева; онъ приказалъ ему «творить судъ не лицепріятенъ,

какъ богатому, такъ и убогому. Алексѣе»!, говорилъ онъ, «взялъ я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей. Слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, і нынѣ взыскахъ тебе выше мѣры твоея, ради помощи души моей, хотя и твоего желанія на сіе нетъ, но обаче азъ возжелалъ, не токмо тебѣ, но иныхъ такихъ, хтобъ печаль мою утолилъ и на люди моя, Богомъ врученныя намъ, призрѣлъ. Вручаю тебѣ челобитные пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ с разсмотрѣніемъ. Да не убоишится сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся і своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ, ни вѣрити бѣднаго слезамъ ложнымъ и клетающихъ напрасно на богатыхъ, хотящихъ ложными словесами неправедно оболгати і правымъ быти но вся испытно разсмотряти и к намъ истину приносити, бояся суда Божія, і избирати судей правдивыхъ отъ боляръ и отъ вельможъ» (737). Іоаннъ думалъ, что, обязанный всѣмъ ему одному, Адашевъ будетъ ревностнымъ исполнителемъ воли его и оправдаетъ его довѣренность. Душа Іоанна, растерзанная и озлобленная, искала себѣ утѣшителя,—и вотъ «совѣта ради духовнаго и спасенія ради души своея онъ приблизилъ къ себѣ Сильвестра» (738). Онъ довѣрился ему, поручилъ ему выборъ тѣхъ людей, которымъ хотѣлъ ввѣрить дѣла государственныя (739). И что же вышло? Сильвестръ сдружился съ Адашевымъ и, пользуясь довѣренностію царя, они роздали всѣ мѣста своимъ приверженцамъ, обогатили ихъ отчинами и даже такими, которыхъ не имѣли права раздавать (740). Могло ли при такихъ обстоятельствахъ осуществиться намѣреніе Іоанна, что всюду долженъ былъ судъ праведенъ и нелицепріятенъ? могъ ли народъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ? Но Іоаннъ все еще былъ увѣренъ въ безкорыстіи Сильвестра, полагая, что Сильвестръ, «стоя у престола Владычня, побережетъ

души свой»; полагая, что все, что онъ съ Адашевымъ дѣлаетъ-дѣлаетъ «дивныя ради пользы, а не лукавства ради» ([741]). Но вскорѣ увидѣлъ, что жестоко обманулся: тяжкая болѣзнь готова была свести Іоанна въ могилу; а они вздумали возвести на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго. Тщетно Іоаннъ увѣщевалъ крамольниковъ не нарушать вѣками утвержденнаго порядка престолонаслѣдія; они не слушались его, шумѣли и кричали въ той самой комнатѣ, гдѣ лежалъ умирающій ихъ повелитель. Бывши за нѣсколько времени полновластнымъ господиномъ земли своей, Іоаннъ долженъ былъ молить бояръ, оставшихся ему вѣрными, о спасеніи своего семейства, долженъ былъ умолять ихъ бѣжать съ его сыномъ-младенцемъ въ чужую землю, не дать измѣнникамъ на поруганіе вдовы его, не допустить извести его семейство также, какъ изведена была мать его ([742]). Можно себѣ представить состояніе души Іоанна въ это время. Люди, облагодѣтельствованные имъ, возвышенные имъ изъ ничтожества, осыпанные его милостями, люди, на преданность которыхъ онъ всего болѣе могъ и имѣлъ право полагаться, открыто, безсовѣстно измѣняли ему. Въ царствѣ, имъ прославленномъ, возвеличенномъ его трудами, въ царствѣ, гдѣ за нѣсколько времени все склонялось предъ нимъ, никто не хотѣлъ повиноваться ему, не было убѣжища его семейству. Мрачною представлялась Іоанну судьба существъ, которыми онъ всего болѣе дорожилъ— жены и сына. Іоаннъ понималъ, что еще не охладѣетъ трупъ его, а они будутъ уже жертвою крамольниковъ, жертвою его властолюбиваго брата, забывшаго его благодѣянія. Но Іоаннъ всталъ съ одра болѣзни. Прежнею милостью и кротостью отличались всѣ поступки его. Такимъ образомъ по наружности въ немъ не произошло никакой перемѣны; но въ душѣ онъ уже измѣнился. Онъ всталъ съ одра болѣзни, оскорбленный, какъ царь, неповинове-

ніемъ подданныхъ его власти, противодѣйствіемъ его повелѣніямъ. Онъ былъ оскорбленъ какъ человѣкъ: насущная потребность каждаго изъ насъ состоитъ въ томъ, чтобы знать, что мы имѣемъ людей, готовыхъ помочь намъ въ трудныя минуты нашей жизни. Іоаннъ все сдѣлалъ для того, чтобы имѣть этихъ людей, осыпалъ ихъ благодѣяніями, и, стоя при вратахъ гроба, имѣлъ полное право требовать отъ нихъ доказательствъ преданности и вѣрности; но что же увидѣлъ?-Эти люди первые возстали противъ него, явились первыми крамольниками. Такая низкая неблагодарность должна была поселить въ Грозномъ отвращеніе къ этимъ людямъ. Іоаннъ былъ оскорбленъ и какъ супругъ и какъ отецъ. Самое естественное желаніе человѣка-обезпечить судьбу своего семейства; но Грозный видѣлъ, что его семейству нѣтъ части въ землѣ русской, что его семейству осталось только печальное средство къ спасенію-бѣгство въ чужую землю. Итакъ глубоко оскорбленъ былъ Іоаннъ, но думалъ усовѣстить крамольниковъ забвеніемъ вины. Тѣхъ, которые всего болѣе противорѣчили ему, онъ даже возвысилъ: напр. Ѳедора Адашева. Можетъ быть, думалъ Іоаннъ, я не умѣлъ оцѣнить и достойно наградить ихъ заслуги, а потому они и возстали противъ меня. Поправлю свою ошибку. И вотъ мы видимъ его опять государемъ кроткимъ и милостивымъ. Ни одна казнь не омрачила этихъ лѣтъ его царствованія. Но образумила ли эта милость и кротость царя крамольниковъ? Мы видимъ совершенно противное. Въ 1556 г. Іоаннъ началъ войну ливонскую. Мы видѣли уже, какія причины побудили Іоанна воевать Ливонію. Но Сильвестръ и его сторона не хотѣли этой войны; они требовали, чтобы Іоаннъ дѣйствовалъ всѣми силами противъ Крыма. Іоаннъ видѣлъ нелѣпость этого совѣта, видѣлъ весь вредъ, какой можетъ проистечь для Россіи отъ исполненія его, и потому

отвергъ его. И чтоже? Сильвестръ, требовавшій до сихъ поръ отъ Іоанна послушанія только въ дѣлахъ, касающихся нравственности, подумалъ, что имѣетъ право навязывать ему и политическія свои убѣжденія. Поэтому непослушаніе Іоанна оскорбило его и онъ прибѣгнулъ къ такому средству, которое должно было окончательно охладить къ нему и раздражить оскорбленнаго уже имъ царя. Сильвестръ началъ говорить Іоанну, что болѣзнь жены и дѣтей его, его собственныя болѣзни суть слѣдствіе гнѣва Божія за ослушаніе совѣтниковъ ([743]). Мало этого. Сильвестръ вздумалъ напугать царя какими-то «дѣтскими страшилами ([744]). Подобный образъ дѣйствій долженъ былъ вывести Іоанна изъ терпѣнія. Онъ понималъ, что Сильвестръ старается обмануть его. Кто вникалъ въ душу человѣческую, тотъ можетъ понять, что всѣ возможныя оскорбленія прощаются легче, нежели обманъ, потому что при этомъ послѣднемъ случаѣ, обманщикъ очевидно разсчитываетъ на слабоуміе обманываемаго, а такой разсчетъ простить трудно, потому что онъ оскорбляетъ самолюбіе человѣка. Вотъ, почему бываетъ такъ жестоко мщеніе за обманъ! Видя, что Сильвестръ и Адашевъ не достойны его довѣренности, видя, что они преслѣдуютъ одни только корыстныя цѣли, Іоаннъ перестaлъ слушаться ихъ совѣтовъ. Тогда Сильвестръ, потерявшій все значеніе, поступилъ какъ надменный человѣкъ, не хотѣвшій смириться предъ законными требованіями царя; онъ удалился въ монастырь, а Алексѣй Адашевъ отправился въ Ливонію. Смерть Анастасіи произвела окончательный, рѣшительный разрывъ между стороной Сильвестра и Адашева и царемъ. Анастасія въ послѣдніе годы жизни не была расположена къ Сильвестру и его сторонникамъ, выказавшимъ во время болѣзни царя свои преступные замыслы. Это нерасположеніе она, безъ сомнѣнія, старалась сообщить и царю. Поэтому враги Сильвестра и Адашева не

замедлили внушить царю мысль, что смерть Анастасіи была выгодна для стороны Сильвестра. Іоаннъ помнилъ, что бояре извели его мать и не могъ не заразиться подозрѣніемъ, что и супруга его имѣла туже участь, и Курбскій, расточающій другимъ съ такою щедростію обвиненія въ отравѣ, не долженъ жаловаться, что въ томъ же обвинили и его друзей. Соборнымъ опредѣленіемъ осудивъ Сильвестра и Адашева, Іоаннъ поступилъ съ ними милостиво: перваго оставилъ въ томъ же монастырѣ, гдѣ онъ жилъ до сихъ поръ, а другаго сдѣлалъ намѣстникомъ въ Феллинѣ. Но павшіе представители партіи не перемѣнили своего поведенія. Они старались возвратить, при помощи своихъ сторонниковъ, прежнее вліяніе. Поэтому Іоаннъ сослалъ Сильвестра въ Соловецкій монастырь и приказалъ посадить подъ стражу Адашева. Что же дѣлали въ это время ихъ сторонники? Озлобленные, раздраженные Іоанномъ, они не замедлили принести отечество въ жертву своимъ страстямъ и одинъ за другимъ измѣняли Іоанну: дозволяли малочисленному непріятелю разбивать ихъ, убѣгали въ Литву и Польшу, какъ Курбскій, и наводили на Москву поляковъ и крымцевъ. Видя, что кротость и милость ни къ чему не повели, Іоаннъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что однимъ страхомъ смерти можетъ обуздать крамольниковъ. Нельзя отвергать, что, рѣшившись на это, онъ дѣйствовалъ жестоко; но ему уже болѣе не оставалось никакихъ средствъ, никакихъ способовъ обуздать своеволіе бояръ: до крайности раздраженъ былъ онъ безпрерывнымъ сопротивленіемъ ихъ. Все, что бы онъ ни дѣлалъ, бояре истолковывали въ худую сторону. Видя со стороны бояръ одни измѣны и крамолы, Іоаннъ, съ первыхъ лѣтъ царствованія, сталъ возвышать худородныхъ, полагая, что они, незнатные родомъ, будутъ безпрекословными исполнителями его воли. Руководясь такою мыслію, онъ возвысилъ Адашева, возвысилъ и дру-

гихъ. Что же онъ увидѣлъ? Онъ увидѣлъ, что и эти люди увлеклись общимъ духомъ крамолы, забыли свое прежнее ничтожество и мечтаютъ о власти. Зная какія притѣсненія терпятъ области отъ намѣстниковъ, онъ далъ областямъ право рѣшать дѣла мимо намѣстниковъ и волостелей ([745]); но общины не поняли высокой мысли царя, не поняли оказаннаго имъ благодѣянія, и дѣла пошли хуже прежняго. Вздумалъ Іоаннъ для блага Россіи покорить Ливонію; но воеводы его измѣняли ему, постыдно оставляли поле битвы предъ слабѣйшимъ непріятелемъ, сносились съ врагами царя и Россіи и продавали отечество. Думая пресѣчь злоупотребленія, Іоаннъ учреждаетъ опричниковъ; но вскорѣ увидѣлъ необходимость прекратить ихъ существованіе, потому что они сдѣлались злѣйшими губителями государства; слѣдовательно во зло употребили довѣренность монарха.–Однимъ словомъ, что бы ни предпринималъ Іоаннъ, на какую бы мѣру онъ ни рѣшался,—всюду встрѣчалъ низкое корыстолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ; къ кому бы ни прилѣплялся Іоаннъ, кого бы ни осыпалъ онъ своими благодѣяніями,-во всякомъ онъ встрѣчалъ человѣка неблагодарнаго и безчувственнаго. Этихъ обстоятельствъ было достаточно для того, чтобы раздражить даже флегматика, а не только человѣка съ такими пылкими страстями какъ Іоаннъ. Итакъ не по природѣ своей Іоаннъ былъ жестокъ, но до этого довели его тѣ люди, которые винятъ его въ варварствѣ. Не должно упускать изъ виду и того, что эти жестокости преувеличены ненавистію современниковъ, и отчасти даже вымышлены, что доказывается разногласіемъ свидѣтельствъ о казняхъ. Кромѣ того при разсмотрѣніи казней Іоанна, мы должны взять во вниманіе характеръ тогдашней мрачной эпохи. Припомнимъ, какія жестокія казни существовали въ то время въ западной Европѣ и возмемъ во

вниманіе мѣру преступленій казненныхъ вельможъ, самую упорность борьбы и ожесточеніе обѣихъ сторонъ.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ казней Грознаго, о которыхъ говоритъ Курбскій. «Скоро по Алексѣевѣ смерти и по Селивестровѣ изгнанію воскурилось», пишетъ онъ, «гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся; и гоненіе воистину такое неслыханное, не токмо въ Русской землѣ никогда же бывало, а ни у древнихъ поганскихъ царей, потому что въ то время только мучили явно неповѣдовавшихъ Христа, а сродниковъ и знакомыхъ ихъ, хотя бы они и тутъ стояли и были извѣстны, не брали и не мучили. А нашъ новоявленный звѣрь,» продолжаетъ онъ, «вопервыхъ, началъ писать имена сродниковъ Алексѣя и Сильвестра, да и не только сродниковъ, но и друзей и сосѣдей знаемыхъ, хотя и мало знаемыхъ или вовсе неизвѣстныхъ, ради богатства и стяжаній ихъ, началъ ихъ подвергать различнымъ мукамъ, а другихъ, лишая имѣній, изгонять въ дальнія страны. А прочтожъ мучилъ тѣхъ неповинныхъ? Про то: понеже земля вопіяла о тѣхъ праведныхъ въ неповинномъ изгнанію (т. е. о Сильвестрѣ и Адашевѣ), нарекающе и кленуще тѣхъ предреченныхъ ласкателей, соблазнившихъ царя» ([746]) Такимъ образомъ изъ причины гоненія, приводимой Курбскимъ, видно, что павшая сторона Алексѣя и Сильвестра, стараясь о возстановленіи своего значенія, ропща на царя за удаленіе своихъ представителей, возбудила его гнѣвъ и сама, слѣдовательно, была причиною своего истребленія, а не царь, не мстившій никогда прежнихъ оскорбленій.

«Въ это время» говоритъ Курбскій «убита Марія преподобная, нарицаемая Магдалина, съ 5-ю сынами своими: понеже была родомъ Ляховица, потомъ исправилась въ правовѣріе». По свидѣтельству Курбскаго она отличалась постничествомъ, «часто употребляла пищу

только разъ въ недѣлю, носила на преподобномъ тѣлѣ тяжкія вериги желѣзныя. Она оклеветана была въ томъ, что будто бы была чародѣйка и сообщница Алексѣева. По этой причинѣ царь велѣлъ погубить ее съ дѣтьми и многихъ съ нею: понеже той Алексѣй не только самъ былъ добродѣтеленъ; но и другъ и причастникъ, яко Давидъ рече, всѣмъ боящимся Господа и сообщникъ всѣмъ, хранящимъ заповѣди Его. Десять прокаженныхъ онъ имѣлъ въ дому своемъ, тайно питалъ ихъ и самъ отиралъ гной ихъ своими руками» (747). Кто была эта Марія и за что она была казнена, неизвѣстно, потому что о ней упоминаетъ одинъ Курбскій.

Въ тоже время, по свидѣтельству Курбскаго, казненъ былъ Іоаннъ Шишкинъ, родственникъ Алексѣя, съ женою и дѣтьми; потомъ убитъ Даніилъ, братъ Адашева съ сыномъ Тархомъ, двѣнадцатилѣтнимъ (748); но ни въ синодикѣ, ни въ послужномъ спискѣ не упоминается о смерти Іоанна Шишкина и Даніила Адашева, у котораго былъ дѣйствительно сынъ Торхъ, какъ значится въ родословной книгѣ (749). Потомъ казнены, говоритъ Курбскій; тесть Адашева Петръ Туровъ и Θеодоръ, Алексѣй и Андрей Сатины (750). Но, когда казнены эти лица и были ли они дѣйствительно казнены, неизвѣстно, потому что мы не имѣемъ никакого свидѣтельства объ этомъ, кромѣ свидѣтельствъ Курбскаго, которому не имѣемъ никакого права довѣрять, имѣвъ уже случай не однократно показать какъ недобросовѣстенъ онъ въ изложеніи фактовъ. Но если поименованныя лица и дѣйствительно казнены, то какъ близкіе родственники Алексѣя Адашева они, разумѣется, были и самыми ревностными его поборниками и не могли не казаться въ глазахъ Іоанна преступниками; потому что преслѣдовали туже самую цѣль, за которую онъ удалилъ отъ себя Сильвестра и Алексѣя Адашева.

«Паки убитъ отъ него», говоритъ Курбскій, «тогда князь Димитрій Овчининъ, его же отецъ здѣ (т. е. въ Литвѣ) много лѣтъ страдалъ за него и умре ту. Сіе выслужилъ на сына! бо еще во юношескомъ вѣку, аки лѣтъ двадесяти или мало болѣ, закланъ отъ самого его руки» (751). Но Гваньини свидѣтельствуетъ, что Димитрій Овчининъ былъ удавленъ, по повелѣнію царя, на погребѣ, и причиною гнѣва Іоаннова на него выставляетъ жалобу Θедора Басманова, царскаго любимца, на оскорбленіе, нанесенное ему Овчиною (752). Хотя это разногласіе наводитъ на сомнѣніе въ самой казни Димитрія, потому что объ ней не упоминается въ послужномъ спискѣ, потому что имени его нѣтъ и въ синодикѣ; но если онъ и дѣйствительно былъ казненъ, то одной причины гнѣва Іоанна, приводимой Курбскимъ, слишкомъ достаточно для казни Димитрія Овчины, потому что слова, сказанныя послѣднимъ Басманову, въ высшей степени были оскорбительны для Іоанна. Наконецъ невѣроятно, чтобы Іоаннъ умертвилъ этого князя собственноручно.

«Тогда же», по словамъ Курбскаго, «убіенъ отъ него (Іоанна) Князь Михайло, глаголемый Рѣпнинъ»; причиною казни было то, что Рѣпнинъ, призванный Іоанномъ на пиршество, не хотѣлъ плясать въ маскѣ вмѣстѣ съ царемъ и его любимцами. Іоаннъ требовалъ, чтобы Рѣпнинъ веселился вмѣстѣ съ прочими и началъ надѣвать на его лице маску; но Рѣпнинъ вырвалъ ее и растопталъ ногами, сказавъ царю: «не буди ми се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину сущу мужу». Разгнѣванный царь отогналъ его отъ очей своихъ и, спустя нѣсколько дней, въ воскресенье приказалъ умертвить въ церкви предъ олтаремъ (753). Поступокъ Рѣпнина дѣйствительно былъ въ высшей степени грубъ и неблагопристоенъ и могъ раздражить всякаго, даже и не столь пылкаго какъ Грозный. Но мы не знаемъ былъ ли дѣйствительно казненъ Рѣпнинъ,

потому что въ послужномъ спискѣ онъ значится умершимъ своею смертію въ 1565 г. ([754]), а мы должны болѣе довѣрять оффиціальному свидѣтельству, нежели словамъ измѣнника, который исказилъ факты для того, чтобы обвинить ненавистнаго царя.

«Потомъ убитъ на порогѣ церковномъ Юрій Кашинъ, шедшій къ заутрени» ([755]). Въ послужномъ спискѣ и о Кашинѣ сказано, что онъ умеръ своею смертію ([756]). «Потомъ убитъ братъ Юрія Іоаннъ, а родственникъ ихъ, Димитрій Шовыревъ посаженъ на колъ».

«Дядя князей Шовыревыхъ, князь Димитрій Курлятевъ, насильно постриженъ въ монашество съ женою и съ ссущими малыми дѣтками, а по коликихъ лѣтѣхъ подавлено ихъ всѣхъ» ([757]). Этотъ Димитрій Курлятевъ былъ единомышленникомъ Сильвестра и Адашева и, слѣдовательно, подобно имъ, онъ былъ противникомъ намѣреній и плановъ царя. Введенный представителями партіи въ думу, онъ, вмѣстѣ съ прочими членами стороны, замышлялъ возвести на престолъ Владиміра Андреевича и почти послѣдній присягнулъ Димитрію спустя уже 3 дня послѣ общей присяги ([758]). Подобно Курбскому, онъ не одобрялъ ливонской войны и, посланный вмѣстѣ съ Михаиломъ Рѣпнинымъ въ Ливонію съ войскомъ, дѣйствовалъ тамъ въ высшей степени неудачно: дозволилъ магистру взять Рингенъ и повелъ дѣла такъ, что мы едва не лишились самого Дерпта ([759]). Такой образъ дѣйствій Курлятева долженъ былъ раздражить Іоанна, не щадившаго ничего для покоренія страны. По удаленіи отъ дѣлъ Сильвестра и Адашева, Курлятевъ, имѣвшій одни интересы съ павшими представителями партіи, само собою разумѣется, не могъ одобрять поступка царя. Карамзинъ, основываясь на словахъ Курбскаго, говоритъ, что Курлятевъ, вскорѣ по постриженіи, умерщвленъ со всѣмъ семействомъ и относитъ эту казнь къ 1561 году ([760]).

Дѣйствительно, въ архивской переписной книгѣ говорится: «столпикъ, а въ немъ государева грамота къ дьяку къ Ондрею Васильеву, да другая къ князю Димитрію Хворостинину писана о князѣ Дмитріи Курлятевѣ, какъ велено вести его въ монастырь ко Спасу на Волокъ. Лѣта 7071» (761). Слѣдовательно нельзя сомнѣваться въ томъ, что Курлятевъ былъ постриженъ въ монахи. Изъ описи царскаго архива видно, что онъ заключенъ былъ въ Каргопольскомъ Челмскомъ монастырѣ (762); а въ послужномъ спискѣ старинныхъ чиновниковъ сказано: «7070 года умеръ бояринъ князь Димитрій Ивановичь Курлятевъ» (763). Итакъ ни однимъ изъ этихъ противорѣчащихъ другъ другу извѣстій не подтверждается, чтобы Курлятевъ былъ казненъ Іоанномъ.

«Потомъ убіенъ отъ него Петръ Оболенскій, глаголемый Серебряный, сигклитскимъ саномъ украшенъ и мужъ нарочитъ въ воинствѣ и богатъ» (764). Дѣйствительно Оболенскій-Серебряный былъ казненъ, какъ видно изъ послужнаго списка (765) и изъ синодика (766). Гваньини разсказываетъ подробности этой смерти. По его увѣренію, царь въ праздникъ Св. Иліи, во время обѣда, вдругъ сталъ изъ за стола и, сопровождаемый опричниками, устремился въ Москву, приказалъ схватить Серебрянаго и, безъ всякой вины, сѣкирою отсѣчь ему голову, разграбилъ его имѣніе и сожегъ его домъ (767). Но этого свидѣтельства мы не можемъ принять безусловно, потому что всѣ свидѣтельства иностранныхъ писателей о Грозномъ составились подъ вліяніемъ ненависти къ нему и Россіи.

«Потомъ того же роду княжатъ побіено: Александра Ярославова и князя Владиміра Курлятева, сыновца онаго Димитрія; оба были подобны Ангеламъ въ жизни и разумѣ, по роду влекомы отъ великаго Владиміра, отъ пленицы великаго князя Михаила Черниговскаго, замученнаго Батыемъ.

По и тѣ сродницы его, кровію вѣнчавшіеся, приложени суть, пострадавшіе неповиннѣ, къ пострадавшему за Христа и преставлени мученики къ мученикомъ» ([768]). Дѣйствительно эти князья казнены, потому что имена ихъ помѣщены въ синодикѣ ([769]); но нельзя думать, чтобы они были казнены безвинно. То участіе, тѣ похвалы, которыя имъ расточаетъ Курбскій, доказываютъ, что эти лица были сторонниками Сильвестра, особенно Владиміръ Курлятевъ, а слѣдовательно и противниками царя и имѣли, по всей вѣроятности, такіе же смиренные нравы, какъ Сильвестръ и Адашевъ.

«Тогда же убіенъ отъ него княжа Суздальское Александръ Горбатый съ сыномъ Петромъ семнадцатилѣтнимъ......... Тѣ княжата Суздальскіе влекомы отъ роду великаго Владиміра, и была на нихъ власть старшая русская, между всѣми княжаты, болѣ дву сотъ лѣтъ, и владѣлъ единъ отъ нихъ Андрей, княжа Судальское Волгою рѣкою, ажъ до моря Каспійскаго». Курбскій говоритъ, что «Александръ Горбатый, мужъ ума глубокаго, вмѣстѣ съ сыномъ, неповиннѣ посѣчены отъ Іоанна, яко агнцы Бога живаго». Далѣе онъ описываетъ самую казнь и говоритъ, что «сынъ хотѣлъ быть казненъ прежде отца, но отецъ не допустилъ его, не желая видѣть его смерти и первый былъ казненъ, а за тѣмъ казненъ и сынъ, предварительно поцѣловавъ отрубленную голову отца. Съ таковымъ упованіемъ и со многою вѣрою ко Христу своему отойдоша» ([770]). Дѣйствительно въ послужномъ спискѣ подъ 7074 г. Александръ Борисовичъ Горбатый значится въ числѣ *выбывшихъ*, т. е. казненныхъ ([771]). Таубе и Крузе говорятъ: «Александръ Горбатый обезглавленъ вмѣстѣ съ 15 лѣтнимъ сыномъ въ 1566 г.» ([772]); имена Александра Горбатова и его сына, Петра, записаны и въ синодикѣ ([773]). Слѣдовательно нѣтъ никакого сомнѣнія, что князь Горбатый и сынъ

его были казнены. Но подробности ихъ казни описаны Курбскимъ, какъ онъ самъ говоритъ, по наслышкѣ ([774]) и, вѣроятно, преувеличены врагами Грознаго, желавшими этимъ возбудить еще большее негодованіе на него и представить его тираномъ. Курбскій говоритъ, что Горбатый казненъ безъ всякой вины; но вся исторія рода Шуйскихъ доказываетъ, что они были людьми самыми неблагонамѣренными. Они никогда не забывали, что ихъ предки были старшими князьями въ Руси; потому-то долго не хотѣли они покориться Москвѣ и служили Новгороду противъ московскихъ государей до самаго его паденія. Перейдя на службу московскую, они никогда не забывали своего прежняго значенія и явились виновниками смутъ въ малолѣтство Грознаго, отравили мать его ([775]), расхитили казну, оскорбляли самого Іоанна ([776]), самовольно казнили людей ему преданныхъ и вѣрныхъ ([777]), свергли двухъ митрополитовъ ([778]), свирѣпствовали какъ львы въ областяхъ ([779]), отказались присягать юному Димитрію во время болѣзни Іоанна ([780]); однимъ словомъ, они были самыми непокорными подданными. Можно думать, что и князь Александръ Горбатый имѣлъ точно такія же свойства; вѣроятно и онъ не забывалъ, что онъ «есть старшая власть въ землѣ русской» и это, можетъ быть, было причиною казни его и его сына.

«Потомъ убитъ по повелѣнію его князь Димитрій Ряполовскій» ([781]); но о смерти его не упоминается въ послужномъ спискѣ; его имени нѣтъ и въ синодикѣ.

«Паки побіени отъ него того же лѣта княжата Ростовскіе Семенъ, Андрей и Василій и друзіи съ ними» ([782]). Во время болѣзни Іоанна князь Семенъ Ростовскій былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ доброхотовъ Владиміра Андреевича и славилъ его мужество и умъ предъ народомъ на площади ([783]). Слѣдовательно онъ

открыто возсталъ противъ Іоанна. Въ 1554 году, онъ, вмѣстѣ съ братьями и племянниками, вмѣстѣ съ князьями Лобановыми и Пріимковыми, задумалъ бѣжать въ Литву и просилъ у Сигизмунда опасной грамоты на проѣздъ; но былъ схваченъ и признался, что онъ «думу царя и великаго князя польскимъ посламъ приказывалъ и за тѣмъ послы вѣчнаго мира не сдѣлали и многія поносныя слова про царя и великаго князя имъ приказывалъ». Въ оправданіе свое онъ говорилъ, что «вздумалъ сдѣлать это отъ убожества и малоумства». Приговоренный къ смерти, онъ былъ изъ уваженія къ ходатайству митрополита посланъ въ заточеніе на Бѣлоозеро (784). Но послѣ, какъ можно думать, благодаря старанію стороны Сильвестра, къ которой принадлежалъ, Семенъ Ростовскій былъ прощенъ, потому что изъ разрядовъ видно, что, въ 1565 году, онъ былъ воеводою въ Новѣгородѣ Нижнемъ (785). Итакъ мы видимъ, что Іоаннъ *отдалъ вину* Ростовскому; но измѣннику, разъ задумавшему вредить отечеству, показавшему, что отечество для него ничего не значитъ, трудно и даже невозможно сдѣлаться вѣрнымъ слугою его. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Семенъ Ростовскій опять замышлялъ измѣну, а потому казненъ. Это было, какъ видно изъ послужнаго списка, въ 7075 году. Но братъ его, думавшій нѣкогда измѣнить вмѣстѣ съ нимъ, умеръ своею смертію (786).

«Потомъ тѣхъ же княжатъ Ростовскихъ Василій Темкинъ и со сыномъ своимъ разсѣканы отъ кромѣшниковъ его, катовъ избранныхъ, за повелѣніемъ его» (787). Но Темкинъ въ послужномъ спискѣ показанъ подъ 7078 г. въ числѣ умершихъ своею смертію, а не казненныхъ (788). Если и казненъ, то, вѣроятно, за преступленіе, потому что онъ тоже былъ изъ роду Ростовскихъ князей, а они въ 1554 г. всѣ хотѣли измѣнить Россіи (789). Въ родословной книгѣ у князя Василія Тем-

кина, бывшаго бояриномъ Владиміра Андреевича, дѣтей не показано ([790]).

«Паки убіенъ княжа Петръ, глаголемый Щенятевъ, внукъ княжати Литовскаго Патрикіевъ, мужъ зѣло благородный бѣ и богатый и оставя все богатство и многое стяжаніе, мнишествовати былъ произволилъ. Но, Іоаннъ», разсказываетъ Курбскій, «и тамъ его повелѣлъ мучить, жечь на раскаленной сковородѣ и бить иглы за ногти, и въ такихъ мукахъ доблестный Щенятевъ скончался» ([791]). По свидѣтельству Таубе и Крузе онъ былъ засѣченъ ([792]), а по послужному списку умеръ своею смертію въ 7076 г. ([793]). Что онъ дѣйствительно поступилъ въ монашество это видно изъ обиходника Кирилловскаго монастыря, гдѣ сказано: «тогожъ мѣсяца (августа) въ 24 день память по князѣ Петрѣ Михайловичѣ Щенятевѣ, во иноцѣхъ Пименъ» ([794]). Итакъ, мы видимъ, что свидѣтельства о смерти Щенятева разногласятъ. Если впрочемъ Щенятевъ и дѣйствительно казненъ, то былъ достоинъ этого. Въ 1553 г. онъ выказалъ себя приверженцемъ Владиміра Андреевича, вмѣстѣ съ другими не хотѣлъ присягнуть Димитрію и открыто возсталъ противъ Іоанна ([795]). Прощенный, онъ конечно не отказался отъ своихъ притязаній, какъ не отказались и Сильвестръ и Адашевъ даже послѣ своего паденія. Жестокая казнь, которой подвергся Щенятевъ, по свидѣтельству Курбскаго, безъ сомнѣнія выдумана послѣднимъ и мы тѣмъ болѣе имѣемъ право недовѣрять ему, что во-первыхъ, извѣстія о казни противорѣчатъ, а во-вторыхъ, что, по послужному списку, онъ умеръ своею смертію.

«Въ тѣже лѣта побиты, пишетъ Курбскій, братья мои княжата Ярославскіе, влекомые отъ роду княжати Смоленскаго, Святаго Ѳеодора Ростиславича, правнука великаго Владиміра Мономаха; имеца ихъ были: князь

Θеодоръ Львовъ, мужъ зѣло храбрый и святаго жительства, и отъ младости своей, ажъ до четыредѣсятнаго лѣта, служилъ ему вѣрнѣ, многажды надъ поганскими языки свѣтлыя одоленія поставлялъ...... Другаго князя Θеодора, внука славнаго князя Θеодора Романовича, иже прадѣду того царя, губителя нашего, въ ордѣ будучи, даже еще въ неволѣ были княжата Русскіе у ординскаго царя и отъ его руки власти пріимовали, потомъ за его попеченіемъ, на царство свое возведенъ бысть» (796). Курбскій называетъ Θеодора Львова и другихъ князей ярославскихъ братьями своими, потому что они происходили отъ одного корня съ нимъ (797)—именно отъ Θеодора Ростиславича Смоленскаго. Когда и за что казненъ Θеодоръ Львовъ, Курбскій, по обыкновенію своему, ничего не говоритъ. Имени Θеодора Львова нѣтъ въ синодикѣ. Что касается до свидѣтельства Курбскаго: будто Θеодоръ Θеодоровичъ Львовъ выхлопоталъ престолъ московскій Василію Темному; то это, кажется, совершенная выдумка. Въ этомъ случаѣ помогъ Василію хитрый бояринъ его Иванъ Димитріевичъ, отъѣхавшій послѣ къ Юрію, дядѣ Василія, а изъ лѣтописей не видно, чтобы Θедоръ Θедоровичъ принималъ въ этомъ дѣлѣ какое нибудь участіе. Далѣе Курбскій разсказываетъ, что одного ихъ князей ярославскихъ, Ивана Шаховскаго, Грозный убилъ въ Невлѣ, идя къ Полоцку; «потомъ Василія, Александра и Михаила Прозоровскихъ и другихъ княжатъ того же рода, называемыхъ Ушатыми, тѣхъ же княжатъ Ярославскихъ роду, погубилъ всенароднѣ: понеже имѣли отчины великія, мню, негли изъ того ихъ погубилъ» (798). Всѣ эти князья, т. е. Львовы, Прозоровскіе и Ушатые, происходили, какъ и Курбскій, отъ князей ярославскихъ (799); слѣдовательно были съ нимъ одного рода. Само собою разумѣется, что тѣми же самыми притязаніями, которыми проникнутъ былъ Курбскій, проникнуты были и родичи его, ярославскіе

князья, и слѣдовательно, подобно Курбскому, были противниками Іоанна и того начала, котораго онъ былъ представителемъ; и если они казнены, то уже конечно не за помѣстья обширныя, которыя остались при нихъ потомкахъ ([800]), а за какое нибудь преступленіе. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что большая часть вельможъ, казненныхъ Іоанномъ, были дѣйствительно виновны, какъ это мы уже видѣли и увидимъ далѣе. Ни Прозоровскихъ, упоминаемыхъ Курбскимъ, ни Ивана Шаховскаго именъ нѣтъ въ синодикѣ; а всенароднѣ князья ярославскіе не были истреблены, потому что мы встрѣчаемъ, напримѣръ фамилію Львовыхъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ([801]). Слѣдовательно Іоаннъ казнилъ изъ нихъ только тѣхъ, которые оказались, подобно Курбскому, преступниками.

«Потомъ, Іоаннъ князь Пронскій, служившій еще отцу Іоаннову, много разъ бывшій великимъ гетманомъ, въ старости постригшійся въ монахи, былъ утопленъ по повелѣнію царя. Потомъ, убитъ и другой князь Пронскій, Василій Рыбинъ» ([802]). Этотъ послѣдній упоминается въ родословной книгѣ ([803]); но о казни его ничего не говорится. Что касается до Пронскихъ, то они были постоянно измѣнниками и непокорными подданными. Такъ они, вмѣстѣ съ Шуйскими, въ 1542 г., въ Думѣ, въ присутствіи государя, бросились на любимца его Воронцова, силою извлекли его въ другую комнату, били, мучили, заключили въ тюрьму противъ воли государевой и сослали въ Кострому ([804]). Въ 1547 году Грозный взялъ съ Ивана Пронскаго клятвенную запись въ томъ, что этотъ послѣдній «не отъѣдетъ отъ него ни въ Казань, ни въ Литву, ни къ папѣ, ни къ Ѳренцовскому королю, ни въ Крымъ» и пр. Въ этой грамотѣ Пронскій далъ клятву вѣрно служить государю Ивану Васильевичу, обязался не ссылаться ни съ кѣмъ изъ поименованныхъ государей безъ вѣдома царя Ивана Васильевича «и думы государя

своего царя и великаго князя всея Русіи не проносити никому, и которые рѣчи услышитъ у государя своего и тѣхъ рѣчей его не сказати ни кому» ([805]). Но недолго онъ оставался вѣрнымъ царю и чрезъ 5 лѣтъ снова измѣнилъ. Въ 1553 г., во время болѣзни Іоанновой, онъ открыто возсталъ противъ воли царя и склонился на сторону Владиміра Андреевича и съ бранью и ропотомъ присягнулъ наконецъ Димитрію ([806]). Такимъ образомъ мы видимъ, что милость царя не могла усвѣстить Пронскаго, и потому Іоаннъ могъ предать его смерти какъ государственнаго преступника. Но опять можно сомнѣваться казненъ или нѣтъ Пронскій. У Курбскаго онъ утопленъ въ рѣкѣ; Таубе и Крузе говорятъ, что онъ засѣченъ ([807]); а въ послужномъ спискѣ бояръ онъ показанъ умершимъ своею смертію въ 1569 г. ([808]), слѣдовательно, спустя годъ по смерти Щенятева, съ которымъ вмѣстѣ, по свидѣтельству Таубе и Крузе, былъ засѣченъ въ 1568 г. ([809]). Если мы примемъ это свидѣтельство, то выйдетъ, что Пронскій умиралъ дважды. Самое разногласіе свидѣтельствъ объ образѣ его смерти не есть ли ясное доказательство, что онъ никогда не былъ казненъ, а что эта казнь, какъ и другія, изобрѣтена врагами Грознаго. Именъ Іоанна и Василія Пронскихъ нѣтъ и въ синодикѣ.

«Тогда же убилъ Владиміра, стрыечнаго брата своего, съ матерью того Евфросиньею, княжною Хованскою, яже была отъ роду князя великаго литовскаго Олгерда, отца Ягайла, короля польскаго, и воистину святую и постницу великую, во святомъ вдовствѣ и во мнишествѣ провозсіявшую. Тогда же растрѣляти изъ ручницъ повелѣлъ жену брата своего Евдокію, княжну Одоевскую, также воистину святую, и зѣло кроткую и дву младенцевъ, сыновъ брата своего, отъ тоя святыя рожденныхъ: единому было имя Василій, аки въ 10 лѣтѣхъ, а другой мнѣйшій. Запамятовахъ уже, яко было имя его. И

иные мнози слузи ихъ вѣрніи пзбіени» ([810]). Владиміръ Андреевичъ былъ воспитанъ отцемъ своимъ, княземъ Андреемъ Старицкимъ, въ правилахъ и въ понятіяхъ проживившихся удѣльныхъ князей, и по ходатайству Сильвестра былъ освобожденъ изъ темницы, куда вмѣстѣ съ отцемъ былъ посаженъ Еленою. Іоаннъ постоянно былъ дружески расположенъ къ нему; но Владиміръ Андреевичъ въ 1553 г. задумалъ взойти на престолъ, торжественно отрекся отъ присяги Димитрію, и когда наконецъ долженъ былъ дать грамоту, что не будетъ искать подъ Димитріемъ престола, то Евфросинія, прикладывая къ этой грамотѣ печать, прибавила, что присяга невольная ничего не значитъ. Хотя Іоаннъ простилъ брату это покушеніе; но все-таки онъ не могъ съ той поры имѣть къ нему довѣренности. Изъ дѣлъ розыскнаго приказа видно, что Іоанну донесли, что Владиміръ Андреевичъ вошелъ съ новгородцами и псковичами въ заговоръ, клонившійся къ тому, чтобы Новгородъ и Псковъ присоединить къ Польшѣ, а Владиміру Андреевичу сдѣлаться великимъ княземъ московскимъ. Іоаннъ приказалъ схватить вѣроломнаго брата ([811]). Извѣстіе объ этомъ заговорѣ тѣмъ болѣе достовѣрно, что Владиміръ Андреевичъ и въ 1553 г. стремился тоже войти на престолъ. При томъ не ограниченномъ честолюбіи, которымъ отличались Владиміръ Андреевичъ и мать его, нельзя подумать, чтобы, не успѣвъ разъ въ своихъ планахъ, онъ отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ. По старымъ понятіямъ онъ считалъ себя старше Іоаннова сына и не могъ никогда свыкнуться съ мыслію о повиновеніи младшему. Что касается до участи виновнаго, то ее нельзя опредѣлить, потому что всѣ сказанія о ней чрезвычайно разнорѣчивы. Такъ въ новгородской лѣтописи разсказывается слѣдующее: «въ лѣто 7077 генваря въ 6 день на Крещеніе Господне, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ

всеа Русіи, убі брата благовѣрнаго и великаго князя Андрея Старицкаго» ([812]). Но здѣсь число означено неправильно. Мы знаемъ, что Владиміръ Андреевичъ умеръ 9 октября ([813]). Таубе и Крузе говорятъ, что Іоаннъ изъ своихъ собственныхъ рукъ отравилъ брата, его жену и дѣтей ([814]). Тоже самое свидѣтельствуетъ и датскій посолъ Ульфельдъ, бывшій у насъ въ 1578 году ([815]). По сказанію Гваньини, Владиміру Андреевичу отсѣкли голову ([816]); а Одерборнъ, называя его Георгіемъ, говоритъ, что онъ былъ зарѣзанъ ([817]). Точно также разногласятъ извѣстія и объ участи супруги Владиміра. По свидѣтельству Курбскаго, Іоаннъ велѣлъ разстрѣлять ее изъ ручницъ; а по свидѣтельству Таубе и Крузе, отравилъ ее ([818]). Но всѣ эти свидѣтельства, ставящія Іоанна какимъ-то извергомъ, не заслуживаютъ никакого довѣрія: во-первыхъ, потому что они оставлены намъ заклятыми врагами царя; а во-вторыхъ, самое разногласіе ихъ очевидно говоритъ въ пользу Іоанна.

«Потомъ убіенъ», продолжаетъ Курбскій «славный и между княжаты Русскими Михаилъ Воротынскій и Никита княжа Одоевскій, сродный его, съ младенчики дѣтками своими—единъ аки седми лѣтъ, а другой мнѣйшій, и со женою его: всероднѣ погублено ихъ, глаголютъ; его же была сестра, предреченная Евдокія святая, за братомъ царевымъ Владиміромъ». Въ чемъ же состояла вина Воротынскаго? «Не въ томъ ли», говоритъ Курбскій, «что, спустя годъ по сожженіи Москвы, Воротынскій нанесъ страшное пораженіе крымцамъ и прислалъ къ хоронякѣ и бѣгуну царю, забѣжавшему въ Великій Новгородъ, Дивія мурзу, знаменитаго кровопійцу христіанскаго? Въ благодарность за этотъ подвигъ, говоритъ онъ, Іоаннъ приказалъ схватить и привести къ себѣ связаннаго святаго мужа, оклевстаннаго слугою въ намѣреніи очаровать царя. Не смотря на оправданіе, приносимое Во-

ротынскимъ, царь приказалъ его жечь, положа связаннаго на дерево между двумя огнями, и самъ остріемъ жезла подгребалъ угли подъ его тѣло. Также и Никиту Одоевскаго приказалъ мучить различно, ово срачицу его пронзикнувши въ перси его, тамо и овамо торгати: той же въ таковыхъ абіе мученіяхъ скончался, а Воротынскій полумертвый сосланъ въ Бѣлоозеро. Но, отъѣхавъ три мили отъ Москвы, ко Христу своему отъиде» ([819]). Посмотримъ теперь, въ чемъ состояла вина Воротынскаго и дѣйствительно ли постигла его такая лютая казнь? Изъ исторіи открывается, что, спустя два почти года послѣ измѣны Курбскаго, Воротынскій самъ задумалъ измѣнить. Но Іоаннъ узналъ объ этомъ и, въ апрѣлѣ 1565 г., взялъ съ него клятвенную запись. Въ этой записи, данной за поручительствомъ митрополита Аѳанасія, архіепископовъ и епископовъ, Воротынскій объявляетъ, что «проступилъ предъ царемъ и за свою вину билъ ему челомъ»; что государь простилъ его и что онъ обязывается впредь служить вѣрно и не измѣнять ему отъѣздомъ ([820]). Бояре и дворяне обязались, въ случаѣ измѣны Воротынскаго, внести въ казну 15 т. рублей ([821]). Въ 1571 году Воротынскій преступилъ крестное цѣлованіе. Вмѣстѣ съ Мстиславскимъ дѣйствуя противъ крымцевъ, онъ доступилъ ихъ сжечь Москву. Въ клятвенной записи, данной въ этомъ году, Мстиславскій говоритъ, что его «измѣною и его товарищей святыя церкви, монастыри и православное крестьянство изпровержены, а крестьянская кровь многая пролита» ([822]). Изъ этого видно, что и Воротынскій измѣнилъ отечеству вмѣстѣ съ Мстиславскимъ, потому что и онъ былъ въ числѣ товарищей послѣдняго ([823]). Человѣкъ, два раза, не смотря на клятву, измѣнившій такъ постыдно интересамъ отечества, безъ всякаго сомнѣнія, не затруднился измѣнить и въ третій разъ. Спустя 10 мѣсяцевъ послѣ побѣды

своей надъ крымскими татарами Воротынскій былъ осужденъ. Причина его осужденіи не извѣстна. Въ рукописной разрядной книгѣ академіи наукъ разсказывается подъ 7081 г: «Грѣхъ нашихъ ради нѣмецкіе люди у Коловера у города царевыхъ и великаго князя воеводъ побили, а убили на томъ дѣлѣ правыя руки боярина, князя Ивана Андреевича Шуйскаго; а дворянъ и дѣтей боярскихъ и людей боярскихъ и стрѣльцовъ многихъ побили. А самъ царь и князь великій пошелъ въ свою отчину въ Великій Новгородъ. Тогожъ году (7081) апрѣля въ 15 день на берегу были воеводы по полкомъ: въ большомъ полку бояре и воеводы князь Михайло Ивановичь Воротынскій, да Михайло Яковлевичь Морозовъ и стояли въ Серпуховѣ. Въ правой рукѣ бояре и воеводы князь Никита Романовичь Одоевскій, да Иванъ меньшой Васильевичь Шереметевъ, стояли въ Торусѣ..... И царь и великій князь положилъ опалу на бояръ и воеводъ на князя Михайла Ивановича Воротынскаго, да на князя Никиту Романовича Одоевскаго, да на Михайла Яковлевича Морозова: велѣлъ ихъ казнити смертною казнію» ([823]). Въ послужномъ спискѣ бояръ Воротынскій, Одоевскій и Морозовъ показаны также выбывшими т. е. казненными въ 1573 году ([824]). Хотя о винѣ казненныхъ не упоминается, но, вѣроятно, они казнены не за доброе дѣло. Мученія, которымъ они подвергались по свидѣтельству Курбскаго, не подтверждаются ничѣмъ, а довѣрять Курбскому мы не имѣемъ никакого права, потому что главною его цѣлію было очернить Грознаго въ глазахъ потомства и современниковъ.

Боярскіе роды, подвергшіеся, по свидѣтельству Курбскаго, опалѣ и казнямъ во время Грознаго, всѣ принадлежали къ древнѣйшимъ московскимъ фамиліямъ.

«Въ началѣ мучительства своего, говоритъ Курбскій, мудраго совѣтника своего Іоанна Шереметева мучилъ

такою презлою узкою темницею, острымъ помостомъ приправленною, иже вѣрѣ не подобно, и оковалъ тяжкими веригами по выѣ, по рукамъ и по ногамъ, и къ тому еще по чресламъ обручь толстый желѣзный и къ тому обручу десять пудовъ желѣза привѣсити повелѣлъ и въ такой бѣдѣ аки день и нощь мужа мучилъ. Прійдя въ темницу» разсказываетъ Курбскій, «Грозный началъ допрашивать Шереметева, куда онъ спряталъ свои богатства. Узникъ отвѣчалъ, что руками нищихъ онъ передалъ ихъ Христу. Тронутый этими словами, царь приказалъ перевести Шереметева въ другую темницу и облегчить его мученія. Но въ тотъ же день приказалъ удавить брата его Никиту, храбраго воина, а Ивану Шереметеву, истощенному муками, дозволилъ постричься въ монахи. Не вѣмъ, заключаетъ Курбскій, еще и тамъ не повелѣлъ ли уморити его» ([825]). Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ дѣйствительно съ 1567 года былъ въ опалѣ. Причиною гнѣва Іоаннова на этого боярина было его намѣреніе бѣжать въ Польшу. Въ 1564 году марта 8, государь взялъ съ него запись, по которой онъ обязывался служить вѣрно и не отъѣзжать изъ Россіи, а въ противномъ случаѣ бояре обязались внести за него въ казну 10,000 рублей ([826]). Сказаніе Курбскаго о мученіяхъ, которымъ подвергся Шереметевъ, не подтверждается ничѣмъ, а поэтому мы имѣемъ полное право не признавать его достовѣрнымъ на томъ основаніи, что Курбскій писалъ подъ вліяніемъ страстной ненависти къ Іоанну. Мы знаемъ только, что Шереметевъ, прощенный Іоанномъ, былъ нѣсколько лѣтъ опять думнымъ совѣтникомъ, потомъ, по собственному своему желанію, постригся въ монахи, и кончилъ жизнь свою въ Кириллобѣлоозерскомъ монастырѣ. Въ послужномъ спискѣ бояръ онъ показанъ умершимъ подъ 7079 г. ([827]); а изъ письма Іоаннова къ кирилловскому игумену Козьмѣ вид-

но, что Шереметевъ былъ живъ еще въ 1577 году ([828]). Слѣдовательно, онъ умеръ не въ началѣ мучительства Іоаннова, которое по Курбскому начинается съ 1560 г. съ удаленіемъ Сильвестра и Адашева, но спустя уже 17 лѣтъ. Что касается до брата Никиты Шереметева, то по списку бояръ онъ показанъ умершимъ въ 7073 г. ([829]), слѣдовательно свидѣтельство Курбскаго о томъ, что онъ удавленъ по приказанію Іоанна, мы имѣемъ полное право отвергнуть, потому что въ случаѣ казни онъ означенъ былъ бы въ послужномъ спискѣ *выбывшимъ*.

«Потомъ убитъ отъ него», говоритъ Курбскій, стрыечный братъ жены его Семенъ Яковлевичъ, мужъ благородный и богатый, такожде и сынъ его: еще въ отроческомъ вѣку удавленъ» ([830]). Кто это былъ Семенъ Яковлевичъ неизвѣстно. Если это былъ Семенъ Васильевичъ Яковля, внучатый братъ царицы Анастасіи, то онъ 7076 г. пожалованъ былъ изъ окольничихъ въ бояре, а въ 7077 г. умеръ, а не казненъ ([831]). Правда, что казненъ Иванъ Петровичъ Яковля ([832]), но онъ казненъ спустя годъ по смерти перваго въ 7078 г. Этотъ послѣдній 28 марта 1565 г., за ручательствомъ митрополита Аѳанасія, далъ запись, что не отъѣдетъ никуда и будетъ служить вѣрно за то, что государь его пожаловалъ и вину ему отдалъ ([833]). Можетъ быть Курбскій перемѣшалъ имена.

«Паки убіени отъ него мужи грецка роду, именемъ Хозяинъ, нарѣченный Тютинъ, иже былъ у него подскарбіемъ великимъ, и погубленъ всеродно, сирѣчь съ женою и дѣтьми и другими южики» ([834]). Дѣйствительно, Хозяинъ Тютинъ, въ 1556 году, былъ казненъ у Іоанна ([835]) и имя его упоминается въ синодикѣ Грознаго ([836]). Слѣдовательно онъ былъ казненъ; но когда и за что—не извѣстно. Курбскій не упоминаетъ какому роду казни подвергся Тютинъ; но, по свидѣтельству Таубе и Крузе, онъ

былъ разсѣченъ на части съ женою, двумя сыновьями-младенцами и двумя дочерьми, и эту казнь совершилъ князь Михайло Темгрюковичь Черкасскій, братъ царицы Маріи ([837]). Но Таубе и Крузе были отъявленными врагами царя; а потому, допустивъ, что Тютинъ казненъ, мы все таки не можемъ принять подробностей его казни, сообщаемыхъ намъ Таубе и Крузе.

«Потомъ разграбилъ сигклита своего скарбы великіе, отъ праотцевъ его еще собраны, ему же имя было Іоаннъ, по нареченію Хабаровъ, роду старожитнаго, яже нарицалися Добрынскіе..... По трехъ же лѣтѣхъ убити его повелѣлъ со единочаднымъ сыномъ, изъ отчины: понеже великія отчины имѣлъ во многихъ повѣтѣхъ» ([838]). Карамзинъ относитъ казнь его къ 1570 г. и говоритъ о ней словами Курбскаго, не приводя никакаго другаго свидѣтельства ([839]). Но Курбскій или вовсе не означаетъ причинъ казни, или означаетъ ихъ превратно, и преувеличиваетъ до крайности самыя обстоятельства; слѣдовательно мы не можемъ рѣшить, точно ли потому казненъ Хабаровъ-Добрынскій, что имѣлъ богатыя помѣстья. Скорѣе можно полагать, что причина казни была совершенно иная: странно подумать, чтобы Іоаннъ могъ завидовать этимъ ничтожнымъ лоскуткамъ его обширнаго царства.

«Въ тѣхъ же лѣтѣхъ убилъ свѣтлаго роду мужа Михаила Матвѣевича Лыкова и съ нимъ ближняго родственника его юношу зѣло прекраснаго, иже посланъ былъ на науку за море, во Ерманію, и тамо навыкъ добре Алеманскому языку и писанію и возвратяся въ отечество отъ мучителя смерть вкусилъ неповиннѣ». Далѣе онъ разсказываетъ о славной смерти Матвѣя Лыкова, отца Михайлова, который, при взятіи Стародуба литовцами, рѣшился лучше сгорѣть живой, нежели сдаться литовцамъ. Жена и дѣти его были отведены въ плѣнъ

и, по повелѣнію Сигизмунда Августа, научены языку римскому. Послы московскіе Василій Морозовъ и Ѳеодоръ Воронцовъ испросили ихъ у короля въ отечество, во истинну неблагодарное и недостойное великихъ мужей, въ землю лютыхъ варваровъ. И вотъ, тамъ одинъ изъ нихъ Іоаннъ уморенъ въ темницѣ лифляндскимъ магистромъ, а другой Михаилъ былъ воеводою въ Ругодевѣ и убитъ тамъ отъ мучителя, варварскаго царя (840). Дѣйствительно, Матвѣй Лыковъ погибъ, но въ Радогощѣ, а не Стародубѣ (841). Сыновья его Иванъ и Михайло служили Іоанну и первый дѣйствительно былъ взятъ въ плѣнъ магистромъ ливонскимъ послѣ пораженія Рѣпнина 7063 (1555) г. (842). Подѣйствительно ли братъ его Михаилъ Лыковъ былъ воеводою въ Ругодевѣ—неизвѣстно. Что касается до казни его, то это извѣстіе мы считаемъ за вымыселъ Курбскаго, потому что оно не подтверждается никакими актами. Напротивъ въ спискѣ бояръ сказано: «7079 года умеръ Окольничій Михайло Матвѣевичь Лыковъ» (843).

«Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ, такоже мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ: бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ нѣмецкія земли выѣхалъ, емуже имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ решскихъ». Причиною ихъ казни Курбскій выставляетъ то, что митрополитъ Филиппъ, происходившій также изъ фамиліи Колычевыхъ, возсталъ противъ беззаконій царя. Курбскій разсказываетъ, что опустошая помѣстья Шереметева, Грозный приказалъ загнать въ одинъ домъ много народу, а Ивана Борисовича Колычова схватить и привязать къ стѣнѣ въ томъ же домѣ. Потомъ приказалъ прикатить туда нѣсколько бочекъ пороху и зажечь. Какъ скоро взорвало домъ, Іоаннъ съ опричниками поскакалъ смотрѣть истерзанные трупы. Одинъ

изъ опричниковъ далеко въ полѣ увидалъ Колычева, который, будучи одною рукою привязанъ къ бревну, сидѣлъ невредимый и пѣлъ благодарственные псалмы Богу. Немедленно опричникъ сѣкъ ему голову и принесъ царю, а этотъ, приказавъ ее зашить въ кожанный мѣхъ, послалъ къ Филиппу, заключенному въ темницу, приказавъ сказать ему: «се сроднаго твоего глава! не помогли ему твои чары». Курбскій говоритъ, что всѣ Колычевы, числомъ 10 человѣкъ, были избиты Грознымъ ([844]). Можетъ быть, причиною казни Іоанна Борисовича Колычева былъ гнѣвъ Іоанна на митрополита Филиппа, но эта казнь преувеличена въ своихъ подробностяхъ до очевиднаго неправдоподобія. Замѣчу еще, что родъ Колычевыхъ не былъ истребленъ весь Іоанномъ, что многіе изъ нихъ умерли своею смертію и, наконецъ, одинъ изъ этой фамиліи, Михайло Крюкъ Өеодоровичь Колычевъ былъ окольничимъ при царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ ([845]).

«Потомъ убіенъ отъ него мужъ храбрый Василій Разладинъ, потомокъ Іоанна Родіоновича Квашни. Пострадала отъ мучителя и мать его Өеодосія, имѣвшая трехъ сыновей: единъ предреченный Василій, а другой Іоаннъ, третій Никифоръ, убиты въ сраженіи съ ливонскими нѣмцами» ([846]). Разладины, происходя отъ древняго московскаго боярскаго рода, разумѣется, были на сторонѣ тѣхъ же притязаній, которыя обнаружила и московская боярская партія. Далѣе Курбскій разсказываетъ о казни Димитрія Пушкина, единоплеменнаго Челядниными, Андрея Шеина, внука Димитрія *Шеина*, и семи Морозовыхъ, изъ которыхъ упоминаетъ о Владимірѣ Морозовѣ, говоритъ о казни Льва Салтыкова съ 4 или съ 5 сыновьями, Игнатія, Богдана и Өеодосія Заболоцкихъ, погубленныхъ *всеродно;* Василія Бутурлина съ братьями, родственника Ивана Петровича Челяднина, Ивана Воронцова Замятни-

Сабурова съ женою и сыномъ [847]. Этотъ послѣдній былъ родственникомъ Соломоніи, супруги Василія III [848]. «Потомъ убиты, продолжаетъ Курбскій, Андрей Кашкаровъ, знаменитый защитою Лаиса, братъ его Азарій съ дѣтьми и родственниками Василіемъ и Григоріемъ Тетериными, Даніилъ Чулковъ, происходившій отъ рязанскихъ дворянъ– Өеодоръ Булгаковъ; пишетъ, что царь приказалъ Өедору Басманову зарѣзать отца своего Алексѣя; приказалъ умертвить князя Владиміра Курлятева и вмѣстѣ съ нимъ Григорія Степанова, сына Сидорова, съ роду великихъ сигклитовъ рязанскихъ. Потомъ погублены Сабуровы Долгіе и Сарыхозины, числомъ 80 человѣкъ. Убитъ Іоанномъ Никита Казариновъ съ сыномъ Өеодоромъ. Подробности казни этого послѣдняго сановника, сообщенныя Курбскимъ, слѣдующія: Іоаннъ послалъ за нимъ опричниковъ, но Казариновъ, узнавъ объ этомъ, удалился въ монастырь на рѣкѣ Окѣ и постригся. Опричники явились и туда. Казариновъ не скрывался отъ нихъ, но выйдя къ нимъ на встрѣчу сказалъ: «азъ есмь, его же ищете»! И немедленно былъ схваченъ и представленъ въ слободу, гдѣ находился царь. Увидѣвъ Казаринова въ монашескомъ одеяніи, Іоаннъ воскликнулъ: «Онъ ангелъ: подобаетъ ему на небо возлетѣти», и, привязавъ къ двумъ бочкамъ пороху, приказалъ взорвать его. Но что много говорить, восклицаетъ Курбскій: имена жертвъ свирѣпости Іоанна записаны въ книгу животную, а я не могу и перечесть ихъ» [849].

«Потомъ убиты царемъ мужъ славный въ родѣ Михаилъ Морозовъ съ сыномъ Іоанномъ 18 лѣтнимъ и съ другимъ юнѣйшимъ, имя котораго я забылъ, и съ женою его Евдокіею, дочерію Димитрія Бѣльскаго, ближняго сродника короля Ягайла» [850].

Изъ родословной этихъ лицъ, казненныхъ Іоанномъ, открывается, что всѣ они принадлежали къ древнѣйшимъ

боярскимъ родамъ, а именно: *Челяднины* принадлежали къ древнѣйшей фамиліи и предокъ ихъ былъ московскимъ бояриномъ еще при Калитѣ ([851]). *Шереметевы* выѣхали изъ Пруссіи ([852]) и состояли въ родствѣ съ Колычевыми, Романовыми и Кобылиными ([853]), а нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи были замѣчены въ намѣреніи измѣнить отечеству ([854]). *Яковлевы* выѣхали изъ Швеціи ([855]) и состояли въ родствѣ съ Захарьиными ([856]); слѣдовательно принадлежали къ московской боярской партіи. Предки *Хабарова-Добрынскаго* выѣхали изъ Касуйской орды ([857]) и состояли въ родствѣ съ Лаптевыми и Лопухиными ([858]) и, по свидѣтельству самаго Курбскаго, имѣли огромныя владѣнія ([859]). *Кошкаровъ* происходилъ отъ одного корня съ Добрынскими ([860]). *Колычевы* были, какъ мы уже видѣли, единоплеменные Шереметевымъ. *Разладины*, по свидѣтельству самаго Курбскаго, происходили отъ Іоанна Родіоновича Квашни ([861]), а слѣдовательно отъ Родіона Несторовича, знаменитаго боярина Калиты, пришедшаго въ Москву изъ Кіева съ значительною дружиною ([862]); *Пушкинъ*, по свидѣтельству Курбскаго, былъ одного рода съ Челядниными ([863]), а по свидѣтельству выписи изъ родословной, приложенной при мѣстническомъ счетѣ Пушкина съ Плещеевымъ, Пушкины вели свое начало отъ знаменитаго боярина Іакинѳа, соперника Родіона Несторовича и врага Калиты; отъ него же произошли и Бутурлины ([864]), по свидѣтельству Курбскаго, также родственные Челяднинымъ ([865]). *Шеины* выѣхали изъ Пруссіи ([866]) и состояли въ родствѣ съ Морозовыми и Салтыковыми ([867]). Слѣдовательно, Шеины, Морозовы и Салтыковы, о казни которыхъ свидѣтельствуетъ Курбскій, составляли одинъ родъ. *Заболоцкіе* князья происходили отъ князей смоленскихъ ([868]), слѣдовательно, также принадлежали къ московской партіи; *Замятня* былъ одного рода съ Сабуровыми, какъ свидѣтельствуетъ Курбскій, ([869]) и

сверхъ того былъ близкій родственникъ Соломоніи, за разводъ съ которою такъ озлоблены были бояре на отца Іоаннова и слѣдовательно, какъ родственникъ, онъ всего болѣе долженъ былъ раздѣлять эту ненависть, которая перешла отъ Василія III на сына его; *Чулковы* состояли въ родствѣ съ Сидоровыми, выѣхали вмѣстѣ изъ Литвы ([870]) и были рязанскими боярами ([871]); *Владиміръ Курлятевъ* былъ племянникъ Димитрію Курлятеву ([872]); *Андрей Аленкинъ* былъ, также какъ и Курбскій, съ роду князей ярославскихъ ([873]); *Сабуровы-Долгіе и Сарыхозины*, по свидѣтельству Курбскаго, принадлежали къ древнѣйшимъ фамиліямъ и были одного рода съ Замятнею, слѣдовательно родственники Соломоніи и принадлежали къ московской боярской партіи; *Никита Казариновъ*, по свидѣтельству самаго Курбскаго, былъ знаменитый и богатый земскій бояринъ ([874]); *Михайло Морозовъ* происходилъ отъ древняго, знаменитаго рода и предки его выѣхали изъ Пруссіи ([875]). По женѣ онъ былъ родственникъ Дмитрію Бѣльскому, котораго сынъ, Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій, принадлежалъ къ партіи Адашева и нѣсколько разъ измѣнялъ Грозному ([876]). Итакъ мы видимъ, что всѣ боярскіе роды, о казни которыхъ свидѣтельствуетъ Курбскій, состояли въ родствѣ другъ съ другомъ, принадлежали къ древнѣйшимъ московскимъ фамиліямъ или къ фамиліямъ, перешедшимъ изъ удѣльныхъ княжествъ и, по связямъ своимъ, по положенію своему въ государствѣ, естественно должны были стоять въ рядахъ партіи, такъ ревностно во все правленіе Іоанново, хлопотавшей о возвращеніи правъ и привиллегій, которыми прежде пользовались ихъ роды и слѣдовательно недовольной дѣйствіями Грознаго.

Курбскій не сообщаетъ намъ, въ слѣдствіе чего казнены исчисленныя имъ лица; но, по всей вѣроятности, они подверглись наказанію за преступленія. Такъ напри-

мѣръ Морозовъ въ 1571 г. измѣнилъ отечеству. Морозовъ былъ однимъ изъ воеводъ въ это время командовавшихъ арміею, а Мстиславскій свидѣтельствовалъ въ своей записи, что съ нимъ вмѣстѣ измѣнили отечеству и его товарищи (877).

Одно изъ самыхъ страшныхъ дѣлъ, лежащихъ чернымъ пятномъ на памяти Грознаго и не смытыхъ потомствомъ, есть убіеніе митрополита Филиппа, прославившагося святою и благочестивою жизнію, причисленнаго церковію къ лику угодниковъ Божіихъ.

«Прежде еще возведенія Филиппа на митрополію, говоритъ Курбскій, Іоаннъ просилъ епископа казанскаго Германа принять на себя санъ митрополита. Долго противился этому святитель, и хотя жилъ уже въ митрополичьихъ палатахъ, но все таки продолжалъ отказываться отъ предлагаемаго ему сана, не желая управлять церковію при такомъ лютомъ и безразсудномъ царѣ. Однажды, продолжаетъ Курбскій, онъ вступилъ въ бесѣду съ царемъ и началъ тихо и кротко вразумлять его, напоминая ему о страшномъ, нелицепріятномъ судѣ Божіемъ. Царь смутился и, возвратясь во дворецъ, разсказалъ бесѣду съ Германомъ своимъ ласкателямъ. Опасаясь, что Іоаннъ приметъ совѣтъ епископа и, обратясь на путь добродѣтели, удалитъ ихъ, они, особенно Алексѣй Басмановъ съ сыномъ, упали къ ногамъ царя и молили его не внимать словамъ пастыря. Въ одинъ голосъ говорили всѣ они: Боже сохрани тебя отъ такого совѣта. Паки ли хощеши, о царю! быти въ неволѣ у такого епископа еще горшей, нежели у Алексѣя и у Сильвестра былъ еси предъ тѣмъ много лѣтъ.» Іоаннъ внялъ ихъ совѣту и велѣлъ изгнать епископа изъ палатъ церковныхъ, говоря: еще и на митрополію не возведенъ еси, а уже мя неволею обязуешь!» И спустя два дня Германъ найденъ на своемъ дворѣ мертвымъ и одни говорятъ, что онъ былъ удавленъ

по повелѣнію царя, а другіе, что отравленъ ядомъ. Германъ былъ, говоритъ Курбскій, съ рода Полевыхъ, съ сановитостію роста соединялъ глубокій умъ, былъ человѣкъ святаго жительства, ревностный служитель Божій, неутомимый въ трудахъ духовныхъ. Онъ былъ образованъ и мало нѣчто отчасти былъ причастенъ и ученія Максима Грека, и, хотя и былъ изъ четы презлыхъ Осифлянъ, но чуждъ былъ ихъ лукавыхъ обычаевъ и лицемѣрія, былъ человѣкъ простой и великій помощникъ находящимся въ нуждѣ и бѣдствіи ([878]). Германъ, въ мірѣ Григорій, происходилъ дѣйствительно отъ фамиліи Полевыхъ-Садыревыхъ. Съ ранней молодости онъ полюбилъ уединеніе и ревностно занимался изученіемъ священнаго Писанія. Жизнь въ мірѣ не могла удовлетворить его душѣ, жаждавшей высшаго уединенія и высшихъ подвиговъ. Поэтому онъ удалился въ тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь и принялъ здѣсь монашество подъ именемъ Германа и скоро сдѣланъ былъ архимандритомъ Старицкаго Успенскаго монастыря, именно въ 1551 году ([879]). Нѣтъ никакой надобности распространяться здѣсь о святой жизни Германа и о трудахъ его на пользу церкви, скажемъ только, что церковь причислила его къ лику святыхъ и этого довольно. Послѣ собора противъ Башкина, Германъ, присутствовавшій на этомъ соборѣ, въ 1564 г., снова былъ вызванъ въ Москву и посвященъ по смерти св. Гурія въ санъ архіепископа казанскаго изъ свіяжскихъ архимандритовъ ([880]). Святая жизнь Германа давно уже обращала на себя вниманіе царя и потому когда въ 1566 г. Аѳанасій митрополитъ, изнуренный болѣзнями, отказался отъ званія первосвятителя, Іоаннъ обратилъ взоры свои на Германа и вызвалъ его въ Москву съ тѣмъ, чтобы возвести въ санъ митрополита. Долго смиренный епископъ отказывался отъ этого важнаго сана; но, чувствуя долгъ своего званія,

рѣшился, прежде принятія его, побесѣдовать съ царемъ. Онъ началъ укорять царя за недостойную жизнь его и грозить ему страшнымъ и неумытнымъ судомъ Божіимъ. Смущенный вышелъ царь изъ палатъ митрополичьихъ ([881]). Курбскій, какъ мы уже видѣли, заставляетъ Іоанна, по возвращеніи во дворецъ, совѣтоваться съ опричниками касательно бесѣды своей съ Германомъ, заставляетъ опричниковъ падать къ ногамъ Іоанна съ просьбою не возвышать Германа въ санъ митрополита, чтобы не быть опять въ неволѣ. Но этотъ разсказъ мы должны отвергнуть, какъ недостойный ума Іоаннова. Удаленіе Германа было слѣдствіемъ не слезной просьбы опричниковъ, а слѣдствіемъ подозрѣнія, которое возбудили въ Іоаннѣ увѣщанія Святителя. Іоаннъ, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ о знаменитости рода избираемаго имъ святителя. Увѣщаніе, сдѣланное ему вдругъ избраннымъ, естественно должно было возбудить въ немъ подозрѣніе. Онъ еще помнилъ увѣщанія Сильвестра, помнилъ лицемѣрную добродѣтель этого человѣка и, размысливъ о словахъ Германа, полагалъ, что они, подобно словамъ Сильвестра, имѣютъ заднюю мысль. Соображая обстоятельства, онъ могъ думать, что бояре хотятъ сдѣлать изъ Германа только орудіе для достиженія своихъ противозаконныхъ цѣлей. Я уже сказалъ, что, подъ вліяніемъ мрачныхъ, печальныхъ обстоятельствъ того времени, Іоаннъ не могъ имѣть вѣры въ истинность добродѣтели лицъ, которыхъ думалъ приблизить къ себѣ. Кто же былъ причиною, что Іоаннъ пришелъ къ такому убѣжденію? Партія Сильвестра и Адашева и ея представители довели его до того своимъ недостойнымъ образомъ дѣствій, своими интригами и коварствомъ. Какъ человѣкъ, Іоаннъ могъ ошибиться и въ святомъ Германѣ, и его добродѣтели онъ сочелъ личиною, подъ которою кроются честолюбивые замыслы. Прійдя къ этому убѣжденію, Іоаннъ, само собою разумѣется, дол-

женъ былъ охладѣть въ своемъ расположеніи къ св. мужу и отклонилъ выборъ его въ митрополиты. Извѣстіе Курбскаго, что Іоаннъ велѣлъ изгнать святителя изъ митрополичьихъ палатъ, не можетъ быть принято, потому что ничѣмъ не подтверждается и нами должно быть отвергнуто тѣмъ болѣе, что послѣдующій разсказъ Курбскаго есть чистая выдумка. Курбскій говоритъ, что спустя два дня Германъ найденъ былъ мертвымъ на дворѣ своемъ и былъ по словамъ однихъ удавленъ, а по свидѣтельству другихъ отравленъ ядомъ. Избраніе Германа въ митрополиты послѣдовало въ 1566 г. На клятвенной записи Михаила Воротынскаго мы встрѣчаемъ его имя ([882]). Эта запись дана была въ апрѣлѣ 1566 г. Слѣдовательно, еслибы Германъ два дня жилъ въ митрополичьихъ покояхъ и умерщвленъ еще спустя два дня, то смерть его послѣдовала бы вѣроятно не позже мая. Но, мы встрѣчаемъ его имя опять въ подписяхъ приговорной грамоты о войнѣ съ Польшею 2 іюля 1566 года ([883]). Имени Германа на грамотѣ, которою Филиппъ обязался не требовать уничтоженія опричнины, нѣтъ; но онъ все таки былъ живъ, потому что присутствовалъ при поставленіи митрополита Филиппа ([884]). Въ 1568 г. во время суда надъ Филиппомъ присутствовалъ на соборѣ и Германъ и одинъ осмѣлился принять сторону Филиппа. Іоаннъ, все еще уважавшій Святителя Германа, не сказалъ ему даже колкаго слова ([885]). Смерть Германа послѣдовала 1568 г., ноября 8 дня. Патріархъ Гермогенъ въ своемъ житіи Германа вотъ что говоритъ о его смерти: «представился сей преподобный архіепископъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7076 ноемврія въ 8 день. Пасъ Церковь Божію три лѣта и мѣсяцъ 8. Бѣже тогда въ Москвѣ моръ силенъ. Повелѣже себе положити въ чину святительскомъ, якоже повѣдаютъ ученицы его; обаче не сподобися тогда святительски погребенъ быти: не

сущу бо тогда митрополиту, ни иному кому обрѣстися отъ святителей во градѣ Москвѣ, грѣхъ ради нашихъ. Но тако просто погребенъ бысть архимандриты паствы своея: Свіяжскимъ Иродіономъ и Казанскимъ Іереміемъ въ чину святительскомъ, якоже повелѣ, у Церкви Св. Николая, иже зовется мокрый» (886). Итакъ, Германъ умеръ естественною смертію и, вѣроятно, отъ язвы, въ то время свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Еслибы Германъ дѣйствительно умеръ насильственною смертію, то Гермогенъ не умолчалъ бы объ этомъ: онъ жилъ въ такую эпоху, когда въ свѣжей еще памяти были всѣ событія Іоаннова царствованія. Изъ всего этого мы видимъ, что свидѣтельство Курбскаго не должно имѣть никакой цѣны.

Такъ же ложно повѣствованіе Курбскаго и о смерти новгородскаго архіепископа Пимена. «Потомъ убилъ, говоритъ онъ, архіепископа Великаго Новгорода, Пимена: Той бо былъ Пименъ чистаго и зѣло жестокаго жительства, но въ дивныхъ былъ обычаяхъ: бо глаголютъ его похлѣбовати мучителю и гонитель былъ вкупѣ на митрополита Филиппа, а мало послѣди и самъ смертную чашу испилъ отъ него: бо пріѣхавъ самъ (т. е. Іоаннъ) въ Новгородъ Великій, въ рѣцѣ его утопити повелѣлъ» (887). Не говоря о противорѣчіи, заключающемся въ самомъ разсказѣ, скажемъ только, что Пименъ вовсе не былъ утопленъ въ рѣкѣ, а что это опять выдумка Курбскаго. Гваньини разсказываетъ, что послѣ разныхъ насмѣшекъ Іоанна надъ архіепископомъ новгородскимъ, Пименъ, лишенный сана и всего имущества, обезславленный, съ привязанными ногами, былъ отвезенъ въ Москву (888). Пименъ дѣйствительно былъ лишенъ Іоанномъ архіепископскаго сана, но умеръ своею смертію. Вотъ что мы читаемъ въ новгородской лѣтописи объ немъ: «Сентября 25 (1571) преставись владыка Ноугородскій Пименъ на Тулѣ въ монастырѣ у чудотворца Николы въ Веніи (въ

Веневѣ): тамо и положенъ бысть; а въ Новгородѣ былъ владыкою 17 лѣтъ, 2 мѣсяца и 9 дней; а сведенъ бысть на Москвѣ 5 мѣсяцевъ и 9 дней, а послѣ своего владычества жилъ годъ и 2 мѣсяца безъ 6 дней.» ([889]). Такимъ образомъ, свидѣтельство Курбскаго опять не достовѣрно. Но Пименъ не безъ причины былъ лишенъ сана архіепископскаго.

Разсказывая о походѣ Іоанновомъ на Новгородъ, Курбскій говоритъ, что Іоаннъ приказалъ въ это время «посѣщи, и потопити и пожещи въ Новгородѣ болѣе 15 т. человѣкъ однихъ мужей, несчитая женъ и дѣтей.» Въ это время, по свидѣтельству Курбскаго, убитъ Іоанномъ Андрей Тулузовъ съ роду княжатъ стародубскихъ и Циплятевъ—Неудача съ роду княжатъ Бѣлозерскихъ. Оба они даны были на послуженіе святой Софіи и мы слышали, говоритъ Курбскій, что Іоаннъ пріобрѣлъ тогда въ Новгородѣ великія и проклятыя богатства: потому что народъ живущій тамъ богатъ, въ слѣдствіе торговли, которую ведетъ чрезъ море и думаю, что онъ великихъ ради богатствъ погубилъ ихъ ([890]). Но не богатство новгородцевъ было причиною ихъ гибели. Нѣкто Петръ Волынецъ извѣстилъ Іоанна, что архіепископъ и граждане новгородскіе составили заговоръ съ цѣлію предать Новгородъ Польщѣ и объявилъ, что грамота эта лежитъ въ Софійской церкви за образомъ Богоматери. Іоаннъ не хотѣлъ повѣрить ему на слово, но послалъ съ нимъ вѣрнаго чиновника въ Новгородъ. Чиновникъ отыскалъ эту грамоту. Въ ней говорилось, что архіепископъ, духовенство и народъ поддаются Литвѣ. Грамота представлена государю. Имѣя въ рукахъ доказательство измѣны, Іоаннъ рѣшился наказать Нвогородцевъ. Съ многочисленною дружиною онъ выступилъ противъ мятежниковъ и, свергнувъ архіепископа, казнилъ множество гражданъ, уличаемыхъ въ измѣнѣ ([891]). Правда, что Іоаннъ жестоко поступилъ съ

Новгородомъ, но онъ имѣлъ причины поступить такъ. Онъ имѣлъ въ рукахъ несомнѣнное доказательство измѣны и хотѣлъ примѣромъ строгости обуздать мятежниковъ и уничтожить впредь возможность подобныхъ покушеній. Впрочемъ должно замѣтить, что жестокости Іоанна уже слишкомъ преувеличены, потому что всѣ современные лѣтописцы и писатели, какъ русскіе, такъ и иностранцы, ненавидѣли царя. Такъ Курбскій разсказываетъ, что Іоаннъ истребилъ въ Новгородѣ до 15 т. человѣкъ, а по свидѣтельству новгородской лѣтописи 10 т. ([892]). Въ лѣтописи псковской число это еще болѣе увеличено: «Людей многихъ славныхъ умучи многими муками, а прочихъ людей, граголютъ 60 т. мужей и женъ въ великую рѣку Волховъ вмета, яко и рѣкѣ запрудитися» ([893]). Таубе и Крузе считаютъ убитыхъ до 27,000 ([894]), а Гваньини 2,770 гражданъ, кромѣ женщинъ и черныхъ людей ([895]). Въ синодикѣ Іоанна говорится: «помяни Господи души рабъ своихъ Новгородцевъ тысящю пять сотъ пяти человѣкъ» ([896]). Эта огромная разница въ численныхъ показаніяхъ лѣтописей, актовъ и иностранныхъ писателей заставляетъ насъ принять число избитыхъ, показанное въ синодикѣ, какъ самое близкое къ истинѣ. Карамзинъ называетъ эту казнь Новгорода дѣломъ совершенно противозаконнымъ, причиною ея считаетъ одно безумное тиранство Іоанна. Грамоту Новгородцевъ къ польскому королю онъ признаетъ подложною и составленіе ея приписываетъ Петру, желавшему отомстить этимъ Новгороду. ([897]). Но слѣдующія обстоятельства опровергаютъ, кажется, предположеніе Карамзина и оправдываютъ мѣры Іоанна, хотя жестокія и кровавыя. Во первыхъ, архіепископъ Пименъ былъ честолюбивъ и желалъ сдѣлаться митрополитомъ московскимъ. Съ этою цѣлію онъ явился однимъ изъ ревностнѣйшихъ обвинителей Филиппа. Но, обойденный при избраніи митрополита, онъ, по словамъ

самого же Карамзина, досадовалъ за это на Іоанна ([898]). Его честолюбіе было задѣто за живое и онъ, по всей вѣроятности, рѣшился отмстить Іоанну и склонилъ новгородцевъ къ измѣнѣ. Въ тогдашнія смутныя времена не разбирали никакихъ средствъ, если только они вели къ цѣли, и не щадили отечества, если видѣли только выгоду въ томъ. Что лучше примѣра Курбскаго докажетъ истину нашихъ словъ? Во вторыхъ, когда, по прибытіи въ Новгородъ, Іоаннъ началъ допрашивать Пимена и другихъ виновниковъ и, для улики, показалъ имъ грамоту, подписанную ими, то они отвѣчали, что отъ подписи своей они не отрекаются, но грамоты не писали и измѣнять не думали ([899]). Странно было бы, подобно Карамзину, утверждать, что грамота была сочинена бродягою, утверждать, основываясь на одномъ только запирательствѣ обвиненныхъ. Неужели какой нибудь бродяга былъ настолько искусенъ, что могъ бы подписаться подъ руки архіепископа и вельможъ такъ, что подпись была совершенно сходна съ ихъ подписью? Да и какимъ образомъ бродяга могъ знать почерки ихъ руки? Да притомъ для того, чтобы пріобрѣсти такое искуство, нуженъ былъ навыкъ, долгое упражненіе, а ни съ того ни съ сего волынецъ не могъ писать на всѣ руки. Кромѣ того, ужели Іоаннъ былъ столько слѣпъ, что не могъ отличить грамоты, сочиненной бродягой, отъ сочиненія людей образованныхъ, свѣдущихъ въ дѣлахъ такого рода. Итакъ, если мы признаемъ грамоту, представленную Іоанну, подложною, будемъ смотрѣть на нее какъ на продѣлку бродяги, то выйдетъ нелѣпость, которой не можетъ допустить здравый смыслъ. Слѣдовательно, мы должны принять, что эта грамота была дѣйствительно писана Пименомъ и новгородскими сановниками, и что Новгородъ дѣйствительно хотѣлъ присоединиться къ Литвѣ. Это заключеніе получаетъ еще болѣе достовѣрности отъ слѣду-

ющихъ обстоятельствъ: Новгороду, нѣкогда вольному и самостоятельному, не могло нравиться московское самодержавіе. Онъ видѣлъ, что рано или поздно долженъ будетъ войти въ составъ московскихъ владѣній, поплатиться своею стариною, потерять свою вольность. Поэтому онъ открылъ у себя убѣжище всѣмъ недовольнымъ Москвою, всѣмъ стѣсненнымъ удѣльнымъ князьямъ, заклятымъ врагамъ московскихъ государей и, вмѣстѣ съ ними, дѣйствовалъ противъ Москвы. Могущество Іоанна III устрашило Новгородъ и, невидя возможности бороться съ сильною Москвою, но и нежелая потерять своихъ освященныхъ древностію правъ и привилегій, онъ рѣшился лучше предаться Литвѣ, чѣмъ признать надъ собою власть Москвы Мароа Борецкая и ея совѣтники начали сноситься съ Казиміромъ, отдавались со всею новгородскою областію въ его подданство, съ условіемъ, чтобы только льготы ихъ остались неприкосновенными. Быстрымъ ударомъ предупредилъ Іоаннъ замыселъ и присоединилъ Новгородъ къ московскимъ владѣніямъ, уничтоживъ его вольность. Конечно новгородцы не могли безропотно сносить преобладанія Москвы, не могли забыть своей старины. Само собою рязумѣется, что они не могли не желать возстановленія ея и, не имѣя возможности употребить для этого открытую силу, принялись за интриги. Нерасположеніе новгородцевъ къ Москвѣ видно изъ того, что, напримѣръ, во время размолвки съ Іоанномъ III, братья Іоанна удаляются къ Новгороду (900), что, въ малолѣтство Іоанна IV, Андрей Старицкій, вооружившись противъ Іоанна IV и Елены, хотѣлъ овладѣть Новгородомъ (901). Это показываетъ, что всѣ искатели приключеній надѣялись, какъ враги Москвы, встрѣтить себѣ сочувствіе въ Новгородѣ. Въ малолѣтство же Грознаго новгородцы примкнули къ боярскимъ партіямъ и, когда Иванъ Шуйскій свергнулъ открытою силою Бѣльскаго, то новгородцы, по

свидѣтельству лѣтописи, участвовали въ этомъ дѣлѣ всѣмъ городомъ: «а въ томъ совѣтѣ были Новгородцы Великаго Новгорода всѣ городомъ» ([902]). Вѣроятно, при помощи Шуйскихъ, они надѣялись возстановить свою прежнюю вольность, и потому помогали имъ. Въ 1546 г. 50 новгородскихъ пищальниковъ возмутились противъ Іоанна, отказавшагося принять ихъ челобитную, и когда, по приказанію его, дворяне хотѣли разогнать ихъ, то они вступили съ ними въ открытый бой, и такимъ образомъ явно выказали свой строптивый духъ и свою неохоту повиноваться московскому царю ([903]). Наконецъ припомнимъ еще, что Сильвестръ и Макарій митрополитъ были новгородцы. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, убѣждали Іоанна въ томъ, что новгородцы дѣйствительно склонны къ измѣнѣ, что они хлопочутъ о старинѣ и не думаютъ отъ нее отказаться. Но вотъ еще важное обстоятельство. Въ смутное время, послѣдовавшее по пресѣченіи царственной династіи Рюрика, новгородцы тотчасъ отдѣлились отъ Россіи и признали своимъ государемъ шведскаго королевича Филиппа, даже въ томъ случаѣ, еслибы прочія части Россіи отвергли выборъ ([904]). Рѣшиться вдругъ на такой важный шагъ, какъ отпаденіе отъ Россіи, новгородцы не могли бы, если бы мысль объ этомъ не была постоянною ихъ мыслію со времени покоренія ихъ Москвою. Слѣдовательно, мы не должны порицать Іоанна зато, что онъ повѣрилъ донесенію, что новгородцы хотятъ ему измѣнить, а должны допустить, что они дѣйствительно хотѣли измѣнить. Да у иностранныхъ писателей мы находимъ подтвержденіе своей мысли. Гваньини говоритъ: «въ 1569 г. великій князь московскій дознался, что новгородцы, псковичи и тверичи королю польскому хотѣли предаться» ([905]). Пріоръ Джеріо, бывшій въ 1570 г. въ Россіи съ польскими послами, пишетъ къ венеціанскому дожу, что царь казнилъ 18 т.

новгородцевъ разнаго пола и возраста, за то, что нашелъ (у нихъ) гонца съ возмутительными письмами ([906]). Должно сознаться, что Іоаннъ уже слишкомъ жестоко поступилъ съ виновнымъ городомъ, но не должно упускать изъ виду и того, что Іоаннъ не видѣлъ, кромѣ казни, ни какого средства для устрашенія крамольниковъ.

Курбскій разсказываетъ, что Іоаннъ велѣлъ убить новаго архіепископа новгородскаго, поставленнаго по сверженіи Пимена, «Леонида мужа нарочитаго и кроткаго съ двумя архимандритами» ([907]). Дѣйствительно, въ псковской лѣтописи мы читаемъ о смерти его слѣдующее: «Опалися (1575 г.) царь и великій князь на архіепископа новгородскаго Леонида и взя къ Москвѣ и санъ на немъ оборвалъ и въ медвѣдяно ошивъ, собаками затравилъ» ([908]). Нельзя сказать въ какой степени справедливо это свидѣтельство, но, предавъ казни Леонида, Іоаннъ поступилъ согласно правосудію. Леонидъ былъ пастырь недостойный, алчный и безсовѣстный корыстолюбецъ ([909]); слѣдовательно онъ вовсе не былъ смиренникомъ и былъ достоинъ наказанія.

«Тогда убіенъ отъ него, говоритъ Курбскій, Корнилій, игуменъ печерскаго монастыря, мужъ святой и во преподобіи многъ и славенъ, и съ нимъ вмѣстѣ убіенъ Вассіанъ Муромцевъ, ученикъ его, мужъ искусный и ученый, во священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголютъ вкупѣ ихъ въ единъ день мучительскимъ орудіемъ нѣкакимъ раздавленныхъ: вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобно-мученическія погребены» ([910]). Въ синодикѣ дѣйствительно находятся имена Корнилія игумена псково-печерскаго монастыря и инока Вассіана Муромцева ([911]). Намъ неизвѣстна причина, по которой Грозный приказалъ умертвить Корнилія и Вассіана, неизвѣстенъ и родъ казни, которому они подверглись, а полагаться на свидѣтель-

ство Курбскаго нельзя. Въ этомъ мы уже нѣсколько разъ имѣли случай убѣдиться. До насъ дошло письмо Курбскаго къ Вассіану старцу псковечерскому ([912]); не къ этому ли Вассіану оно было писано, о казни котораго разсказываетъ Курбскій? Если къ нему, то можно предположить, что онъ былъ казненъ за эти сношенія.

«Потомъ, говоритъ Курбскій, Іоаннъ мѣсто великое Иванъ-града, еже близу моря стоитъ на рѣцѣ Нарвѣ, выграбивъ все сожещи велѣлъ. Также во Псковѣ великомъ и во иныхъ многихъ градѣхъ многія бѣды, и нищеты и кровопролитія тогда быша, ихъ же по ряду исписати не возможно» ([923]). Что касается до опустошенія Иванъ-града, то объ этомъ упоминаетъ одинъ только Курбскій; но мы знаемъ достовѣрно, что Іоаннъ оставилъ, возвращаясь изъ Новгорода въ 1571 г., неприкосновеннымъ Псковъ, не умертвилъ тамъ ни одного жителя, милостиво обошелся съ псковичами и жилъ въ предмѣстіи города, дозволивъ только грабить своимъ воинамъ имѣнія нѣкоторыхъ ([914]), и какъ можно полагать, самыхъ непокорныхъ и опасныхъ гражданъ. Таубе и Крузе приписываютъ спасеніе Пскова старцу Николѣ Салову, который, подъ прикрытіемъ своей юродивости, могъ говорить Іоанну смѣло о его кровопійствѣ и жестокости и такъ устрашилъ царя своими угрозами, что онъ поспѣшилъ въ Москву ([915]). Можно думать, что Іоаннъ оставилъ въ покоѣ псковитянъ потому, что считалъ примѣръ Новгорода достаточнымъ для ихъ вразумленія.

Разсказывая о страданіяхъ Порфирія, игумена Троицкой лавры, Курбскій, въ видѣ эпизода, упоминаетъ о смерти Василія Шемякина Сѣверскаго. «Въ то самое время, т. е. когда Порфирій былъ игуменомъ, пишетъ онъ, Василій III приказалъ схватить (какъ издавна есть обычай князьямъ московскимъ лить кровь сродныхъ своихъ убогихъ ради ихъ стяжаній) сродника своего, князя сѣвер-

скаго, Василія Шемячича, мужа храбраго, который не только защищалъ Сѣверу, область свою, отъ татаръ, но часто нападалъ и на самую орду крымскую, наводя своими побѣдами страхъ на крымцевъ. Этого доблестнаго мужа Василій, рожденный отъ чародѣйцы греческой, приказалъ оковать тяжкими веригами, а потомъ вскорѣ и удавить, въ слѣдствіе заступничества Порфирія» ([916]).

Князь Василій Шемякинъ сѣверскій былъ мужественный воинъ и вѣрный стражъ южныхъ предѣловъ Россіи, за что великій князь далъ ему городъ Путивль. Но зная безпокойный духъ Шемякина, зная его надменный характеръ, Василій не любилъ его и даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ непримиримую злобу князей сѣверскихъ Шемякина и Стародубскаго. Послѣдній доносилъ, что первый сносится съ Сигизмундомъ и думаетъ измѣнить Россіи, а Шемякинъ требовалъ суда и, въ августѣ 1517 г. прибывъ въ Москву, успѣлъ совершенно оправдаться и съ новымъ жалованьемъ отправился въ свою сѣверскую область. Въ 1523 г. онъ снова подвергся подозрѣнію. Обнадеженный письменнымъ удостовѣреніемъ великаго князя и митрополита въ безопасности, онъ прибылъ въ Москву для оправданія и былъ заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ около 1527 года ([917]). Герберштейнъ увѣряетъ, что Шемячичь сносился съ Сигизмундомъ чрезъ кіевскаго воеводу и что этотъ послѣдній присылалъ письмо его къ Василію ([918]). Если это справедливо, то Василій III имѣлъ законную причину заключить князя Шемякина въ темницу, но мы все таки ни откуда не видимъ, чтобы онъ приказалъ удавить его въ слѣдствіе ходатайства за него Порфирія. Негодованіе Порфирія на великаго князя за заточеніе Шемякина не могло быть опасно для Василія III тѣмъ болѣе, что митрополитъ Даніилъ былъ на сторонѣ великаго князя и одобрялъ его поступокъ ([919]). Въ народѣ Шемячичь не могъ найти себѣ со-

чувствія. Такъ, когда одинъ умный шутъ, по заточеніи Шемячича, ходилъ въ Москвѣ изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: «время очистить государство отъ послѣдняго сору» т. е. освободить отъ послѣдняго удѣльнаго князя, то народъ смѣялся, разгадывая острую притчу ([220]). Этотъ случай показываетъ, какъ перемѣнилось расположеніе умовъ въ народѣ: несчастная судьба удѣльнаго князя возбуждаетъ, вмѣсто состраданія, одинъ смѣхъ. Слѣдовательно, при такомъ положеніи дѣлъ, Василій III не имѣлъ ни малѣйшей нужды въ смерти Шемячича, а это, по всей вѣроятности, догадка изобрѣтенія Курбскаго, для доказательства истины нѣсколько разъ высказаннаго имъ положенія, что «князьямъ московскимъ издавна обычай есть проливать кровь братьевъ единоколѣнныхъ» ([921]). Наконецъ, справедливо ли былъ обвиненъ Шемячичь въ намѣреніи бѣжать въ Литву—нельзя рѣшить. Если мы примемъ свидѣтельство Герберштейна за достовѣрное, то Василій поступилъ совершенно законно въ отношеніи къ этому послѣднему удѣльному князю. Замѣтимъ, что обстоятельства говорятъ въ пользу свидѣтельства Герберштейна, если мы только возмемъ въ разсчетъ негодованіе большей части бояръ на Василія за его стремленіе къ самодержавію, попытки ихъ отъѣзжать изъ Россіи въ Польшу и совершенное равнодушіе къ интересамъ отечества.

Что касается до мученій, которымъ, по свидѣтельству Курбскаго, подвергся Порфирій, игуменъ Троицкаго монастыря, за свое ходатайство о Шемякинѣ, то г. Устряловъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ сказаніямъ Курбскаго, въ доказательство достовѣрности этого свидѣтельства, приводитъ слова Карамзина, что Порфирій, прогнѣвавъ своимъ ходатайствомъ великаго князя, сложилъ съ себя одежду игуменскую и удалился въ пустыню на Бѣлоозеро ([922]). Но, Карамзинъ, сообщая это извѣстіе, цитируетъ

одного Курбскаго ([923]). Итакъ г. Устряловъ повѣряетъ свидѣтельство Курбскаго Курбскимъ же, а подобное доказательство, кажется, еще нисколько не ручается за истину сообщаемаго Курбскимъ извѣстія. Скажемъ только, что мученія, которымъ подвергнулся Порфирій, изобрѣтены досужею фантазіею Курбскаго, какъ и смерть святаго Германа и архіепископа Пимена. Характеръ Василія III былъ таковъ, что не можемъ признать справедливымъ извѣстіе Курбскаго о его жестокости. Если же Порфирій и дѣйствительно былъ лишенъ сана игумена, то лишенъ былъ потому, что вмѣшивался не въ свое дѣло.

Въ заключеніе своей исторіи «Великаго князя московскаго о дѣлѣхъ» сравненіемъ Іоанна съ древними мучителями, Курбскій старается доказать, что совершенно справедливо называлъ въ своемъ сочиненіи мучениками тѣхъ, которые были казнены Іоанномъ, а самого Іоанна мучителемъ. Эта послѣдняя глава его сочиненія замѣчательна, потому что Курбскій здѣсь собираетъ всѣ свои силы къ обвиненію царя, и потому не лишнимъ, кажется, разсказать ея содержаніе.

Оканчивая свою исторію, говоритъ Курбскій, мнѣ нужно похвалить новоизбіенныхъ мучениковъ и кто, одаренный здравымъ умомъ, воспретитъ эту похвалу. Если кто скажетъ, что мученики суть тѣ, которые приняли смерть отъ нечестивыхъ царей за исповѣданіе Христа, то на это отвѣчу, что и новоизбіенные погибли отъ руки царя безчеловѣчнаго, который хотя и вѣруетъ въ единаго Бога, въ троицѣ славимаго, но и другіе мучители вѣровали въ него, а не смотря на то множество мучениковъ и исповѣдниковъ предали смерти за Христа. Такъ напр. Фока былъ христіанинъ, но называется мучителемъ. Если бы кто нибудь положилъ 2 драконовъ, одного внѣ, другаго внутри, котораго бы онъ старался истребить? конечно внѣшняго. Такъ и цари-идолослужители были внѣ-

шніе драконы и явственные враги церкви Христовой. Но нашъ новый, не внѣшній—но внутренній драконъ, хотя и не служитъ идоламъ, но, вопервыхъ, исполняя волю самаго діавола и оставя узкій и прискорбный путь, ведущій въ царство небесное, съ радостію потекъ по пути широкому, ведущему къ погибели и мы сами отъ него нѣсколько разъ слышали, во время его развращенія: «едино предъ себя взяти, или здѣшнее, или тамошнее», т. е. или Христовъ узкій путь или широкій сатаны.

О безумный и окаянный! Ты забылъ царей, прежде тебя царствовавшихъ и въ новомъ и въ вѣтхомъ завѣтѣ и прародителей твоихъ благочестивыхъ князей русскихъ, забылъ, что и самъ ты нѣкогда добрѣ царствовалъ. А нынѣ, внявъ ласкателямъ, удалилъ отъ себя всѣхъ добродѣтельныхъ, собралъ около себя полкъ сатанинскій и, называясь сыномъ церкви, погналъ жестоко церковь Божію. Не принуждалъ ты приносить жертвъ идоламъ, но заставлялъ служить вмѣстѣ съ тобою діаволу, побуждалъ трезвыхъ погружаться въ пьянство. Не нудилъ ты приносить жертвъ Крону, но распиливалъ человѣковъ по составамъ, заставилъ Ѳедора Басманова умертвить отца, Никиту Прозоровскаго брата своего Василія; не предъ истуканомъ Афротиды заставлялъ ты совершать любодѣяніе, но отрыгать скверные слова на скверныхъ пирахъ твоихъ, не въ честь Бахуса пьянствовать, не нѣсколько разъ отправлять праздникъ ему, но цѣлый вѣкъ и проливалъ кровь порицающихъ такой развратъ, напримѣръ Молчана Митнева, обличавшаго тебя въ присутствіи всѣхъ. Принужденный выпить огромную чашу вина, онъ велегласно возопилъ: «О царю! воистину яко симъ піешь, такъ и насъ принуждаешь окаянныхъ, медъ, съ кровію смѣшанный братій нашихъ, правовѣрныхъ христіанъ, пити». Распалясь гнѣвомъ, ты поразилъ его копьемъ своимъ и кромѣшникамъ своимъ приказалъ добить его внѣ палатъ

и, такимъ образомъ, омочилъ помостъ палаты кровію. Неужели этотъ знаменитый мужъ не можетъ назваться мученикомъ!

Затѣмъ, обращаясь къ Іоанну, Курбскій пишетъ: «Христіанскій скажешь царь? Отвѣчаю, что ты еще православный, но, несмотря на это, пролилъ кровь христіанъ и не пощадилъ самыхъ младенцевъ. Ты скажешь, что при крещеніи отрекся діавола, но зная волю Отца небеснаго, ты дѣломъ произвелъ волю сатанинскую, показалъ лютость неслыханную, никогда на Руси надъ церковію не бывшую. Притомъ, какъ у древнихъ мучителей были различныя орудія мукъ, такъ и у нашего сковрады и пещи, бичеваніе и ногти острые, клещи разженныя для торганія тѣлесъ человѣческихъ, вбиваніе иголъ за ногти, рѣзаніе по составамъ, претренія вервьми на полы не только мужей, но и женъ благородныхъ и т. п. Неужели онъ не мучитель прелютый!

Окаянные и вселукавые погубники отечества, человѣкоядцы, доколѣ будете оправдывать такого человѣкорастерзателя и безстудствовать этимъ? О блаженные и достохвальные мученики, избитые этимъ внутреннимъ зміемъ, пострадавъ здѣсь за вашу добрую совѣсть, вы, чистые, отошли къ Христу Богу воспріять мзду трудовъ вашихъ! Развѣ они мало потрудились? Неужели они мало пострадали, нетолько освободивъ русскую землю отъ нахожденія варваровъ; но и покоривъ ей царства бусурманскія, расширивъ предѣлы ея до Каспійскаго моря, создавъ тамъ олтари Всевышнему и приведя многихъ невѣрныхъ ко Христу.

«Но что и скажу о распространеніи границъ? Служа вѣрно царю, какую мзду распространители получили отъ него! Неужели Христосъ, обѣщавшій награду за чашу холодной воды, не украситъ ихъ вѣнцами мученическими? Воистинну они на облакахъ небесныхъ пойдутъ во срѣ-

теніе Христу послѣ перваго воскресенія, а когда придетъ съ Ангелами своими судить живыхъ и мертвыхъ, тогда, когда, по слову Соломона, станетъ въ дерзновеніи многѣ праведникъ предъ лицемъ мучителя, тогда и эти мученики, вмѣстѣ съ древними страстотерпцами, встрѣтятъ Христа идущаго по воздуху съ тмами Ангеловъ и будутъ восхищены на облакахъ въ срѣтеніе Господу и тамъ съ нимъ пребудутъ. Да сподобитъ и насъ этого Истинный Богъ нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, слава Ему со безначальнымъ отцемъ и со пресвятымъ, благымъ, животворящимъ и святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» ([924]). Итакъ въ этомъ заключеніи вполнѣ выразилась вся ненависть Курбскаго къ царю. Онъ силится доказать, что имѣетъ полное право называть царя мучителемъ, а избіенныхъ имъ мучениками. Съ этою цѣлію онъ скрылъ причину казней большей части лицъ, о смерти которыхъ упоминаетъ въ своей исторіи, и дѣйствительно казненные Іоанномъ являются у него умерщвленными безъ правды. Но, принявъ во вниманіе увѣщаніе Іоанна, чтобы дѣти его не налагали ни на кого опалы изъ за одного гнѣва, но тщательно изслѣдовали прежде вину, а потомъ уже дѣлали приговоръ ([925]), принявъ во вниманіе осужденіе Сильвестра и Адашева, и казнь Новгорода и многія другія обстоятельства, мы должны признаться, что Іоаннъ въ дѣйствіяхъ своихъ руководился не произволомъ, а старался тщательно разузнать дѣйствительно ли виновно то или другое лицо. При тщательномъ разсмотрѣніи дѣла открывается, что многіе казненные Іоанномъ бояре были преступниками, а слѣдовательно заслуживали казни. Наконецъ обвиненіе Грознаго въ нечестіи отзывается неправдой. Кто завѣщалъ дѣтямъ своимъ пострадать даже до смерти за вѣру Христову ([926]), тотъ не можетъ быть признанъ нечестивымъ и безбожникомъ.

На всѣ обвиненія, возводимыя Курбскимъ на Іоанна, мы должны смотрѣть какъ на голосъ старины, возстающей противъ новаго начала, представителемъ котораго является Грозный. Поэтому и необходимо подробное разсмотрѣніе этого сочиненія Курбскаго, необходимо, съ одной стороны, чтобы доказать, что Курбскій былъ дѣйствительно приверженецъ старины, потому что возстаетъ противъ Іоанна IV и Василія отца его, а съ другой стороны, чтобы показать, что большая часть преступленій, приписываемыхъ Курбскимъ Іоанну III, Василію III и Іоанну IV, не находятъ себѣ подтвержденія, что имъ искажены даже самые факты и потому его сочиненіемъ нельзя пользоваться для составленія себѣ вѣрнаго понятія объ Іоаннѣ IV.

—

III.

Разсмотрѣвъ «Исторію князя великаго московскаго о дѣлѣхъ», сочиненную Курбскимъ, перейдемъ теперь къ разбору его переписки съ царемъ и отвѣтныхъ писемъ этого послѣдняго. Любопытна и въ высшей степени замѣчательна эта переписка: здѣсь предъ нами говорятъ старая и новая русь-старая съ бытомъ родовымъ и новая, проникнутая идеею государства; здѣсь мы внимаемъ страстной, пламенной рѣчи двухъ борцовъ, старающихся другъ другу нанести пораженіе; оба они раскрываютъ предъ нами, высказываютъ намъ тѣ побужденія, которыя руководили ихъ дѣятельностію, объясняютъ намъ, почему они дѣйствовали такъ, а не иначе. Какъ тотъ, такъ и другой, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій вѣрятъ въ истинность своихъ убѣжденій, всѣми силами стараются доказать ее; оба, въ порывахъ страсти, употребляютъ эпитеты, къ которымъ любитъ прибѣгать въ экстренныхъ случаяхъ русскій человѣкъ; какъ тотъ, такъ и другой блестятъ своею ученостью, стараются остроумной выходкой низложить другъ друга. Но, мы не можемъ безусловно вѣрить Курбскому, потому что могли убѣдиться въ его неблагонамѣренности въ отношеніи къ Іоанну. Конечно и Грозный адвокатъ своего дѣла, но въ доказательствахъ, приводимыхъ имъ для обвиненія Курбскаго, болѣе основательности, рѣчь его дышетъ истинно-царскимъ достоинствомъ, не таитъ онъ своихъ слабостей, но чистосердечно предаетъ ихъ на судъ по-

томства. Вотъ краткая характеристика переписки Курбскаго съ Іоанномъ.

Начавъ эту переписку, Курбскій очевидно имѣлъ въ виду туже самую цѣль, какую преслѣдовалъ при составленіи своей исторіи Іоаннова царствованія: оправдать себя предъ судомъ потомства, показать, что бѣгство его изъ Россіи было слѣдствіемъ невозможности служить царю жестокому, безразсудному и неблагодарному. Переписка съ Іоанномъ доставляла Курбскому еще то наслажденіе, что онъ безнаказанно могъ оскорблять царя и смѣяться надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. Эта послѣдняя цѣль видна изъ самого начала перваго посланія Курбскаго къ Грозному. «Царю, отъ Бога препрославленному», такъ начинаетъ онъ свое письмо, «наче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ сихъ обрѣтшемуся. Разумѣвай да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается!... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не допустихъ моему языку; гоненія же ради прегорчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти» ([927]). Объяснимъ эти слова. Первыми выраженіями своего письма Курбскій, безъ сомнѣнія, указываетъ на время Сильвестра и Адашева, когда, по его увѣренію, Іоаннъ блисталъ добродѣтелью, потому что Сильвестръ «кусательными словесы, какъ уздою, удерживалъ его страсти» ([928]), когда въ Россіи царствовали миръ и благоустройство внутри, когда она славилась и была грозна извнѣ. Но, дѣла перемѣнились, когда Іоаннъ удалилъ отъ дѣлъ сторону Сильвестра; онъ сдѣлался мучителемъ своихъ подданныхъ. Но можемъ ли мы винить Іоанна въ жестокосердіи? Если онъ и является намъ иногда уже слишкомъ суровымъ, то эта суровость, эта жестокость не были ему прирождены, какъ и всякому другому человѣ-

ку; они развились въ немъ въ слѣдствіе боярскихъ крамолъ, ими думалъ онъ обуздать непокорный духъ своихъ вельможъ, радѣвшихъ только о собственныхъ выгодахъ. Слѣдовательно причина жестокости лежала не въ самомъ Іоаннѣ, и если онъ сдѣлался кровопійцей, какъ величаетъ его Курбскій, то не потому что перестаiъ слушаться совѣтовъ Сильвестра и Адашева, но потому что происки этихъ людей и сторонниковъ ихъ ожесточили его сердце. Далѣе въ началѣ своего письма Курбскій говоритъ, что Іоаннъ, по удаленіи сильвестровой стороны, отступилъ отъ православія. На это указываютъ слова его: «въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ нашихъ ради, сопротивъ сихъ обрѣтшемуся». Но это несправедливо: Іоаннъ всегда былъ истиннымъ сыномъ православной церкви, былъ блюстителемъ ея святыхъ догматовъ, хранителемъ чистоты ея. Бесѣда его съ Поссевиномъ лучшее доказательство этого. Въ предсмертномъ завѣщаніи онъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «вѣру къ Богу тверду и непостыдну держите, и стойте, и научитеся божественныхъ догматовъ, како вѣровати, и како Богу угодная творити, и въ каковѣ оправданіи предъ нелицемѣрнымъ судіею стати: то всего больше знайте, православную христіанскую вѣру держите крѣпко, за нее страждите крѣпко и до смерти» (929). Однихъ этихъ словъ достаточно для доказательства неосновательности выше приведенныхъ словъ Курбскаго: отступникъ не могъ внушать дѣтямъ подобныхъ правилъ.

«Прочто, царю!» продолжаетъ Курбскій, «сильныхъ во Израили побилъ еси и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? и на доброхотныхъ тво-

ихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя гоненія, и мученія, и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобою, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанскій предстателю! Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши? Не претвердые ли грады германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ? Или безсмертенъ, царю! мнишись? Или не думаешь дать отвѣта Богу на страшномъ судѣ? Онъ есть Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычествія въ превысокихъ, судитель между тобою и мною» (930). Такимъ образомъ, Курбскій даетъ понять, что ему неизвѣстны причины казней Іоанновыхъ. Онъ не знаетъ, повидимому, никакой вины за вельможами, казненными Грознымъ, утверждаетъ, будто Іоаннъ выдумывалъ, что бояре измѣняютъ ему; онъ старается представить Іоанна неблагодарнымъ, не цѣнящимъ никакихъ заслугъ, воздающимъ за все одной смертью или гнусною клеветою. Намъ извѣстно, почему Іоаннъ казнилъ вельможъ, извѣстно, что онъ предавалъ казни государственныхъ преступниковъ, отсѣкалъ вредные члены общества: слѣдовательно онъ поступалъ законно, поступалъ какъ требовалъ отъ него долгъ государя, попечительнаго о благѣ и будущности царства, Богомъ его врученнаго. Никого не предалъ казни, не изыскавъ вины, не собравъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что обвиняемый есть дѣйствительно преступникъ. Такъ, напримѣръ, онъ осудилъ Сильвестра и Адашева, «извѣдавъ вину ихъ»; казнилъ Новгородъ, предварительно сдѣлавъ розыскъ: дѣйствительно ли хотѣлъ онъ отпасть отъ

Россіи. Итакъ, осмотрительность была отличительною чертою всѣхъ дѣйствій Іоанна. Эту же осмотрительность старался внушить онъ и дѣтямъ своимъ, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія. «А которые лихи», пишетъ онъ, «и выбъ на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, по разсужденію, не яростію» (941). Слѣдовательно, Іоаннъ дорожилъ и жизнью и честью людей, а не находилъ, какъ силится доказать Курбскій, удовольствія въ пролитіи человѣческой крови. Праги церковные никогда не обагрялъ Іоаннъ кровію вѣрныхъ слугъ своихъ, какъ мы уже видѣли и какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ. Да нигдѣ и не говорится объ этомъ. Итакъ, свидѣтелемъ остается одинъ Курбскій, постоянно выдумывающій такіе ужасы, какихъ никогда не бывало. По словамъ его Іоаннъ вѣрныхъ слугъ своихъ, душу за него полагающихъ, обвинялъ въ измѣнѣ и другихъ низкихъ преступленіяхъ. Что бояре дѣйствительно измѣняли Іоанну, это доказываетъ всего лучше самъ Курбскій своею особою, доказываетъ примѣръ Бѣльскаго, Турунтая Пронскаго, Мстиславскаго, Михаила Воротынскаго, Морозова, доказываетъ пепелъ Москвы въ 1571 году. Безъ ошибки можно сказать, что все время правленія Грознаго было длинною цѣпью заговоровъ, къ счастью Россіи не удавшихся. Итакъ, вотъ чѣмъ прогнѣвали царя вельможи, а не побѣдами своими; вотъ въ слѣдствіе чего Іоаннъ сдѣлался жестокимъ, а не потому что перестал слушаться совѣтовъ стороны Сильвестра и удалилъ ее отъ себя. Но жестокость и гнѣвъ его обрушивались на однихъ крамольниковъ; а на вѣрныхъ слугъ онъ сыпалъ награды. Слѣдовательно, онъ опять дѣйствовалъ согласно съ долгомъ, который налагало на него его призваніе какъ правителя народовъ, какъ блюстителя блага отечества. Являясь грозою злыхъ, онъ въ тоже время завѣщаетъ дѣтямъ награждать добрыхъ и вѣрныхъ слугъ отечества

и государя: «а людей бы есте, которые вамъ прямо служатъ жаловали и любили ихъ, отъ всѣхъ берегли, чтобы имъ изгони ни отъ кого не было, и онѣ прямѣе служатъ» (942). Далѣе, Курбскій приписываетъ покореніе Казани и Астрахани, завоеваніе большей части Ливоніи уму бояръ, но это совершенно несправедливо. Покореніе Казани было дѣломъ Іоанна, совершилось по его мысли; война ливонская велась по идеѣ Іоанна, не одобренной его совѣтниками и мы видѣли уже, каково было тщаніе бояръ въ этой войнѣ; Астрахань покорилась безъ боя. Итакъ, въ самомъ началѣ посланія своего Курбскій старается оклеветать Іоанна, показывая видъ, что причины казней, постигшихъ многихъ изъ вельможъ, не извѣстны ему.

Такое стремленіе еще сильнѣе выказывается въ слѣдующемъ мѣстѣ посланія, гдѣ Курбскій старается показать несправедливость Іоанна въ отношеніи къ нему. «Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣхъ», восклицаетъ онъ, «и какихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжесплетаній презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моея объятъ быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ и отъ земли Божія тупе отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоеяжъ милости архіерейскими чинами, и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть. Въ умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтелемъ на ся поставихъ, и искахъ, и зрѣхъ мысленнѣ, и обращахся, и не вѣмъ себя, и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша» (943). Чтобы еще болѣе доказать свою правоту, Курбскій го-

воритъ, что онъ постоянно одерживалъ побѣды надъ врагами, никогда не обращалъ хребта предъ ними, но всегда «одолѣнія преславныя одерживалъ въ честь царя, всегда былъ внѣ отечества, мало видѣлъ мать свою и жену, но въ чуждыхъ странахъ претерпѣвалъ раны, болѣзни и нужду; говоритъ, что хотѣлъ было по порядку разсказать всѣ ратные свои подвиги, но оставляетъ, потому что они лучше извѣстны Богу, да хорошо знаетъ объ нихъ и самъ царь; объявляетъ, что Іоаннъ не увидитъ уже до страшнаго суда лица его и грозитъ, что безпрестанно будетъ со слезами вопіять на него Пребезначальной Троицѣ, призывать на помощь Богородицу, всѣхъ святыхъ, избранниковъ Божіихъ и государя своего праотца, князя Θеодора Ростиславича» (944). Никто не будетъ отвергать того, что Курбскій былъ храбрый воинъ, искусный полководецъ: мужество и искуство, оказанныя имъ при взятіи Казани и въ битвѣ съ крымцами подъ Тулою, достаточно свидѣтельствуютъ это; но не справедливо и то, чтобы онъ постоянно не сходилъ съ коня, чтобы онъ «мало зрѣлъ рождшія его и не познаcъ жены своей», потому что, какъ видно изъ разрядовъ, онъ не чаще другихъ воеводъ былъ посылаемъ съ войсками противъ непріятелей; несправедливо и то, чтобы онъ постоянно одерживалъ одни побѣды. Такъ, мы знаемъ напримѣръ, что онъ разбитъ былъ въ битвѣ подъ Невлемъ, не смотря на то, что имѣлъ подъ своимъ начальствомъ многочисленное войско: съ 15,000 онъ не могъ разбить 4,000 непріятелей. Курбскій говоритъ, что тщательно испытавъ свою совѣсть, онъ не нашелъ себя въ чемъ нибудь виновнымъ предъ царемъ; но онъ былъ виновенъ, потому что дѣйствовалъ за одно съ стороной Сильвестра и Адашева; онъ былъ виновенъ потому, что, преслѣдуя ея интересы, ослушался повелѣній царя; онъ былъ виновенъ, наконецъ, потому, что измѣнилъ отечеству. Гоненій никакихъ не

терпѣлъ онъ отъ Іоанна; напротивъ, мы видимъ, что Іоаннъ умѣлъ цѣнить способности Курбскаго, постоянно возвышалъ и награждалъ его, отличалъ отъ другихъ и приблизилъ къ себѣ. Архіерейскими чинами Курбскій ни о чемъ не просилъ Іоанна, покрайней мѣрѣ мы не знаемъ. Курбскій утверждаетъ, что онъ потерпѣлъ отъ Іоанна столько бѣдъ и гоненій, что не можетъ даже перечесть ихъ; но этихъ бѣдъ было, вѣроятно, столько, что Курбскій не могъ указать ни на одну и осталось ему только винить Іоанна въ томъ, что Іоаннъ всего лишилъ его и туне отогналъ отъ земли Божія. Но Курбскій лишенъ былъ имѣнья уже послѣ своей измѣны, слѣдовательно на законномъ основаніи (945); а отъ земли Божія никто не отгонялъ его: онъ самъ оставилъ ее, самъ продалъ за богатыя владѣнія, за надежду большей независимости въ Литвѣ. Итакъ, виною этой измѣны былъ не Грозный, а низкіе корыстные разсчеты самаго Курбскаго. Такимъ образомъ, Курбскій забылся здѣсь до того, что вздумалъ навязывать Іоанну то, о чемъ этотъ послѣдній и не думалъ. Мало того. Курбскій здѣсь какъ бы смѣется надъ религіею и, клевеща на царя, грозитъ еще, что будетъ жаловаться на него Владычицѣ Богородицѣ и праотцу своему Ѳеодору Ростиславичу.

Въ томъ же тонѣ продолжается и далѣе это письмо. Курбскій говоритъ, что мученики, Іоанномъ избіенные безъ правды, вопіютъ у престола Всевышняго, укоряетъ царя за поруганіе ангельскаго образа, разумѣя, вѣроятно, подъ этимъ насильственное постриженіе въ монашество. Далѣе онъ обвиняетъ царя въ развратной жизни: «ласкатели твои», пишетъ Курбскій, «подвижутъ тя на Афродидскія дѣла и дѣтьми своими паче Кроновыхъ жрецовъ дѣйствуютъ» (946). Правда, Грозный предавался чувственнымъ наслажденіямъ, онъ не запирался въ этомъ: откровенно сознавался онъ въ своихъ проступкахъ: «азъ разумомъ

растлѣнъ быхъ, и скотенъ умомъ и проразумѣваніемъ», пишетъ онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, «понеже убо самую славу оскверниxъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства и блуда и всякаго злаго дѣянія, языкъ срамословія, и скверномовія, и гнѣва, и ярости, и невоздержанія» и проч. ([947]). Изъ этаго и изъ многихъ другихъ мѣстъ мы видимъ, что Грозный не считалъ себя, подобно Курбскому, праведникомъ, не хотѣлъ скрывать своихъ недостатковъ предъ потомствомъ; но, съ откровенностью, достойною истинно-великаго человѣка, самъ разоблачалъ ихъ. Онъ увѣренъ былъ, что когда нибудь да оцѣнитъ его потомство, и, посмотрѣвъ на заслуги его, извинитъ ему пороки его. Встрѣчая одни только препятствія, одни неудачи, онъ впалъ въ отчаяніе, въ крайность. Рожденный съ душею пылкою, не выполированною воспитаніемъ, о которомъ никто не заботился, предавшійся со всемъ жаромъ служенію отечеству, Іоаннъ встрѣтилъ всюду одни неудачи, одно корыстолюбіе, одинъ холодный, безчувственный эгоизмъ. За чтобы ни брался онъ, ничто не удавалось. Онъ старался сдѣлать добро, а ему всѣми силами препятствовали въ этомъ, ему платили за это зломъ: «воздаша ми», говоритъ онъ, «злая за благая, ненависть за возлюбленіе мое» ([948]). Само собою понятно, что это разтерзало, озлобило его душу; само собою понятно, что онъ долженъ былъ впасть въ крайность, долженъ былъ ожесточиться. Никто не понялъ его: «но что убо сотворю», исчисливъ всѣ недостатки свои, говоритъ онъ, «понеже Авраамъ не увѣдѣ насъ, Исаакъ не разумѣ насъ и Израиль непозна насъ» ([949]).

Курбскій грозитъ Іоанну, что письмо свое, омоченное слезами, прикажетъ положить съ собою во гробъ и, желая еще болѣе досадить царю, считавшему всю Ливонію собственностію Россіи, пишетъ: «писано въ Волмерѣ градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него

же надѣюся пожалованъ и утѣшенъ быти ото всѣхъ скорбей моихъ милостію его государскою, паче же Богу ми помогающу» ([950]). Въ заключеніе совѣтуетъ государю удалить отъ себя синклита своего, рожденнаго въ прелюбодѣяніи, который клевещетъ царю «и выгубилъ многихъ сильныхъ во израили, аки согласникъ дѣломъ антихристу» ([951]). По мнѣнію г. Устрялова, Курбскій разумѣетъ здѣсь Θеодора Алексѣевича Басманова, воина храбраго, но ненавистнаго народу, злѣйшаго опричника ([952]). Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ догадка эта справедлива; но, кажется, здѣсь можно подразумѣвать не Басманова, а кого нибудь другаго, потому что Курбскій называетъ его рожденнымъ отъ прелюбодѣянія. Да при томъ были въ числѣ опричниковъ люди, далеко превосходившіе Басманова въ свирѣпости, напримѣръ Малюта Скуратовъ.

Вотъ первое посланіе Курбскаго къ Іоанну. Оно выказываетъ Курбскаго въ самомъ не выгодномъ свѣтѣ, представляетъ намъ его человѣкомъ, нетолько не сознававшимъ своей вины, но и увеличившимъ тяжесть своего преступленья нераскаянностью. Что Курбскій чувствовалъ себя неправымъ, на это указываетъ уже изворотливость его въ оправданіяхъ. Онъ хотѣлъ обмануть потомство, очернить ненавистнаго царя и, увѣренный, что Іоанну были хорошо извѣстны всѣ продѣлки его, какъ бы въ насмѣшку призываетъ Бога въ свидѣтели своей правоты.

На это письмо Іоаннъ отвѣчалъ Курбскому пространною грамотою, въ которой исчисляетъ вины бояръ, преступленія соумышленниковъ Сильвестра, Адашева и Курбскаго. Въ этомъ посланіи Іоаннъ вполнѣ выказалъ тотъ обширный запасъ свѣдѣній, которыми обладалъ, выказалъ вполнѣ ту необыкновенную гибкость своего ума, которою отличался. Въ началѣ Грозный излагаетъ свои права на престолъ, права неоспоримыя, неизмѣнныя. «Самодержавіе наше», говоритъ онъ, «началось отъ св.

Владиміра, великаго Владиміра Мономаха, Александра Невскаго и славнаго Димитрія Донскаго и дошло до дѣда моего славнаго государя Ивана и до отца моего Василія и наконецъ передано и мнѣ смиренному». Такимъ образомъ, Грозный кратко вычисляетъ здѣсь свою родословную и вычисляетъ не безъ цѣли: потомку ярославскихъ князей, который выставилъ свое происхожденіе отъ Ѳеодора Ростиславича, чтобы показать знаменитость своего рода, этому потомку исчисляетъ Іоаннъ своихъ знаменитыхъ прародителей, прославившихъ блестящими дѣяніями и святою жизнью русскую землю, исчисляетъ съ тѣмъ, чтобы показать преимущество своего рода. Изложивъ свою родословную, Іоаннъ продолжаетъ: «не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прородителей своихъ благословеніемъ, яко преродихомся на царствіи, тако и возрастахомъ и воцарихомся Божіимъ повелѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ, свое взяхомъ, а не чюжое восхитихомъ» (953). Мои предки были, хочетъ сказать этими словами Грозный, съ незапамятныхъ временъ верховными государями русской земли, они передали мнѣ это право и, получивъ отъ нихъ его, я законно владѣю престоломъ, я государь прирожденный, не завоевалъ себѣ царства и, какъ владѣющій по праву, для пріобрѣтенія этого царства не обагрилъ рукъ своихъ въ крови единокровныхъ.

Затѣмъ Іоаннъ переходитъ къ изложенію сущности своего посланія. Въ отвѣтъ на вопросъ Курбскаго, зачѣмъ царь погубилъ сильныхъ во израили, Грозный спрашиваетъ, за чѣмъ Курбскій погубилъ душу свою, если считаетъ себя праведникомъ? «Почто, о княже»! пишетъ Іоаннъ, «аще мнишися благочестіе имѣти, единородную душу свою отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день страшпаго суда? Аще и весь міръ пріобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ тя! чесо на тѣлѣ душу продалъ

еси? Аще убоялся еси смерти, по своихъ бѣсѣхъ и вышнихъ друзей и назирателей ложному слову? неужели не зналъ ты, что, преступивъ крестное цѣлованіе, они клеветали на меня, подобно эхиднѣ исполнившись яда смертоносна, возъярились на меня» ([954])? Въ опроверженіе словъ Курбскаго, будто царь туне отогналъ его отъ земли святой нивочто вмѣнивъ всѣ заслуги его, Іоаннъ говоритъ: «если бы я преслѣдовалъ тебя, то ты бъ къ недругу нашему не уѣхалъ и утеканія тебѣ сотворити было не возможно. Коли бы мы тебѣ въ томъ невѣрили, и мыбъ тебя въ ту свою вотчину не посылали, а ты такъ собацкимъ своимъ обычаемъ измѣну намъ учинилъ» ([955]). Положимъ, продолжаетъ Іоаннъ, тебѣ угрожала смерть; зачѣмъ же ты, если считаешъ себя благочестивымъ и праведнымъ, убоялся неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе? Послѣди всяко умрещи же! и аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня строптиваго владыки страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити ([956]). Ты же тѣла ради душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущія нелѣпотную славу пріобрѣлъ еси, и не на человѣка возъярився, но на Бога возсталъ еси. Могутъ разумѣти тамо сущіи, разумъ имущіи, твой злобный ядъ, яко, славы желая мимотекущія и богатства, сіе сотворилъ еси, а не отъ смерти бѣгая. Ради привременныя славы и сребролюбія и сладости міра сего все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси. Како же убо ты не съ Іудою предателемъ равно причтеся? Якоже убо онъ на общаго владыку всѣхъ, богатства ради возбѣсился и на убіеніе предастъ со ученики водворяющеся, со Іудеи же веселящеся, тако же убо и ты съ нами пребывая и хлѣбъ нашъ ядяше, на насъ злая въ сердцѣ собираше. Таколи убо исправилъ еси крестное цѣлованіе, еже хотѣти добро во всѣмъ безо всякія хитрости» ([597]), Дѣйствительно, Курбскій, какъ мы

уже видѣли, вовсе не изъ страха смерти, а изъ разсчета измѣнилъ отечеству. Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельства измѣны Курбскаго были извѣстны Іоанну, который прямо говоритъ, что Курбскій измѣнилъ отечеству изъ корыстныхъ разсчетовъ, измѣнилъ, потому что эту измѣну счелъ выгодною для себя.

Указавъ, что причиною измѣны Курбскаго былъ не страхъ смерти, а корыстные разсчеты, Іоаннъ говоритъ, что въ томъ и другомъ случаѣ Курбскій является ослушникомъ воли и заповѣдей Господнихъ, предписывающихъ подданнымъ повиноваться Государю, доказываетъ, что бѣжавъ изъ отечества и возставъ противъ царя, возсталъ на самого Бога, потому что презрѣлъ слова апостола Павла: всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется: никая же бо владычества, яже не отъ Бога учинена суть; тѣмъ же противляйся власти Божію повелѣнію противится. Сіе убо речено есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми пріемлютъ власть: разумѣйже вышереченное яко не восхищеніемъ пріяхомъ царство, тѣмъ же наипаче противляяся власти Богу противится. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ апостолъ Павелъ: Раби! послушайте господій своихъ, не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но яко Богу и нетокмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть; се бо есть воля Господня, еже благое творяще пострадати (958).

Въ отвѣтъ на укоризну Курбскаго въ неблагодарности и несправедливомъ гоненіи Іоаннъ пишетъ: «како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде и предъ царемъ и предъ всемъ народомъ при смертныхъ вратѣхъ стоя и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеся. Но ты единаго ради слова моего гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси» (959). Слова эти

замѣчательны: Іоаннъ ставитъ потомку удѣльныхъ князей въ примѣръ слугу. Очевидно, что въ его глазахъ, предъ его лицомъ, стали равны всѣ подданные, всѣ должны были одинаково повиноваться ему. Этихъ уже однихъ словъ достаточно, чтобы понять, какъ много превосходилъ Грозный всѣхъ современниковъ своихъ ясностію взгляда: знаменитый родичь въ его глазахъ не есть уже лицо исключительно достойное его вниманія, въ его глазахъ всѣ въ равной мѣрѣ подданные. Худородные, отличающіеся заслугами, свѣтлымъ умомъ и дарованіями также обращаютъ на себя его вниманіе, онъ приближаетъ ихъ къ себѣ, питаетъ къ нимъ довѣренность. Подобная идея могла выработаться у Грознаго только въ слѣдствіе яснаго сознанія идеи государства. Упрекнувъ Курбскаго въ измѣнѣ, переходитъ Грозный къ опроверженію его посланія и при этомъ случаѣ высказываетъ свою теорію царской власти, теорію, основанную на опытѣ, на историческихъ данныхъ, а не на отвлеченномъ умозрѣніи. Здѣсь-то щедрою рукою расточаетъ онъ богатый запасъ своихъ историческихъ и богословскихъ свѣдѣній; здѣсь то во всемъ блескѣ выказывается его искусный, гибкій умъ, который своею оборотливостію на каждомъ шагу поражаетъ противника. Съ изумительною логикой разбираетъ Грозный слова Курбскаго: «совѣсть прокаженная», «православіе пресвѣтлое», «сопротивный разумъ», «пресвѣтлыя побѣды», опровергаетъ всѣ обвиненія Курбскаго и развертываетъ предъ нами печальную картину боярскаго своеволія. Разсмотримъ это послаиіе.

Приступая къ опроверженію словъ Курбскаго «прокаженная совѣсть», Іоаннъ пишетъ: «писаніе твое пріято бысть и вразумлено внятельно. И понеже убо положилъ еси ядъ аспиденъ подъ усты своими, наполнена меда и сота по твоему разуму, горчайше же полыни обрѣтающеся. Тако ли навыклъ еси, христіанинъ будучи, христі-

анскому государю подобно служити? и тако ли убо честь подобная воздаяти, отъ Бога данному владыцѣ, якоже бѣсовскимъ обычаемъ, ядъ отрыгаеши» (960)? Святители, продолжаетъ онъ, написавшіе большой свитокъ нечестивому царю Ѳеофилу, не написали однако такихъ хуленій, какія пишешь ты на меня (961). Итакъ, мы видимъ, какое высокое понятіе имѣлъ Іоаннъ о своемъ царскомъ достоинствѣ.

«Начало твоего писанія», продолжаетъ Іоаннъ, «яже убо неразумѣвая написалъ еси навадское помышляя. Якоже тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрою истинною, Богу живу и истинну. А еже убо сопротивныхъ разумѣвая совѣсть прокаженну имуще се убо навадское помышляеши, не разсуждаеши евангельскаго слова. И много слѣпотствующія твоея злобы не можешь истины видѣти». Далѣе онъ говоритъ, что Сильвестръ злоупотреблялъ саномъ священства, обвиняетъ его, Курбскаго и единомышленниковъ ихъ въ томъ, что они много разъ оскорбляли его. «И сего ради», говоритъ Іоаннъ, «еже отъ юности моея благочестія, бѣсомъ подобно колебаете, и еже отъ Бога державу данную мнѣ отъ прародителей нашихъ подъ свою власть отторгосте: ино се ли совѣсть прокаженная, яко свое царство въ своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли сопротивенъ разуму, еже не хотѣти работными своими быти владѣнну? и се ли православіе пресвѣтлое, еже рабы своими обладаему и повелѣнну быти»? Курбскій обвиняетъ царя въ уклоненіи отъ истиннаго пути; въ отвѣтъ на это Іоаннъ пишетъ: «а еже есть малое согрѣшеніе, то сіе отъ вашегожъ соблазна и измѣны, паче же и человѣкъ есмь, а не якоже ты, якоже мнишися быти выше человѣка со ангелы равенъ» (962). Іоаннъ былъ правъ: всѣ силы употребилъ онъ, чтобы быть царемъ добрымъ, великодушнымъ, но его не оцѣнили и не поняли. Въ

продолженіе всей своей жизни онъ постоянно встрѣчалъ одни измѣны, одно предательство; само собою понятно, что это равнодушіе, эта нелюбовь къ нему подданныхъ должны были ожесточить его, не мудренно, что онъ при врожденной пылкости характера, при своей живой, страстной натурѣ, впалъ въ крайность-сдѣлался жестокимъ и свое недовольство настоящимъ, свое опасеніе за будущность топилъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Оставленный безъ призрѣнья въ юности, не получившій, за недостаткомъ добраго, любящаго руководителя, правильнаго направленія, Іоаннъ обратился на ложный путь. Но все таки онъ не столько виновенъ въ этомъ, сколько стараются его обвинить: крамольный духъ окружавшихъ его заставилъ его сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался. Вотъ какъ самъ онъ говоритъ объ этомъ: «аще ли о семъ помышляеши, яко церковное преданіе не тако, и мы громъ бытія, что не даю власти попу и самъ не далъ вамъ погубить себя, се убо ради вашего лукаваго умышленія: понеже мя исторгосте отъ духовнаго и покойнаго житія, и бремя фарисейскимъ обычаемъ, бѣднѣ носимо, на мя наложисте, сами же и ни единымъ перстомъ не прикоснустеся, и сего ради церковное предстояніе не твердо, ово убо царскихъ правленій, еже вами разрѣшенны, ово же вашихъ злолукавыхъ умышленій бѣгая» ([963]). На обвиненіе Курбскаго въ жестокости къ вельможамъ и народу, Грозный отвѣчаетъ, что иначе и не могъ онъ дѣйствовать, потому что бояре «силою народъ во слѣдъ своего пагубнаго умышленія отторгли», а потому онъ и счелъ строгость за единственное средство заставить народъ повиноваться государю, а не боярамъ-измѣнникамъ ([964]). Дѣйствительно, бояре успѣли, какъ мы уже замѣтили, привлечь на свою сторону народъ, сообщить ему тотъ же духъ неудовольствія, которымъ сами были проникнуты и Грозный, видя грозящую государству

опасность, ожесточенный противозаконными поступками подданныхъ, пришелъ къ тому заключенію, что страхъ казней есть самое надежное средство для водворенія порядка. «Какоже сего не могъ еси разумѣти», говоритъ онъ въ разсматриваемомъ нами посланіи, «яко подобаетъ властелямъ не звѣрски яритися, ниже безсловесно смирятися»? и приведя слова апостола Павла въ подтвержденіе своей мысли говоритъ: «видиши ли яко апостолъ повелѣваетъ страхомъ спасати. Тако же и во благочестивыхъ царей временѣхъ много обрящется злѣйшее мученіе. Како же убо по твоему безумному разуму, единако быти царю, а не по настоящему времени»? Грозный полагалъ, что царство неминуемо погибнетъ въ слѣдствіе междоусобія, если онъ долѣе будетъ миловать преступниковъ (965), потому что естественно думать, что преступникъ не можетъ быть добрымъ членомъ общества, а потому общество должно стараться отсѣкать такіе члены, чтобы они не заразили всего государственнаго тѣла и не приготовили гибели государства.

Далѣе Іоаннъ винитъ Курбскаго и сторону Сильвестра въ томъ, что они замышляли гибель его, и «Божій судъ восхищающе прежде суда Божія», поносили, осуждали всѣ его распоряженія, не имѣя на то никакого права; уподобляетъ страданія, понесенныя имъ въ это время, страданіямъ, претерпѣннымъ отъ бѣсовъ святыми угодникаки Божіими. «Не уже ли же я поступилъ противъ ума и се ли супротивно явися», спрашиваетъ Іоаннъ, «еже вамъ погубити себя не далъ есми? Напротивъ ты поступилъ противъ разума, противъ души своей, отвергшись крестнаго цѣлованія ложнаго ради страха смертнаго» (966). Дѣйствительно, принимая во вниманіе поступки сильвестровой стороны, мы видимъ, что Іоаннъ, удаливъ ее отъ себя, не только не поступилъ вопреки разуму, но и согласно требованіямъ его, потому

что разумъ внушалъ ему, какая опасность грозитъ ему самому и государству отъ притязаній этой стороны, посредствомъ яснаго, свѣтлаго ума онъ могъ постичь только къ чему стремятся Сильвестръ и его сторонники, какая у нихъ задняя мысль.

Въ посланіи своемъ Курбскій поставляетъ на видъ Іоанну свои побѣды и храбрость, но Іоаннъ доказываетъ ему, что бранная храбрость ничего не значитъ, если не сопряжена съ повиновеніемъ власти и чрезвычайно удачно доказываетъ свое положеніе примѣрами изъ библейской исторіи. Онъ ставитъ въ примѣръ Курбскому Авенира, сына Нирова, который погибъ, потому что взялъ за себя Ресфу, супругу Саула, и, раздраженный противорѣчіемъ Мемфивосфея, сына Саулова, отступилъ отъ дому Саула. «Якожъ Авениръ на подружіе посягну господина своего, такожъ убо и ты отъ Бога данные грады и села посягая, равно тому безчестіе бѣсуяся сотворяеши». Сравниваетъ Курбскаго съ Ахитофеломъ, совѣтовавшимъ Авессалому на отца злое. Но одного старца умомъ совѣтъ его разсыпася и весь Израиль побѣжденъ бысть малѣйшими людьми. Онъ же удавленія конецъ обрѣте. Указываетъ на примѣръ Іеровоама, сына Наватова, возмутившаго десять колѣнъ израильскихъ противъ законнаго царя. Хотя Іеровоамъ и успѣлъ основать независимое царство, но оно не могло существовать и погибло, между тѣмъ какъ царство Іудино долго еще оставалось въ цѣлости (967).

Въ своемъ посланіи Курбскій называетъ мучениками казненныхъ Іоанномъ. «Какожъ не стыдишися злодѣевъ мученики нарицати, не разсуждая, за что кто пострадаетъ»? отвѣчаетъ ему Іоаннъ и словами апостоловъ Павла и Петра и ученіемъ отцевъ церкви-Златоустаго и Аѳанасія доказываетъ, что мучениками могутъ назваться только гонимые за вѣру (968), «а мучениковъ въ сіе время

за вѣру у насъ нѣтъ» (969), говоритъ онъ, а если казнены то одни преступники, что, слѣдовательно, этого нельзя ставить въ укоризну, потому что при этомъ случаѣ онъ только исполняетъ долгъ свой. «Такъ», продолжаетъ онъ, «Константинъ великій роднаго сына царствія ради убилъ; князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, твой предокъ, сколько крови пролилъ въ Смоленскѣ на св. пасху; но все таки, какъ тотъ, такъ и другой причислены къ лику святыхъ. Такъ и Давидъ, иже обрѣтеся Богу по сердцу и хотѣнію, когда не приняли его въ Іерусалимѣ, повелѣлъ, да всякъ убиваетъ Усеина и хромые и слѣпые и ненавидящихъ души Давидовы. Вотъ, видишъ, что и такой добрый царь показалъ гнѣвъ свой на подданныхъ, или убо нынѣшніе измѣнники не равно симъ злобу сотвориша? Наипаче же злѣйше! царя, Богомъ даннаго, на царствѣ у нихъ родившагося отвергли, преступивъ крестное цѣлованіе, и елико возмогоша злая сотвориша, всячески словомъ и дѣломъ, и тайными умышленіи, и чесому убо они сихъ не подобнѣе злѣйшимъ казнямъ? Но ты скажешь, можетъ быть», продолжаетъ Іоаннъ, «преступленіе тѣхъ явно, а наше неизвѣстно,— посему убо злѣйшій есть вашъ злобѣсный обычай,—яко человѣкомъ видимо есть доброхотство и служба, а отъ сердецъ вашихъ исходятъ помышленія и злодѣянія, пагуба смертная и разореніе, усты своими убо благословляете, сердцемъ своимъ клянете» (970). Какъ нельзя лучше охарактеризовалъ этими послѣдними словами Іоаннъ Сильвестра и его сторону. Дѣйствительно, на языкѣ у нихъ всегда была любовь къ отечеству, всегда толковали они о благочестіи, а дѣлали другое. Такъ Курбскій тоскуетъ объ отечествѣ, называетъ его землею Божіею, святою и въ то же время съ огнемъ и мечемъ идетъ на эту Божію землю, порицаетъ измѣнниковъ и въ тоже время измѣнилъ самъ, порицаетъ корыстолюбіе, а самъ

изъ корыстныхъ разсчетовъ бѣжалъ въ Польшу, укоряетъ Іоанна въ нарушеніи уставовъ церкви, а самъ, при второмъ бракѣ въ Литвѣ, нарушилъ ихъ и постоянно злоупотреблялъ религіею.

Объяснивъ, что его казни были вызваны необходимостію, Іоаннъ доказываетъ, что верховная власть въ государствѣ должна принадлежать исключительно царю, а не дѣлиться между многими. Къ такому убѣжденію онъ пришелъ опять не путемъ чистаго умозрѣнія, но путемъ опыта, соображеніемъ историческихъ данныхъ. «Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая», говоритъ онъ, «еже обладатися царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ, и царю повелѣваему быти? И сіе ли супротивно разуму и совѣсть прокаженна, еже невѣжу взустити отъ Бога данному царю воцаритися? Ни гдѣ же убо обрящеши, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому? Ты же убо почто ревнуеши? иже во Грецѣхъ, царствіе погубившихъ и Туркамъ повинувшихся? Сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу паче да будетъ! Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чимъ же лучши быти раба? А се ли тьма яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ» (971)? Такимъ образомъ, совершенно противоположно Курбскому, Іоаннъ составилъ себѣ понятіе о царской власти, какъ о такомъ началѣ, такомъ элементѣ въ государствѣ, который служитъ источникомъ всѣхъ учрежденій, отъ котораго все должно зависѣть и который можетъ отдавать отчетъ только Богу, потому что надъ этой силою нѣтъ ни судіи, ни властеля, а Курбскій требуетъ, чтобы царь былъ только главою и во всемъ слушался своихъ совѣтниковъ.

«Речеши убо», продолжаетъ Іоаннъ, «яко едино слово обращая сѣмо и овамо пишу? Понеже бо есть вина всѣмъ дѣламъ вашимъ злобѣснаго умышленія, понеже съ попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бъ съ попомъ владѣли: сего ради вся сія сключишася, понеже и до днесь не престаете умышляюще совѣты злые». За тѣмъ исторически доказываетъ Іоаннъ, что правленіе и власть должны быть въ рукахъ одного, а отнюдь не многихъ. «Такъ», говоритъ онъ, «при исходѣ израильтянъ изъ работы египетской Богъ поставилъ надъ ними владѣтелемъ одного Моисея, а не многихъ рядниковъ. А брату его, Аарону, повелѣлъ только священнодѣйствовать, не вступаясь въ управленіе. Но когда Ааронъ сотвори людскіе строи, тогда и отъ Бога люди отведе. Такъ Даѳанъ и Авиронъ, вздумавъ похитить власть, погибли сами и едва не погубили израильтянъ. По смерти Моисея», говоритъ онъ, «бысть судія Израилю Іисусъ Навинъ, священникъ же Елеазаръ». Потомъ далѣе пишетъ, что израильтяне побѣждали, пока управляли ими судіи, а когда Илья жрецъ взялъ на себя и священство и царство, то израильтяне были въ угнетеніи до царя Давида. «Такъ было въ ветхомъ завѣтѣ; въ римскомъ же царствѣ и въ новой благодати и въ греческомъ же, по вашему злобѣснаго хотѣнія разуму, случися. Августъ обладалъ всею вселенною даже до Перскія державы и это продолжалось до перваго во благочестіи и великаго Константина Влафла (Флавія). Когда же, послѣ его смерти, дѣти раздѣлили между собой имперію, то она устремилась къ упадку. Въ царство Маркіана возстали въ Италіи многіе мѣстоблюстители, а въ царство Льва великаго Африкою овладѣлъ Зинзирихъ (Гейзерихъ) и въ слѣдствіе такого раздробленія имперія ослабѣла и сосѣдніе народы отрывали у нее одну провинцію за другую и греки, которые прежде сами сбирали дань, въ царствованіе Алек-

сѣя Дуки Мурцуфла были покорены фрягами. Михаилъ Палеологъ изгналъ латинцевъ изъ Царя-града и опять возстановилъ независимость византійской имперіи, но при царѣ Константинѣ Дрогмасъ (Драгазесъ) Магометъ уничтожилъ греческую власть и имперія погибла, какъ дымъ, развѣянный вѣтромъ». Послѣ этихъ, удивительно логическихъ доказательствъ, приведенныхъ въ подтвержденіе той мысли, что царство не можетъ существовать, какъ скоро власть будетъ раздѣлена между многими лицами, не будетъ сосредоточена въ одниxъ рукахъ, Іоаннъ говоритъ Курбскому: «смотри же убо се и разумѣй, каково правленіе составляется въ разныхъ началѣхъ и властѣхъ, и понеже убо тамо царіе послушны быша эпархомъ и сигклитомъ, и въ какову погибель пріидоша! Сія ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели пріити»! Положивъ различіе между святительскою и царскою властью, Іоаннъ доказываетъ, что та и другая имѣютъ совершенно различныя сферы дѣйствія, что та и другая имѣютъ совершенно иныя средства и духъ и потомъ прибавляетъ, что власти святительской не должно вмѣшиваться въ дѣла мірскія, особенно же въ дѣла по управленію царствомъ. «Къ сему же пророкъ рече», прибавляетъ онъ, «горе дому имъ же домомъ жена обладаетъ; горе граду имъ же мнози обладаютъ. Видиши ли яко подобно женскому безумію многихъ владѣніе: аще не подъ единою властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумію подобно есть» (972). Всѣ эти доказательства, предложенныя Іоанномъ въ подтвержденіе своей мысли, и въ высшей степени логичны и неоспоримы. Это-то ясное сознаніе, эта разумность дѣйствій и опровергаетъ слова Курбкаго, что у Іоанна былъ «сопротивный разумъ».

Изложивъ, сейчасъ приведенные нами, доводы, Грозный спрашиваетъ Курбскаго: «какоже убо доброхотныхъ

сихъ измѣнниковъ нарицаеши? Яко же убо во Израили; еже со Авимелехомъ отъ жены Гедеоновы, сирѣчь наложницы, съ нею согласившеся и лесть сокрывше, въ одинъ день избиша семдесять сыновъ Гедеоновыхъ, еже убо отъ законныхъ женъ ему быша, и воцариша Авимелеха: такожде убо и вы собацкимъ своимъ, измѣннымъ обычаемъ хотѣсте во царствіи царей достойныхъ истребити, и аще не отъ наложницы и отъ царствія разстоящася колѣна хотѣсте воцарити. И се ли убо доброхотны есте и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссущаго млеко младенца, смертію пагубною хотѣсте свѣта сего лишити, чюжаго же царствія воцарствити. Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете» (975)! Здѣсь Іоаннъ, безъ сомнѣнія, говоритъ о намѣреніи бояръ возвести на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго мимо Димитрія, которому принадлежалъ престолъ по праву.

Курбскій говоритъ, что Іоаннъ потому сдѣлался жестокимъ, что родъ его былъ искони кровопійственный; съ своей стороны Іоаннъ утверждаетъ, что измѣна Курбскаго нисколько неудивительна, потому что произошелъ онъ изъ рода измѣнниковъ. «Извыскосте отъ прародителей своихъ измѣну чинити, якоже дѣдъ твой князь Михайло Карамышъ со княземъ Андреемъ Углецкимъ на дѣда нашего великаго государя Ивана умышляли измѣнные обычаи, такожде и отецъ твой князь Михайло съ великимъ княземъ Дмитріемъ внукомъ на отца нашего, блаженной памяти великаго государя Василія, многія пагубныя смерти умышляли, такоже и мати твоея дѣдъ Василій и Иванъ Тучко, многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему великому государю Ивану наносили, тако же и дѣдъ твой Михайло Тучковъ на преставленіе матери нашей великія царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надмѣнная словеса изрече,—и понеже еси рожденіе исчадія ехиднаго, посему тако и ядъ

отрыгаеши. А отцу твоему, князю Михаилу гоненія зѣло много да и убожества, а измѣны такой, что ты, не учинилъ» (974). Въ этомъ заявленіи Грознаго, что предки Курбскаго не были вѣрными слугами, не отличались покорностью волѣ московскихъ государей, нѣтъ ничего неправдоподобнаго и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права отвергать дѣйствительность фактовъ, приводимыхъ Грознымъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Не можемъ отвергать мы этихъ фактовъ во первыхъ, потому что Іоанну не было никакой нужды выдумывать небывалыхъ преступленій, во 2-хъ, потому что всѣ другія преступленія, приписываемыя имъ Курбскому и боярамъ, существовали дѣйствительно, наконецъ, въ третьихъ, потому что предки Курбскаго происходили отъ независимыхъ князей, отъ того же Рюрикова рода, отъ котораго пошли и московскіе князья. Это сознаніе единства происхожденія не выходило изъ головы удѣльныхъ и естественно, что они вовсе не были расположены стать въ такія отношенія къ московскимъ князьямъ, въ какія хотѣли ихъ поставить Іоаннъ III и сынъ его Василій; напротивъ они полагали, что имѣютъ полное право на власть и участіе въ управленіи. Да и свѣжо было еще преданіе, когда предки ихъ были самостоятельными отчичами и дѣдичами, полноправными господами своихъ владѣній. Московскіе князья сокрушили ихъ независимость и такъ какъ въ человѣкѣ является обыкновенно ненависть ко всякому насилію, ненависть, переходящая на виновниковъ его, точно также и они должны были ненавидѣть московскихъ государей, лишившихъ ихъ самостоятельности и, мало этаго, старавшихся еще поставить ихъ въ простое отношеніе подданныхъ и слугъ. Изъ этой ненависти родилась измѣна, родилось противорѣчіе волѣ московскихъ князей, съ которыми потомки удѣльныхъ не могли имѣть никакихъ общихъ интересовъ, потому что интересы первыхъ

были таковы, что, содѣйствуя имъ, послѣдніе должны были потерять всѣ свои преимущества. Нѣтъ сомнѣнія, что предки Курбскаго раздѣляли этотъ общій духъ неудовольствія, а потому неудивительно, что, подобно прочимъ, они не были ревностными слугами московскихъ князей.

На вопросъ Курбскаго, за чѣмъ погублены сильные во Израили, за чѣмъ воеводъ отъ Бога данныхъ различными смертьми царь поморилъ и святую, побѣдоносную кровь ихъ въ церквахъ разліялъ, на доброхотныхъ своихъ воздвигъ разныя гоненія, выдумывалъ гнусныя клеветы, Іоаннъ отвѣчаетъ, что не знаетъ, кто сильный во Израили и не побилъ сильныхъ и не знаетъ. «Земля строится» говоритъ онъ, «Божіимъ милосердіемъ и пречистыя Богородицы милостью, и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги. И еже воеводъ своихъ различными смертьми растерзали есмя: а Божіею помощію имѣемъ у себя воеводъ множество, опричь васъ измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольныжъ есмя». «Крови въ церквахъ», продолжаетъ онъ, «я не проливалъ, а стараюсь украшать ихъ и ничего не жалѣю для ихъ благолѣпія» ([975]). Это оправданіе Іоанна должно имѣть надлежащій вѣсъ и цѣну, потому что лучше вѣрить царю, который не скрываетъ своихъ недостатковъ, нежели измѣннику, который безсовѣстно клевещетъ на своего государя. Да притомъ должно еще замѣтить, что, кромѣ Курбскаго, никто не свидѣтельствуетъ, чтобы Іоаннъ осквернялъ церкви убійствомъ.

«Доброхотныхъ своихъ», пишетъ далѣе Грозный, «я не казнилъ и не казню, а награждаю ихъ за вѣрную службу и если казню, то однихъ измѣнниковъ, которыхъ нигдѣ не милуютъ» ([976]). Въ самомъ дѣлѣ, въ завѣщаніи

своемъ дѣтямъ, Іоаннъ поставляетъ имъ за непремѣнное правило: награждать вѣрныхъ слугъ и такимъ образомъ еще болѣе привязывать ихъ къ себѣ и предохранять ихъ отъ обидъ (977).

«Мукъ и смертей многообразныхъ я ни на кого не умышлялъ», говоритъ Іоаннъ, «а еже объ измѣнѣ и чародѣйствѣ воспомянулъ еси, то такихъ собакъ вездѣ казнятъ». «Но я неизобрѣтаю ихъ преступленій, не облыгаю ихъ и если я облыгаю, ктоже другой объявитъ правду? Ино-то измѣнниче! они сотворятъ! Обличеніе нѣсть имъ! По твоему злобѣсному умышленію, чесо ради намъ сихъ облыгати? власти ли своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худа, или коли бы ихъ насыщатися? Како у кого? не смѣху ли подлежитъ твой разумъ» (978)? Истиннѣе, вѣрнѣе этаго взгляда нельзя и сдѣлать на власть царя: царь, по понятію Іоанна, есть источникъ истины и свѣта, онъ выше всякой лжи, у него неможетъ быть пристрастья, онъ воздаетъ каждому должное и судъ его неподкупенъ и нелицепріятенъ. Взявъ во вниманіе такое высокое понятіе о власти и достоинствѣ монарха, можно ли подумать, чтобы Іоаннъ унизился до степени лжеца. Онъ говоритъ, что воленъ жаловать и казнить своихъ холопей, за чѣмъ же ему облыгать ихъ измѣнами? Ложъ раждается изъ страха наказанья, кто же могъ наказать Іоанна, кто, кромѣ Бога, могъ судить его? Да и зачѣмъ ему было облыгать подданныхъ измѣнами, когда сами подданные сознавались въ нихъ (979)?

Потомъ, для доказательства словъ своихъ: «и какова злая отъ васъ не пострадахъ отъ юности даже и донынѣ», сказанныхъ имъ въ началѣ своего посланія, Іоаннъ переходитъ къ изложенію преступленій бояръ. «Когда, по волѣ Божіей» пишетъ онъ, «отецъ нашъ великій князь Василій, перемѣнивъ порфиру на монашеское одѣяніе, скончался, я остался трехъ лѣтъ, а братъ мой свя-

топочившій Георгій, одного году, родительницѣ же нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ въ сицевомъ бѣдна вдовствѣ оставльше, якоже въ плѣненіи отвсюду пребывающе, ово убо иноплеменныхъ языкъ, отъ кругъ присѣдящихъ брани непримирительныя пріемлюще ото всѣхъ языкъ: литаонска, и поляковъ, и Перекопа, и отъ Читаръ-хана, и Нагай, и Казани, овожъ отъ васъ измѣнниковъ, бѣды и скорби пріемлюще, якоже подобно тебѣ, бѣшеной собакѣ, князь Семенъ Бѣльскій, да Иванъ Лятцкой оттекоша въ Литву и тамо скакаше бѣсящеся и въ Царь-градъ и въ Крымъ, и въ Нагаи и отвсюду на православіе рати воздвигающе; но ничтожъ успѣша» (980). Въ этихъ словахъ Іоанна столько истины, что не нужно и доказывать ее. Дѣйствительно все время правленія Елены протекло въ войнахъ съ крымцами, казанцами, литовцами. Но эти войны были счастливы для Россіи и нисколько не унизили славы нашего оружія. Что касается до измѣны Симеона Бѣльскаго и окольничаго Ивана Лятскаго, то мы знаемъ, что, не довольные распоряженіями правительницы, они бѣжали изъ Серпухова въ Литву, въ августѣ $^{7042}/_{1534}$ года (981). Первымъ дѣломъ измѣнниковъ было то, что, вооруживъ короля Сигизмунда Августа противъ Россіи, они выступили противъ отечества подъ королевскими знаменами; но когда русскіе своими побѣдами показали Сигизмунду, что онъ не въ силахъ бороться съ Россіею и онъ началъ изъявлять холодность къ измѣнникамъ; то, въ февралѣ 1536 года, Симеонъ Бѣльскій съ досадою уѣхалъ въ Константинополь и цѣлію этой поѣздки было: вооружить Султана и Крымъ противъ Россіи. По внушеніямъ Бѣльскаго, Султанъ далъ повелѣніе пашамъ и Саипъ-Гирею собирать войско, которое, вмѣстѣ съ Бѣльскимъ, должно было выступить противъ Россіи, какъ извѣщалъ Іоанна Исламъ Гирей, свергнувшій Саипъ-Гирея. Желая въ тоже время усыпить правительницу, Бѣльскій въ письмѣ къ ней

изъявлялъ раскаяніе, просилъ опасной грамоты на проѣздъ въ Москву; а по смерти Елены, самъ повелъ крымцевъ противъ отечества, когда наконецъ удалось ему убѣдить хана воевать Россію. Но нашествіе это, бывшее въ 1541 году, окончилось, вопреки ожиданью измѣнника, пораженьемъ хана (982).

«Такъ же потомъ дядю нашего», продолжаетъ Іоаннъ, «измѣнники на насъ подъяша и съ тѣми измѣнники пошелъ было къ Нову-граду (ино которыхъ хвалиши! доброхотныхъ намъ и душу за насъ полагающихъ называешь!) и се въ тѣ поры были отъ насъ отступили, а къ дядѣ нашему князю Андрею приложилися, а въ головахъ твой братъ князь Иванъ, княжь Семеновъ, сынъ княжа Петрова Львова Романовича, и иные многіе; и тако съ Божіею помощію тотъ совѣтъ не сотворися. Ино то ли тѣхъ доброхотство, которыхъ ты хвалишь? И тако ли душу свою за насъ полагаютъ, еже насъ хотѣли погубити, а дядю нашего воцарити» (983)? Вотъ какъ разсказываетъ это событіе лѣтописецъ: «7045 года, по діаволю дѣйству и лихихъ людей возмущенію, учиниша великаго князя замятню, начаша вадити великому князю и его матери великой княгинѣ, на князя Андрея, что князь Андрей на великаго князя и на его матерь, великую княгиню гнѣвъ держитъ, что ему вотчины не придали; и хочетъ бѣжати, и князю Андрею сказываютъ на великую княгиню, что хотятъ его поймати». Лѣтописи говорятъ далѣе, что, по духовному завѣщанію покойнаго великаго князя братья его должны были получить отчины, но Елена не дала Андрею ничего кромѣ кубковъ и другихъ вещей и что потому, отъѣхавъ въ Старицу, «началъ онъ гнѣвъ держати на великаго князя и на его матерь». Хотя Елена и Андрей и увѣряли другъ другаго, что не имѣютъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній; но недовѣрчивость господствовала между ними и, услышавъ снова о намѣреніи правительницы

схватить его, Андрей собралъ дружину, двинулся съ нею къ Новгороду, намѣреваясь овладѣть этимъ городомъ, разослалъ къ дѣтямъ боярскимъ грамоты, въ которыхъ объявлялъ, что «князь великій малъ, а держатъ государство бояре, а вамъ чесого дослужити, а я васъ радъ жаловати». И многіе дѣти боярскіе пріѣхали къ нему служити. Но дѣятельныя мѣры правительницы уничтожили замыселъ Андрея въ самомъ началѣ: Андрей долженъ былъ сдаться Телепневу на честное слово и, по прибытіи въ Москву, былъ посаженъ, со всѣмъ семействомъ, въ темницу, гдѣ и умеръ (984). Что касается до участія въ этомъ возстаніи князя Львова, то это очень естественно: безъ сомнѣнія Львову было выгоднѣе служить Андрею Старицкому, съ торжествомъ котораго возвращался старый порядокъ вещей, нежели Іоанну и правительницѣ, слѣдовавшей системѣ ненавистнаго боярамъ Василія III.

Обращая вниманіе преимущественно на слова Курбскаго «доброхотная служба», Грозный говоритъ, что бояре, по доброхотству своему, измѣннымъ обычаемъ начали предавать врагамъ русскія области: такъ предали литовцамъ Радогощь, Стародубъ и Гомель (985). Дѣйствительно, въ 1535 году, Оболенскій Щетинъ предалъ литовцамъ Гомель, но Стародубъ былъ взятъ послѣ упорнаго сопротивленія воеводы князя Ѳеодора Овчины (986).

Далѣе Грозный говоритъ о смерти своей матери; разсказываетъ, что послѣ нея остался 8 лѣтъ, а братъ его Георгій 5; что бояре, видя ихъ малолѣтство, забыли совѣсть и страхъ Божій. «Мнѣ же», говоритъ Грозный, «осьмому лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо, государей своихъ никакого промышленія добротнаго не сподобиша, сами премѣсишася богатству и славѣ, и тако скачаша другъ

на друга. И елико сотвориша! Колико бояръ и доброхотныхъ отца нашего избиша! и дворы и села и имѣнія дядь нашихъ восхитиша себѣ и водворишася въ нихъ! и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще; а иное жъ себѣ разъяша: а дѣдъ твой Михайло Тучковъ то сотворилъ» (987). Вотъ что читаемъ мы о своеволіи бояръ въ лѣтописи: «тогда (по смерти Василія) княземъ, и бояромъ, и вельможамъ, и судіямъ градскимъ самоволіемъ объятымъ и въ безстраши живущимъ и не право судящимъ, но по мздѣ, и насильствующимъ людемъ и никого же боящимся, понеже бо великій князь бѣ юнъ, и ниже страха имущимъ и небрегущимъ отъ сопостатъ россійскія земли. Тамо бо языцы поганіи христіанъ губяху и воеваху, здѣже боляре и воеводы мздами, и налогами, и велики продажами христіанъ губяху. Такожде и обычные дворяне и дѣти боярскіе, такожде и рабы ихъ творяху, на господій своихъ зряще. Тогда же во градѣхъ и въ селѣхъ неправда умножися, и восхищенія, и обиды, и татьбы, и разбои умножишася, убійства и грабленія многа, и во всей землѣ бяше слезы и рыданіе и вопль многъ» (988). Тоже говоритъ о состояніи Россіи въ это время Петръ Фрязинъ, бѣжавшій въ Ливонію (989). Потомъ, Іоаннъ говоритъ о своеволіи Шуйскихъ, освободившихъ изъ заточенія и присоединившихъ къ своей партіи всѣхъ недоброжелателей отца его и матери и прибавляетъ, что князь Василій Шуйской умертвилъ, на дворѣ князя Андрея Старицкаго, ближняго дьяка Θеодора Мишурина, заточилъ Ивана Θедоровича Бѣльскаго, а Даніила митрополита свергъ съ митрополіи и началъ самовластвовать какъ государь (990). Считаемъ излишнымъ приводить свидѣтельства лѣтописей и актовъ въ подтвержденіе этихъ словъ Іоанна, потому что самовластіе

и противозаконные поступки Шуйскаго такъ извѣстны, что подтвержденіе вовсе не нужно.

Затѣмъ Іоаннъ изображаетъ свое воспитаніе и своеволіе бояръ во время его малолѣтства: «насъ же со единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша яко иностранныхъ или яко убожайшую чадь. Якова жъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! во всемъ бо семъ воли нѣсть, но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершись отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не приклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоежъ ниже начало обрѣтеся: и таковая гордыня кто можетъ понести! Какожъ исчести таковыя бѣднѣ страданія многая, яже въ юности пострадахъ! многажды поздо ядохъ не по своей волѣ! Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все у нихъ поймаша во мздоиманіе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поймаша; и тако въ той нащей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ надписаша, будто ихъ родительское стяжаніе, а всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ вѣтхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣнити, да во излишнемъ сосуды ковати. Чтожъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ восхитиша! Посемъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ многоразличныя бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же имъ напасти, кто можетъ исчести? Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы се-

бѣ сотвориша, своя жъ рабы, аки вельможи, устроиша; правити же мнящесь и строити, и вмѣсто сего неправды и нестроенія многая устроиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще» ([991]). Это мѣсто посланія Іоаннова, такъ поразительно выказывающее небреженіе о немъ воспитателей, беззаконное корыстолюбіе Шуйскихъ, далеко отъ преувеличенія; оно подтверждается приведеннымъ уже нами сказаніемъ казанской гисторіи, свидѣтельствами псковской лѣтописи и самого Курбскаго ([992]); а наконецъ словами Іоанна, сказанными на лобномъ мѣстѣ, въ 1549 году, митрополиту: «Азъ, владыко! и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ, а матери осьми лѣтъ. Родители о мнѣ небрегоша, а сильніи мои бояре и вельможи о мнѣ нерадѣша, и самовластни быша, и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго, и во многія корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся» ([993]).

«Не желая долѣе быть подъ рабскою властію», говоритъ Іоаннъ, «я отослалъ отъ себя Ивана Васильевича Шуйскаго, а у себя велѣлъ быть Ивану Өедоровичу Бѣльскому. Но Иванъ Шуйскій, собравъ около себя партію и приведя ее къ присягѣ, силою свергъ Бѣльскаго и многихъ другихъ бояръ и дворянъ схватили Иванъ Кубенскій и другіе совѣтники Шуйскаго и, сославъ на Бѣлоозеро, умертвили, свергли съ митрополіи и митрополита Іоасафа». За тѣмъразсказываетъ Іоаннъ, какъ Шуйскій вытолкалъ изъ столовой палаты Семена Өедоровича Воронцова, разсказываетъ, какъ послалъ митрополита и бояръ Морозовыхъ ходатайствовать предъ Шуйскимъ, чтобы была оставлена Воронцову жизнь, какъ бояре едва послушались его словъ, изорвали на митрополитѣ мантію, а Морозовыхъ безчестно толкали. «Ино толи ихъ доброхотство», спрашиваетъ Іоаннъ, «что бояръ нашихъ, угодныхъ намъ,

супротивяся намъ, велѣли ихъ переимати, и побили и различными муками и гоненіи мучили? То тако ли они душу свою за государей своихъ полагаютъ, что къ нашему государству ратьми приходити и предъ нами іюдейскимъ сонмищемъ бояръ имати, и съ нами, государи, холопу ссылатися? То ли къ намъ прямая ихъ служба» ([994])? Весь этотъ разсказъ Іоанна о своеволіи Шуйскихъ совершенно согласенъ съ извѣстіями, сообщенными намъ объ этомъ лѣтописями.

«Егда жъ достигохомъ лѣта пятагонадесять возраста нашего», продолжаетъ Іоаннъ, «тогда Богомъ наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощію всесильнаго Бога начася строитися царство наше мирно и не мятежно по волѣ нашей» ([995]). Очевидно, что Іоаннъ начало своего собственнаго управленія государствомъ считаетъ съ того времени, когда былъ казненъ Андрей Шуйскій; а казнь этого вельможи послѣдовала въ 1543 году, слѣдовательно, когда Іоанну было 13 лѣтъ. Г. Устряловъ недоумѣваетъ, въ чемъ состояло мирное и немятежное правленіе государствомъ и, въ опроверженіе Іоанновыхъ словъ, приводитъ сказаніе современниковъ объ образѣ жизни Іоанновой въ это время и сказаніе о судѣ семидесяти псковскихъ челобитчиковъ ([996]). По нашему мнѣнію, въ словахъ Іоанна нѣтъ ничего, подлежащаго опроверженію: всѣ неустройства и крамолы въ государствѣ проистекали отъ боярскаго своеволія, непризнававшаго никакой другой власти кромѣ своихъ страстей, не обращавшаго никакого вниманія на требованія и повелѣнія Іоанна. Казнію Шуйскаго, въ 1545 году, Іоаннъ устрашилъ бояръ и съ этого времени «они начали имѣть къ нему страхъ и послушаніе» ([697]); они увидѣли, что Іоаннъ вступаетъ въ свои права и строгость, имъ обнаруженная, побудила ихъ быть осторожнѣе, прекратить свои насилія, покрайней мѣрѣ не притѣснять народъ явно. Мятежничать они не дерзали уже болѣе,

устрашаемые примѣромъ строгости, показанной Іоанномъ надъ Шуйскимъ и другими крамольниками. Вотъ что разумѣетъ Іоаннъ, безъ сомнѣнія, подъ немятежнымъ управленіемъ государствомъ.

Описавъ московскій пожаръ 1547 года, заговоръ бояръ и возмущеніе черни, Іоаннъ переходитъ къ описанію поступковъ Сильвестра и Адашева. «До того же времени бывшу сему собакѣ Алексѣю», пишетъ онъ, «вашему начальнику, въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей, невѣмъ какимъ обычаемъ, изъ батожниковъ водворившуся, намъ же такія измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ его отъ гноища и учиниxъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы» (998). Адашевъ долго не имѣлъ при дворѣ значительнаго сана и только въ 1555 году возведенъ былъ въ окольничіе (999), но пользовался, вѣроятно, большою довѣренностью Іоанна, потому что имѣлъ на себѣ санъ постельничаго (1000). Видя со стороны бояръ одинъ эгоизмъ, не встрѣчая въ нихъ нималѣйшаго сочувствія государственнымъ интересамъ, Іоаннъ началъ возвышать изъ ничтожества людей незнатныхъ, полагая, что они, не связанные съ аристократическими родами никакими общими интересами, будутъ ревностнѣе хлопотать о благѣ государства. Этимъ объясняется быстрое возвышеніе Адашева и та довѣренность, которую питалъ къ нему Іоаннъ. Вполнѣ выказывается та цѣль, которую преслѣдовалъ Іоаннъ, возвышая Адашева, въ слѣдующихъ достопримѣчательныхъ словахъ, сказанныхъ имъ Адашеву: «Алексіе! взялъ я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и нынѣ взысках тебя выше мѣры твоей, ради помощи души моей; хотя и твоего желанія на сіе нѣтъ, но обаче азъ возжелахъ не токмо тебя, но и иныхъ такихъ, хтобъ печаль мою утолилъ и на люди моя, Богомъ врученные мнѣ, призрѣлъ. Вручаю тебѣ челобитныя пріимати у бѣд-

ныхъ и обидимыхъ и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ. Да не убоишися сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ; ни вѣрити бѣднаго слезамъ ложнымъ, клеветающимъ на богатыхъ, хотящимъ ложными слезами неправедно оболгати и правыми быти; но вся испытно разсмотряти и къ намъ истину приносити, бояся суда Божія» ([1001]). Не одного Адашева избралъ Іоаннъ въ помощь душѣ своей: истерзанная, озлобленная, нуждалась она въ мирѣ и успокоеніи и вотъ «совѣта ради духовнаго и спасенія ради души своея», говоритъ Іоаннъ, «пріяхъ попа Сильвестра, и чая того, что онъ, предстоянія ради у престола Владычня побережетъ души своей» ([1002]). Но, что же вышло? «Поправъ священные обѣты и хиротонію», Сильвестръ началъ лукавствовать; сначала онъ дѣйствовалъ согласно ученію Св. Писанія, «а мнѣ видѣвшу», говоритъ Іоаннъ, «въ божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ благимъ покарятися безъ всякаго разсужденія и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи и не видѣніи, онъ же восхитися властію, якоже Илія жрецъ, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ». Потомъ Іоаннъ пишетъ, что на соборѣ, созванномъ имъ въ 1549 году, онъ простилъ всѣхъ прежнихъ преступниковъ, оскорблявшихъ его и грабившихъ, во время его малолѣтства, государство, всѣмъ имъ отдалъ вины ихъ, обѣщавшись впредь и не вспоминать объ этомъ и началъ править, какъ государь благій и добрый. Но не тронуло это крамольниковъ: Сильвестръ сдружился съ Алексѣемъ Адашевымъ, и, считая Іоанна неразумнымъ и недальновиднымъ, начали они совѣтоваться тайно отъ царя и притомъ вмѣсто духовнаго о мірскомъ, поощрять бояръ къ сопротивленію царской волѣ, ограничивая верховную власть и равняя бояръ едва не съ царемъ ([1003]). Благодаря довѣренности Іоанна, Сильвестръ дѣйствительно успѣлъ захватить въ

свои руки огромную власть, пріобрѣсти громадное вліяніе на дѣла ([1004]). Само собою понятно, что такой вѣсъ, такое значеніе внушили Сильвестру желаніе значить въ государствѣ еще болѣе. Какъ новогородецъ, онъ тяготѣлъ къ старинѣ и, естественно, сочувствовалъ тѣмъ же интересамъ, которые преслѣдовали и боярскіе роды. Соединился онъ съ Адашевымъ и, забывъ благодѣянія Іоанна, сталъ противъ него. Но стоять уединенно не могли Сильвестръ и Адашевъ: для успѣшнаго дѣйствованія имъ нужно было собрать около себя партію и они примкнули къ партіи московской, съ которой соединились и прожившіеся удѣльные ([1005]). Кромѣ того, имъ нужно было выгодами привязать къ себѣ своихъ сторонниковъ. И вотъ, по словамъ Іоанна, роздали они дѣтямъ боярскимъ помѣстья, а боярамъ города и села, не смотря на то, что, по указу Іоанна III, они не могли быть отчуждаемы въ частную собственность. Само собою понятно, что, показавъ такими наградами свою силу, Сильвестръ и Адашевъ заставили награжденныхъ всѣми силами привязаться къ нимъ, быть въ ихъ волѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ выгодъ.

Продолжая обвинять Сильвестра и его сторону, Іоаннъ говоритъ, что они дали санъ совѣтника единомышленнику своему Дмитрію Курлятеву; замѣстили всѣ должности своими приверженцами; подъ предлогомъ совѣта духовнаго и спасенія души, сняли съ Іоанна власть, данную ему прародителями; дѣлали все самовольно, неспрашиваясь согласія и позволенія государя; отвергали всѣ мнѣнія его, принимая только свои и своихъ сторонниковъ, хотя бы эти мнѣнія были противны здравому смыслу; стѣсняли царя въ образѣ жизни; не дозволяли ему противорѣчить своимъ совѣтникамъ; преслѣдовали тѣхъ, которые были вѣрны ему, награждали тѣхъ, которые осмѣливались противиться его волѣ и, вслѣдствіе этого, зло расло день ото дня, а спокойствіе изчезало. «Итако

убо симъ бывающимъ: мняще убо, яко дивныя ради пользы сицевыя утѣшенія творятъ намъ, а не лукавства ради» ([1006]). Зная, что все, прежде сказанное Іоанномъ противъ бояръ, справедливо, мы не можемъ отвергнуть и сейчасъ приведенныхъ его словъ: во-первыхъ, потому что самъ Курбскій разсказываетъ, что Сильвестръ и Адашевъ роздали помѣстья дѣтямъ боярскимъ и боярамъ и держали царя такъ, что, безъ совѣта съ ними, онъ не могъ рѣшиться ни на что; во-вторыхъ, что Сильвестръ и Адашевъ дѣйствительно гнали лицъ преданныхъ царю, то въ этомъ также нѣтъ причины сомнѣваться: лица, искавшія милости Іоанна, само собою понятно, дѣлались врагами Сильвестра и Адашева; усилившись, эти лица могли подорвать значеніе и силу ихъ стороны; а мы знаемъ, какъ поступалъ Адашевъ съ тѣми, къ которымъ былъ нерасположенъ: онъ отправлялъ ихъ въ ссылку ([1007]). Наконецъ, въ-третьихъ, справедливость жалобъ Іоанновыхъ на Сильвестра, Адашева и ихъ сторону подтверждается даже простыми соображеніями: нѣтъ примѣра, чтобы партія, успѣвшая захватить въ свои руки власть, остановилась въ законныхъ границахъ, потому что и сама она есть уже нарушеніе закона. Такъ какъ злоупотребленіе не можетъ быть поддерживаемо законными мѣрами; то и партія, для поддержанія своего существованія, своего значенія, должна прибѣгать къ средствамъ и мѣрамъ незаконнымъ, потому что, подчинясь закону, она, какъ явленіе неестественное, незаконное, какъ болѣзнь общества, должна прекратить свое бытіе.

Стараясь доказать виновность бояръ передъ нимъ, Іоаннъ говоритъ далѣе: «намъ двигшимся на безбожный языкъ казанскій, аки плѣнника, всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю; аще бы не всемоущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, всячески живота гонзнулъ бы» ([1008]) При-

водя это мѣсто, во-первыхъ, не должно упускать изъ виду начальныхъ словъ: «намъ двигшимся», что уже совершенно противорѣчитъ произвольному везенію какъ плѣнника; во-вторыхъ, царь говоритъ, что это везеніе имѣло мѣсто уже на возвратномъ пути изъ Казани; слѣдовательно не подъ Казань, а изъ Казани везли бояре царя, какъ плѣнника. Ясно, что Іоаннъ жалуется здѣсь на то, что бояре не берегли его во время дороги чрезъ непріятельскую землю; что здѣсь слово «плѣнникъ» во все не означаетъ невольнаго похода, а относится къ выраженью «безбожная и невѣрная земля». Въ слѣдъ за этимъ Іоаннъ винитъ бояръ въ робости и нерадѣніи «И егда начало воспріяхомъ», говоритъ онъ, «за Божіею помощію, еже брани на варвары, егда первѣе посылахомъ на казанскую землю, воеводу своего князя Семена Ивановича Микулинскаго съ товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы въ опалѣ своей ихъ послали казнить хотя, а не своего для дѣла! Ино, сели храбрость, еже служба ставити въ опалу? и тако ли покаряти прегордыя царства? Та же, сколько хожденія не бывало въ казанскую землю, когда не съ понужденіемъ, съ хотѣніемъ ходисте? Но и всегда аки на бѣдное хожденіе ходисте! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ, и тотъ родъ варварскій христіанству покори, и тогда како не хотѣсте съ нами воеватися на варвары, аки болѣе пятинадесять тысящь, вашего ради нехотѣнія, съ нами тогда не быша! Какоже и въ тамошнемъ пребываніи всегда развращенная совѣтоваете, когда запасы истопиша, како, три дни стоявъ, хотѣсте во своя возвратитися! И повсегда не хотѣсте во многопребываніи надобна времени ждати, ниже главъ своихъ щадяще, ниже бранныя побѣды смотряюще, точію: или побѣдивъ, наискорѣйши побѣжденнымъ бывшимъ, во своя скорѣйши возвратитися. Та же и войны многоподобныя, возвращенія ради скораго, остависте, яко послѣди

отъ сего много пролитія крови христіанскія бысть. Како, еже убо и въ самое взятіе города, аще бы не удержахъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не въ подобно время брань начати? Та же убо по взятіи града Божіимъ милосердіемъ, вы же убо, вмѣсто строенія, на грабленіе текосте! вся, яко раби, съ понужденіемъ сотворили есте, а не хотѣніемъ, и паче съ роптаніемъ. Подручна же тако царства сія сотвористе намъ, якоже множае седми лѣтъ мнѣ же сихъ царствъ и нашего государствія бранная лютость не престая» (1009)! Дѣйствительно, волненія въ Казани не могли утихнуть до 1558, когда она была наконецъ совершенно покорена русскимъ оружіемъ; но, зная, что, при взятіи Казани, нѣкоторые воины устремились на грабежъ, мы не можемъ, не имѣя никакихъ данныхъ, винить въ томъ же и Курбскаго.

Отъ описанія казанскаго похода Іоаннъ переходитъ къ описанію болѣзни, постигшей его, по возращеніи изъ этаго похода въ Москву, и намѣренія стороны Сильвестра возвести на престолъ Владиміра Андревича Старицкаго, и говоритъ, что Сильвестръ, не успѣвъ, по причинѣ выздоровленія царя, исполнить своего намѣренія, не переставалъ доброхотствовать Владиміру Андреевичу, утѣснять преданныхъ Іоанну людей, поносить царицу Анастасію (1010). Все это справедливо и основательно, потому что подтверждается другими свидѣтельствами. Да и то еще должно замѣтить, что, задумавъ разъ доставить престолъ Владиміру Андреевичу и не осторожно обнаруживъ связь свою съ этимъ княземъ, Сильвестръ не могъ отказаться отъ своего намѣренія, потому что въ противномъ случаѣ и ему самому и его сторонѣ грозила неминуемая гибель. Что онъ поносилъ царицу Анастасію, то это также очень естественно: Анастасія, оскорбленная намѣреніемъ Сильвестра и его стороны лишить Димитрія престола, ему, по праву, принадлежавшаго, разумѣется, не могла быть

расположена ни къ Сильвестру, ни къ его сторонѣ, и это нерасположеніе старалась, вѣроятно, сообщить и самому Іоанну.

Мало этого. Іоаннъ свидѣтельствуетъ, что Сильвестръ началъ покровительствовать измѣннику Семену Ростовскому; хотѣлъ судить царя, какъ частнаго человѣка, въ дѣлѣ Курлятева и Сицкаго; за одно съ своими совѣтниками противился намѣренію его воевать Ливонію, и когда Іоаннъ отвергъ совѣтъ стороны Сильвестра воевать Крымъ, то всѣ болѣзни, какія только приключались самому Іоанну, его дѣтямъ и супругѣ, Сильвестръ началъ приписывать непослушанью царя этому совѣту ([1011]). Мы видѣли, что война ливонская дѣйствительно не была одобрена стороной Сильвестра; что она совѣтовала Іоанну, вмѣсто Ливоніи, воевать Крымъ; что Іоаннъ отвергъ этотъ неблагоразумный совѣтъ, потому что видѣлъ всю безполезность для Россіи войны съ Крымомъ. Но Сильвестръ, привыкнувъ видѣть послушаніе Іоанна въ дѣлахъ духовныхъ, полагалъ, что имѣетъ право требовать отъ него того же и въ дѣлахъ политическихъ, а потому былъ раздраженъ, раздражены были и сторонники его упорнымъ намѣреніемъ царя воевать Ливонію. Сначала Сильвестръ, чтобы отклонить царя отъ этой войны, прибѣгнулъ къ священному Писанію, потомъ началъ пугать его дѣтскими страшилами; но, когда и это не подѣйствовало, сторонники Сильвестра, занимавшіе начальническія мѣста при войскѣ, начали дѣйствовать въ Ливоніи слабо и нерѣшительно. Поэтому, опровергая слова Курбскаго, что «твердые грады германскіе даны Россіи отъ Бога тщаніемъ разума воеводъ», Іоаннъ говоритъ: «брань еже на Германы: тогда послали есмя слугу своего царя Шигалея и боярина своего воеводу князя Михайла Васильевича Глинскаго съ товарищи Германъ воевати, и отъ того времени отъ попа Сильвестра, и отъ Алексѣя, и отъ васъ, какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть

подробну глаголати! Еже какова скорбнаго не сотворися намъ, то вся сія Германъ ради случися. Егда же васъ послахомъ на германскіе грады, тебѣ тогда сущу въ нашей отчинѣ, въ Псковѣ, своея ради потребы, а не нашимъ посланіемъ, множае убо седмь посланій нашихъ къ боярину нашему и воеводѣ, князю Петру Ивановичу Шуйскому и тебѣ послахомъ: вы же едва пойдосте съ малѣйшими людьми, и нашимъ многимъ напоминаніемъ множае пятинадесяти градовъ взясте! Ино се ли убо тщаніе разума вашего, еже нашимъ посланіемъ и напоминаніемъ грады взяша, а не по своему разуму? Како убо воспомяну о германскихъ градѣхъ! Супротивъ словія попа Силивестра восхищати можетъ, иже сиру вдовицу, суду не внемлюще, ихъ же вы желающе на христіанство злая составляете! Како убо, лукаваго ради напоминанія, дастся до короля лѣто цѣлое безлѣпо Лифлянтомъ собиратись? Они жъ, пришедъ предъ зимнимъ временемъ, и колико тогда народу христіанскаго погубили! Се ли тщаніе измѣнниковъ нашихъ? Да, и ваше благо, еже народъ христіанскій погубляти! Потомъ послахомъ васъ съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ и зѣло со многими людьми; вы же едва одинъ Вильянъ взясте, и тутъ много нашего народу погубисте. Такожде убо тогда отъ литовскія рати дѣтскими страшилы устрашистеся! Подъ Пайду же нашимъ повелѣньемъ, не волею пойдосте, и каковъ трудъ воемъ нашимъ сотвористе и ничтоже успѣсте» (1012).

Какъ защитникъ новаго порядка вещей, какъ потомокъ собирателей земли русской, Іоаннъ, въ отвѣтъ потомку ярославскихъ князей, высказываетъ цѣль своего правленія и превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ, предъ бытомъ родовымъ. Прилагая къ Руси слова апостола Павла, царь сравниваетъ старую и новую Русь съ ветхимъ и новымъ завѣтомъ: «и аще убо, якоже вмѣсто креста, обрѣзаніе тогда (т. е. въ ветхомъ завѣтѣ)

потребно быша, тако и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія потребно самовольство. Свѣта во тьму прелагати не тщуся, тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ поставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются. Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными браньми и самовольствомъ» ([1013]). Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ заключается самое высокое понятіе о царской власти: истина и свѣтъ для народа въ томъ—да познаетъ онъ Бога и отъ Бога даннаго ему государя. Кромѣ государственнаго смысла, эти слова имѣютъ еще смыслъ историческій: неужели новый порядокъ вещей, при которомъ Русь приводилась въ сознаніе своего единства при единомъ царѣ, при которомъ явился наконецъ порядокъ и смолкли усобицы, неужели этотъ новый порядокъ вещей хуже прежняго времени, времени усобицъ и нестроенія? При такомъ сознаніи своего царскаго достоинства Іоаннъ понималъ, что отвѣтъ его на письмо Курбскаго есть слабость, недостойная царя; но, какъ человѣкъ пылкій, не выдержалъ. Раскаяніе въ этой слабости видно изъ слѣдующихъ словъ его: «о провиненіи же и прогнѣваніи подовластныхъ нашихъ предъ нами: доселѣ русскіе владѣтели не истязуемы были ни отъ когоже, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни предъ кѣмъ; а аще же и неподобаетъ рещи о винахъ ихъ, но выше речено есть» ([1014]).

Въ своемъ посланіи Курбскій называетъ Іоанна прегордымъ мучителемъ, а царь въ опроверженіе этаго обвиненія говоритъ: «станемъ убо о семъ разсужденіе имѣти, кто прегордъ: азъ ли отъ Бога только повиннымъ рабомъ

повелѣваю хотѣніе свое творити; или вы противяся Божія велѣнія, моего владычества и своего работнаго ига отметаетеся, и яко господіе повелѣваете мнѣ вашу волю творити, и поучаете, и обличаете, и учительскій санъ на ся восхищаете»? Потомъ укоряетъ Курбскаго въ томъ, что этотъ послѣдній написалъ къ нему бранное письмо, тогда какъ трое патріарховъ написали, хотя и многосложный, но безъ всякаго хуленія, свитокъ нечестивому царю Ѳеофилу; обвиняетъ Сильвестра и Адашева въ гоненіи епископа коломенскаго Ѳеодосія и казначея Никиты Аѳанасьевича и словами Спасителя доказываетъ, что Курбскій есть преступникъ, потому что осуждаетъ, не имѣя права судить; приводитъ Христа Бога судіею между собою и Курбскимъ, потому что «Христосъ есть Господь Богъ нашъ, судитель праведенъ, испытаяй сердца и утробы и вся наша помышленія въ мгновеніе ока нага и явственна предъ Нимъ, и нѣсть иже укрыется отъ очію его, вся вѣдущему тайная сокровенія, и се убо вѣсть, за кое дѣло возстаете на мя и что пострадасте отъ мене, аще и послѣди, по вашему безумію, съ милостію местъ вамъ воздахъ» (1015). Изъ этихъ словъ видно, что Іоаннъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла и стремленій: онъ жилъ для блага народа и не боялся дать отвѣтъ Богу за казнь преступниковъ.

На слова Курбскаго: «кровь моя, яко вода пролитая за тебя, вопіетъ къ Богу», Іоаннъ отвѣчаетъ, что эти слова достойны посмѣянія. «Если пролита тобою кровь», говоритъ онъ Курбскому, «то пролита за отечество и вопіять должна на иноплеменниковъ, которые ее пролили; въ этомъ случаѣ ты принесъ только должную жертву отечеству и твоя укоризна не падаетъ на меня. Но отъ многаго вашего утѣсненія и озлобленія, вмѣсто крови, много изліяся слезъ нашихъ, пачежъ воздыханія и стенанія сердечнаго. Мое жъ утѣсненіе и вмѣсто крови, про-

литая, отъ васъ пріяхъ всякое оскорбленіе и озлобленіе, еже вашимъ злымъ сѣяніямъ во озлобленіи жихъ, строптивная не престаетъ убо, а наипаче на васъ къ Богу вопіетъ» ([1016]).

Наконецъ въ остальной части своего посланія Іоаннъ опровергаетъ слова Курбскаго: «побѣды пресвѣтлыя и одолѣніе православное»; укоряетъ его въ тщеславіи ратными подвигами; порицаетъ за суетное призываніе имени Божія и св. Ѳеодора Ростиславича, потому что они скорѣе услышатъ царя, нежели преступника и измѣнника. Въ отвѣтъ на обвиненіе въ гоненіи, Іоаннъ пишетъ, что онъ никого не гонитъ, никакихъ гоненій не умышляетъ на христіанскій родъ; но желаетъ самъ, если будетъ нужно, до смерти пострадать за него; опровергаетъ слова Курбскаго, что между боярами господствуютъ несогласія, говоря, что этаго нѣтъ, а интригуютъ можетъ быть члены сильвестровой стороны; порицаетъ наконецъ Курбскаго за то, что онъ назвалъ Вольмаръ владѣніемъ Сигизмунда Августа и говоритъ, что Курбскій бѣжалъ единственно изъ желанья безопасно своевольничать подъ господствомъ безсильнаго короля ([1017]). Вотъ содержаніе перваго посланія Іоаннова къ Курбскому.

Курбскій отвѣчалъ на это посланіе, что оно, такъ несвязно написанное, не только недостойно такого знаменитаго царя; но и простаго и убогаго воина, недостойно наиболѣе потому, что мѣста св. Писанія приведены не стихами или строками, но цѣлыми паремьями, цѣлыми книгами и посланьями; что въ этомъ письмѣ говорится и о постеляхъ и о тѣлогрѣяхъ, подобно бабьимъ сказкамъ; что все это такъ неискусно изложено, что царь долженъ былъ бы постыдиться писать такъ въ землю, гдѣ находятся многіе люди, не только въ грамматическихъ и реторическихъ, но и философскихъ и діалектическихъ ученіяхъ искусные.

Далѣе Курбскій говоритъ, что Іоанну стыдно бы грозить ему, хотя и изгнанному безъ правды, но все таки имѣющему очи сердечныя и языкъ не неученый,—стыдно бы, вмѣсто утѣшенья, его странника, обуреваемаго скорбями, устрашать такими угрозами и грызти кусательными словесы заочно неповиннаго мужа, нѣкогда вѣрнаго своего слугу.

Наконецъ Курбскій говоритъ, что не понимаетъ, чего хочетъ еще Іоаннъ отъ нихъ, погубивъ уже разными смертями единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ Владиміра св. и отдавшихъ царю все до послѣдней рубахи; говоритъ, что хотѣлъ было отвѣчать на каждое слово царя, потому что не имѣетъ недостатка въ средствахъ къ этому; но удержалъ руку съ тростію: во-первыхъ, потому что въ первомъ своемъ посланіи все предалъ суду Божію; а во-вторыхъ, потому что рыцарямъ неприлично ссориться какъ рабамъ, а особенно христіанамъ отрыгать бранныя слова. Итакъ, заключаетъ Курбскій, я рѣшился возложить упованіе на Бога, потому что не чувствую себя виновнымъ предъ тобою ни въ чемъ, а потому и подожду не много, ибо вѣрую, что скоро уже придетъ Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ (1018).

Вотъ краткое содержаніе отвѣтнаго посланія Курбскаго Іоанну. Мы видимъ, что въ этомъ посланіи нѣтъ ни одного опроверженія ни на одно изъ обвиненій, взводимыхъ Грознымъ на самого Курбскаго и вообще на сторону Сильвестра. Курбскій даже отказывается отъ опроверженія этихъ обвиненій на томъ основаніи, что рѣшеніе правоты или виновности своей предоставилъ нелицепріятному суду Божію; на томъ основаніи, что ему и царю, какъ рыцарямъ, неприлично, подобно рабамъ, ссориться. Но на все это можно смотрѣть какъ на одну только уловку, показывающую, что Курбскій ненашелся, что отвѣчать на обвиненія Грознаго и, не желая сознать-

ся въ справедливости упрековъ послѣдняго, говоритъ что предоставилъ рѣшеніе дѣла суду Божію и что рыцарямъ неприлично ругаться подобно рабамъ.

Что касается до того, что Курбскій называетъ посланіе царя безсвязнымъ, укоряетъ царя въ неумѣньи приводить мѣста св. Писанія; то это очевидная несправедливость, порожденная пристрастіемъ. Доказательства въ Іоанновомъ посланіи расположены удивительно логически и свидѣтельства писанія приведены чрезвычайно искусно, съ яснымъ пониманіемъ дѣла и мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода обвинять, подобно Курбскому, Іоанна въ невѣжествѣ и варварствѣ. Изъ этого пристрастнаго сужденія Курбскаго открывается, что, не имѣя въ виду никакихъ дѣльныхъ возраженій на Іоанново посланіе, онъ старается только придираться къ мелочамъ, а эта придирка не только не служитъ къ оправданью его, но и усиливаетъ его виновность.

Наконецъ упрекъ, дѣлаемый Курбскимъ Іоанну въ томъ, что, вмѣсто утѣшенія, послѣдній грозитъ ему, бѣдствующему на чужбинѣ, также не основателенъ. Курбскій самъ вызвалъ Іоанна на переписку и хотя должно сознаться, что Іоанну, при его высокомъ понятіи о царской власти, не прилично было бы отвѣчать на вызовъ Курбскаго и оправдывать свой образъ дѣйствій; но въ натурѣ Іоанна была женская раздражительность, которая недавала ему возможности удерживаться въ границахъ, разъ предначертанныхъ. Іоаннъ самъ, какъ мы видѣли изъ его письма, раскаявался въ этой слабости, благодаря которой онъ ставилъ Курбскаго какъ бы судьею своихъ дѣяній, какъ бы отдавалъ ему въ нихъ отчетъ, а это было совершенно противно тому высокому понятію, какое имѣлъ онъ о своей власти. Но укоризны, дѣлаемыя имъ Курбскому, имѣли въ основаніи своемъ правду, и Курбскій, хотя и утверждалъ, что ни въ чемъ невино-

вѣнъ, былъ дѣйствительно преступникъ и преступленія его нисколько не выкупались тѣми бѣдствіями, которымъ онъ подвергся. Слѣдовательно царь имѣлъ полное право укорять его и этотъ укоръ не былъ оскорбленіемъ чести, потому что былъ справедливъ, а оскорбленіе предполагаетъ уже вымыселъ, клевету. Скорѣе Курбскій оскорблялъ царя, потому что клеветалъ на него, потому что требовалъ отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ, не имѣя на то, какъ подданный, никакого права. Итакъ, сейчасъ разсмотрѣнное нами посланіе Курбскаго, не только не оправдываетъ его, но и дѣлаетъ его въ нашихъ глазахъ еще виновнѣе: надменный и дерзкій тонъ этого посланія доказываетъ, что Курбскій не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія къ царской власти.

Изъ Владиміра Ливонскаго Іоаннъ отвѣчалъ Курбскому на это письмо. Прописавъ весь титулъ свой, царь со смиреніемъ говоритъ, что, хотя и превзошелъ Манассію беззаконіемъ, но все таки не отчаевается въ милости Божіей, которая спасла его, блудника и грѣшника, и силою животворящаго креста, низложившаго древле Амалика и Максентія, побѣдила и его враговъ. Послѣ этого предисловія Іоаннъ опять переходитъ къ обвиненію стороны Сильвестра и Адашева; опять разбираетъ первое письмо Курбскаго, налягая преимущественно на выраженіе «растлѣнъ умомъ» и доказываетъ, что это выраженіе прилично не ему, но боярамъ, которые предпочли царевичу Ѳеодору Прозоровскаго; съ укоризною для царя судили Сицкаго съ Прозоровскими; чествили дочерей клеврета своего Курлятева, а дѣтей царя проклинали; умертвили Анастасію Романовну и были причиною кроновыхъ жертвъ; хотѣли посадать на царство Владиміра Андреевича, неимѣвшаго на то никакого права. Іоаннъ говоритъ, что, видя такіе поступки стороны Сильвестра и Владиміра Андреевича, онъ сталъ за

себя и ожесточился, потому что Владиміръ Андреевичъ за благодѣянія заплатилъ ему однимъ предательствомъ и крамолою; что бояре, не образумившись, начали еще болѣе противиться ему и что потому онъ «началъ жесточаѣ» противъ нихъ «стоять»; говоритъ, что (онъ) хотѣлъ покорить бояръ подъ власть свою, а они возстали на церкви и св. мѣста, поругали и осквернили ихъ, хотѣли имѣть подъ ногами всю русскую землю; но Божіею помощію вся *матерь* измѣниковъ была тщетна. Курбскій въ своемъ письмѣ говорилъ, что въ Россіи нѣтъ уже болѣе доблестныхъ воеводъ, Іоаннъ отвѣчаетъ ему, что сила животворящаго креста, побѣдившая Амалика и Максентія, заставила города германскіе сдаться безъ боя; что сопротивленіе бывало только тамъ, гдѣ небыло Животворящаго креста.

Наконецъ, слова Курбскаго, который въ первомъ своемъ посланіи пишетъ, что всегда въ дальноконечныхъ городахъ бился во славу царя, Іоаннъ опровергаетъ тѣмъ, что и на конѣ и пѣшкомъ самъ переѣхалъ и перешелъ всѣ дороги въ Литву и Польшу; смѣется надъ Курбскимъ, говоря, что пришелъ и туда, гдѣ Курбскій думалъ было успокоиться отъ трудовъ своихъ, а теперь долженъ былъ ѣхать дальноконечнѣе. Въ заключеніе своего письма Іоаннъ говоритъ, что писалъ все это не изъ гордости, а единственно изъ желанія вразумить Курбскаго (1019).

Курбскій, съ своей стороны, незамедлилъ отвѣтомъ на это посланіе. Онъ пишетъ, что оставляетъ длинный титулъ царя, полагая, что прописывать этотъ титулъ неприлично ему убогому, считаетъ себя, какъ человѣка военнаго и отягченнаго многими грѣхами, недостойнымъ быть царскимъ исповѣдникомъ, говоритъ, что должно было бы радоваться не только ему, нѣкогда вѣрному слугѣ царя, но и всѣмъ царямъ и народамъ христіан-

скимъ, если бы покаяніе царя было подобно Манассінну въ ветхомъ завѣтѣ и Закхееву въ новомъ; что царь въ своихъ письмахъ храмлетъ на обѣ бедры: то слишкомъ гордится, то слишкомъ унижается; укоряетъ царя за то, что его покаяніе не только одно наружное, нечистосердечное; но что, кромѣ того, по внушенію бѣсовскому, онъ называетъ правовѣрныхъ и святыхъ мужей дьяволами, клевещетъ на исповѣдника своего, который привелъ къ покаянію его царскую душу, носилъ на своей выѣ грѣхи его и чистаго и непорочнаго поставилъ предъ наичистѣйшимъ царемъ Христомъ Богомъ, изумляется, что клеветы на святаго мужа не смолкаютъ и по смерти его; устрашаетъ царя примѣромъ Хама, посмѣявшагося наготѣ отца, говоря, что если проклятіе постигло за тѣлеснаго отца, то тѣмъ болѣе должно остерегаться, чтобы еще горчайшее бѣдствіе не постигло за духовныхъ отцевъ, хотя бы какіе нибудь пороки съ ихъ стороны и были ради человѣческой немощи, какъ клеветали ласкатели на Сильвестра, будтобы онъ устрашилъ царя ложными видѣньями. Курбскій говоритъ, что Сильвестръ дѣйствительно былъ «льстецъ, коварецъ и благокозненъ, потому что исторгнулъ Іоанна изъ челостей мысленнаго льва и, подобно искусному врачу, исцѣлилъ застарѣвшіеся его недуги, которые, по словамъ мудрыхъ, превращаются въ человѣческихъ душахъ въ естество и бываютъ неудобны къ исцѣленію; а потому онъ-то нападалъ на пороки царя кусательными словесы (потому что помнилъ слова пророка: да претѣрпишъ лучше раны пріятеля, нежели ласкательныя цѣлованія вражія; но что царь забылъ это и, по внушенію лукавыхъ совѣтниковъ, отогналъ его отъ себя), или какъ крѣпкою уздою «обуздывалъ невоздержаніе и ярость его». Далѣе Курбскій пишетъ, что могъ бы воспомянуть, какъ шли дѣла въ то время, когда Іоаннъ слушался совѣта избранныхъ сигк-

литовъ своихъ, когда святые возсылали за него молитвы и противополагаетъ этому времени эпоху, когда Іоаннъ началъ слушаться совѣтовъ своихъ ласкателей, эпоху, ознаменованную голодомъ, язвою, нашествіемъ варваровъ, внезапнымъ опустошеніемъ Москвы, опустошеніемъ всей русской земли, постыднымъ бѣгствомъ царя и его кромѣшниковъ отъ татаръ, удивляется, что царь платитъ дань крымскому Хану, которому прежде платили дань только воины и воеводы саблями; утверждаетъ, что царь не имѣетъ права называть его и другихъ бояръ измѣнниками, потому что клятва въ вѣрности, данная ими, была невольная, а потому и клятвопреступничество падаетъ на того, кто вынудилъ эту клятву, оправдываетъ свое бѣгство тѣмъ, что Іисусъ Христосъ заповѣдалъ ученикамъ, если ихъ гонятъ въ градѣ, бѣгать въ другой и Самъ спасся бѣгствомъ отъ богоборныхъ іудеевъ.

Потомъ переходитъ Курбскій къ оправданію себя въ раззореніи церквей и русской земли. Въ свое оправданіе онъ приводитъ примѣръ Давида, который, гонимый Сауломъ, воевалъ землю Израилеву; оправдываетъ себя тѣмъ, что прежде, по повелѣнію самого Іоанна, сожегъ Витебскій посадъ и въ немъ 12 церквей, что теперь, будучи подданнымъ Сигизмунда Августа, онъ обязанъ былъ поступать точно также въ отношеніи къ Россіи и, принужденной воевать Луцкія волости, съ 15,000 войска, составленнаго изъ татаръ и другихъ еретиковъ, вмѣстѣ съ корецкимъ княземъ, онъ заботился о неприкосновенности церквей; но такъ какъ ни самъ, ни корецкій князь не могли наблюдать всюду; то варвары сожгли, закравшись, одинъ монастырь и въ немъ церковь, а монаховъ отпустили невредимыми. Курбскій говоритъ, что отвергъ приглашеніе крымскаго хана идти вмѣстѣ съ нимъ на Россію, потому что считаетъ неприличнымъ идти на христіанскую державу подъ бусурман-

скими хоругвями; что самъ король похвалилъ его за то, что онъ не уподобился безумнымъ, прежде на это дерзнувшимъ.

Оправдывая себя и сторону Сильвестра въ смерти царицы Анастасіи, Курбскій пишетъ, что за святыхъ мужей (Сильвестра и Адашева) онъ не отвѣчаетъ, потому что дѣла громче трубы говорятъ за нихъ, а о себѣ говоритъ, что не могъ рѣшиться на это злодѣяніе какъ потомокъ Ѳеодора Ростиславича, а не князей московскихъ, которые издавна имѣли обычай ѣсть плоть своихъ родственниковъ, какъ напримѣръ, поступилъ Юрій московскій въ ордѣ съ Михаиломъ тверскимъ; какъ поступлено съ князьями углицкими и ярославскими; какъ поступилъ Іоаннъ III съ внукомъ. Курбскій пишетъ, что не могъ умертвить Анастасіи, потому что она ему ближняя родственница; что никогда не мыслилъ возвести на царство Владиміра Андреевича; смѣется надъ словами царя, который пишетъ, что силою животворящаго креста пали города германскіе; говоритъ, что во многихъ мѣстахъ кресты Іоанна поломаны «отъ нѣякого жабки, а въ Кеси отъ латышъ; что это не Христовы кресты, а погибшаго разбойника; что полководцы польскіе и литовскіе не были еще и готовы къ войнѣ противъ царя, а его окаянные воеводишки уже были приведены въ оковахъ въ Польшу къ посмѣянію имени русскаго».

Слова Грознаго о Курлятевыхъ, Прозоровскихъ и Сицкихъ Курбскій сравниваетъ съ баснями пьяныхъ бабъ; говоритъ, что царь погубилъ уже не только Курлятевыхъ, Прозоровскихъ, но и другихъ благородныхъ; что, вмѣсто воеводъ, у него остались калеки и города русскіе ужасаются не только воиновъ, но и листа, летящаго съ деревьевъ; пишетъ что давно уже готовъ былъ отвѣчать на письмо царя, но немогъ послать отвѣта, потому что Іоаннъ «затворилъ царство русское, какъ во адовѣ твердыни

и называетъ измѣнниками тѣхъ, которые поѣдутъ отъ него до иныхъ странъ», а потому такъ долго и не посылалъ отвѣта какъ на первое, такъ и на второе письмо царя; проситъ царя, чтобы онъ прочелъ его письмо безъ гнѣва и не писалъ болѣе къ нему, чуждому слугѣ.

Противъ обвиненія Іоаннова, что Курбскій и сторона, къ которой онъ принадлежалъ, хотѣли всю русскую землю имѣть подъ своими ногами, Курбскій пишетъ, что онъ и не хочетъ отвѣчать на это по причинѣ явнаго навѣта со стороны царя, а все предаетъ суду Божію. За тѣмъ помѣстилъ онъ выписки изъ рѣчей Цицерона противъ Антонія и Клодія-помѣстилъ онъ эти выписки для того, чтобы показать Іоанну, что если такъ думали языческіе философы, то тѣмъ болѣе должно думать такъ христіанамъ.

Въ заключеніе Курбскій упрекаетъ Іоанна за то, что онъ погубилъ славу своихъ и Курбскаго прародителей, великихъ князей русскихъ; не устрашился праведныхъ казней, которыми посѣтилъ Богъ Россію за его грѣхи; возгордился подобно Фараону египетскому; не постыдился писать къ нему (Курбскому), что покоряетъ города силою креста Христова; пишетъ, что онъ и всѣ, знавшіе Іоанна, дивятся его теперешнему безумію, тогда какъ прежде онъ былъ не только храбръ, но и свѣдущъ въ св. Писаніи: примѣрами, почерпнутыми изъ св. исторіи, Курбскій доказываетъ, что Богъ не помогаетъ безумнымъ, развращеннымъ и увѣщеваетъ Іоанна исправиться; пишетъ, что, погубивъ доблестныхъ воеводъ, Іоаннъ посылаетъ въ чуждую землю неискусныхъ полководцевъ, а они бѣгутъ, при первомъ появленіи враговъ, какъ овцы, неимѣющія пастыря; укоряетъ Іоанна въ потерѣ Полоцка, постыдномъ бѣгствѣ и трусости. «Вотъ, плоды совѣта, даннаго тебѣ Вассіаномъ Топорскомъ»! восклицаетъ Курбскій. «Исповѣдникъ твой немилосердо истреблялъ въ тебѣ

дурныя склонности, а ты, и по смерти его, противъ него враждуешь»! Укоряетъ далѣе Іоанна въ богохульствѣ; увѣщеваетъ раскаяться, пока душа еще не отдѣлилась отъ тѣла; наконецъ проситъ Іоанна, чтобы онъ пересталъ писать къ чуждому слугѣ, потому что письма эти возбуждаютъ посмѣяніе: «усмиритися уже достоитъ и укротитися твоему величеству, и войти въ чувство: уже время! мы уже близки съ тобою ко гробу» (1020). Вотъ содержаніе третьяго письма Курбскаго къ Іоанну.

Мы видѣли, что въ отвѣтѣ на второе посланіе Іоанна Курбскій проситъ царя не писать болѣе къ чуждымъ слугамъ, но не вытерпѣлъ и изъ Полоцка отправилъ къ Іоанну четвертое письмо, въ которомъ сокрушается о перемѣнѣ совершившейся въ характерѣ Іоанна: «если пророки», говоритъ онъ, «плакали о паденіи Іерусалима и церкви его преукрашенной; то тѣмъ болѣе должны мы сокрушаться, царь! о паденіи души твоей, нѣкогда чистой и святой, добрыми дѣлами и благодатію Святаго Духа преукрашенной. Тогда покарялись тебѣ всѣ народы и ангелъ-хранитель ходилъ предъ полками твоими, тогда бывалъ ты съ избранными избраненъ, съ преподобными преподобенъ и сила креста помогала тебѣ и твоему воинству. Но когда возвратился ты, прелукавый, когда вступилъ на прежнюю дорогу, когда разными нечистотами осквернили душу твою;-тогда, вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей-явились тунеядцы, вмѣсто искусныхъ полководцевъ-богомерзкіе Бѣльскіе съ товарищами, вмѣсто воинства—толпы опричниковъ, вмѣсто св. молитвъ—шуты и скоморохи съ дудами, вмѣсто пресвитера блаженнаго-ты, подобно Саулу нечестивому, собралъ отвсюду ласкателей и тѣмъ готовишь погибель себѣ и дому своему. Если погибаютъ цари и властели, неудобоисполнимые законы созидающіе; то въ какую погибель должны пріити владѣтели, проливающіе кровь своихъ подданныхъ и ос-

корбляющіе цѣломудріе дѣвъ! Много и другихъ преступленій, о которыхъ разсказываютъ приходящіе изъ Россіи; но я считаю нужнымъ умолчать о нихъ, частію для сокращенія письма, частію оставляя ихъ суду Божію, кладу перстъ на уста, изумляюсь и плачу». Въ заключеніе Курбскій убѣждаетъ Іоанна вспомнить о счастливыхъ дняхъ своего царствованія, не губить себя и дому своего; называетъ его споспѣшникомъ антихристу; увѣщеваетъ возстать отъ болѣзненнаго сна и исправиться. Чтобы еще болѣе уколоть Іоанна, въ концѣ своего письма Курбскій называетъ Полоцкъ городомъ Стефана Баторія ([1021]).

—

IV.

Послѣ переписки Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ особенно замѣчательно и для насъ важно его предисловіе къ книгѣ новый Маргаритъ. Оно носитъ слѣдующее заглавіе: «Предисловіе многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію, достойную нарицатися новый Маргаритъ; въ той же отчасти жалостна и плачу достойная исторія кратка и о плодѣхъ ласкателей».

Такимъ образомъ, изъ самого уже заглавія сочиненія видно, что главною цѣлію Курбскаго и здѣсь, какъ и въ другихъ его сочиненіяхъ, было очернить царя, представить его въ сколько можно болѣе неблагопріятномъ свѣтѣ. Вотъ содержаніе этого предисловія. «Въ лѣто осьмой тысячи», пишетъ Курбскій, «пожелаютъ люди смерти; но смерть будетъ убѣгать отъ нихъ; тоже случилось и съ нами. Безъ правды я былъ изгнанъ отъ земли Божіей и пребывалъ въ странствѣ между людьми тяжкими и зѣло негостелюбными, а изъ отечества приходили ко мнѣ слухи о жестокомъ мучительствѣ, лютости, кипящей на родъ христіанскій и злѣйшей, нежели при богоборныхъ іудеяхъ, потому что тамъ щадили покрайней мѣрѣ женщинъ, а въ Россіи царь, настроенный ласкателями, погубилъ множество сановниковъ свѣтлыхъ, знаменитыхъ военачальниковъ, женъ благообразныхъ, не пощадилъ и младенцевъ. До того разгнѣвался онъ на сановниковъ своихъ, что всеродно приказалъ погубить ихъ своимъ палачамъ-воинамъ. Ласкатели явно возстаютъ противъ закона Божія

заповѣдуютъ: да не понесетъ сынъ грѣховъ отца и отецъ грѣховъ сына; праведника признаютъ виновнымъ, губятъ со всѣми родными до третьяго рода. Богъ повелѣваетъ не клясться небомъ и землею, а просто ей ей, ни ни! а ласкатели совѣтуютъ, положа крестъ или евангеліе, съ твердымъ обѣщаніемъ клясться въ работу мучителю. Богъ заповѣдалъ любить ближняго и положить душу за друга, а ласкатели научаютъ отрицаться не только друзей и ближнихъ, но и самыхъ родителей и, противъ совѣсти и Бога, исполнять мучительскую тайну. Богъ повелѣваетъ враговъ любить, а гонящихъ благословлять; а ласкатели совѣтуютъ грабить и убивать вѣрныхъ слугъ царя, сами отправляютъ должность палачей. Таковы совѣты ласкателей! И что получаетъ отъ нихъ царь? Когда разорилъ остальныя наши имущества: одни побралъ, другія роздалъ варварамъ, когда Богъ въ отмщенье посѣтилъ Россію бѣдствіями: городъ Москва многонародный и знаменитый во вселенной сожженъ руками варваровъ, поплѣнены окрестные города и веси и безчисленное множество христіанскаго народа отведено въ плѣнъ. Таковы плоды ласкателей, шепчущихъ царю во уши ложное! Мать мою, жену и отрока-сына уморилъ въ темницѣ, братію мою, князей ярославскихъ, истребилъ, имѣнія мои разграбилъ, а меня изгналъ изъ отечества и отъ друзей разлучилъ. Митрополиту своему, патріархомъ неблагословенному и запрещенному новымъ мученикомъ, Филиппомъ, приказалъ казненныхъ имъ мучениковъ клясть въ церквахъ, желая отлучить ихъ отъ христіанской части. Думаю, продолжаетъ Курбскій, что это не человѣкъ, а діаволъ, подобно рыкающему льву, пущенный на родъ человѣческій, змѣй великій, хоботомъ своимъ низлагающій третину звѣздъ небесныхъ, т. е. праведниковъ. Все это объяло сердце мое грустію и, желая ослабить ее, я занялся науками физикою, эттикою и св. писаніемъ, надѣясь въ этихъ за-

пятіяхъ найти для себя развлеченіе. Для этой же цѣли началъ я и переводъ сочиненій Златоустаго. Я вспомнилъ, что однажды спрашивалъ Максима Грека: всѣ ли книги восточныхъ учителей переведены на славянскій языкъ съ греческаго и гдѣ находятся, у Сербовъ, Болгаръ или у другихъ славянскихъ племенъ? Максимъ Грекъ отвѣчалъ, что на греческомъ языкѣ есть всѣ, а на латинскій и славянскій языкъ не переведены, потому что не было на это позволенія римскихъ императоровъ. Но, во время осады Константинополя Магометомъ, послѣдній императоръ отослалъ супругу и дѣтей со всемъ книгохранилищемъ на островъ Родосъ и въ Венецію. По взятіи Константинополя турками, патріархъ Аѳанасій съ клиромъ и съ церковною библіотекой бѣжалъ въ Венецію, гдѣ всѣ, привезенныя имъ, книги тотчасъ были переведены съ греческаго на латинскій языкъ. Узнавъ это отъ Максима Грека, я съ жаромъ принялся, по прибытіи своемъ въ Польшу, за изученіе латинскаго языка, съ цѣлію перевести книги восточныхъ учителей. Нѣсколько навыкнувъ латини, я пригласилъ на помощь ученаго юношу Амброжія и протолковалъ съ нимъ сначала всѣ заглавія книгъ Златоустовыхъ съ латинскаго на славянскій языкъ, чтобы знать, сколько переведено на славянскій языкъ Златоустовыхъ книгъ, и сколько много осталось еще не переведенными; а во-вторыхъ, чтобы, видя это, ученые мужи возревновали и переложили на славянскій языкъ еще непереведенное; въ-третьихъ, чтобы обличить еретиковъ, которые, особенно Еремія, попъ болгарскій, принадлежавшій къ маннетовой ереси, написали много словъ и повѣстей и, на соблазнъ православнымъ, издали ихъ подъ именемъ сочиненій Златоустаго. Я хотѣлъ было приняться потомъ за посланія апостола Павла, протолкованныя Златоустомъ, но, не смотря на всѣ старанія, не нашелъ людей свѣдущихъ въ славянскомъ языкѣ. Хотя и нашелъ нѣкото-

рыхъ монаховъ и мірскихъ; но первые постыдно отказались, а послѣдніе не захотѣли помочь мнѣ. Одинъ я боялся начать этотъ трудъ, потому что отъ юности не до конца навыкъ книжному дѣлу, отправляя по приказанію царя военную службу и часто ополчаясь на враговъ христовыхъ. Въ Польшѣ, сначала я долженъ былъ заниматься тѣмъже; а' потомъ, когда освободился отъ военной службы, былъ отвлекаемъ безпрерывными спорами съ сосѣдями, которые не только хотѣли отнять у меня то, что было дано на пропитаніе, но и самую жизнь; умертвили вѣрнаго слугу моего Іоанна Калымета, который былъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ и на плечахъ своихъ вынесъ меня во время бѣгства моего изъ Россіи. Задерживаемый этими препятствіями, я съ Амброжіемъ перевелъ сначала слова Златоустаго на Владычніе великіе праздники, съ великимъ тщаніемъ склонялъ падежи и роды, образцы и часы, и другія тонкости грамматическія и разставлялъ книжные знаки». Далѣе Курбскій желаетъ, чтобы свѣдущіе люди исправили его слогъ, а невѣжды да не дерзаютъ исправлять, а пусть оставятъ такъ, какъ есть, потому что варваръ не можетъ философскихъ разумѣти, такъ же и неученые учити и неискусные ремеслу ремесленники художества устрояти и дѣлати не могутъ. Въ заключеніе приведены слѣдующіе силлабическіе стихи:

«Всякое сопротивное со противнымъ вкупѣ пребывати не можетъ;
А ижъ нечистота чистотѣ сопротивна;
Того ради не очистився очищати другихъ не можетъ;
Не совершенъ будучи самъ учити другихъ не можетъ;
А ижъ неискусный нѣсть совершенъ;
Того ради иныхъ учити не можетъ.
Всякъ искусився словесныхъ и дѣлательныхъ совершенъ есть,

А всякъ, совершенный въ ученіяхъ словесныхъ и
свидѣтельствованный въ дѣлахъ добрыхъ, уже ис-
кушенъ;
А про то иныхъ учити просвѣщати можетъ, яко отъ
сокровища духовнаго уже подающе и умножающе
талантъ,—ему данный отъ Христа Бога нашего» ([1022]).

Итакъ въ началѣ этого предисловія, Курбскій, излагая причины, побудившія его заниматься на старости лѣтъ науками, мастерскою кистью изображаетъ мрачную, безотрадную картину послѣднихъ лѣтъ царствованія Грознаго; но ненависть къ этому великому государю, просвѣчивающая въ его сочиненіи, лишаетъ его разсказъ права на наше довѣріе. Таже задушевная мысль, которою проникнуты другія сочиненія Курбскаго, выказывается и здѣсь: всѣ бѣдствія, постигшія Россію, приписываются Іоанну. Въ этомъ сочиненіи выказывается вся горечь обманувшагося въ своихъ надеждахъ человѣка. Бѣжавъ изъ Россіи, Курбскій надѣялся получить въ Литвѣ богатое вознагражденіе; но вышло иначе: сосѣди всѣми возможными способами старались оскорблять его и, пока былъ живъ Сигизмундъ Августъ, вызвавшій Курбскаго, то этотъ послѣдній могъ еще бороться съ ними; но, со вступленіемъ на престолъ Стефана Баторія, возможность борьбы изчезла, потому что Баторій не любилъ Курбскаго и приравнивалъ его къ его слугамъ. Въ семействѣ Курбскаго не было счастія и согласія и не удивительно, что эти обстоятельства повергли въ уныніе гордую душу потомка ярославскихъ князей. И посвятилъ онъ себя наукѣ, которая давала ему возможность на время забыть свое уничиженіе. Похвальна была цѣль, съ которою онъ переводилъ сочиненія Златоуста, хотя ревность его едва ли вытекала изъ чистаго источника: Курбскій не дѣлалъ шагу безъ разсчета, безъ какой нибудь задней мысли. Далѣе въ этомъ предисловіи замѣчательно еще одно обстоятельство: безъ

сомнѣнія Курбскій очень хорошо зналъ о причинѣ перемѣны, совершившейся въ характерѣ Іоанна; но вѣрное изложеніе этой перемѣны представило бы въ невыгодномъ свѣтѣ сторону Сильвестра и Адашева; поэтому онъ показываетъ видъ, будто не понимаетъ причины этой перемѣны, приписываетъ ее внушеніямъ ласкателей, природной наклонности Іоанна ко злу и представляетъ его предтечею антихриста, если не самимъ антихристомъ.

—

V.

Разсмотрѣвъ всѣ сочиненія Курбскаго, относящіяся къ Іоанну, сдѣлаемъ теперь окончательный приговоръ о нихъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что для составленія себѣ вѣрнаго, опредѣленнаго взгляда на дѣятельность Іоанна IV, пользоваться этими сочиненіями, съ безопасностію погрѣшить противъ истины, не возможно. Всѣ они направлены къ одной цѣли—обвиненію Іоанна, а потому Курбскій долженъ былъ приводимые имъ факты представлять въ такомъ свѣтѣ, давать имъ такой колоритъ, чтобы они прямо привели его къ предположенной цѣли. Одушевленный ненавистью къ Іоанну, Курбскій отнялъ у него все доброе, оставилъ ему на долю одно зло. Сверхъ того, какъ въ дѣлахъ добра, такъ и въ дѣлахъ зла Курбскій представляетъ царя человѣкомъ подверженнымъ чужому вліянію, дѣлающимъ то, что укажутъ другіе—эта мысль проходитъ у него чрезъ все сочиненіе. Но такая идея, при основательномъ пониманіи характера Іоаннова, оказывается совершенно ложною; а слѣдовательно оказывается ложнымъ и самое развитіе этой основной мысли сочиненія Курбскаго. Курбскій смотрѣлъ на всѣ дѣянія Іоанна подъ вліяніемъ своего нерасположенія къ нему, а при такихъ условіяхъ нельзя ожидать правильнаго пониманія дѣятельности этого государя. Разбирая «исторію великаго князя московскаго о дѣлахъ» мы могли убѣдиться въ томъ, что большая часть злодѣяній, въ которыхъ Курбскій винитъ Іоанна IV, или вовсе не существо-

вала на дѣлѣ, или Іоаннъ не столько былъ виновенъ въ нихъ, сколько Курбскому хочется показать его виновнымъ. Правда, что въ послѣдніе годы своего царствованія Іоаннъ впалъ въ какую-то апатію, правда, что нерѣшительность и робость овладѣли имъ; но и то должно сказать, что воля человѣка, какъ бы ни была она и сильна и упруга, все таки должна изнемочь наконецъ, когда обстоятельства противъ нея. Такой примѣръ мы видимъ не на одномъ Іоаннѣ: исторія представляетъ намъ безчисленное множество примѣровъ подобнаго нравственнаго упадка замѣчательныхъ дѣятелей. Мы видѣли, что ни одна мѣра, для блага Россіи придуманная Іоанномъ, не удалась ему; что ни одно стремленіе его не вызвало сочувствія современниковъ: вездѣ встрѣчалъ онъ или отталкивающую холодность, или самый преступный эгоизмъ; поэтому мы не можемъ, подобно Курбскому, порицать его за слабость послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Бѣдствія, претерпѣнныя Россіею въ это печальное время: пепелъ Москвы, потеря Ливоніи, робость воеводъ, зависѣли не отъ Іоанна,—виною ихъ была измѣна, предательство. Однимъ словомъ, причиною нравственнаго разслабленія Іоанна была та среда, въ которую забросила его судьба. Величайшимъ несчастіемъ для Іоанна было то, что жилъ онъ въ тяжелую переходную эпоху: живи онъ въ другое время и, быть можетъ, тогда дѣйствовалъ бы онъ иначе. Но все—таки, не погрѣшая противъ истины, мы можемъ заподозрить или даже вовсе отвергнуть большую часть преступленій, которыми Курбскій награждаетъ Іоанна: Курбскій былъ слишкомъ нерасположенъ къ нему, какъ представителю новыхъ, государственныхъ началъ. Отвергая обвиненія Курбскаго, мы въ тоже время можемъ принять за дѣйствительно существовавшія преступленія тѣ противозаконные замыслы, въ которыхъ Іоаннъ винитъ бояръ: за истинность Іоанновыхъ показаній ру-

чаются: во первыхъ, его высокое понятіе о царскомъ достоинствѣ, какъ источникѣ истины и правды; во вторыхъ, откровенное сознаніе самого Іоанна въ своихъ проступкахъ, чего не допустилъ бы человѣкъ неблагонамѣренный; въ третьихъ, молчаніе самого Курбскаго, его нежеланіе оправдаться въ этихъ преступленіяхъ; въ-четвертыхъ, непререкаемыя свидѣтельства лѣтописей и государственныхъ актовъ, подтверждающія, что факты, приводимые Грознымъ для обвиненія бояръ, на самомъ дѣлѣ существовали. Всѣ эти соображенія говорятъ противъ Курбскаго. Въ сочиненіяхъ Курбскаго, нами разобранныхъ, преобладаютъ напыщенность, бездоказательность и натяжки, такъ что, читая ихъ, тотчасъ видишь ихъ неблагонамѣренность, тотчасъ видишь, что они писаны подъ вліяніемъ ненависти Курбскаго къ Іоанну, происшедшей въ слѣдствіе противоположности стремленій того и другаго, произшедшей изъ стремленія Грознаго ввести и утвердить новый, лучшій порядокъ вещей и стремленія Курбскаго поддержать старое, худшее, невыгодное для общества, но выгодное для него, выгодное и для другихъ бояръ—родичей. Вотъ съ какой точки зрѣнія должны мы смотрѣть на Курбскаго, какъ на писателя-историка. Есть у него и другія сочиненія, но разбирать ихъ кажется намъ излишнимъ, потому что они нейдутъ прямо къ цѣли настоящаго сочиненія.

—

VI

Изложивъ все, что казалось нужнымъ для охарактеризированія Курбскаго, мы произнесемъ теперь окончательное сужденіе объ этой личности, постараемся опредѣлить точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на нее. Дѣятельность и понятія Курбскаго были совершенно противоположны той идеѣ, осуществленіе которой положилъ Іоаннъ IV въ возглавіе своей дѣятельности, сдѣлалъ задачею своей жизни. Идея эта поставила Іоанна выше понятій вѣка; она вознесла его на высоту недосягаемую, недоступную для современниковъ, а потому неудивительно, что сталъ онъ въ разладъ съ ними, что «Авраамъ не увѣдалъ его, Исаакъ не уразумѣлъ его и Израиль не позналъ его»; по этому не удивительно, что благодѣтельныя реформы, которыми онъ хотѣлъ возвеличить Россію, не привились къ современному обществу,— оно съ непріязнью оттолкнуло ихъ, потому что онѣ не вошли еще въ его сознаніе, потому что насущная потребность преобразованія не была еще понятна для него. Іоаннъ хлопоталъ о томъ, чтобы идеѣ государственной дать торжество надъ началами, ей противоположными, хотѣлъ воцарить ее въ русскомъ обществѣ, потому что видѣлъ въ ней поруку славы и благоденствія отечества. И встали противъ этого стремленія современники, и начали съ Іоанномъ борьбу на жизнь и смерть. Въ ряды противниковъ Іоанна сталъ и Курбскій и на немъ-то вполнѣ отразился характеръ и современнаго общества и

самой борьбы. Воспитаніе развило въ Курбскомъ ненависть къ Москвѣ и совершенное равнодушіе къ тому, что понимаемъ мы подъ именемъ блага общественнаго; воспитаніе внушило ему любовь только къ самому себѣ и своимъ интересамъ, поэтому-то всѣ дѣйствія его запечатлѣны самымъ убійственнымъ эгоизмомъ. Старина была для Курбскаго второю природою, она была для него плотію и кровію, была насущною потребностію, такою средой, безъ которой онъ не могъ ни жить, ни двигаться. И вотъ, какъ мы и видѣли, возстановленіе старины онъ полагаетъ главною задачею своей жизни; за старину онъ вступаетъ въ кровавую, отчаянную борьбу съ царемъ; старинѣ онъ жертвуетъ всемъ, что только имѣлъ святаго и дорогаго сердцу: и религіей, и отечествомъ, и родными, и добрымъ именемъ. Но не потому преданъ онъ ей всѣми силами души, не потому не имѣетъ для нея ничего завѣтнаго, что въ торжествѣ ея видѣлъ поруку славы и благоденствія отечества: интересы отечества мало занимали его, были ему чужды, а дѣйствовалъ онъ такъ потому, что этаго требовали его личные интересы. Какая выгода могла проистечь тогда для Россіи изъ возстановленія обычая боярскаго совѣта? Какую пользу могли принести ей право отъѣзда, право мѣстничества и возстановленіе стараго порядка престолонаслѣдія? Какую выгоду могла она извлечь изъ старинной своей политики? Никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ тѣхъ, которые влекутъ за собою разслабленіе общественнаго союза, отъ которыхъ дряхлѣетъ и прекращаетъ бытіе свое государственное тѣло; слѣдовательно изъ возстановленія старины Россія не могла извлечь ничего, кромѣ гибели и вреда. Такъ думалъ Іоаннъ Грозный, и мысль: подвинуть Россію впередъ на пути государственнаго развитія, уничтожить вредную старину, сдѣлалась

завѣтною его мыслью, потому что онъ любилъ Россію, желалъ славы и долговѣчности ея. Но не такъ думалъ Курбскій: какое было ему дѣло до Россіи... онъ зналъ только себя одного. Какая была нужда до того, что старина вредна для отечества,–она была выгодна для него и этого было ему довольно, чтобы сдѣлаться ея защитникомъ. Старина давала ему болѣе значенія, при помощи ея онъ становился выше простаго подданнаго, достигалъ значительной независимости отъ тѣхъ условій, которыя налагаютъ на человѣка требованія государства; а при торжествѣ новыхъ началъ долженъ былъ стать въ уровень съ прочими подданными Іоанна, подчинить свою волю волѣ общей—волѣ государя, подчинить свои интересы интересамъ общества, свои дѣйствія согласовать съ требованіями общей пользы. Итакъ, ратуя за старину, Курбскій руководился не интересами отечества, а одними чисто эгоистическими побужденіями. Но дѣятельность Курбскаго была дѣятельностію запоздалою, а слѣдовательно и самою неблагодарною. Запоздала она потому, что государственная идея сдѣлалась уже насущною потребностью русскаго общества, потребностью, которая все болѣе и болѣе должна была приходить къ ясному сознанію; а потому, стараясь возвратить старину, Курбскій хотѣлъ возвратить то, что было невозвратимо. Идеалъ его былъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ, одряхлѣвшемъ, отживавшемъ свой вѣкъ; слѣдовательно, желая дать торжество этому прошедшему, вдохнуть новую жизнь въ его разрушающіеся члены, Курбскій хлопоталъ о невозможномъ, превышающемъ силы человѣческія. Итакъ напрасно тратилъ онъ свои силы въ борьбѣ противъ новизны, напрасно истощалъ ихъ, стремясь удержать неудержимое; не благодарности потомства онъ могъ ожидать въ награду за свои усилія; напротивъ,

защищая отжившее, онъ, предъ строгимъ судомъ потомства, является защитникомъ неподвижности и застоя, шедшимъ наперекоръ исторіи, наперекоръ развитію общества. Въ такихъ людяхъ потомство видитъ враговъ развитія человѣчества, слѣдовательно, людей, достойныхъ не участія, а осужденія.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1 Юрія и Андрея.
2 Такъ, напримѣръ, митрополитъ Іона, въ посланіи своемъ къ Дмитрію Шемякѣ, называетъ преступленіемъ возстаніе отца его, Юрія, противъ Василія Темнаго. Такъ лѣтописи приписываютъ *діаволю дѣйству* возстаніе дядей противъ Іоанна IV.
3 Такъ поступили князья Тверской и Рязанскій Олегъ.
4 «Служилые люди», статья г. Бѣляева во Времен. Моск. Общ. Ист. и Древ. т. III, 28.
5 Сказаніе князя Курбскаго. Изд. Устрялова, 46.
6 Исторія Государства Россійскаго. Изд. Эйнерлинга т. VI. 213.
7 Родословная книга, изд. Новиковымъ ч. I. стр. 113. Сказ. кн. Курбскаго стр. 233.
8 Родословная книга, изд. Новик. ч. I. стр. 114.
9 Тамъ же. ч. I. стр. 115.
10 Historiae Ruthenicae scriptores exteri ed. Starzewsky. T. I S. Herbersteini Rerum Moscowiticarum Commentarii. p. 53.
11 Родословная книга ч. I стр. 115.
12 Разряды, рукопись, принадл. г. профессору Каз. Унив. В. И. Григоровичу л. 29.
13 Тамъ же л. 114.
14 Родословная книга ч. I. стр. 120.
15 Тамъ же ч. I. стр. 120.
16 Herbersteini. Rerum Moscoviticarum commentarii стр. 54.
17 Разряды, рукопись, принад. г. проф. В. И. Григоровичу л. 219, 236, 237, 248, 250, 286 и 300.
18 Родосл. кн. ч. I. стр. 121.
19 Ист. Госуд. Рос. т. VIII. стр. 112.
20 Митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ свѣтскихъ писателей (ч. I стр. 325) относитъ рожденіе Курбскаго къ 1529 г., но это неправильно. Въ 1552 году Курбскій считалъ себѣ 24 года; слѣдовательно годомъ рожденія его должно признать 1528, а не 1529 годъ.
21 Въ своей «Исторіи Великаго Князя Московскаго о дѣлѣхъ» стр. 20»

84 Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей т. III Псковская 1-я Лѣтопись стр. 368.
85 Историко-критическіе отрывки, соч. Погогина, стр. 258.
86 Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9 стр. 363.
87 «Срѣтеніе Смоленской Божіей Матери», соч. В. Сбоева въ Москвитянинѣ 1853 г. № 15.
88 Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9 стр. 363.
89 «Срѣтеніе Смоленской Божіей Матери».
90 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 35—37.
91 Тамъ же, стр. 39.
92 Никон. Лѣт. IV стр. 187.
93 Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ т. I, № 24.
94 Тамъ же, № 24.
95 Исторія Татищева, т. IV стр. 350.
96 Тамъ же, т. IV стр. 206.
97 Тамъ же, т. IV стр. 212.
98 S. Herbersteini Rerum Moscoviticarum Commentarii, ст. 9, 10.
99 Исторія Русская Татищева, стр. 6.
100 Тамъ же, стр. 15.
101 Тамъ же, стр. 47.
102 Акты Арх. Эксп. т. I, № 172.
103 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 46.
104 Ак. Арх. Эксп. т. I, № 172.
105 Сказанія кн. Курбскаго. стр. 4—6.
106 Тамъ же, стр. 6.
107 S. Herbersteini R. M. C. p. 12.
108 Ак. Арх. Эксп. т. I, № 172.
109 Тамъ же.
110 Лѣтописецъ Норманскаго (въ Временн. Об. Ист. и Древн. Росс. т. V) стр. 28.
111 «Лѣтописецъ» Норманскаго стр. 29.
112 «Служилые люди», соч. г. Бѣляева, стр. 31.
113 Никоновская Лѣтопись, т. VII, стр. 13—19. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. г. III, № 9, стр. 220.
114 S. Herbersteini Rer. Mosc. Com. p. 19.
115 Этотъ заговоръ мы можемъ приписать сторонѣ Сильвестра, потому что въ немъ принимали участіе: Шуйскій, Темкинъ, Θедоровъ, митрополитъ Макарій и другія лица, тотчасъ по выступленіи ся на политическое поприще ставшія въ ряды ея.
116 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 186.
117 Тамъ же, стр. 9.
118 Тамъ же, стр. 9.

119 Въ 1541 г., по ходатайству Сильвестра, освобождено изъ темницы семейство кн. Андрея Старицкаго.
120 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 188.
121 Исторія Госуд. Россійскаго, т. VIII, стр. 49.
122 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 183 и 184.
123 Ист. Госуд. Росс. т. VIII, прим. 153.
124 Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III, Псковская 1 лѣтопись стр. 304.
125 Тамъ же, стр. 304.
126 Гисторія о Казанскомъ Царствѣ, гл. 28.
127 Тамъ же.
128 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 11.
129 Тамъ же, стр. 43.
130 Тамъ же, стр. 45.
131 Тамъ же, стр. 45 и 46.
132 Тамъ же, стр. 5 и 43.
133 Тамъ же, стр. 5.
134 Тамъ же, стр. 42, 43 и 46.
135 Тамъ же, стр. 43, 44 и 46.
136 Тамъ же, стр. 44, 47 и 85.
137 Тамъ же, стр. 157.
138 Тамъ же, стр. 159 и 160.
139 Тамъ же, стр. 161.
140 Тамъ же, стр. 179.
141 Тамъ же стр. 162.
142 Тамъ же, стр. 172.
143 Тамъ же, стр. 195.
144 Тамъ же, стр. 176.
145 Тамъ же, стр. 171.
146 Тамъ же, стр. 172.
147 Тамъ же, стр. 194—195.
148 Тамъ же. стр. 11.
149 Тамъ же. стр. 187.
150 Тамъ же, стр. 189.
151 Акты Археогр. Экспед. т. I, № 238.
152 Царственная Книга стр. 342.
153 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 187 и 188.
154 Тамъ же, стр. 188.
155 Тамъ же, стр. 189.
156 Русск. Ист. Сборникъ, изд. Погодинымъ т. II, стр. 65 и 66.
157 Въ приведенномъ нами свидѣтельствѣ значится, чтоЛаскиревъ посланъ былъ городничимъ въ 7063 году.
158 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 188.
159 Ист. Госуд. Росс. т. VIII, стр. 99.

160 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 37.
161 Исторія Гос. Росс. т. VII, пр. 271. S. Herbersteini Rer. Mosc. Com. p. 67.
162 Сказ. кн. Курбскаго стр. 38.
163 Въ слѣдующей главѣ сочиненія.
164 Сказ. кн. Курбскаго стр. 47.
165 Царственная Книга стр. 338—341.
166 Ист. Госуд. Росс. т. VIII, стр. 127.
167 Царственная Книга стр. 314.
168 Вотъ слова Щербатова: «Владиміру Андреевичу былъ воспрещенъ боярами входъ къ Іоанну. Въ таковыхъ обстоятельствахъ единый изъ главныхъ помощниковъ сему князю былъ Благовѣщенскаго собора, что на Сѣнехъ, протопопъ Селиверстъ. Сей священникъ былъ родомъ Новогородецъ, и хотя пріялъ священный чинъ, но мысли и душа его любочестіемъ исполнены были, подъ видомъ благочестія и съ саномъ священника былъ льстивъ и пронырливъ, и сими толь часто къ нещастію народовъ качествами толикую пріобрѣлъ себѣ милость отъ царя Ивана Васильевича, что онъ его не токмо духовнаго, но и гражданскаго совѣта соучастникомъ учинилъ, и съ такою силою, или лучше сказать съ такою къ нему повѣренностію, что онъ, яко самовластитель въ обоихъ сихъ правленіяхъ, митрополиту, епископамъ и боярамъ повелѣвалъ. Сей коварный мужъ, притворяющійся имѣть совершенное усердіе къ государю, не оставлялъ тогда же пещися въ случаѣ премѣны защитниковъ себѣ пріобрѣсти: чего ради прежде еще бывшаго подъ гнѣвомъ у Государя князя Владиміра Андреевича изъ подъ стражи на свободу испросилъ, и въ милость къ государю ввелъ и въ семъ случаѣ, когда государь его и благодѣтель его въ опасной болѣзни, въ коей отчаявались въ его жизни, находился, не токмо, чтобы помышлять утвердить престолъ сыну его, явно стороны князя Владиміра Андреевича себя оказалъ, укоряя бояръ, что они сего князя къ государю болящему не пускаютъ и побуждая ихъ къ вѣрности сему царскому родственнику, а къ отреченію присягать младенцу князю Димитрію: однако когда та власть, которая силу его составляла, являлася къ концу приближаться, то внутренне ненавидимаго сего священника слова уже мало дѣйствія надъ боярами имѣли». Ист. Россіи т. VII, стр. 449 и 450.
169 Царственная книга стр. 346.
170 Тамъ же, стр. 348.
171 Сказ. кн. Курбскаго стр. 190.
172 Тамъ же, стр. 190.
173 Тамъ же, стр. 224.

174 Скаs. кн. Курбскаго стр. 233.
175 Тамъ же, стр. 168.
176 Тамъ же, стр. 9.
177 Тамъ же, стр. 229.
178 Тамъ же, стр. 215.
179 Тамъ же, стр. 229.
180 Тамъ же, стр. 157.
181 Тамъ же, стр. 152.
182 Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 230.
183 Сказанія кн. Курбскаго стр. 157.
184 Тамъ же, стр. 157.
185 Тамъ же, стр. XIII, примѣч. подъ буквой *c*. XVI – XVII
186 Карамзинъ считаетъ смерть Анастасіи за причину перемѣны въ характерѣ Грознаго. «Анастасія», говоритъ онъ, «унесла съ собою въ могилу добродѣтель Іоаннову. Здѣсь начало злу» Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 188.
187 Карамзинъ напримѣръ.
188 Исторія Госуд. Россійскаго т. VIII, пр. 382.
189 Съ ересью жидовствующихъ.
190 Митрополитъ и Елена, супруга Іоанна Младаго, были на сторонѣ еретиковъ.
191 Сказанія кн. Курбскаго стр. 42. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9.
192 Объ этомъ сочиненіи см. Полеваго Исторію Русскаго народа т. V.
193 Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома, соч. г. Соловьева, 648.
194 Сказанія кн. Курбскаго стр. 40.
195 Тамъ же, стр. 41.
196 Тамъ же, стр. 42.
197 Тамъ же, стр. 42 и 43.
198 Тамъ же, стр. 190.
199 Тамъ же, стр. 190.
200 Тамъ же, стр. 210.
201 Царственная Книга стр. 342.
202 Это видно изъ приведеннаго нами выше дѣла Ласкирева.
203 Ист. Госуд. Росс. т. VIII, пр. 393.
204 Царственная Книга стр. 346.
205 Сказанія кн. Курбскаго стр. 191.
206 Никоновская Лѣтопись, т. VII, стр. 212.
207 Тамъ же, стр. 212.
208 Сказанія кн. Курбскаго стр. 191.
209 Тамъ же, стр. 191.

210 Сказанія кн. Курб. стр. 180.
211 Тамъ же, стр. 152.
212 Тамъ же, стр. 162 и 224.
213 Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 222.
214 Сказанія кн. Курбскаго стр. 230.
215 Тамъ же, стр. 230.
216 Тамъ же, стр. 47.
217 Рукописные Разряды, принадлеж. г. Проф. В. И. Григоровичу л. 435.
218 Сказанія кн. Курбскаго стр. 47.
219 Рукописн. Разряды л. 437 и 438. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 303.
220 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9 стр. 393—398.
221 Сказанія кн. Курбскаго стр. 48.
222 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 398.
223 Сказ. кн. Курбскаго стр. 48.
224 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 398.
225 Древн. Росс. Вивліоѳика, изд. Новиковымъ, т. XX, стр. 41.
226 Рукописн. Разряды л. 471. Здѣсь говорится: «лѣта 7064, сентября 8 Царь и Великій князь послалъ воеводъ въ Казань кн. Ондрея Михайловича Курбскаго, да князя Ѳедора Ивановича Троекурова, а велѣлъ имъ ис Казани ходити воевать луговыхъ людей». «Да со княземъ же Ондреемъ казанскими людьми съ годовщики ходити Ѳедору Ивановичу Бутурлину, а изъ Свияжскаго города свіяжскими людми ходити князю Семену, княжь Иванову, сыну Гагарину».
227 Древн. Вивліоѳика, т. XIII, стр. 247.
228 Тамъ же, стр. 252.
229 Ист. Гос. Росс. т. VIII, стр. 70.
230 Historica Russiae monumenta, т. I. № CXXX.
231 Тамъ же, № CXXX. Шлиттена задержали въ Любекѣ подъ предлогомъ долга.
232 Сказанія кн. Курбскаго стр. 107.
233 Тамъ же, стр. 63 и 64.
234 Ист. Госуд. Росс. т. IX, пр. 244—252.
235 Сказанія кн. Курбскаго стр. 200.
236 Тамъ же, стр. 191.
237 Тамъ же, стр. 191.
238 Карамзинъ полагаетъ начало Ливонской войны съ 22 января 1558 г., а въ Разрядахъ, изданныхъ Новиковымъ, сказано: «лѣта $^{7066}/_{1557}$ послалъ Царь и Великій Князь на Ливонскіе Нѣмцы Царя Шигъ-Алея, да Астраханскаго Царевича Кобулу Абубекова сына». Древн. Росс. Вивл. т. XIII, стр. 269.

239 Древн. Росс. Вивліоѳика, т. XIII, стр. 270.
240 Сказанія кн. Курбскаго стр. 54—55.
241 Никон. Лѣт. т. VII, стр. 304.
242 Тамъ же, т. VII, стр. 306.
243 Никон. Лѣт. т. VIII, стр. 308.
244 Тамъ же, стр. 310.
245 Древн. Вивліоѳика, т. XIII, стр. 272.
246 Сказанія кн. Курбскаго стр. 200. Древ. Вивл. Новикова, т. XIII, стр. 272—273.
247 Сказ. кн. Курбскаго стр. 59.
248 Древн. Вивл. т. XIII, стр. 275. Сказ. кн. Курбскаго. стр. 59.
249 Сказ. кн. Курбскаго стр. 59.
250 Ист. Гос. Росс. т. VIII, стр. 170.
251 Сказ. кн. Курбскаго. стр. 60.
252 Bray: Histoire de la Livonie, t. I, p. 70.
253 Сказ. кн. Курбскаго стр. 60. 200.
254 Рукописные Разряды, л. 286—287.
255 Сказ. кн. Курбскаго стр. 200.
256 Ист. Гос. Росс. т. VIII, пр. 542.
257 Сказ. кн. Курбскаго стр. 207.
258 Лѣтописецъ Нормантскаго стр. 133—134, (въ Врем. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. т. V).
259 Тамъ же, стр. 134.
260 Сказ. кн. Курбскаго стр. 69.
261 Тамъ же, стр. 207.
262 Рукописн. Разряды, л. 310.
263 Сказ. кн. Курбскаго стр. 69—70.
264 Тамъ же, стр. 70—71.
265 Тамъ же, стр. 72.
266 Древн. Вивліоѳ. т. XIII, стр. 310.
267 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 76.
268 Древн. Вивліоѳ. т. XIII, стр. 316.
269 Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, Псковская 1-я лѣт. стр. 312.
270 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 76—77.
271 Histoire de la Livonie, t. I, p. 70.
272 Счетное мѣстническое дѣло княгини Ульяны Троекуровой съ Екатериной Бутурлиной въ Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. т. IV. Смѣсь, стр. 15. Древн. Вивліоѳ. т. XIII. стр. 325
273 Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, 1-я Псковск. Лѣт. стр. 314.
274 Древн. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 330.
275 Тамъ же, т. XIII, стр. 336.
276 Тамъ же, т. XIII, стр. 336.
277 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 192.

278 Ска. кн. Курб., стр. 192.
279 Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 8.
280 Сказ. кн. Курбскаго стр. 82.
281 Тамъ же. стр. 192.
282 Тамъ же, стр. 192.
283 Тамъ же, стр. 192.
284 Онъ думалъ бѣжать въ Англію и велъ объ этомъ переговоры съ Елисаветою.
285 Эти опасенія высказываетъ Іоаннъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи.
286 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 78—81.
287 Тамъ же, стр. 81.
288 Тамъ же, стр. 82.
289 Тамъ же, стр. 82.
290 Тамъ же, стр. 78—90.
291 Тамъ же, стр. 225.
292 Это видно изъ мѣстническихъ счетовъ.
293 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 152.
294 Tragoedia Demetrio Moscovitica стр. 6; въ иностранныхъ сочиненіяхъ и актахъ, относящихся къ Россіи, собр. Оболенскимъ, тетрадь 1.
295 Особенно гибельно подѣйствовала тридцатилѣтняя война на религіозныя убѣжденія.
296 См. вопросы Іоанна собору.
297 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс., г. III, № 9.
298 Напримѣръ въ Троицкій Сергіевъ монастырь.
299 Сказ. кн. Курбскаго. стр. 214.
300 Тамъ же, предисловіе стр. XV—XVI.
301 Тамъ же, стр. 161.
302 Тамъ же, стр. 235.
303 Ист. Гос. Росс. т. IV, стр. 142 и 149.
304 Тамъ же, т. VI, пр. 285.
305 Собр. Госуд. Грам. и дог. т. I, № 23.
306 Тамъ же т. I, № 23.
307 Тамъ же, № 27.
308 Тамъ же № 28.
309 Собр. Госуд. Грам. и Дог. № 31.
310 Тамъ же №№ 49 и 52.
311 Вовремя борьбы Димитрія Донскаго съ Олегомъ Рязанскимъ.
312 Такъ Шуйскіе служили Новгороду до самаго его паденія.
313 Лѣтописецъ Норманскаго, стр. 7.
314 Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. I, № 144.

315 Собр. Гос. Гр. и Дог. т. 1. № 103.
316 Тамъ же № 104.
317 Тамъ же № 146.
818 Тамъ же № 162.
319 Тамъ же № 162.
320 Тамъ же №№ 179 и 181.
321 Сказ. кн. Курбскаго стр. 235.
322 Тамъ же стр. 235.
323 С. Г. Г. и Д. т. I, № 162.
324 Ист. Гос. Рос. т. IV, пр. 324.
325 Сказ. кн. Курбскаго стр. 372.
326 Тамъ же стр. 152—153.
327 Тамъ же стр. 70.
328 Тамъ же стр. 70.
329 Тамъ же, стр. 193. 161.
330 Тамъ же, стр. 201.
331 Тамъ же, стр. 207.
332 Тамъ же, стр. 82.
333 Тамъ же, стр. 159.
334 Тамъ же, стр. 160.
335 Тамъ же, стр. 169.
336 Древн. Рос. Вивліоѳ. т. XV, стр. 29—72.
337 Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни т. II, стр. 143—267.
338 Тамъ же, т. II, стр. 268.
339 Тамъ же, т. II, стр. 229.
340 Тамъ же, т. II, стр. 198.
341 Тамъ же, т. II, стр. 233.
342 Тамъ же, т. I, стр. 10.
343 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 152. Ист. Госуд. Росс. т. IX. стр. 34.
344 Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 34,
345 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 212 и 160.
346 Тамъ же, стр. XV—XVI и пр. 213.
347 См. этаго сочиненья стр.
348 Служилые люди, соч. Г. Бѣляева, стр. 48. (во Времен. Имп. Общ. Ист. и Др. т. III).
349 Такъ въ битвѣ подъ Кесью недовольные распоряженіемъ царя, подчинившаго ихъ думнымъ дворянамъ, воеводы бѣжали съ поля битвы, покинувъ артиллерію и своихъ товарищей и московское войско потерпѣло страшное пораженіе отъ Литовцевъ и Нѣмцевъ. Врем. Об. Ист. и Др. Росс. т. II, стр. 48.
350 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 49.

351 Сказ. кн. Курб. стр. 374.
352 Тамъ же, стр. 161.
353 Тамъ же, стр. 50.
354 Тамъ же, стр. 78—90.
355 Эти намеки безпрестанно встрѣчаемъ мы во всѣхъ его сочиненіяхъ.
356 Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни т. I, стр. 233.
357 Историко-критическіе отрывки стр. 180.
358 Тамъ же, стр. 233.
359 Русскій Историч. Сбор., изд. Погодинымъ, т. II, стр. 2.
360 Тамъ же, т. II, стр. 270.
361 Тамъ же, т. II. стр. 74, 374, 2.
362 Тамъ же, т. V, стр. 1.
363 Ист. Госс. Рос. т. VI, стр. 213.
364 Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, Лаврентьевская лѣт. стр. 93.
365 Кенигсб. Ниторъ стр. 135.
366 Ипатьевская Лѣт. стр. 23.
367 Полн. Собр. Лѣт. т. I, Лавр. Лѣт. стр. 134.
368 Ист. Гос. Рос. т. IV, ир. 325.
369 Тамъ же, т. IV, стр. 142.
370 О мѣстничествѣ соч. Проф. Соловьева, (въ Моск. Сборн. 1847 года).
371 Ист. Гос. Рос. т. VI, стр. 58.
372 Историко-критич. отрывки, стр. 180.
373 Русск. Ист. Сб. т. II, стр. 1, ст. Иванова о мѣстничествѣ.
374 Назначенный на мѣсто (въ какой бы то ни было службѣ: или придворной, или военной, или гражданской) бояринъ справлялся съ своими *родословцами, съ разрядными памятцами*, вмѣстно или не пригоже служить ему съ такимъ-то и, если назначеніе царя находилъ неправильнымъ, немедленно подавалъ ему челобитную, требуя суда. Для выраженья этаго требованія употреблялись разные термины: бояринъ просилъ дать ему счетъ въ отечествѣ съ такимъ-то и велѣть этотъ счетъ слушать боярамъ. (Русск. Ист. Сборн. Погод. т II стр. 7), что бы онъ не былъ безчестенъ въ отечествѣ своемъ (тамъ же стр. 36), чтобы не было отъ иныхъ родовъ порухи его отечеству (тамъ же стр. 270). Принявъ челобитную, государь чрезъ царедворцевъ отдавалъ приказъ, боярамъ Разрядной избы, судить челобитчика. Дѣло начиналось тѣмъ, что челобитчикъ клалъ предъ боярами челобитную, или безъ нея могъ искать словомъ: «а будетъ учнешь на князѣ Иванѣ и безъ челобитныя словомъ искати, и мы тебя и безъ челобитныя съ князем Иваномъ судимъ„ (тамъ же стр. 4). За тѣмъ начиналось самое производство дѣла: соперники старались

утягать другъ друга слѣдующими документами: вопервыхъ, *разрядными памятями,* гдѣ помѣщались выписки изъ разрядовъ, показывашія, какія мѣста занимали на службѣ или сами соперники, или ихъ отцы, или дѣды и т. д. Во вторыхъ, *родословцами,* на которые слались, чтобы показать, что по самому радословному дереву такому-то съ такимъ-то *равнымъ быть нельзя* и служить вмѣстѣ *непригоже.* Это называлось *утягивать лѣсвицею.* Въ третьихъ *памятями или наказами царскими,* адресованными къ какому нибудь воеводѣ или чиновнику. Тотъ, чье имя въ этихъ наказахъ было написано выше имени другаго воеводы или чиновника, признавался старшимъ тѣхъ, чьи имена стояли ниже, а самымъ старшимъ считался тотъ, къ кому наказъ былъ адресованъ. Въ четвертыхъ, *счетными дѣлами родственниковъ.* Эти дѣла приводили въ доказательство своего старшинства, указывая, что по этимъ счетамъ родичи ихъ были *поставлены тому-то въ версту глазъ въ глазъ* или утягали такого—то. „Да и потому, Государь, менши быти меня, холопа твоего, Юшка Пильемова, дѣду княжь Өедорову, князю Ивану Васильевичу Лыкову мочно, что, лѣта 7077 мая въ 1 день, *дядя* мой, Юшковъ, Замятня Ивановичь Сабуровъ *утягалъ* князя Петра Семеновича Серебренова» (тамъ же стр. 107). Въ пятыхъ *лѣтописцами,* на которыхъ слались для доказательства своего старшинства; «да шлюсь, Государь, на лѣтописцы, каковы Оболенскіе съ Полевыми; вели насъ, Государь, счесть лѣтописцы» (тамъ же 113). Въ шестыхъ, *сдавались на Государевы разряды.* Это называлось и *случаемъ.* Здѣсь соперники указывали, кто изъ нихъ или изъ ихъ предковъ и какія мѣста занималъ при войскѣ. Въ доказательство своего старшинства представляли такъ же: а) государевы жалованныя грамоты, б) разводныя и в) невмѣстныя грамоты.

Счеты эти велись со стороны соперниковъ съ особеннымъ жаромъ и часто употребляли выраженія очень рѣзкія, напримѣръ: „писалъ бездѣлье чѣмъ бы отбить“ (тамъ же 313); „онъ хочетъ волочить“ (тамъ же 43), „пишетъ не зная, а говоритъ не вѣдая“ (тамъ же, стр. 314); „а хотя бы по его вражомъ и правда была“ (тамъ же 310); „глупаетъ“ (тамъ же 377); „плутаетъ“ (тамъ же стр. 310).

Споры тянулись часто очень долго. Противники прибѣгали къ разнымъ уловкамъ и продѣлкамъ, не гнушались и плутнями, напр. подскабливали грамоты (тамъ же 129) и бояре, обязанные разбирать дѣло должны были повѣрять подлинность документовъ, представленныхъ соперниками, должны были справляться съ разрядными книгами; дѣйствительно ли существовали такіе разряды, на какіе опиралисъ соискатели, повѣрять по родословнымъ при-

водимые ими въ доказательство родословцы, подыскивать государевы наказы, на которые слались противники и т. д. Часто нужно было посылать гонцевъ, даже въ отдаленныя мѣста, къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ хранились разные документы, упоминаемые тяжущимся. Иногда сами челобитчики просили, чтобы имъ дана была отсрочка до прибытія родственниковъ, безъ которыхъ они не могутъ тягаться въ отечествѣ. Такъ князь Андрей Ивановичъ Голицинъ, подавъ, въ 1582 году, челобитную о мѣстѣхъ на князя Александра Ивановича Шуйскаго, просилъ Государя, чтобы производство дѣла было пріостановлено до прибытія его дяди, говоря, что ему „безъ дяди памятей положити нельзѣ, потому что молодъ и безъ дяди тягаться не умѣетъ." Государь далъ ему срòку на 2 недѣли съ условіемъ, чтобы по истеченіи этаго срока дѣло было непремѣнно начато (тамъ же, 328). Все это, очевидно, требовало много времени, а между тѣмъ повелѣнія Государя не исполнялись, соперники не хотѣли занять мѣстъ, имъ назначенныхъ.

375 Актты Историческіе, т. I № 154.
376 Синбирскій Сборникъ, изд. Валуевымъ, т. I стр. 32.
377 Русск. Историч, Сборн. т. II, стр. 40.
378 Синбирскій Сборникъ, т. I, стр. 16 и 17.
379 Врем. Общ. Ист. и Др. Рос. т. II.
380 Синб. Сб. т. I, стр. 19.
381 Русск. Ист. Сборн. т. II, стр. 295.
382 Тамъ же т. II, стр. 62.
383 Синбирскій Сборникъ стр. 54.
384 Тамъ же, стр. 21.
385 Рукописные Разряды, л. 262.
386 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 49.
387 Тамъ же, стр. 94.
388 Тамъ же, стр. 94.
389 Тамъ же, стр. 96.
390 Тамъ же, стр. 154.
391 Тамъ же, стр. 233.
302 Тамъ же, стр. 154.
393 Тамъ же, стр. 220.
394 Тамъ же, стр. XVI.
395 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 231 и 235.
396 Котошихинъ, стр. 36.
397 См. этого сочиненія, стр. 231.
398 Ист. Гос. Росс. т. IX, пр. 107.
399 Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Вол. т. II, стр. 362.
400 Тамъ же, т. I, стр. 3, прим. 6.

401 Жизнь кн. Курб. на Литвѣ и Вол. т. II, стр. 194.
402 Тамъ же. т. II, стр. 195.
403 Stat. Litowsk. 1529, roz. I, art. XXV.
404 Stat. Lit. 1529 г., roz. I, art. III. Zbior praw Litewkich. Poznan. 405.
405 Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 39.
406 Жизнь кн. Курбск. въ Литвѣ и на Вол. т. II, стр. 194.
407 Ист. Гос. Росс. т. IX, пр. 124.
408 Жизнь кн. Курб. въ Лит. и на Вол. т. II, стр. 194.
409 Тамъ же, т. II, стр. 154.
410 Тамъ же, т. I, стр. V, прим. 13.
411 Тамъ же, т. I, стр. 58.
412 Тамъ же, т. I, стр. 245.
413 Тамъ же, т. I, прим. 14.
414 Тамъ же, т. I, стр. 199.
415 Тамъ же, т. I, стр. 10.
416 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 232.
417 Жизнь кн. Курбск. въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 1.
418 Тамъ же, т. II, стр. 230.
419 Тамъ же, т. I, стр. 9.
420 Тамъ же, т. I, стр. 12.
421 Тамъ же, т. I. стр. 16—18.
422 Тамъ же, т. II, стр. 197.
423 Тамъ же, т. I, стр. 1—13.
424 Тамъ же, т. II, стр. 196.
425 Тамъ же, т. I, стр. 3—6.
426 Тамъ же, т. I, стр. 38.
427 Тамъ же, т. I, стр. 39—45.
428 Скаканія кн. Курбскаго стр. 157.
429 Тамъ же, стр. 70.
430 Тамъ же, стр. 70.
431 Жизнь кн. Курбскаго, въ Литвѣ и на Вол. т. I, стр. 10.
432 Тамъ же, т. I, стр. 157.
433 Тамъ же, т. I, стр. 180.
434 Тамъ же, т. I, стр. 157.
435 Тамъ же, т. I, стр. 281. 158.
436 Тамъ же, т. I, стр. 160.
437 Тамъ же, т. I, стр. 160.
438 Тамъ же, т. I, стр. 70.
439 Тамъ же, т. I, стр. 154.
440 Тамъ же, т. I, стр. 184—186.
441 Тамъ же, т. I, стр. 72—73.
442 Тамъ же, т. I, стр. 52—53.

443 Жизнь кн. Курб. въ Литвѣ и Вол. т. I, стр. 72—77.
444 Тамъ же, т. II, стр. 308.
445 Тамъ же, т. II, стр. 303.
446 Тамъ же, т. II, стр. 304.
447 Тамъ же, т. I, стр. 79—82.
448 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 453—454.
449 Жизнь кн. Курбскаго въ Лит. и на Вол. т. I, стр. 107-114.
450 Тамъ же, т. I, стр. 137.
451 Тамъ же, т. I, стр. 137.
452 Тамъ же, т. I, стр. 162.
453 Тамъ же, т. I, стр. 137—139.
454 Тамъ же, т. I, стр. 123—124.
455 Тамъ же, т. I, стр. 128—136.
456 Тамъ же, т. I, стр. 163—166.
457 Тамъ же т. I, стр. 166—167.
458 Тамъ же, т. I, стр. 48—49.
459 Тамъ же, т. I, стр. 66.
460 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 261.
461 Такъ Курбскій переводилъ бесѣды Златоустаго.
462 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 9.
463 Тамъ же, стр. 43—45.
464 Тамъ же, стр. 154.
465 Тамъ же, стр. 154.
466 Тамъ же, стр. 231.
467 Тамъ же, стр. 232.
468 Тамъ же, стр. 225.
469 Тамъ же, стр. 234.
470 Жизнь кн. Курбск въ Лит. и на Вол. т. I, стр. 173—174.
471 Тамъ же, т. I, стр. 170—175.
472 Тамъ же, т. I, стр. 176—177.
473 Тамъ же, т. I, стр. 179—180.
474 Тамъ же, т. I, стр. 179—180.
475 Тамъ же, т. II, стр. 54.
476 Тамъ же, т. I. стр. 189—191.
477 Тамъ же, т. I, стр. 201—202.
478 Тамъ же, т. I, стр. 222.
479 Тамъ же, т. I, стр. 216—217.
480 Тамъ же, т. I, стр. 213—215.
481 Тамъ же, т. I, стр. 222.
482 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 455—456.
483 Жизнь кн. Курбск. въ Лит. и на Вол. т. I, стр. 203—204.
484 Тамъ же, т. I, стр. 218—220.
485 Тамъ же, т. I, стр. 221—222.

486 Тамъ же, т. I, стр. 204—213.
487 Тамъ же, т. I, стр. 223—226.
488 Тамъ же, т. I, стр. 239.
489 Бона Сфорца, дочь Іоанна Сфорца, князя Миланскаго и Изабеллы Арагонской, племянницы Альфонса II, короля Неаполитанскаго, вышла замужъ въ 1518 году, скончалась въ 1559 году въ Барѣ, городѣ Неаполитанскомъ, и была супругою Сигизмунда I, скончавшагося въ 1548 году. Мнѣніе поляковъ объ этой королевѣ выражено въ слѣдующихъ стихахъ:

Ut Parcae parcunt; ut luci lumine lucent;
Ut Bellum bellum, sic Bona bona fuit.
(Польск. Лѣт. съ 964—1764 г. стр. 103.)

490 Жизнь кн. Курбск. въ Лит. и на Вол. т. II, стр. 80—90.
491 Тамъ же, т. II, стр. 90—120.
492 Тамъ же, т. II, стр. 141—155.
493 Тамъ же, т. I, стр. 139—141.
494 Тамъ же, т. I, стр. 181—182.
495 Тамъ же, т. II, стр. 129.
496 Тамъ же, т. II, стр. 127.
497 Тамъ же, т. II, стр. 128.
498 Тамъ же, т. II, стр. 139.
499 Тамъ же, т. II. стр. 122.
500 Тамъ же т. II, стр. 124--125.
501 Тамъ же, т. II, стр. 132.
502 Тамъ же, т. II, стр. 157.
503 Тамъ же, т. II, стр. 163—180.
504 Напримѣръ Иванъ Ивановичъ Калыметъ.
505 Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Вол. т. I, стр. 230—242.
506 Тамъ же, т. I, стр. 243—245.
507 Тамъ же, т. I, стр. 151—281.
508 Тамъ же, т. I, стр. 245—247.
509 Тамъ же, т. I, стр. 256.
510 Тамъ же, т. I, стр. 258—262.
511 Тамъ же, т. I, стр. 242—251.
512 Тамъ же, т. I, стр. 172.
513 Тамъ же, т. I, стр. 305—307.
514 Тамъ же, т. I, стр. 307.
515 Тамъ же, т. II, стр. 212.
516 Тамъ же, т. I, стр. 211.
517 Тамъ же, т. II, стр. 214.
518 Тамъ же, т. II, стр. 226.

519 Жизнь кн. Курбск. въ Лит. и на Вол. т. II, стр. 216.
520 Тамъ же, т. II, стр. 233.
521 Тамъ же, т. II, стр. 23.
522 Тамъ же, т. II, стр. 291.
523 Тамъ же, т. I, стр. 294.
524 Акты Литовской Метрики, № 28, въ Сказ. кн. Курбскаго.
525 Тамъ же, №№ 24, 27, 28.
526 Тамъ же, № 32 и 29.
527 Тамъ же, № 34.
528 Тамъ же, № 35.
529 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 470.
530 Тамъ же, стр. XXVII. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1838 года, № 12, стр. 95, въ выпискѣ изъ протокола засѣданій Археологической коммиссіи напечатано: „служащій въ департаментѣ податей и сборовъ титулярный совѣтникъ Игнатій Крупскій представилъ двѣ грамоты"; въ выноскѣ къ этимъ словамъ; "сіи грамоты достались г. Крупскому по наслѣдству отъ отца, у котораго онѣ хранились въ древнемъ фамильномъ архивѣ." Слѣдовательно родъ Курбскихъ и теперь еще существуетъ. Повѣств. о Россіи, соч. Арцыб. т. III, кн. VI, стр. 465, прим. CCLXXIII.
531 У Карамзина въ его исторіи Госуд. Россійск. т. VIII и IX.
532 У Погодина въ его „Историко-критическихъ отрывкахъ".
533 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 4.
534 Тамъ же, стр. 88.
535 Тамъ же, стр. 89.
536 Акты Арх. Эксп. т. I, № 172.
537 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 87.
538 Софійскій Временникъ, изд. Строевымъ, ч. II, стр. 235.
539 Ист. Гос. Росс. т. VI, стр. 171.
540 Тамъ же, т. VI, пр. 444.
541 Соф. Врем. ч. II, стр. 257.
542 Ист. Гос. Росс. т. VI, пр. 451 и 454.
543 Степенныя книги. II, стр. 160.
544 Ист. Гос. Росс. т. VI, пр. 455.
545 Соф. Врем. ч. II. стр. 269.
546 Тамъ же, ч. II, стр. 273.
547 Софья умерла въ 1503, а Елена въ 1505. Соф. Врем. ч. II. стр. 271.
548 Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Рос. Ист. съ 852—1598 г., стр. 206.
549 S. Herbersteini R. M. C. p. 9.

550 Софійскій Врем. ч. II. стр. 283.
551 Ист. Гос. Росс. т. VII, стр. 5.
552 С. Г. Г. и Д. т. I, № 147.
553 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 87.
554 Соф. Врем. ч. II, стр. 203
555 Тамъ же, ч. II, стр. 290,
556 Тамъ же, ч. II, стр. 232.
557 Тамъ же, ч. II, стр. 238.
558 Тамъ же, ч. II, стр. 239.
559 Тамъ же, ч. II, стр. 240.
560 Тамъ же, стр. 246.
561 Москвитянинъ 1845 г., № 10.
562 Тамъ же.
563 Ист. Гос. Росс. т. VI, стр. 291.
564 Соф. Врем. ч. II, стр. 227.
565 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 4.
566 Ист. Гос. Росс. т. VII, стр. 106.
567 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 127 и 128.
568 Акты Арх. Эксп. т. I, № 172.
569 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 4.
570 Ист. Гос. Росс. т. VII, пр. 276.
571 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 5—6.
572 Вассіанъ вооружался противъ того, что монастыри имѣютъ множество отчинъ.
573 Сказ. кн. Курбскаго, пр. 5.
574 Ист. Росс. Іерархіи т. II, стр. XXVI и XXVII.
575 Herbersteini R. M. C. p. 54.
576 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 6.
577 Тамъ же, стр. 6.
578 Акты Историч. т. I, № 140.
579 Полн. Собр. Лѣт. т. III. Псковская 1 лѣтопись, стр. 304.
580 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 6—7.
581 Чт. въ О. И. и Др. г. III. № 9, стр. 246—247.
582 Тамъ же, стр. 247.
583 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 7.
584 П. С. Р. Л, 1-я Псковская Лѣт. стр. 304.
585 Чт. въ Об. Ист. и Др. Рос. г. III. № 9, стр. 252—253.
586 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 7,
587 Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 246, 252, 253, 256, 258.
588 Тамъ же, стр. 258.
589 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 7.

590 Царствен. кн. стр. 124.
591 Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 259.
592 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 8.
593 Тамъ же, стр. 8.
594 Ист. Гос. Росс. т. VIII, пр. 77.
595 Гист. о Казанск. Царствѣ гл. 28.
596 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 8—9.
597 Тамъ же, стр. 9.
598 Тамъ же, стр. 9.
599 Ист. отн. между княз. Рюр. дома, соч. г. Соловьева, стр. 634.
600 Сказ кн. Курбскаго, стр. 10.
601 Тамъ же, стр. 11.
602 Тамъ же, стр. 11.
603 Тамъ же, стр. 11—12.
604 Истор. о Казанск. Царст. гл. 28.
605 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 12 и 13.
606 Тамъ же, стр. 13.
607 Тамъ же, стр. 32.
608 Тамъ же, стр. 100.
609 Тамъ же, стр. 52.
610 Тамъ же, стр. 244.
611 Тамъ же, стр. 16.
612 Тамъ же, стр. 16.
613 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 372.
614 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 15.
615 Тамъ же, стр. 23.
616 Тамъ же, стр. 30.
617 Тамъ же, стр. 37.
618 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 368.
619 Родосл. кн. ч. I, стр. 121.
620 Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 112.
621 Сказ. кн. Курбскаго, прим. 52.
622 Тамъ же, стр. 30.
623 Тамъ же, стр 37.
624 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 369.
625 Сказ. кн. Курб., стр. 38.
626 Въ подобныхъ преступленіяхъ винили Бѣльскихъ, при Василіи III.
627 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 38.
628 Тамъ же, стр. 38.
629 Тамъ же, стр. 39.

630 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 273. Никоновская. Лѣт. т. VII, стр. 187.
631 Никон. Лѣт. т. VII, стр. 120. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. г. III, № 9, стр. 378.
632 Казань отъ Васиія-Сурска отстоитъ 260 верстъ.
633 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 39.
634 Царств. кн. стр. 338.
635 См. 1-ю главу этого сочиненія.
636 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 39—40.
637 Тамъ же, стр. 5.
638 А. А. Э. т. I, № 172.
639 Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, стр. 647.
640 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 40 и 41.
641 Тамъ же, стр. 42.
642 Тамъ же, стр. 42.
643 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 234.
644 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 43.
645 А. А. Э. т. I, № 172.
646 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 43—46.
647 Тамъ же, стр. 46—47.
648 Тамъ же, стр. 47.
649 Тамъ же, стр. 48.
650 Разряды.
651 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 398. Разряды.
652 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 430.
653 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 49.
654 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 423.
655 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 49—52.
656 Тамъ же, стр. 49—50.
657 Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. г. III, № 9, стр. 424—425.
658 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 52.
659 Тамъ же, стр. 54.
660 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 400.
661 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 57—58.
662 П. С. Р. Л. 1-я Псковская Лѣт., стр. 325.
663 Rray Histoire de lïvonie, T. II, p. 66.
664 Древн. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 274.
665 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 59.
666 Histoire de la Livonie, T. II, p. 66.
667 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 59.
668 Др. Вивл. Рос. т. XIII, стр. 235.

669 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 59.
670 Тамъ же, стр. 60.
671 Hist. de la Liv. т. II, p. 67—68.
672 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 60. (прим. подъ буквою i).
673 Hist. de la Liv. т. II, p. 67.
674 Древ. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 278.
675 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 61.
676 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 461 и 462.
677 Тамъ же, т. VIII, пр. 463.
678 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 61.
679 Тамъ же, стр. 61 и 62.
680 Др. Вивл. Рос. т. XIII, стр. 280.
681 Сказ. кн. Курбскаго, стр, 62.
682 Тамъ же, стр. 62.
683 Никон. Лѣт. т. VII, стр. 211 и 217.
684 Древ. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 291.
685 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 62—63.
686 Тамъ же, стр. 63—64.
687 Тамъ же, стр. 65—68.
688 Тамъ же, стр. 69.
689 Hist. de la Liv. т. II, p. 79.
690 Сказ. кн. Курскаго, стр. 69.
691 Древн. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 310.
692 Лѣтоп. Нормантскаго, стр. 33—36.
693 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 70—76.
694 Тамъ же, стр. 310, пр. 101.
695 Тамъ же, стр. 77.
696 Сказ, кн. Курбскаго, стр. 78.
697 Тамъ же, стр. 69.
698 См. этого сочиненія главу первую.
699 Сказ. кн. Курб. стр. 191.
700 Тамъ же, стр. 69.
701 Тамъ же, стр. 172—222.
702 Тамъ же, стр. 78—79.
703 Царств. кн. стр. 339.
704 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 82
705 Сильвестръ и Адашевъ.
706 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 79.
707 Тамъ же, стр. 191
708 Тамъ же, 79.
709 Тамъ же, стр. 80.
710 Тамъ же, стр. 192.

711 Сильвестръ и Митрополитъ Макарій, какъ извѣстно, были Новогородцы.
712 Сказан. кн. Курбскаго, стр. 192.
713 Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 45.
714 Царств. кн. стр. 342.
715 Скав. кн. Курбскаго, стр. 192.
716 Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 49.
717 Сказ. кн. Курбскаго' стр. 80—81.
718 Тамъ же, стр. 81.
719 Тамъ же, стр. 81—82.
720 Тамъ же, стр. 81.
721 Дополн. къ Ак. Ист. т. I, № 222.
722 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 81 и 83.
723 Тамъ же, стр. 84.
724 Тамъ же, стр. 84.
725 Прибавл. къ I, т. Дополн. къ Ак. Ист. № 222.
726 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 85.
727 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 491.
728 Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 352, 353, 354, 355, 356, 357 и 366,
729 Historica Russiae monumenta, т. I. Nuntii ex Polonia de rebus Moscoviticis; № CLIV. Здѣсь читаемъ: «Bielski, Mscislawski, Worodyrski, trzy byli wyszli z piadziesiat tysacy przed Moscva, bié sia z Tatary alezaraz tyl panovie-Mosewa dali.
730 Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 195.
731 Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 106.
732 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 86—87.
733 Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 188.
734 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 182—183.
735 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 115.
736 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 185 и 186.
737 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 183.
738 Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 37.
739 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 187.
740 Ак. Арх. Эксп. т I, № 238.
741 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 188.
742 Тамъ же, стр. 187—189.
743 Ист. Гос. Рос. т. VIII. пр. 380.
744 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 191.
745 Тамъ же, стр. 215.
746 Ист. Гос. Рос. пр. 201. т. VIII.
747 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 90—91.
748 Тамъ же, стр. 90 и 92.

749 Тамъ же, стр. 92.
750 Тамъ же. стр. 118.
751 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 92.
752 Тамъ же, стр. 92.
753 Moscoviae Descriptio, p. 28. Ed. Starzewsky, т. 1.
754 Сказ. кн Курбскаго стр. 92—93.
755 Древ. Росс. Вивл., т. XX, стр. 46.
756 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 93.
757 Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 46.
758 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 93.
759 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 129.
760 Тамъ же, т. VIII, стр. 175.
761 Ист. Гос. Рос. т. IX стр. 12.
762 Тамъ же, т. IX, пр. 36.
763 Ак. Арх. Экспл. т. I, № 332.
764 Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 44.
765 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 94.
766 Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 57.
767 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 428.
768 Moscoviae descriptio, p. 199. (См. сказ. кн. Курбскаго пр. 126).
769 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 94.
770 Тамъ же, стр. 420.
771 Тамъ же, стр. 94—95.
772 Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 47.
773 Эверса: Beyträge zur Kentniss der Russland. т. I, стр. 96.
774 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 432.
775 Тамъ же, стр. 95.
776 R. M. C. p. 19.
777 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 182 и 183.
778 Тамъ же, стр. 182.
779 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 125.
780 Полн. Собр. Рус. Лѣт. Псковская 1 лѣт., стр. 305.
781 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 396—397.
782 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 95.
783 Тамъ же, стр. 96.
784 Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 126—127.
785 Чт. въ Общ. Ист. и Древ. Рос. г. III, № 9, стр. 396—397.
786 Разряды л. 500.
787 Др. Рос. Вивл. т. XX, стр. 48.
788 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 96.
789 Древ. Рос. Вивл. т. XX. стр. 50.

790 Ипков. Лѣт. т. VII, стр. 211—212.
791 Родосл. кн. ч. I, стр. 87.
792 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 96.
793 Beyträge zur Kentniss der Russland. т. I, стр. 207.
794 Древн. Вивл. т. XX, стр. 49.
795 Сказ. кн, Курбскаго, пр. 135.
796 Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 126.
797 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 96.
798 Родословная кн., ч. II, стр. 411.
799 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 97.
800 Родослов. кн., ч. II, стр. 411.
801 Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 222.
802 Древн. Вивліоѳ. т. XX, стр. 102.
803 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 97.
804 Родосл. кн. т. I, стр. 59.
805 Ист. Гос. Рос. т. VIII, 85.
806 Собр. Г. Г. и Дог. т. I, № 165.
807 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр, 132.
808 Beyträge zur Kentniss der Russland. т. I. стр. 207
809 Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 50.
810 Beyträge zur Kentniss der Russland. T. 1. стр. 207.
811 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 97—98.
812 Повѣствованіе о Россіи, соч. Арцыбашева т. II, кн. IV. пр. 1890.
813 Полн. Собр. Русск. Лѣт. 3-я Новгородская Лѣт., стр. 253.
814 Арцыбашевъ: повѣств. о Рос. т. II, кн. IV. пр. 1890.
815 Beyträge zur Kentniss der Russland. т I. 213—218
816 Арцыбашевъ. т. II, кн, IV, пр. 1890.
817 Moscoviae descriptio p. 40.
818 Pauli Oderbornii p. 132.
819 Beyträge zur Kentniss der Russland. т. I. стр. 213—218.
820 Сказ. кн. Курбск. стр. 98—100.
821 Соб. Гос. Гр. и Дог. т. 1, № 189.
822 Тамъ же, т. I, № 190.
823 Тамъ же, т. I, № 196.
824 Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 353.
825 Рукоп. Разряды, л. 387—388. Сказ. Кн. Курбскаго, пр. 147.
826 Древ. Рос. Вивл. т. XX, стр. 64.
827 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 105—106.
828 Соб. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 180.
829 Древ. Рос. Вивл. т. XX, стр. 67.
830 Ак. Арх. Эксп. т. I, № 372.

831 Древн. Вивл. т. XX, стр. 46.
832 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 106.
833 Древ. Рос. Вивл. т. XX, стр. 49—50.
834 Тамъ же, т. XX, стр. 50.
835 Собр. Гос. Грам. и Дог. т. I, № 182.
836 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 106.
837 Древ. Росс. Вивл. т. XIII, стр. 255.
838 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 416.
839 Ист. Гос. Рос., т. IX, пр. 187.
840 Сказ. кн. Курбскаго; стр. 107.
841 Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 311.
842 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 107.
843 Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 101.
844 Лѣтоп. Нормантскаго, стр. 135.
845 Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 51.
846 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 108—110.
847 Древ. Вивл. т. XX, стр. 61.
848 Сказ. кн. Курбскаго, ст. 110.
849 Тамъ-же, стр. 110–111.
850 Соломонія была изъ роду Сабуровыхъ.
851 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 112—115.
852 Тамъ-же, стр. 115—116.
853 Ист. Гос. Рос. т. IV, пр. 324.
854 Родосл. кн. ч. II, стр. 403.
855 Тамъ же, ч. II, стр. 289, 323 и 404.
856 Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 180.
857 Родосл. кн. ч. II, стр. 416.
858 Тамъ же, ч. II, стр. 340.
859 Тамъ же, ч. II, стр. 422.
860 Тамъ же. ч. II, стр. 422.
861 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 107.
862 Родосл. кн. ч. II, стр. 422.
863 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 110.
864 Ист. Гос. Рос. т. IV пр. 324.
865 Сказ. кн. Курбскаго. стр. 110.
866 Русскій Историч. Сборн., т. III.
867 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 111.
868 Родосл. кн. ч. II, стр. 403.
869 Тамъ же, ч. II, стр. 403.
870 Тамъ же, ч. I, стр. 208.
871 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 111.
872 Родословн. кн. ч. II, стр. 401.

873 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 112—113.
874 Родосл. кн. т. I, стр. 213.
875 Тамъ же, т, II, стр. 414.
876 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 114.
877 Родосл. кн. т. II, стр. 237.
878 Собр. Гос. Гр. и Дог. т. 1, № 175 и 177.
879 Тамъ же, т. I, № 196.
880 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 121 и 122.
881 Жизнеописаніе Гурія, Варсонофія и Германа, соч. Елисеева стр. 31—35.
882 Тамъ же, стр. 31—35.
883 Тамъ же, стр. 40—41.
884 Соб. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 189.
885 Тамъ же, № 192.
886 Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 177.
887 Жизнь Гурія, Варсонофія и Германа, стр. 42.
888 Тамъ же, стр. 79, пр. 44.
889 Сказ кн. Курбскаго, стр. 123.
890 Moscoviae Descriptio p. 35.
891 Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 308.
892 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 123.
893 Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 87—88.
894 Тамъ же, пр. 296.
895 Тамъ же, т. IX, пр. 294.
896 Beyträge zur Kentniss der Russland, т. I. 222.
897 Moscoviae descriptio p. 34.
898 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 417.
899 Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 85.
900 Тамъ же, т. IX, стр. 13.
901 Повѣств. о Россіи, т. II, кн. IV, пр. 1891.
902 Соф. Времен. т. II, стр. 204.
903 Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 232. Лѣтописецъ Нормантскаго, стр. 38.
904 Царств. кн. стр. 101.
905 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 145.
906 Ист. Гос. Рос. т. XII, стр. 190—193.
907 Moscoviae descriptio, p. 34.
908 Повѣств. о Рос. т. II, кн. IV, пр. 1891.
909 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 123.
910 Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, Псковск. Лѣт. стр. 300.
911 Ист. Рос. Гос. т. IX, 485.
912 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 124.
913 Тамъ же, стр. 422.

914 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 290—293.
915 Тамъ же, стр. 124.
916 Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 91.
917 Тамъ же, пр. 298.
918 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 127.
919 Ист. Гос. Рос. т. VII, пр. 252. 253. 255. 259.
920 R. M. C. p. 47.
921 Ист. Гос. Рос. т. VII, пр. 257.
922 Тамъ же, т. VII, пр. 254.
923 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 233.
924 Тамъ же, пр. 206.
925 Ист. Гос. Рос. т. VII, пр. 258.
926 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 142—147.
927 Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 222.
928 Тамъ же, т. I, № 222.
929 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 151.
930 Тамъ же, стр. 230.
931 Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 222.
932 Сказ. кн. Курбскаго. стр. 152.
933 Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 222.
934 Тамъ же, т. I, № 222.
935 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 152—153.
936 Тамъ же, стр. 153—154.
937 По указу Іоанна III, отъѣзжики лишались своихъ отчинъ какъ измѣнники.
938 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 154.
939 Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 222.
940 Тамъ же, т. I, № 222.
941 Тамъ же, т. I, № 222.
942 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 154.
943 Тамъ же, стр. 155.
944 Сказ. кн. Курбскаго. пр. 218.
945 Тамъ же, стр. 157.
946 Тамъ же, стр. 158.
947 Тамъ же, стр. 207.
948 Тамъ же, стр. 159—160.
949 Тамъ же, стр. 159. 160. 169.
950 Тамъ же, стр. 159—160.
951 Тамъ же, стр. 161.
952 Тамъ же, стр. 161.
953 Тамъ же, стр. 210.
954 Тамъ же, стр. 161—162.

955 Тамъ же, стр. 168.
956 Тамъ же, стр. 163.
957 Тамъ же, стр. 167.
958 Тамъ же, стр. 163—164.
959 Тамъ же, стр. 165—166.
960 Тамъ же, стр. 167.
961 Тамъ же, стр. 168.
962 Тамъ же, стр. 168.
963 Тамъ же стр. 171—172.
964 Тамъ же, стр. 171—178.
965 Тамъ же, стр. 178.
966 Тамъ же, стр. 178.
967 Тамъ же, стр. 179.
968 Тамъ же, стр. 180.
969 Доп. къ Ак. Ист т. I, № 222.
970 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 180.
971 Напримѣръ Мстиславскій.
972 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 180—181.
973 Лѣт. Нормантскаго, стр. 30.
974 Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 37—44.
975 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 182.
976 Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. г. III, № 9, стр. 230—233.
977 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 182.
678 Лѣт. Нормантскаго, стр. 34.
979 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 182.
980 Ист. о Казанскомъ Царствѣ гл. 28.
981 Акты Ист. т. I, № 140.
982 Сказанія кн. Курбскаго стр. 182—183.
983 Тамъ же, стр. 183—184.
984 Тамъ же, стр. 6—7.
985 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 182.
986 Сказанія кн. Курбскаго стр 184.
987 Тамъ же, стр 185.
988 Тамъ же, пр. 258
989 Никон. Лѣт. т. VII, стр. 42.
990 Сказ. кн. Курбскаго, стр. 187.
991 Древн. Рос. Вивліоѳ. т. XX, стр. 40.
992 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 321.
993 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 184.
994 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 188.
995 Тамъ же, стр. 187.
996 Царств. кн., стр. 342.

997 «Служилые люди» соч. г. Бѣляева, стр. 34.
998. Сказ. кн. Курб. стр. 189.
999 Рус. Ист. Сб. т. II, стр. 65—66.
1000 Сказанія кн. Курбскаго, стр. 190.
1001 Тамъ же, стр. 199.
1002 Тамъ же, стр. 190.
1003 Тамъ же, стр. 190—191.
1004 Тамъ же, стр. 200—207.
1005 Тамъ же, стр. 194—195.
1006 Тамъ же, стр. 195.
1007 Тамъ же, стр. 210—212.
1008 Тамъ же, стр. 212—214.
1009 Тамъ же, стр. 214—219.
1010 Тамъ же, стр. 219—221.
1011 Тамъ же, стр. 222—226.
1012 Тамъ же, стр. 227—246.
1013 Тамъ же, стр. 246—250.
1014 Жизнь кн. Курб. въ Лит. и на Вол. т. II, стр. 303—313.

